

Укротить

Сердце

АВА ХАНТЕР

РАНЧО "БЕГЛЕЦ". КНИГА ПЕРВАЯ
STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS | K.SCOTT | T.COLE

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Автор: Ава Хантер

Название: «Укротить сердце»

Серия: «Ранчо «Беглец»». Книга первая.

Перевод: Julia Ju

Редактура: Ленчик Кулажско

Вычитка: Ленчик Кулажско

Обложка: Ленчик Кулажско

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Аннотация:

Для меня никогда не было проблемой оберегать свое сердце. Пока он не спас меня в драке в баре.

Чарли Монтгомери — сварливый владелец ранчо. Мозолистые руки, упрямое сердце — определение настоящего ковбоя.

Я не понравилась ему с первой же нашей встречи. Он говорит мне держаться подальше от его крошечного городка в штате Монтана. Но он не знает, что у меня есть список желаний и секрет. Я ни за что не уеду. Я просто буду держаться на расстоянии.

Только в маленьком городке расстояние быстро сокращается. Потому что я в долгу перед ним — я поработаю на него три месяца и помогу спасти его ранчо «Беглец».

Но, находясь так близко к нему, я вижу, что скрывается за всем этим. Я вижу настоящего Чарли Монтгомери. Человека, скрывающегося за суровым владельцем ранчо, который кричит. Под его темной бородой скрывается искренняя улыбка. В его груди шириной в милю — нежное сердце. Которое медленно начинает биться для меня.

И вместо того, чтобы вернуться к своим планам, я бегу навстречу Чарли. Но меня подстерегает скрытая опасность. Кто-то, кто не хочет, чтобы Чарли спас свое ранчо.

Кто-то, кто хочет погубить нас обоих. И этим летом я могу потерять не только свое сердце — я могу потерять свою жизнь...

Пролог

Руби

Сердца, цветы и солнечный свет — одни из моих любимых вещей.

Мое сердце особенно. Оно дикое, необычное и замечательное, и в данный момент бьющееся со скоростью около 180 ударов в минуту.

Может, это из-за машины, которую занесло, а может, потому что это моя норма. Скорее всего, и то, и другое. Видимо, дни рождения предназначены для того, чтобы преподнести множество потрясающих и безумных сюрпризов одновременно.

Крепко вцепившись в руль, я зажимаю глаза, когда звук визга шин по скользкой от дождя дороге эхом отдается в моей голове. Снова и снова, как на карусели, мой желудок подкатывает к горлу. *Мое* сердце стучит так, что кажется, будто в ушах гремят выстрелы. Наконец передняя часть моего солнечного фольксвагена-жука со страшным звуком врывается в телефонный столб.

Мои глаза распахиваются, когда в квартале отключается электричество.

Я задыхаюсь, замечая, что остановилась в двух шагах от «Букетов Блума», цветочного магазина с белыми ставнями, которым владеют мой отец и брат.

О, нет. Нет, нет, нет.

Они больше никогда не выпустят меня из дома.

Будь осторожна — вот что сказал мне сегодня папа, когда я уходила. Его вечное напутствие — *будь осторожна, будь в безопасности*, никогда — повеселись.

Мой старший брат Макс называет это *чрезмерной предусмотрительностью*. Я называю это *чрезмерной заботой*.

Нуждаясь в кислороде, спасательном круге, аварийном люке — потому что через пять секунд сюда сбежится весь Кармел, штат Индиана, — я открываю дверь и падаю на мокрый асфальт. Я глотаю влажный воздух и осматриваю повреждения. Помятое крыло. Дымящийся капот. Клубничный молочный коктейль расплескался по всей приборной панели, и я стону, потому что очень хотела этот коктейль. Тем не менее, дождь, падающий с неба, такой приятный, что я бы отдала все, чтобы растянуться в позе снежного ангела и послушать его нежный мотив.

Не проходит и пяти секунд, как входная дверь цветочного магазина с грохотом распахивается. Оттуда выбегают папа и старший брат с встревоженными лицами. У отца в руках секатор, а это значит, что я застала его за тем, что он называет «милым общением» с дикими розами.

Черт. Они ни за что не поверят, что дело не в моем сердце.

Все всегда вертится вокруг моего сердца.

И как может быть иначе?

Я кошусь на кусты справа от меня и ловлю исчезающий кончик пушистого рыжего хвоста.

Я счастливо улыбаюсь. Хотя что-то хорошее.

— Руби!

Внезапно мой брат и отец оказываются на коленях рядом со мной, их руки повсюду, как будто никто не читал им лекций о личном пространстве.

— Руби Джейн, ты в порядке? — произносит Тед Блум таким голосом, что у меня внутри все сжимается. Всегда один и тот же печальный тон. Всегда мое второе имя. Как напоминание о моей матери.

Я прислоняюсь спиной к машине и откидываю с глаз прядь волос.

— Я в порядке, папа, — говорю я с сияющей улыбкой. Заставлять отца волноваться — все равно что вонзать топор в мое сердце. Я всегда стремлюсь заверить его, что со мной все в порядке. — Даже царапины нет.

Отец обнимает меня за плечи.

— Больница.

Я качаю головой, вглядываясь в его суровое лицо.

— Больше никаких больниц. — Я встречаюсь с его усталыми глазами. — Я не ранена. Я клянусь.

Голубые глаза Макса прищуриваются, словно он думает, что я лгу.

— У тебя было трепетание?

Трепетание — это название, которое мы используем для моих приступов. Всякий раз, когда мой пульс подскакивает, тело наполняется адреналином, что приводит к потере сознания. В этом году у меня был только один случай трепетания. Я еще не в оранжевой зоне, пока не теряю сознание за рулем или в душе.

Я бью его по руке.

— Нет, придурок.

— Тогда что случилось?

— Я пыталась объехать белку.

Макс выглядит шокированным. И рассерженным.

— Господи, Рубс. — Он говорит так, будто не сбивать беспомощных животных — это плохо.

Здрав голову, я снова пытаюсь найти пушистый рыжий хвост. Черный дым застилает небо.

Я приподнимаю бровь, впечатленная. Это самое яркое событие за всю мою жизнь.

— О, Боже, моя машина горит, да, Макс?

— Машина? Ты беспокоишься о гребаной машине? Ты могла умереть! — Макс шипит сквозь зубы, и его слова складываются в идеальный тетрис, чтобы обрести смысл.

Я могла умереть. Сегодня.

— Ха, — говорю я громко. — И правда могла. Это действительно отстой.

Мой брат смотрит на меня, как на сумасшедшую. Мой отец выглядит так, будто у него вот-вот разорвется аневризма, потому что я вижу, как на его виске пульсирует классическая вена Блума. Меня спасает старая миссис Хестер, которая выходит из здания американского легиона и спрашивает его, почему ее лилейники всегда так быстро погибают. Мгновенно завязывается дискуссия.

Если бы у меня был телефон, я бы воспользовалась им и попыталась успокоить ссору с помощью эмодзи со знаком мира. Но я едва слышу, о чем они говорят, за шумом собирающейся толпы, жалующейся на отключение электричества.

В этот момент я поднимаю глаза и замечаю белку на дереве, которая щебечет с другой белкой. Без предупреждения горячие слезы наворачиваются на глаза.

Это глупейшая мысль, но она потрясает меня.

Даже у белки жизнь насыщенней, чем у меня. У нее есть лучший друг или, можно сказать, вторая половинка.

У нее есть то, чего нет у меня.

И снова слова Макса звучат в моих ушах — *ты могла умереть*.

Я могла умереть.

И в этом нет ничего нового.

Я могла встретить своего создателя сегодня, и чем бы я похвасталась? Что бы я написала в своем дневнике благодарности?

Что я, Руби Блум, благодарна за свою распланированную жизнь? Что безграничная опека моих отца и брата — постоянный спутник моего существования? Что мои любимые слова: *Запланировано. Упорядочено. Безопасно. Овощи. Овсянка. Больница. Лекарства. Потеря сознания*. Что, хотя я работаю в роскошном туристическом агентстве, занимаюсь социальными сетями и контент-маркетингом не выходя из своей спальни, я никогда не выезжала за пределы Индианы. Что у меня был секс только раз в жизни с мужчиной,

который когда кончал, издавал звук, похожий на рев карбюратора, и которого я напугала до полусмерти, потеряв сознание, когда все закончилось.

Может, все мужчины так звучат, но не похоже, что это был хороший секс. Со мной никто не флиртовал. Я никогда не испытывала оргазма. Никогда не была влюблена.

Я моргаю. Это как неожиданный удар по лицу. *Что-если.*

Что, если у меня осталось всего два хороших года? Что, если я умру, так и не пожив?

Что, если я всю жизнь проживу без любви? Без хорошего секса?

Мое сердце, соглашаясь со мной, колотится так, будто хочет вырваться из груди.

Я закрываю глаза и представляю, как мое сердце покидает мое тело. Куда оно отправится? Что оно будет делать?

Я так долго считала себя счастливой, а на самом деле была лишь счастливо несчастной.

Я провела всю свою жизнь тихо и безопасно ради своего отца, но правильные вещи кажутся сейчас такими... неправильными. Такими грустными. Такими скучными.

Этот мир прекрасен, а я наблюдаю, как жизнь проходит мимо меня.

Я издаю сдавленный писк. Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание, как при панической атаке.

И тут меня осеняет.

Это не я боюсь смерти. Мои близкие боятся.

— Руби? — раздается голос Макса.

— Сегодня мой день рождения, — говорю я Макс.

— Да, Руби. — Его голос звучит обеспокоенно. — Я знаю. У нас внутри торт, который тает.

Это я таю.

Мне слишком жарко, я потею, а дождь все льет и льет. Отец разговаривает по телефону, и теперь я слышу звук машины скорой помощи, отчего мне хочется свернуться калачиком и... ну, не умереть, конечно, потому что это я уже пыталась сегодня сделать. Скорее, погрузиться в пучину изнурительного отчаяния своего существования, потому что единственное, чего я хочу, — чтобы меня оставили в покое.

Позволили мне жить.

— Ты в порядке? — спрашивает Макс. — Рубс?

В ответ я отталкиваюсь от машины и ложусь на мокрый асфальт. Я раскидываю руки. Камешек впивается мне в плечо, а майский дождь просачивается сквозь платье, пробирая до костей.

Я прикладываю два пальца к шее. Я живу с СВТ¹ достаточно долго, чтобы понимать свое сердцебиение. И мой учащенный пульс звучит как...

Время еще есть. Время еще есть. У меня еще есть время.

— Черт. — Макс нависает надо мной, запустив руки в свои лохматые светлые волосы, словно готов вырвать их все. Я вижу яркую голубизну его глаз, таких же, как у меня, таких же, как у нашей матери. — Где болит?

Я смотрю на белку, сидящую на дереве надо мной. Солнце светит ярче. Интенсивнее. В моей голове звучит панический голос брата. Краем глаза я вижу, как мои волосы цвета яркого клубничного блонда смешиваются с дождевой водой и медленно становятся грязно-рыже-коричневыми.

Мое сердце ускоряет свой ритм.

Я прижимаю ладонь к груди и вздыхаю.

— Везде.

¹ Суправентрикулярная тахикардия (СВТ) — это обобщающий термин для обозначения учащенного сердечного ритма, возникающего в верхней части сердца.

Глава 1

Руби МЕСЯЦ СПУСТЯ

Пора позвонить брату и подтвердить, что я жива.

Я паркую свой новый Бьюик Скайларк у бензоколонки и пересекаю пыльную парковку «Gas 'N Go», чтобы добраться до единственного телефона-автомата, который сохранился в округе с семидесятых годов прошлого века. Хотя у меня есть мобильный телефон, использование телефона-автомата придает реальности моему путешествию.

Я отработала свою последнюю смену в «У Риты», сонном мексиканском ресторанчике в центре Уинслоу, штат Аризона. Это была банальная работа официантки, но чаевые были хорошими, а нагрузка минимальной. Я сохранила свою удаленную работу в туристическом агентстве, управляя их аккаунтом в социальных сетях, но мне нравится работать в таких местах. Всем нужна рука помощи, и если я могу стать этим человеком, я сделаю это. Забегаловки и бары — это легкая подработка, которая позволяет мне двигаться дальше, когда я этого захочу.

И поверьте мне, я двигаюсь дальше.

Через неделю после моего происшествия с белкой, я в последний раз посетила своего кардиолога, а затем покинула Индиану. За последний месяц я видела и делала то, чего никогда не пробовала раньше. В Чарльстоне я сделала крошечную татуировку в виде линии ЭКГ на внутренней стороне безымянного пальца. Танцевала во второй линии в Новом Орлеане. Я видела дома на сваях в Галвестоне и ела лучший пирог в своей жизни в Ки-Уэсте.

Впервые за двадцать шесть лет жизни на этой земле я чувствую себя живой.

Как будто я заделала дыру внутри себя, о существовании которой и не подозревала.

Я жадная, безумная и влюбленная в эту жизнь. И я хочу увидеть больше. Увидеть все. Хочу рисковать.

Иногда — и я ни за что не скажу об этом Макс — мне не хочется возвращаться домой.

Я хочу бежать дальше и никогда не останавливаться.

Когда я опускаю монету в автомат, мужчина в потрепанных джинсах «Wrangler» приподнимает свою пыльную ковбойскую шляпу, проходя мимо меня. Его загорелое лицо изборождено морщинами, придающими ему мудрость и магнетическую привлекательность.

Очарованная, я улыбаюсь ему и машу рукой. Затем я зажимаю под мышкой купленную на заправке карту, беру телефонную трубку и набираю номер, который знаю наизусть.

Макс отвечает с укоризной:

— Возвращайся.

Я вздыхаю, улыбаясь тому, как он чертовски старается меня очаровать.

— Никогда.

— Где ты?

— Ты же знаешь, я не могу тебе этого сказать. Суперсекретное дело сестры.

Не то чтобы у моего отца или брата были какие-то юридические полномочия, если они меня разыщут. Я взрослый человек в здравом уме и твердой памяти, но у них есть удивительная способность заставлять меня чувствовать себя виноватой за то, что я не возвращаюсь домой, поэтому я буду держать свое местонахождение в секрете.

Пока меня нет, мои отец и брат могут вернуться к своей жизни. Им больше не нужно беспокоиться обо мне, не нужно парить надо мной со своей заботой. Они руководствуются благими намерениями и хотят защитить меня, но, оказавшись вдали от них, я словно сбросила с себя тяжелый груз. Я могу жить.

И они тоже.

Макс испускает многострадальный вздох. Я закрываю глаза и упираюсь лбом в стекло.

Я не могу победить. В любом случае, я не могу победить. Я причиняю им боль, когда я рядом, и я причиняю им боль, когда меня нет.

Тень беспокойства появляется в его голосе.

— Я переживаю за тебя.

Мои глаза распахиваются, и я спешу успокоить его.

— Не надо. У меня есть перцовый баллончик. И у меня не было приступов с января, ты же знаешь. Я принимаю все лекарства, и еженедельно связываюсь со своим врачом. Видишь? Я в полном порядке. — Я смотрю, как по парковке проезжает великолепный черный Кадиллак. — Я не планирую пускаться во все тяжкие. Я просто хочу жить, Макс.

И будь прокляты последствия.

— А если ты будешь одна и что-то случится?

— Я найду горячего ковбоя, который сделает мне искусственное дыхание.

— Совершенно не смешно.

Я представляю, как Макс угрюмо хмурится. Он волнуется, но ему не следует. Я уже знаю, какие сигналы подает мне мое тело, когда оно близко к отключению. Я сильно потею. Учащенное сердцебиение и одышка сопровождаются пульсирующими ощущениями в шее и груди. Чтобы не упасть в обморок, мне приходится соблюдать правила. Легкий алкоголь, легкий кофеин, легкие физические нагрузки.

Сильный стресс, переутомление, физическая нагрузка — в лучшем случае я упаду в обморок.

В худшем случае у меня остановится сердце.

— Кем ты работаешь?

— Официанткой.

— Хорошо, но не перетруждайся, чтобы твое сердце не отказало.

Я закатываю глаза. Смерть не пугает меня так, как моего отца и брата. Злость на свое сердце и состояние никогда не помогала мне в жизни.

С тех пор как мне поставили диагноз, мне говорили, что я не могу делать то или это. Нельзя кататься на велосипедах с соседскими детьми. Мне пришлось отказаться от занятий танцами, которые я так любила. А все потому, что мои папа и брат беспокоились о том, что *может произойти*. Неважно, что они не знали, повлияет ли это на меня. Они просто предполагали, что это может случиться, и ради моего здоровья оберегали меня. Я провела свою жизнь, не зная, на что способна. Не зная, кто я такая.

Но теперь моя судьба в моих руках. Мой выбор. Мои «что-если».

На самом деле, я скорее сама разорву свою жизнь на части, чем буду жить в страхе, что кто-то или что-то отнимет ее у меня.

Так же как у меня есть правила для моего сердца, у меня есть правила для моей новой жизни. Список дел, записанный в моем дневнике, который я постоянно пополняю. Пока Макс перечисляет все негативные моменты моей поездки, я записываю на пыльном стекле телефонной будки каждое счастливое событие, которое я планирую пережить во время своего путешествия по стране.

Список дел Руби Блум (сделай это!):

1. Сделать татуировку.

2. Заняться сексом. Хорошим сексом.

3. Не спать всю ночь и встретить рассвет.

4. Увидеть калифорнийский закат.

5. Искупаться в Тихом океане.

Скажи «да».

Скажите «да» всему, потому что так долго другие говорили тебе «нет».

Кроме любви.

Я временная. Я не могу позволить кому-то любить меня. Я видела, к чему это привело моих отца и мать.

Я осторожно провожу пальцем по изящному браслету-манжете из серебра и опалов на моем запястье — самой дорогой вещи, которая досталась мне от моей матери. Она сделала его

сама, украсив опалами, которые выглядят как небо, океан и песок на концах. Серебро обработала молотком так, чтобы оно приобрело состаренный вид. Это было в те времена, она была красивой голодающей художницей в Малибу, за лето до того, как она встретила моего отца и влюбилась в него и его пурпурные розы.

Рычание Макса прерывает мои грезы наяву.

— Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Я показываю язык своему отражению.

— Это моя жизнь, Макс. Не отнимай ее у меня.

— Черт возьми, Рубс. — В его голосе звучит отчаяние. — Я не пытаюсь этого сделать. Я пытаюсь уберечь тебя. Чтобы ты была рядом.

— Я буду рядом, — говорю я, несмотря на то, что мои легкие сжимаются. — Ты еще возненавидишь меня, когда я вернусь в город, готовая надрать твою костлявую задницу.

Он ухмыляется.

— Как долго, по-твоему, ты будешь отсутствовать?

— А что? Скучаешь по мне? — спрашиваю я, наблюдая, как человек в ковбойской шляпе выходит из «Gas 'n Go» с ледяной бутылкой кока-колы. Он подходит к колонке и, сделав большой глоток, заливает неэтилированный бензин в свой лоурайдер².

— Нет, черт возьми. Но я ненавижу эту твою работу.

Когда пять лет назад я окончила колледж по специальности «маркетинг», я завела аккаунт в социальных сетях для малого бизнеса моей семьи. С двух подписчиков я подняла его до пяти тысяч.

На другом конце провода я слышу стук клавиатуры.

— Я не знаю, как ты это делаешь. Все жалуются на что-то, а это всего лишь гребаные цветы.

— Это не просто цветы, Макс. — Я мгновенно улыбаюсь. Цветы безопасны. Они нежные. Но они колются, если их раздражают. — Это светлые стороны.

У всего есть светлая сторона. Даже с моим состоянием, даже когда мудаки в социальных сетях строчат дерьмовые комментарии, всегда можно все исправить. Ты всегда можешь это пережить.

— Вот тебе совет, Макс. Не корми троллей. И улыбайся.

Живи своей жизнью. Сходи на свидание с девушкой. Займись хорошим сексом.

— Я не улыбаюсь, — ворчит он. Затем, смирившись, он спрашивает: — Что было твоим подсолнухом в этой поездке?

Наша давняя игра приводит меня в восторг.

— Хм... — Я решаю не рассказывать ему о том, что каталась на механическом быке в Нэшвилле. — Я видела тритона на крокодиловой ферме и в контактном зоопарке. Это было невероятно и пугающе во всех лучших смыслах.

— Да ну? — В его голосе звучит улыбка. — И где же это было?

Я смеюсь.

— Хорошая попытка. Я вешаю трубку. Я люблю тебя. Передай папе, что его я тоже люблю.

С удовлетворенным вздохом я раскидываю руки в стороны и подставляю лицо солнцу, упиваясь его теплыми лучами. Я люблю юго-запад. Люблю безжалостное солнце, пыль, пальмы, уходящие в голубое небо, и дающие мне понять, что я жива. Я люблю носить майки и шлепанцы и чувствовать себя полуголой, дикой и свободной. Этот суровый край предназначен не для всех, но я провела здесь неделю и выжила.

Что дальше?

Пляж или горы. Но как выбрать?

Мне приходит в голову идея.

² Тип автомобиля с минимальным клиренсом (дорожным просветом), способным раскачиваться и подпрыгивать на подвеске

— Извините, — говорю я, подбегая к мистеру «ковбойская шляпа», чтобы перехватить у него пустую бутылку из-под шипучки. — Могу я взять ее, если вы закончили?

Он моргает и приподнимает край своей ковбойской шляпы, чтобы лучше меня разглядеть.

— Это мусор, сеньорита.

— Да, но он мне нужен.

Он с недоумением смотрит на меня, протягивая пустую бутылку. Подпрыгивая от радости, я иду к своей машине и расстилаю карту на разогретом солнцем капоте. Я кладу бутылку на нее. И начинаю вращать.

Это не игра, но жизнь, к которой я могу не относиться слишком серьезно, похожа на нее. Я могу путешествовать, надеяться и мечтать.

Наблюдая за тем, как горлышко стеклянной бутылки вращается по кругу, я задумываюсь о судьбе.

Тебе доступно многое, постоянно напоминал мне отец. Просто следи за своими триггерами. Вы же не хотите потерять сознание на беговой дорожке? Предупреждал доктор Ли. *Ты сумасшедшая, раз делаешь это,* сказал бы мне Макс. *У тебя может быть хорошая жизнь, несмотря на сердце, или плохая из-за него,* говорила моя тетя Джонни. *Так что выбирай, крошка.*

Я выбираю хорошую жизнь.

Я выбираю *свою* жизнь.

Все эти маленькие белые таблетки в моей сумочке, эта потрепанная карта, мой двадцатидолларовый сарафан, этот прекрасный список желаний. Все это приведет меня к какому-то дикому, удивительному приключению, которое я пока не могу себе представить.

Бутылка останавливается.

Она указывает на север. Ее горлышко указывает на штат, из-за которого у меня внутри все пробуждается.

Мое сердце трепещет, знакомое ощущение надежды зарождается в моей душе.

Монтана. Горы.

Мистер «ковбойская шляпа» подходит, его глаза искрятся смехом, вокруг них собираются морщинки. Он протягивает мне солнцезащитные очки.

— Они понадобятся тебе, *сеньорита*, чтобы немного развлечься.

Я встречаю его улыбающийся взгляд, и теплые слезы благодарности наполняют мои глаза. Дешевые пластиковые очки с бензоколонки еще никогда не выглядели такими красивыми. Я прижимаю их к сердцу.

— Спасибо.

Он кивает.

Я сажусь в машину и делаю глубокий, медленный вдох. Моя мама однажды сказала, за много лет до своей смерти, после того как все предупреждали ее не рожать последнего ребенка: *«Чти свое сердце, пока не станешь им.»*

Что ж, мое сердце открыто новому.

И я намерена этим воспользоваться.

Глава 2

Чарли

Шлепанцы. На них чертовы шлепанцы.

Я смотрю на туристов, светлоглазых сестер-блондинок, которые хихикают в углу лоджа ранчо «Беглец», выбирая трости из железной подставки для зонтов. Местный плотник выстругал прутья из гладкого дерева и придал головке каждой трости форму пушистого лесного существа.

Девушки снова хихикают.

Христос. Их крошечные шорты и тонкие майки совершенно не подходят для похода. Я отмечаю отсутствие бутылок с водой или фляг и поеживаюсь. Они умрут там, на тропках.

Это настоящее ранчо, а не место чертова гламурного отдыха.

Я чуть не взрываюсь, когда они копаются в ведре с охлажденным «PBR»³, которое мы оставляем для наших гостей. Отлично. Они напьются и свалятся в гребаный водопад.

Я закрываю глаза и выдыхаю через нос.

Что за чертов бардак. Прошла неделя с тех пор, как ранчо открылось для посетителей, а у нас уже всюду разгуливают гости.

Я внимательно прислушиваюсь к их разговору, улавливая «Плачущий ручей» и «горячих ковбоев».

Девушки выбирают трость и направляются к задней двери.

Я тянусь к рации на бедре.

— Колтон.

— Как дела, босс? Чем могу помочь?

Я потираю бровь. Колтон — новичок, только что закончивший среднюю школу, который приехал на ранчо в начале лета в поисках работы. Мы наняли его сразу же. Молодой и жаждущий угодить, он с энергией и энтузиазмом берется за любую работу по всему ранчо, которую никто не хочет делать.

— Не называй меня боссом. — Если кто и заслуживает этого звания, так это Дэвис, мой старший властный брат. — Слушай, у нас тут два новичка, которые отправляются к Плачущему ручью в шлепанцах.

Колтон хихикает.

— Я присмотрю за ними.

— Спасибо. — Через некоторое время я добавляю: — И следи, чтобы они не пили чертово пиво.

— Хорошо, Чарли.

— Позвони мне, если что-нибудь понадобится.

— Понял тебя.

Я переключаю рацию на четвертый канал и убираю ее в кобуру.

Проходя через большой зал, я машу рукой Тине, нашему менеджеру по работе с гостями. Она сидит за стойкой регистрации, ее темно-каштановые кудри покачиваются, пока она болтает с группой из восьми человек об их бронировании. Я поднимаю подбородок, глядя на небольшую группу туристов, фотографирующих люстру из оленьих рогов, которая висит при входе в лодж.

Лодж⁴ — или главный дом, как мы его называем, — занимает площадь 5000 квадратных футов и оформлен в деревенском стиле. Это самая яркая часть ранчо, воплощающая дух Дикого Запада с винтажными картинами родео, потолками с высокими балками и роскошными кожаными диванами. Большой зал — это центральная часть лоджа, где гости отдыхают или устраивают мероприятия. С одной стороны находится бар

³ Pabst Blue Ribbon — американская пивоваренная компания, выпускает пиво с аналогичным названием

⁴ Гостиница, оформленная в этно-стиле, часто расположенная в национальном заповеднике и вписанная в природу

«М» с высокими стульями из воловьей кожи и лучшим в округе местным самогоном. Напротив — вход в столовую, салун и сувенирный магазин. Но лодж был бы неполным без гигантских окон, из которых открывается вид на густые сосновые леса и осиновые рощи.

Я провожу рукой по своей бороде, наблюдая за тем, как прибывают гости. Летний сезон — это туристы. Не самая моя любимая часть жизни на ранчо, но это заработок. Я предпочитаю тишину осени.

Одиночество.

Сайлас Крейг, наш шеф-повар, появляется из кухни, когда я подхожу к входным дверям.

— Привет, Чарли.

Я киваю.

— Что у нас сегодня в меню, шеф? — Мы подаем все блюда в столовой по принципу шведского стола, за исключением прощального ужина у костра.

— Тушеная говядина. Кукурузный хлеб. C'mores⁵. Люди любят это дерьмо. — Он проводит татуированной рукой по передней части фартука, и на его лице появляется кривая усмешка. — Завезти тебе немного вечером?

— Спасибо, — говорю я ему. Наличие собственного шеф-повара имеет свои преимущества. Три месяца в году готовить не нужно.

Хорошие люди. Все они. Каждый сезон наша команда справляется со всеми задачами, которые ставит перед ними ранчо, неважно, простыми или сложными. От обслуживания гостей до перегонки скота — после пяти лет работы на ранчо занято десять процентов жителей нашего маленького городка.

Все еще злясь на девушек в шлепанцах, я захлопываю входную дверь и сбегая по ступенькам, едва не сбив котенка, который пробирается в кусты рядом с лоджем. Глубоко дыша, я стою и любуюсь суровыми пейзажами Монтаны.

Голубое небо, нарушающее все законы природы. Зазубренные горные вершины, покорить которые осмеливаются самые отважные. Послеполуденное июньское солнце падает на меня под таким идеальным углом, что даже пыльная ковбойская шляпа не может укрыть от его яростных лучей. Лето в Монтане — это кусочек рая.

Наша собственность расположена у подножия Луговой горы, и с двух сторон окружена густым национальным лесом. Вдалеке над входом на ранчо висит изготовленный на заказ металлический знак ранчо «Беглец». 17 000 акров нетронутой дикой природы.

Когда-то я называл Джорджию своим домом, но не теперь.

Воскрешение, штат Монтана, — вот мой дом. И, черт возьми, мне это нравится.

Под сапогами хрустит гравий, я иду по территории, мысленно отмечая то, что нужно исправить. Сломанный столб забора. Заросшие сорняки. Я поднимаю с земли плоскогубцы и бросаю их на клумбу, чтобы забрать позже.

Для меня эта жизнь — как община. Я стараюсь, чтобы наши сотрудники и гости чувствовали себя как одна семья. Инспектирую ранчо. Работаю от восхода до заката. Перегоняю скот. Объезжаю лошадей.

Ранчо, лошади и родео — это у меня в крови. Я родился и вырос среди этого; мои родители управляли одной из самых успешных коневодческих ферм и тренировочных центров в Соединенных Штатах. Десять лет назад я выступал на родео вместе со своим младшим братом Уайеттом.

В двадцать четыре года у меня было все.

Женщина, которую я любил, титулы, призовые деньги, уверенность в будущем.

Пока все не рухнуло.

Смерть моей невесты перевернула мою жизнь и уничтожила меня изнутри.

Я делал все что мог, чтобы избавиться от воспоминаний о Мэгги. Я слишком много пил. Проклинал Бога. Пытался продать всех чертовых лошадей, которыми владел, пока отец не отговорил меня. Примерно через полгода после ее смерти я понял, что не могу оставаться в Диком сердце. На каждом углу меня преследовали воспоминания о ней. Ручей, где мы

⁵ Традиционный американский десерт. Он состоит из расплавленного маршмэллоу и шоколада, сложенных между двумя «грэм-крекерами»

целовались до восхода солнца. Наша семейная арена для родео, где она погибла. Если я увижу еще одну грустную улыбку ее мамы в продуктовом магазине или найду в своем грузовике еще одну ее завязку для волос, я брошусь с моста на Джексон-стрит.

Мне нужны были новые воспоминания. Мне нужно было новое место.

Мне нужно было как-то переставлять ноги по этой проклятой разбитой земле, которой стала моя жизнь, иначе я развалился бы на части.

Так что я был потерян.

А потом я нашел Воскрешение.

Повинуясь внезапному порыву, я купил ранчо.

Но я понял, что это не особенно помогло. Первые пять лет я, спотыкаясь, брел по жизни без нее. Я был ходячей душевной болью с дурной привычкой к «Jim Beam»⁶. Я не могу описать, как сильно я скучал по ней. Как отчаянно я хотел услышать ее голос, коснуться ее кожи, поймать ту копну рыжих волос, которая была ее визитной карточкой и моим спасением.

В конце концов мои братья, подхваченные ветром, присоединились ко мне.

Первым был Уайетт. Не прошло и двух недель, как он уже ломился в мою дверь.

— Ты не справишься один, — сказал он и остался.

Через год к нам присоединился Форд, а еще через год — наш брат Дэвис.

Это была идея Дэвиса — превратить этот запущенный участок земли в действующее ранчо.

— Послушай, — сказал он в своей жесткой, бесцеремонной военной манере. — Ты можешь хандрить до конца своей чертовой жизни, но остальные должны зарабатывать на жизнь.

Так мы и поступили.

Ранчо «Беглец», мои братья и Воскрешение спасли меня.

Иногда я до сих пор злюсь из-за этого.

Низкое жужжание радиации пререзает тишину, и я тянусь к ней.

— Чарли? — Глубокий голос Дэвиса потрескивает в динамиках. — Ты здесь?

— Да, я, блядь, здесь, — отвечаю я с вызовом.

— Где твоя задница?

Я смотрю, как семья из пяти человек в ковбойских шляпах визжит и показывает на изумрудно-зеленое пастбище для лошадей. От этого звука у меня мурашки бегут по коже, и я стискиваю зубы, чувствуя, как в моих костях нарастает раздражение.

— Здесь слишком много людей.

— Нам нужны люди, — рывкает Дэвис в ответ. — Они оплачивают наши счета, помнишь? Это ты решил купить гребаное ранчо.

Я потираю лоб, недовольный этим напоминанием.

— К тому же скоро здесь может никого не остаться.

Я хмурюсь. — О чем ты говоришь?

— Тащи свою задницу в «Дерьмовый ящик», и я тебе расскажу.

Господи. Что теперь?

— Уайетт, Форд, — говорит Дэвис, прежде чем раздастся очередной треск на радиоканале, которым пользуемся мы с братом. — Тащите свои задницы сюда.

Изменив курс, я сворачиваю направо и направляюсь к «Дерьмовому ящику» — крошечному дому из гофрированного металла, который мы используем в качестве офиса. Поскольку он расположен в центре ранчо рядом с лоджем, это позволяет нам вести офисную работу, наблюдая за проходящими и уходящими.

Когда я вхожу в большую дверь, похожую на гаражную, спасительница Дэвиса, бельгийская овчарка Кина, разрывающая коробку в углу комнаты, резко поворачивается, а затем лает на мое появление. Погладив ее, я подхожу к Дэвису, сидящему за компьютером в его стандартной одежде — обтягивающей футболке военно-морского

⁶ Американская марка бурбона (виски)

флота США, синих джинсах и сапогах. На экране — видео, поставленное на паузу. Судя по тому, как напряжены его широкие плечи, он находится в состоянии боевой готовности.

В свои тридцать пять лет Дэвис настолько противоположен своему близнецу Форду, насколько это вообще возможно. Как внешне, так и по характеру. Высокий и мускулистый, мускулистый, Дэвис, ветеран морской пехоты, спокойный и собранный, умеет говорить без обиняков и брать на себя ответственность, с решительным взглядом темно-карих глаз.

Будучи совладельцем ранчо «Беглец» и начальником службы безопасности, а также возглавляя поисково-спасательное отделение Монтаны в округе Каскады, Дэвис следит за безопасностью ранчо. Любой, кто попытается пройти мимо моего старшего брата, просто безрассуден.

Дэвис, не отрывая взгляда от экрана компьютера, говорит:

— Ты слышал, что наша сестра вот-вот родит?

— Ты позвал меня сюда для этого? Обсудить Эмми Лу? — Наша младшая сестра беременна двойней и родит со дня на день.

Я стряхиваю с себя охватившее меня беспокойство, сосредоточившись на том, что заставило меня застрять в помещении, когда я мог бы работать на ранчо. После смерти Мэгги я боролся с тем, чтобы не быть слишком заботливым ублюдком по отношению к своей семье. Это чувство, что все может пойти не так, как надо, и я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить это.

— Нет. Как только Уай и Форд придут, я все объясню. — На его виске пульсирует вена.

— Система безопасности не работает. Весь день пытаюсь ее восстановить. Новая уже в пути.

— Он отталкивается от стола и смотрит на меня. — Больше и лучше.

Я вздыхаю. Это не удивительно. Система безопасности ранчо была дерьмовой с тех пор, как мы сюда приехали. Но мы все вместе решили, что камеры будут только в лодже, конюшне и на воротах. Пугать постояльцев или вторгаться в их личную жизнь камерами, направленными на хижины, казалось чем-то неправильным. А ограждать территорию забором под напряжением — это вообще бред.

Мои зубы скрежещут друг о друга, когда я сижу на краю стола и осматриваю пространство. Офис выглядит так, будто в нем взорвалась бомба. Неоплаченные счета разбросаны по столам. Заказы на поставку нацарапаны неразборчивыми каракулями, из-за которых их будет сложно оформить. Коробка с патронами стоит слишком близко к обогревателю. На одной стене маленькой комнаты висит доска для дартса, используемая для разрешения споров и разделения обязанностей, которые никто не хочет выполнять.

— У кого проблемы? — спрашиваю я, внимательно наблюдая за Дэвисом. Обычно мой старший брат — определение спокойствия. Но я был рядом с ним всю жизнь и знаю, когда он злится. У него в челюсти классический тик Монтгомери, который все выдает. — Форд или Уайетт?

— Почему не ты? — спрашивает он.

Прежде чем я успеваю ответить, а не показать ему средний палец, Уайетт вбегает в открытую дверь.

— Привет, хуесосы, — говорит он, радостно приветствуя нас. Он с ног до головы покрыт пылью, так, как только что вернулся с родео в Калгари.

Уайетт в свои тридцать два года на два года моложе меня. Хотя все Монтгомери широкоплечие и практически одного роста, мы с Уайеттом похожи друг на друга больше, чем близнецы. Та же кривая ухмылка, те же голубые глаза. Двукратный чемпион мира по скачкам на необъезженных лошадях, Уайетт работает на ранчо неполный рабочий день, тренируя ковбоев в межсезонье.

Дэвис внимательно осматривает Уайетта.

— Что-нибудь сломал?

Я фыркаю. Если бы сломанные кости или ушибленные части тела беспокоили Уайетта, он бы уже давно перестал ездить верхом.

— Только мой последний рекорд.

Я закатываю глаза. *Самоуверенный ублюдок.*

Уайетт смотрит на меня и присвистывает.

— Боже правый, Чарли, ты выглядишь как загнанная лошадь. Ты не отдыхал с тех пор, как я уехал?

Защищаясь, я скрещиваю руки на груди и ворчу.

— Мне не нужен перерыв. — Я борюсь с желанием вспомнить, когда я в последний раз покидал ранчо ради развлечения, а не для того, чтобы съездить в город за продуктами.

Уайетт опускается на стул и закидывает свои грязные сапоги на стол.

— Может, покончим с делами и расслабимся?

Мой младший брат ненавидит любые деловые разговоры. Он предпочитает ездить верхом или устраивать потасовки, но что касается меня, то именно в этом я преуспел. Несмотря на то, что в душе я — ковбой, в свободное от родео время я получил степень по бизнесу. В процессе заключения контрактов с поставщиками и управления расходами это пригодилось мне больше раз, чем я могу сосчитать.

— Убери свои гребаные сапоги со стола, — рычу я на Уайетта, подталкивая к нему кипу бумаг. — И разберись с этим дерьмом.

— Чарли прав, — рывкает Дэвис.

— Засранцы. Вы оба. — С ворчанием Уайетт опускает ноги на землю и складывает бумаги в аккуратную стопку.

Секунду спустя входит Форд, руки у него в автомобильном масле.

Он берет стул, разворачивает его и садится рядом с письменным столом.

— Вызывал? — обращается он к Дэвису.

Дэвис выглядит раздраженным, и я прячу ухмылку. Злить Дэвиса всегда приятно, а Форд, его брат-близнец, умеет нажимать на кнопки Дэвиса лучше всех.

Форд, ушедший в отставку профессиональный бейсбольный питчер команды «Феникс Ренегадс», имеет такое же худощавое телосложение, как и Уайетт. Тот же адреналиновый наркоман. В мире не так много людей, которые любят свою работу, но Форд именно такой. Когда мы даем ему выходной, чтобы он сходил на рыбалку или прогулялся верхом, он приходит в ярость.

Единственный брат, которого не хватает на ранчо, — Грейди, самый младший ребенок в семье. Он на шесть лет младше меня и прошлым летом уехал в Нэшвилл, чтобы попытаться пробиться в музыкальной индустрии с небольшой помощью нашего шурина и басиста группы «Brothers Kincaid» Джейса Тейлора.

— Хорошо, — говорит Дэвис, резко кивая. — Все здесь.

Они, блядь, точно здесь.

Десять долгих лет прошло, а я так и не смог от них избавиться.

Если бы не мои братья, я бы продолжал сходить с ума.

Один за другим они приезжали, чтобы собрать мою жалкую задницу в кучу. И, черт возьми, я испытываю за это чувство вины.

Они отказались от своих жизней, чтобы восстановить мою. И теперь они застряли здесь.

Иногда мне кажется, что я все испортил.

Иногда я думаю, не лучше ли нам избавиться от ранчо, чтобы они все могли вернуться к своей собственной гребаной жизни.

— Готовы? — Резкий голос Дэвиса разносится по всему «Дерьмовому ящику», когда он открывает YouTube. — Держите свои шляпы.

Дэвис нажимает кнопку воспроизведения. Через несколько секунд начинается видео, и я подхожу ближе к монитору. На экране появляется Форд, который руководит нашими мероприятиями и экскурсиями на свежем воздухе, с группой гостей на одной из его ежедневных прогулок верхом. Его неторопливые инструкции рассекают утренний воздух, когда он показывает, как забраться на лошадь на примере своего мерина Ифуса.

— О, черт! — Форд оживает. — Это было вчера.

Дэвис бросает на своего близнеца сухой взгляд.

— И ты не видишь здесь ничего плохого?

Выражение лица Форда — это определение растерянности.

Мой желудок сжимается. Черт. Это плохо.

Платиновая блондинка на видео, одетая в черные шорты и белое поло, дергает лошадь за удила, когда пытается сесть на нее и терпит неудачу. Незвестный гость, снимающий видео, смеется.

Форд, сверкнув своей обычной очаровательной улыбкой и демонстрируя полный рот белых зубов, с важным видом подходит к ней.

— Послушайте, мэм, раз уж у вас возникли проблемы, не позволите ли вы помочь...

— Я знаю, как это делается, сэр. — В ее тоне сквозит высокомерие. — Я ездила верхом всю свою жизнь.

У Форда сводит челюсти, но он сохраняет непринужденную позу, наблюдая, как она ставит ногу в стремя. В этот момент Ифус шарахается в сторону.

На долгую секунду женщина зависает в воздухе, с визгом пытаясь ухватиться за рог седла. Затем, что было действительно чертовски глупой идеей, она хлещет лошадь поводьями. Сильно.

Уайетт потрясенно вздыхает.

Я вторю ему. Любой, кто понимает лошадей и любит их так, как мы, знает, что это гребаный смертный грех. Она не помогает лошади сосредоточиться, а причиняет ей боль.

Женщина пытается подтянуться к Ифусу, терпит неудачу и с грохотом падает на землю. Ифус убегает.

И тут Форд на видео начинает смеяться.

Форд в «Дерьмовом ящике» тоже смеется. Они с Уайеттом разражаются диким хохотом.

— Черт возьми, — ворчит Форд, хлопая себя по колену. — Во второй раз еще смешнее.

Я уже собираюсь спросить Дэвиса, какого хрена он так разволновался, как вдруг Форд на видео смотрит на женщину в луже грязи и рявкает:

— Давай, дамочка. Поднимай свою отбитую задницу и поехали.

Гости ахают. Женщина плачет. Форд стоит, скрестив руки, и смотрит на нее с нетерпением и весельем.

Дэвис ставит видео на паузу.

Я ругаюсь под нос, прежде чем медленно повернуться и посмотреть на Форда.

— Ты сказал ей, чтобы она *подняла свою отбитую задницу*?

— Это действующее ранчо, братишка. — Форд пристально смотрит на меня, словно провоцируя поспорить с ним. У нас всего год разницы, но они с Дэвисом не уступают друг другу, когда хотят вывести меня из себя. — Это не глэмпинг⁷. Наши гости не получают солнце и радуугу. Они получают ковбоев, грязь и пыль, и, если им это не нравится, они могут вернуться в Нью-Йорк, Лос-Анджелес или еще куда-нибудь, откуда они, черт возьми, приехали.

— Она не пострадала, — говорит Уайетт, переведя обеспокоенный взгляд на меня. — Они все подписали контракт. Они не могут подать на нас в суд.

— Не могут, — вмешивается Дэвис. — Но это выложено в TikTok. Видео становится вирусным в социальных сетях.

Я хмурюсь.

— Что за хрень — тик-так?

Уайетт хмыкает.

— TikTok. Социальная сеть, чувак. Дорога в будущее.

После нескольких щелчков мышью на компьютере Дэвис открывает новую страницу в браузере.

TikTok.

— Вот... — Он показывает нам аккаунт автора сообщения. *Lassomamav76*. — Прочитайте эти чертовы комментарии.

Все 2483.

Мы все читаем.

#boycottRunawayRanch

Ваш крах неминуем.

Спасибо, что показали нам свое истинное лицо. ОТСТОЙ!

⁷ Понятие «глэмпинг» образовано от слов *glamorous* и *camping*. То есть глэмпинг — это вид кемпинга, объединяющий в себе комфорт гостиничного номера с возможностью отдыха на природе.

#cancelcowboys

Абсолютно отвратительно думать, что вы можете так обращаться с людьми!!!

Гнев захлестывает меня, когда я читаю поток сообщений. Все это мне совершенно чуждо. Технологии не стоят моего времени, не тогда, когда у меня есть ранчо, которым я должен управлять, и животные, о которых нужно заботиться. Мне плевать на людей, которые раздувают из мухи слона, не заботясь о том, кому они причиняют боль, и не желая узнать мнение обеих сторон истории. Сплетни — вот все, что их волнует. Месть. Клавиатурные воины с гребаными палками в задницах.

Форд проводит рукой по своим темно-каштановым волосам, которые завиваются за ушами и на затылке.

— Гребаные, мать их, Карен⁸, — бормочет он.

— Черт. Уайетт отшатывается от комментариев, словно они достали до него через экран компьютера и ударили по лицу. — Они хотят, чтобы люди бойкотировали ранчо. Вот ублюдки.

Дэвис дергает подбородком в сторону постов.

— Мы должны были с самого начала заниматься этим дерьмом в социальных сетях.

Я потираю висок в ответ на резкое замечание. Мой старший брат всегда выступает в роли слегка разочаровывающего голоса разума.

— Я поговорил с Тиной. — Хриловатый голос Дэвиса серьезен. — У нас уже четыре отмены.

У меня звенит в ушах от внезапной серьезности его слов, и я поднимаю глаза к небу.

Черт, это последнее, что нам нужно.

Это наша первая неделя. Мы не добились успеха, но мы выживаем. Каждый год мы вкладываем кровь, пот и деньги в нашу землю и наших животных, а теперь одна обиженная женщина собирается сжечь все это дотла.

Мысль о том, что я могу потерять гостей, уважение, деньги, уничтожает меня.

Я бросаю последний взгляд на видео и выключаю монитор.

Чертовы социальные сети.

Дэвис прищуривается на Форда.

— Я сейчас не в восторге от тебя, придурок.

Форд открывает рот, но Уайетт поднимается со стула, несомненно, готовый пресечь спор. Хотя мой младший брат всегда готов влезть в неприятности, он же их и заканчивает.

— Давайте, вы все. Надо выпить.

Я провожу рукой по бороде, в голове уже проносится список проблем, которые нужно решить.

Уайетт поднимает палец.

— Я знаю этот взгляд. Ты от меня не отвяжешься. Сегодня вечер пятницы, чувак. — Он поворачивается в сторону Форда и усмехается. — Ты можешь в это поверить? Тусуется только со своими лошадьми, когда у него есть три отличных брата.

Я покорно вздыхаю, когда Форд хлопает меня по плечу и выталкивает на улицу. Кина преданно следует за Дэвисом. Мои братья не отстанут, так что, похоже, мне придется уступить.

Я встречаю нетерпеливый взгляд Уайетта и киваю.

— Мы едем в «Пустое место»?

Уайетт хмыкает.

— Мы едем в «Пустое место».

⁸ Сленговый термин, используемый для описания чересчур требовательной и конфликтной белой женщины. Типичным примером поведения «Карен» является требование «позвать начальника» при минимальном конфликте с обслуживающим персоналом. Она представляет себя в роли жертвы, в то время как на самом деле является агрессором.

Глава 3

Чарли

Вена на моем виске пульсирует от раздражения, когда официантка с грохотом ставит на наш столик бокалы с холодным пивом. Из музыкального автомата звучит кантри, сопровождаемое нестройным хором мужских голосов, в углу расположились члены мотоклуба, опрокидывающие шот за шотом.

Приехать в «Пустое место» было плохим решением. К этому времени все в нашем маленьком городке уже посмотрели видео. К счастью для нас, они на нашей стороне. К несчастью для меня, каждый хочет высказать свое мнение и дать мудрый совет.

Скут, наш местный выживальщик⁹, наклоняется ко мне с видом, словно ему известны все тайны вселенной.

— Я тебе говорю, я тебе говорю, я тебе говорю, Чарли, чувак, ты должен проверять этих людей. Они хотят доставить неприятности, так что ты должен подготовиться. Отбирай у них телефоны при регистрации. Введи комендантский час. Говорю тебе, мужик, панические комнаты.

— Вот как? — Дэвис ухмыляется, на его губах пивная пена. — Дай Чарли еще совет. Думаю, он не все понял.

Я бросаю на старшего брата свирепый взгляд, и прежде, чем успеваю сказать ему, чтобы он предложил свое гребаное решение проблемы, Уайетт возвращается к столу с порцией выпивки.

Биф, грузный бармен с бритой головой и длинной черной бородой, опирается на барную стойку. Он размахивает бутылкой водки, как битой.

— Уайетт, видишь это? — Он показывает на меловую доску, висящую на стене рядом с фотографией Клинта Иствуда с автографом. На ней красным мелом угрожающе написано: ДНИ БЕЗ ДРАК — 50. Именно столько времени Уайетт провел на родео. — Я предупреждаю тебя — если ты сорвешь мою серию, я сам надеру тебе задницу.

Это закон нашей земли. Буйная и жестокая жизнь. Каждые выходные мы пьем. Мы деремся. Мы делаем это снова и снова. И будем делать до самой смерти.

Здесь, в Воскрешении, Дикий Запад все еще жив.

Шумный и грубоватый, расположенный в конце Главной улицы в старом здании, где раньше была аптека, «Пустое место» — это бар для местных. Последняя остановка перед тем, как попасть в ад. Если вы хотите выпить в безопасном и спокойном месте, отправляйтесь в «Шпору», которая находится в историческом отеле «Баттерворт».

Чужим здесь не рады.

Это я знаю по собственному опыту. Когда мы с братьями переехали сюда, нас не встретили с распростертыми объятиями. Теперь, десять лет спустя, мы заплатили по счетам и стали местными, насколько это возможно.

— Сегодня никаких драк. — Взяв на себя роль местного вышибалы, Дэвис тыкает пальцем в Уайетта, а затем переводит его на меня. — Тебя это тоже касается.

Мы с Уайеттом обмениваемся ухмылками. Хотя Уайетт первым начинает драку, я всегда поддерживаю своего младшего брата. Поэтому Форду и Дэвису ничего не остается, как присоединиться к нам. Не то чтобы Дэвис очень уж старался. Его ворчливая задница обычно выглядит незаинтересованно, размахивая кулаком.

— У нас и так достаточно проблем из-за этого видео, — добавляет Форд.

Уайетт вздергивает бровь.

— Похоже, это *твоя* вина, Форд.

Форд хмурится от этого напоминания. Это последнее, что нужно моему старшему брату. Еще больше плохой прессы. Еще одно видео, которое будет его преследовать.

⁹ Человек, который готов или стремится быть готовым к происшествиям, стихийным бедствиям и т.д.

— Мы все в дерьме из-за этого гребаного ранчо. — Дэвис проводит рукой по своим темным волосам и потирает плечо, которым он поймал пулю в морской пехоте. Ранение, которое сделало его непригодным к службе и отправило прямиком в Воскрешение моей жалкой задницей.

— Болит? — спрашиваю я тихо.

— Не слишком. — Дэвис скрещивает руки, не позволяя даже тени эмоций скользнуть по его лицу.

— Я сказал это не один раз и скажу снова, — говорит Уайетт. — Что хорошего в том, что тебя подстрелили, если ты не можешь об этом рассказать?

Дэвис хмурится из-за нескончаемого любопытства Уайетта по поводу его ранения. Наш брат никогда не рассказывал нам о том, через что ему пришлось пройти в бою. Дэвис не делится ни с кем из нас.

— Выпей это, — настаивает Форд, глядя на близнеца карими глазами. Он протягивает Дэвису рюмку текилы. — Лучшее лекарство.

Дэвис хмыкает и берет рюмку.

Я чувствую, как они общаются на своем тайном языке близнецов.

Уайетт опрокидывает свою.

— Я хорошо себя вел целых два чертовых месяца, — ворчит он. Может, он и тусовщик по жизни, но, когда дело доходит до родео, он берет себя в руки. Это единственная вещь в его жизни, которая заставляет его быть собранным.

— Я не обещаю, что буду святым. Потому что, если братья Вулфингтоны покажут свои уродливые морды, я вышибу им зубы. — В глазах Уайетта вспыхивает гнев. — Я знаю, что моя лошадь находится на их чертовой территории.

Мы с Дэвисом издаем один и тот же многострадальный вздох.

Братья Вулфингтоны стали бичом нашего существования с тех пор, как мы переехали в Воскрешение. Они злятся, что Стид Макгроу продал свою землю мальчишке из Южной Джорджии, в то время как местные жители рвались ее заполучить. В отместку они украли у Уайетта лошадь, которая стоит небольшое состояние, и так и не вернули ее. Так что мы ввязались в семейную вражду, которая, если Уайетт добьется своего, продлится дольше, чем у Хэтфилдов и Маккоев.

Форд в отчаянии стонет.

— Да забудь ты об этой лошади, Уай.

Уайетт не обращает на него внимания и потирает руки в диком ликовании.

— Это будет моя двадцатая драка в баре, чувак.

— Разве ты не слышал? — растягивает слова знакомый хриплый голос. — У Уайетта сейчас новые настройки под названием «Неандерталец».

Раздраженное выражение появляется на лице Уайетта, когда к столу подходит Фэллон Макгроу. Вздорная и ядовитая, Фэллон — дикий ребенок, дочь бывшего профессионального тореадора Стида Макгроу.

— Лучше, чем твои. — Он загибает пальцы. — Безудержный хаос. Ад на колесах. Разжигатель дерьма последней степени. Пятая категория су...

Дэвис стучит кулаком по столу, всегда являясь барометром морали.

— Заткнись, придурок.

Фэллон, выглядящая довольной комплиментом Уайетта, ухмыляется.

— Пытаешься очаровать меня сладкими речами, Уайетт? Уже? — Уголок ее рта приподнимается. — Лучше продолжай делать то, в чем ты преуспел.

Уайетт сухо усмехается, но я замечаю, как сжимается его челюсть.

Хотя Фэллон и Уайетт выступают на родео в разных дивизионах, на протяжении многих лет они ведут идиотское соперничество за первое место. В большинстве случаев они вцепляются друг другу в глотку, но Уайетту нужно проверить голову, если он думает, что одурачит кого-нибудь своим «я ее терпеть не могу».

Форд ухмыляется, приветствуя Фэллон. Мы знаем ее уже десять лет, и она — та самая младшая сестра, которую мы так любим дразнить.

— Бандитка вернулась в город.

— Приехала сегодня, вместе с Уайеттом. — Она показывает средний палец, обернутый белой марлей. — Только палец сломала.

— Лучший палец, который можно сломать, — комментирую я.

— В следующий раз я дам лошади морковку, и ты сломаешь себе шею, — говорит Уайетт, скрещая руки и опускаясь на свое место.

— У меня еще четыре жизни, детка, — язвит Фэллон.

Форд вскидывает бровь.

— А что случилось с первыми пятью?

— Не лезь не в свое дело, черт возьми.

— Задаешь один простой вопрос, и она впадает в ярость, — бормочет Форд.

Фэллон обходит стол, словно прикидывая, кого из нас зацепить, а потом пристраивается рядом со мной. Я чувствую, как взгляд Уайетта устремляется к ней.

— Папа хочет поговорить с тобой завтра, Чарли.

Я шумно выдыхаю воздух через ноздри, желая оказаться где угодно, только не здесь. День становится все лучше и лучше.

Фэллон хихикает и кладет руку мне на плечо. Ее яркие татуировки могли бы осветить весь бар.

— Расслабься. Дело не в этом видео. Хотя... — Она прищуривается и переводит взгляд.

— Форд, тебе не мешало бы поучиться хорошим манерам.

Форд хмыкает и делает жест, как будто дрожит.

— Где Сид будет завтра? — спрашиваю я. — В магазине или в больнице?

В зеленых глазах Фэллон мелькает тень.

— В больнице. — Она поднимает руку, машет рукой, насколько позволяет сломанный палец, и уходит в сторону музыкального автомата. — Увидимся, засранцы.

— Господи. — Уайетт вздрагивает, его взгляд устремлен на Фэллон, которая присоединяется к кругу девушек, нажимающих на кнопки музыкального автомата. Я фыркаю, глядя ему в глаза. — Она как женская реинкарнация Джорджа Джонса.

— Как ты думаешь, чего хочет Сид? — Форд поднимает руку, чтобы заказать еще шоты. Я хмыкаю.

— Не уверен. Выясним завтра.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спрашивает Дэвис.

— Нет, — отвечаю я, не желая, чтобы он волновался. Мои братья и так достаточно сделали. — Я справлюсь.

Моя работа. Мое ранчо. Я справлюсь.

— Итак, кого сегодня трахнет Чарли? — Веселый голос Уайетта отвлекает меня от размышлений.

Я поднимаю глаза от своего пива и вижу, как мой брат шевелит бровями в сторону женщин в баре.

— Никого, — ворчу я, оглядывая бар. Все девушки здесь — местные, за прикосновение к которым придется платить. Слишком много драмы, слишком много забот.

Хотя я уже чертовски давно не трахался. Года два, не меньше.

Сейчас, после долгих часов работы на ранчо, все, на что у меня хватает сил, — это поработать руками и принять холодный душ.

Долгое время потеря Мэгги была похожа на хроническую боль. С годами она превратилась в оцепенение, с которым я смирился. Стала моей рутиной. Я никогда не думал о том, чтобы жить дальше, не потому что не могу, а потому что не хочу.

С тех пор как умерла Мэгги, мое сердце оставалось незатронутым. Член, конечно, но любовь? Я не ишу ее.

Потому что я не хочу любить еще одного человека, которого могу потерять.

Не хочу снова распасться на части.

У меня есть братья, о которых я должен беспокоиться.

Семья — это все, что имеет значение.

Я стону, когда Уайетт продолжает свою тираду о сексе, который «нужен Чарли».

— Не волнуйся. Я уже присмотрел для тебя парочку, Чарли.

Я делаю глоток пива, несмотря на то, что мне не особо хочется.

— Я слишком старый, я столько не выпью.

Форд откидывается на стуле и смеется во весь голос.

— Ты имеешь в виду, что ты слишком ворчливый.

— А разве у тебя завтра не выходной? — уточняет Дэвис.

Желая заткнуть их всех, я бросаю на Уайетта грозный взгляд, чтобы закрепить свой статус старшего брата.

— Ты — болтун. Разве ты не встречаешься с Шиной Вулфингтон?

Уайетт проводит рукой по своим лохматым светло-каштановым волосам и переводит взгляд на Фэллон, которая находится в другом конце бара, и не слышала моих слов.

— Чувак. Заткнись, нахрен.

— Придурок, — бормочу я.

Какофония в баре усиливается. Парни из хора выкрикивают непристойности и сражаются в шаффлборд. Через окно я наблюдаю, как небо темнеет, когда солнце опускается за горизонт.

В этот момент происходят сразу три вещи.

Первая. Музыкальный автомат начинает играть. Мерл Хаггард подпевает припеву. Фэллон ругается и бьет по автомату кулаком.

Вторая. Лайонел и Клайд Вулфингтоны заходят в бар.

Уайетт встает со стула. Из-за барной стойки Биф выкрикивает предупреждение, тыча пальцем в вывеску, у которой больше нет ни единого шанса.

Третья. Входная дверь снова распахивается, и в бар проникает солнечный свет.

Я моргаю. Не солнечный свет. Девушка.

Она маленькая и хрупкая, в ярко-желтом сарафане, который плотно облегает ее стройные бедра. Большие голубые глаза. Пухлые губы. Тонкие, эльфийские черты лица. Густые шелковистые волосы цвета розового золота спускаются до плеч. В руках она держит картонную табличку «Требуется помощь», которую Биф повесил давным-давно, после того как его повар напал на него с консервным ножом.

В мгновение ока атмосфера в баре меняется. Хотя посетители не останавливаются и не прекращают разговоров, все взгляды устремлены на девушку. Нарушительница, незнакомка в Воскрешении.

Словно кто-то уронил полевой цветок на гравийную дорогу.

— Однозначно «нет», — объявляет Форд, низко наклоняясь к столу, чтобы проследить за ней.

Он переводит обеспокоенный взгляд на Дэвиса, который тут же подбирается. Уайетт, не обращая внимания на происходящее, подшучивает над Лайонелом.

Я провожу рукой по волосам, затем по бороде. У меня пересыхает во рту. *Черт, я завис. Обернись.*

Но она не оборачивается.

Все, что я могу делать, — это смотреть, как девушка пересекает бар, прокладывая себе путь через толпу, и в ее глазах нет никаких опасений. Она выглядит спокойной и собранной — плечи назад, лицо ничего не выражает — как будто она проходит через ад каждый день своей жизни и ей наплевать.

— Смело. — Дэвис кажется впечатленным.

Форд поднимает бровь.

— Смело — это точно.

Уайетт, осознав, что он один занят Вулфингтонами, поднимает глаза и осматривается. Его взгляд останавливается на девушке, и он присвистывает.

— Кто эта диснеевская принцесса?

Я хмурюсь, уже раздраженный.

Этой девчонке нечего здесь делать. В нашем городе. В нашем баре. Она может пострадать.

И все же я не могу не пялиться на нее, мой взгляд притягивают ее длинные загорелые ноги, розовые губы, похожие на бутон розы, крутой изгиб бедра. Проще говоря, она совершенно сногшибательна.

Она практически проскакивает мимо нашего столика. Но я успеваю уловить запах ее духов. Господи, неужели она так пахнет? Как клубника? И какая же она маленькая? Как бы это ощущалось, если бы я обнял ее? Она едва ли достанет до моего плеча?

Господи. Соберись, Чарли.

Даже Дэвис, хоть он и джентльмен, умудряется повернуть голову ей вслед. Я держусь за стол. Все, что я могу сделать, чтобы не схватить его за голову и не повернуть ее в исходное положение.

Что, черт возьми, со мной происходит? Мне нужно перепихнуться, а то я снова превращаюсь в какого-то озабоченного, собственнического подростка.

Теперь девушка у бара пытается привлечь внимание Бифа. Он рычит на нее, глядя злобным, как у гремучей змеи, взглядом, но она не сдается, ее розовый рот шевелится. Ее руки дрожат, когда она поднимает объявление. Что она здесь делает? Понятно, что ей нужна работа, но почему, черт возьми, она в Воскрешении?

Когда она пытается пробиться через бар, направляясь к Бифу, ее постоянно толкает шумная толпа. Я стараюсь отвести глаза, не смотреть, как морщится ее лицо, как она потирает грудь, как краснеют ее щеки.

Ей страшно. Теперь она напугана.

Кодекс ковбоя требует помочь ей.

Помочь выбраться, а потом заставить ее уйти.

— Черт.

Опережая Дэвиса, я отодвигаю стул. Громко.

Кто-то должен спасти голубоглазую диснеевскую принцессу, пока этот бар не сожрал ее заживо.

Глава 4

Руби

Как только я чувствую запах несвежего пива и слышу музыку в стиле кантри, я понимаю, что попала в рай.

Воскрешение, штат Монтана.

Одно только название вызывает в воображении образы крутых ковбоев, стреляющих друг в друга прямо на улицах, и девушек с шелковыми подвязками, наблюдающими за ними с балкона и надеющимися на дикую ночь.

Судя по внешнему виду этого бара, здесь мало что изменилось с тех времен. Байкеры в кожаных жилетах, девушки с татуировками у музыкального автомата. Суровый, пыльный, и именно тот тип впечатлений, который я хочу получить.

Я выбрала Воскрешение из-за названия. Наверняка основатели хотели, чтобы оно вселяло мрак и ужас в сердца жителей, но в меня оно вселяет надежду. Как и цветы, вещи умирают, но продолжают жить. Главная улица очаровала меня своими маленькими бутиками, историческими зданиями и атмосферой Дикого Запада. И горы. Они представляют собой самый изрезанный образец безмятежности, который я когда-либо видела.

Знакомство с городом не может произойти так быстро, как я хочу. Мне не терпится сделать этот город своим, хотя бы на короткое время.

Но это будет завтра.

Завтра я намерена найти врача, пополнить запасы лекарств и снять жилье. Сегодня вечером я ищу работу.

Я снова пытаюсь привлечь внимание бармена. Он открывает пиво и с угрюмым видом смешивает виски с колой.

— Простите, сэр? — Встав на цыпочки, чтобы лучше видеть, я размахиваю картонкой с объявлением. — Мистер... э-э-э...

— Биф. — Его голос звучит раздраженно.

— Биф. Конечно. — Я вдыхаю. — У меня тут объявление, в котором написано, что вы ищете людей на работу, и я хотела бы узнать, не могли бы... — Биф уходит к длинной очереди в баре, оставляя меня в растерянности.

Придурок. Я постукиваю ногой, обдумывая варианты.

Я на этом свете не для того, чтобы передо мной захлопывали двери.

Я здесь для того, чтобы открывать их.

Даже в этом захудалом баре посреди Монтаны.

Протискиваясь к Бифу, получая удары локтями в живот и ребра, я замечаю свое отражение в старом зеркале с трещинами, висящем за барной стойкой.

Я вздрагиваю.

Мои светлые волосы в беспорядке. Когда я ехала из Денвера в Монтану, я опустила окна, и ветер растрепал мои волосы. Я почти не крашусь, и, хотя вполне нормально одета, даже я могу признать, что ярко-желтый сарафан не совсем подходит к атмосфере бара в стиле «кархарт¹⁰ и фланель».

Я уже почти дошла до середины бара, когда ковбой в галстуке боло¹¹ отодвигает свой стул, перекрывая мне дорогу.

— Извините, — говорю я, стараясь, чтобы меня услышали. Я толкаю спинку стула, чтобы пройти. — Мне просто нужно...

— Тебе нужно уйти, — раздается глубокий, низкий голос.

Взволнованная, я поднимаю глаза и вижу мужчину размером с гору, возвышающегося надо мной. Его брови нахмурены, а темная бородатая челюсть сжата.

¹⁰ Американская марка, известная производством сверхпрочной рабочей одежды

¹¹ традиционный западно-американский аксессуар, состоит из плетёного шнура, пропущенного через пряжку, часто с индейскими мотивами

Я с расстроенным вздохом опускаю глаза на стул.

— Ну, я бы с удовольствием, если бы могла...

Прежде чем я успеваю произнести еще одно слово, парень с силой толкает стул вперед, рыча:

— Я подвину твою задницу, Берт, — после чего швыряет владельца стула на стол, заставленный пивом, давая мне возможность пройти.

— Спасибо, — говорю я, пробираясь мимо него, и прижимаюсь к стене, обклеенной стикерами. — Я Руби Блум.

— Чарли. Монтгомери. — Он произносит эти слова неохотно, как будто они причиняют ему боль.

— Приятно познакомиться. — Я улыбаюсь, но, судя по арктическому холоду, исходящему от него, это чувство не взаимно.

Он делает шаг ближе.

Я прижимаю ладонь к груди, прилагая огромные усилия, чтобы не уронить челюсть.

Красавчик. Это слово проникает в мое сердце.

Мужчина, стоящий передо мной, скрестив руки и расставив ноги, — настоящий ковбой. Сапоги и большая, бросающаяся в глаза пряжка в стиле вестерн выдают его. Его рост значительно больше шести футов. Острая линия челюсти. Аккуратная борода. Пронзительные васильковые глаза. Плечи шириной в милю. На нем черная футболка, которая обтягивает его мускулистую грудь и рельефные бицепсы. Его взъерошенные темно-каштановые волосы, завивающиеся на затылке, наводят на мысль, что раньше на нем была шляпа.

Он хмурится, глядя на меня сверху вниз, как будто это единственная эмоция, которой учат в школе ковбоев.

— Послушай, — рычит он. Его загорелые предплечья, бугрящиеся мускулами, напрягаются. — Возможно, ты заблудилась, но не думаю, что понимаешь, в какие неприятности вляпалась из-за того, что оказался в этом баре.

— О, очень даже понимаю, — отвечаю я с яркой улыбкой. — Я в «Пустом месте». — Я поднимаю палец, когда его рот открывается. — И мне...

— ...нужно уйти, — жестко произносит он.

— Я уже иду. Иду вперед и добиваюсь своего. — Я делаю шаг к бару, но он встает передо мной и преграждает мне путь.

Я выпрямляюсь, надеясь выглядеть внушительно рядом с его подавляющей фигурой.

— Послушай, Ковбой. Я не уйду отсюда, пока не поговорю с Бифом об этой... — Краем глаза я замечаю глубокую дыру в черной стене. Мои глаза расширяются, я наклоняюсь и провожу пальцем по углублению. Мой взгляд возвращается к Чарли. — Это от пули? — Я задыхаюсь. — Настоящее пулевое отверстие?

Он смотрит на меня, и на его лице отражается нечто среднее между презрением и весельем.

Сейчас Биф кричит на парня в кепке дальнобойщика и футболке с надписью: «Броненосец к утру», который спорит с человеком, одетым в камуфляж. Парень в шляпе дальнобойщика до жути похож на Чарли. У них одинаковые голубые глаза, такая же широкая грудь, такая же квадратная челюсть. Разница лишь в том, что парень ухмыляется, а Чарли хмурится.

Чарли стонет, его взгляд устремлен на ту же сцену, за которой наблюдаю я. Это забавно. Двое взрослых мужчин возбужденно спорят о лошадях, в то время как весь остальной бар занимается своими делами. Я улыбаюсь. Мне уже нравится этот город.

Будет несложно держаться на расстоянии.

Парень в кепке дальнобойщика тыкает пальцем в грудь парня в камуфляже и кричит:

— Ты украл мою лошадь, ублюдок Траяля!

Чарли ругается.

Его голубые глаза останавливаются на моем лице. Без предупреждения он подходит ближе. Большая рука опускается мне на поясницу. Меня окутывает его землистый аромат, и у меня кружится голова. Мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть на него, широко раскрыв рот от удивления.

И затем я чувствую его. Его твердое тело прижимается ко мне, каждый мускул напряжен, словно он к чему-то готовится.

О, подождите.

Так и есть.

— Что происходит? — Мне удастся вспомнить, как дышать.

— Сейчас будет драка.

— Что? — Я задыхаюсь, испытывая одновременно восхищение и ужас. — Настоящая драка в баре? С летающими кулаками и разбитыми бутылками?

Он бросает на меня раздраженный взгляд.

— Вниз.

— Что?

— Руби. Вниз.

Он запомнил мое имя — это единственная идиотская мысль, посетившая мою голову, прежде чем его рука смыкается на моей, и меня рывком опускают на пол в тот самый момент, когда стул летит через весь бар и врезается в стену.

Я издаю крик и зажимаю уши руками.

— Что нам делать? — кричу я.

Я впервые вижу этого человека, но доверяю ему свою жизнь.

— Ползи, — приказывает он. — К двери.

Чарли делает это легко, и я следую его примеру. Вместе, на четвереньках, мы пробираемся по рассыпанному на полу арахису и лужам пива. Мне должно быть страшно, но я не боюсь. Адреналин течет по моим венам.

Над нами слышны удары кулаков, жесткий хруст костей о плоть. Улюлюканье. И насмешки. Проклятия.

— Я ползу по пиву! — Кричу я, вне себя от радости, что вечер принял такой бурный оборот.

Я вскрикиваю, когда кто-то пинает меня в голень, и спасаюсь от удара сапогом по руке. Но я не могу перестать смеяться. Я не могу перестать улыбаться. Все это кажется таким сюрреалистичным, а я нахожусь в самом центре событий.

Но мы не можем выбраться. Толпа плотная, толкается, и мы застряли.

Чарли шипит:

— К черту.

Я смотрю на него, вопрос вертится на кончике моего языка, но я так и не осмеливаюсь его задать.

Мы больше не на полу. Внезапно я оказываюсь в его объятиях, крепко прижатая к его широкой груди — твердой, горячей мускулатуре, — и он стремительно движется к выходу из бара. Я чувствую, как напрягаются его мышцы, как бьется его сердце, когда он прижимает меня к себе. Оба ощущения пронзают меня электрическим током. От его близости у меня возникает головокружительное чувство, за которое я хочу ухватиться.

Мне это нравится.

Это опасно.

Дверь захлопывается, и Чарли ставит меня на ноги на темной парковке.

Я стараюсь не обращать внимания на боль в груди от того, что больше не прижата к нему.

Мы смотрим друг на друга.

— Ух ты! — Я заправляю растрепанные волосы за уши. Мои ноги трясутся, сердце бьется в груди как барабан. — Мой герой.

Я серьезно. Он — мой рыцарь в пыльных ковбойских сапогах.

На его лице мелькает раздражение.

— Ты слишком долго возилась.

— Что-то мне подсказывает, что ты занимаешься этим каждую пятницу. — Я краснею. — Дерешься, я имею в виду, а не заключаешь незнакомых девушек в объятия.

Он уверенно кивает.

— Ты не ошибаешься.

— Я никогда раньше не видела драку в баре.

— Хорошо, тебе и не следует этого делать, — ворчит он.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь.

— Это было весело. Вся эта кровь, сломанные кости, пролитое пиво.

Он подходит ко мне, и от его близости у меня внутри становится тепло.

— Ты шутишь, да?

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что я совсем не шучу, но у меня перехватывает дыхание.

Я чувствую это.

Трепетание.

Черт. Не здесь. Не сейчас.

Не сейчас, когда я справилась с дракой в баре и разговариваю с симпатичным, хотя и ворчливым ковбоем.

Признаки легко распознать. Перед глазами у меня черные пятна. В ушах эхом отдается тяжелый стук моего сердца.

— Руби? — Чарли хмурится.

— Я просто... — Я отстраняюсь, чтобы перевести дыхание, и закрываю глаза. Напрягаюсь и делаю сильный выдох через рот. Врач научил меня этому приему, чтобы вернуть сердце в нормальный ритм.

Медленно, призываю я свое сердце. Спокойно. Медленно.

Через несколько секунд быстрое биение сердца замедляется. Перед глазами все проясняется, головокружение проходит.

— Эй. — Теплая широкая ладонь скользит по моей руке и сжимает локоть. — Ты в порядке?

Моргнув, я упираюсь ладонью в твердую грудь Чарли, чтобы не упасть.

Если я думала, что все его тело не может быть еще более напряженным, то я ошибалась.

— Я в порядке, — говорю я, надеясь, что он поверит. — Желудочная колика.

Он настороженно смотрит на меня, озабоченно нахмутив брови. Через секунду он спрашивает:

— Этот бар тебя не пугает?

У него такой вид, будто ненавидит себя за то, что поддерживает светскую беседу, но твердость его челюсти приковывает меня к месту.

— Единственное, что меня пугает, — это отсутствие работы, — уверенно отвечаю я. — Как думаешь, Биф возьмет меня?

Чарли долго смотрит на меня, прежде чем покачать головой.

— Если Биф не идиот, он этого не сделает.

Я вскидываю бровь, не зная, как расценить его ответ.

— Ты планируешь сломать ему ноги или что-то в этом роде?

Его глаза прищуриваются.

— Возможно.

От его ответа мое сердце снова начинает биться быстрее.

Чарли скрещивает руки, отчего его бицепсы напрягаются.

— Где ты собираешься провести ночь?

— В «Йодлере».

— Нет. — Он делает такое лицо, будто наступил в собачье дерьмо. — Остановись в соседнем отеле «Баттерворт». Скажи им, что я тебя послал.

— Не хочешь сказать, почему?

— Тараканы.

— А что, если мне нравятся тараканы?

Чарли на мгновение перестает хмуриться, чтобы моргнуть в ответ, но не раньше, чем позволяет своему взгляду задержаться на моих губах, отчего по моим рукам проносится волна мурашек.

Он открывает рот, чтобы что-то ответить, как вдруг раздается звук бьющегося стекла. Мы переглядываемся и видим, как сапог пролетает сквозь витражное окно «Пустого места».

Чарли делает глубокий вдох. Показывает большим пальцем в сторону бара.

— Мне лучше вернуться туда. Нужно помочь братьям.

Ага. Это объясняет двойников.

— Конечно. — Я поднимаю руку, но мне жаль, что он уходит. — Спасибо за помощь, Чарли Монтгомери.

Он делает несколько шагов к бару, останавливается и поворачивается.

— Послушай, — говорит он, пристально глядя мне в глаза. На его сильном, заросшем щетиной подбородке напрягается мускул. — Этот город не для тебя, дорогая. Я уважаю твою попытку... но уезжай. Отправься куда-нибудь еще. Куда угодно, подальше отсюда.

Не сказав больше ни слова, он уходит, а я стою и смотрю, как его широкоплечая фигура исчезает в «Пустом месте», и в животе у меня разливается теплое тягучее чувство.

Уютно устроившись на роскошной кровати в историческом отеле, который предложил Чарли, я считаю удары своего сердца. Они быстрые, но не слишком. За окном в темном небе сияет луна, похожая на ноготь большого пальца. Аромат сосен проникает сквозь приоткрытое окно, и я думаю о ковбое.

Его задумчивом, красивом лице. Пронзительных голубых глазах и загорелых предплечьях, покрытых венами и мускулами. Темных волосах, мило зачесанных назад. Твердости его широкой груди, прижавшейся ко мне, когда он торопил меня к выходу. Его глазах, опустившихся к моим губам и задержавшихся там.

В голове звучат слова Чарли.

Уезжай.

Ни за что.

У меня хорошее предчувствие насчет этого города.

Воскрешение, Монтана, вот и я.

Глава 5

Чарли

Уезжай. Отправься куда-нибудь еще. Куда угодно, подальше отсюда.

Это был подлый поступок — сказать эти слова той девушке прошлой ночью. Даже сейчас, в утренней тишине, они звучат у меня в голове, пока я иду по Главной улице.

Я не знаю, почему я их сказал. Не знаю, почему меня это волнует. Останется она или уедет, мне все равно.

Это гребаная ложь, и я это знаю.

Мне не все равно, потому что она вызвала во мне реакцию. Когда я держал ее в объятиях, ощущение ее хрупкой фигуры и шелковистой кожи было подобно выбросу адреналина. Моя кровь запылала огнем. Когда я поставил ее на ноги, мой член мог пробить гипсокартон. Я хотел большего, и мне пришлось бороться с желанием заключить ее в свои объятия и не отпускать.

Я хотел защитить ее.

И это выводит меня из себя.

Я уже заботился о женщине и больше не могу. Единственные люди, которые меня волнуют, — это мои братья и младшая сестра. А не какая-то девочка с ясными глазами и свежим личиком, которая похожа на солнышко и пахнет клубникой.

Уезжай. Отправься куда-нибудь еще.

Черт возьми. Я вел себя как засранец.

А еще я идиот.

В ней было что-то такое. Что-то невыносимо очаровательное. Конечно, она выглядела так, будто вышла из сказки, но дело было не только в этом. Дело в том, что произошло прошлой ночью. Весь мир рушился вокруг нас, а она улыбалась.

Ярко улыбалась. Как будто у нее была лучшая ночь в жизни, когда она уворачивалась от кулаков и скользила по лужам пива.

Слишком много красных флажков. Слишком много драмы. Если повезет, она уедет сегодня утром.

Руби Блум. Что это за имя, черт возьми?

Мотоцикл с ревом пронесется по Главной улице, нарушая тишину солнечного июньского утра. Я поднимаю руку, приветствуя Руфуса, лидера мотоклуба «Хор парней», и смотрю, как он направляется к «Легиону».

В городе уже всюду кипит жизнь. Владельцы магазинов устанавливают вывески и подметают тротуары перед магазинами и кофейнями. Лето в Воскрешении означает, что численность нашего сплоченного горного сообщества, насчитывающего 6000 человек, увеличивается в десять раз в пик туристического сезона.

Чем быстрее я вернусь на ранчо, тем лучше.

И все же мне нравится эта прогулка. Этот вид.

Густой сосновый лес и залитые солнцем Скалистые горы обрамляют Воскрешение, бывший шахтерский городок Дикого Запада, уютно расположившийся в узком каньоне. Вдалеке виднеется Плачущий водопад, от которого отходят горные кручи, ведущие к Национальному парку Глейшер.

Я сворачиваю за угол, направляясь к клинике «Медвежий ручей» и вхожу через раздвижные стеклянные двери. Лифт поднимает меня на второй этаж, где я попадаю в узкий коридор, соединяющий муниципальную больницу с онкологическим центром.

Я подхожу к стойке регистрации.

— Привет, Кара.

— Чарли. — Она шелкает пузырьком. — Стив вернулся в свое кресло. Он готов принять тебя.

— Спасибо.

Я иду по коридору и захожу в комнату.

Увидев меня, Стив поднимает узловатую руку.

Помещение стерильное и минималистичное. Здесь есть диван, телевизор с приглушенным звуком, показывающий старый эпизод сериала «Бонанза»¹², пейзажи природы в рамках с бодрыми словами поддержки, напечатанными под ними. Другими словами, все это выглядит чертовски депрессивно.

— Привет, парень, — говорит Сид, опуская книгу на колени.

— Привет, старина. — Я придвигаю стул и сажусь напротив него. Как и Сид, я уже привык к аппаратам и иглам. — Как дела?

— Надираю задницы, парень. Ты, черт возьми, слепой? — Сид протяжно рычит, указывая на иглу, воткнутую в его руку.

Я ухмыляюсь.

— Я тоже рад тебя видеть, засранец.

Даже рак легких второй стадии не может остановить Сид Макгроу. Его густые серебристые волосы исчезли, но у него все еще есть фирменные усы в виде подковы. Предки Сиды, происходившие из длинного рода старателей и ковбоев, основали Воскрешение, и он выглядит соответствующе.

Этот человек — легенда нашей маленькой общины. Отставной профессиональный наездник, заработавший миллионы, работая каскадером и перегонщиком скота, у него есть связи, влияние и самое большое ранчо в Воскрешении. С тех пор как мы приехали в город, он был для нас с братьями как суррогатный отец, направлял нас и защищал перед местными, чтобы они не съели нас живьем. Человек, которым я восхищаюсь и которого уважаю. Человек, который дал мне возможность начать все сначала.

Десять лет назад я зашел в бар «Пустое место» и сел рядом с этим человеком. Он задал один вопрос:

— Ты из Калифорнии, парень?

— Нет, сэр, — ответил я, выпив к тому времени пять порций виски.

Удовлетворенный моим ответом, он продал мне землю.

Мы пожали руки. Я использовал свой выигрыш на родео и обналичил свой трастовый фонд, чтобы получить достаточную сумму для первоначального взноса. Покупка ранчо означала, что я не просто сбежал и проматывал свое будущее. Я делал что-то значимое. Земля, которой я владею, — моя, и никто не сможет ее у меня отнять. Даже если свет в конце тоннеля все еще не виден.

Сид пристально смотрит на меня орлиным взглядом.

— Нам надо поговорить, парень. И поговорить сейчас.

Я вздыхаю и провожу рукой по бороде.

— Слушай, если дело в видео...

— Мне плевать на социальные сети.

Значит, нас двое.

Хотя Дэвис, возможно, прав, когда говорит, что нужно подумать об этом.

Мы никогда не занимались рекламой. Социальные сети были для меня настоящей занозой в заднице, поэтому я держался от них подальше и полагался на сарафанное радио. Постепенно, после пяти лет работы в качестве действующего ранчо, оно начало приносить небольшую, но стабильную прибыль.

Но это ненадолго, если мы не выберемся из этой передраги.

Никто не захочет ехать на ранчо, где над ним насмеются.

Я думаю о своем младшем брате Грейди и о том, что у него есть поклонники благодаря его аккаунту в социальных сетях. Конечно, мы все не одобряли его, когда он только начинал, но теперь он выступает на разогреве у Коула Суинделла, так что...

Меня это бесит. Чертово извращенное лицемерие всего этого. Гости приезжают на ранчо, чтобы отдохнуть, а мы вторгаемся в их уединение, чтобы выложить это в социальные сети, потому что нам нужно заработать на жизнь? Это чушь собачья.

Выражение лица Сиды становится серьезным.

¹² Американский телесериал о семействе Картрайт, которые жили возле озера Тахо, штат Невада, в середине девятнадцатого века.

— Я не хочу доставлять тебе лишние проблемы, сынок, но, к сожалению, это то, ради чего я тебя позвал. К нам тут опять какие-то девелоперы¹³ пожаловали.

Я закатываю глаза. Каждые несколько лет какая-нибудь компания из Лос-Анджелеса присылает своих сотрудников в Воскрешение. Они делают предложения и пытаются скупить землю, но мы все говорим им, чтобы они шли нахрен. Ни за что на свете никто не согласится открыть «Sweetgreen»¹⁴ на Главной улице.

— Это не обычный ловкий девелопер, — продолжает Сид. — Это Деклан Валиант.

Я хмыкаю.

— Этот парень баллотируется в губернаторы?

Я смутно помню, что видел агрессивную предвыборную рекламу в городе и на телевидении. Какой-то влиятельный застройщик с деньгами, который переехал в Монтану из Лос-Анджелеса и думает, что знает, что нам нахрен нужно.

Короткий кивок.

— Он самый. — Сид поглаживает свои длинные усы. — Он разослал людей по всему городу.

Это привлекает мое внимание.

— Каких людей?

Сид выдерживает мой взгляд.

— Плохих людей, Чарли. Людей, которые превращают твою жизнь в ад. — Он сдвигается, вытягивая ноги. — «DVL Equities» может играть грязно. Деклан присылает парней из Монтаны. Парней, которые угрожают и запугивают. Они приходят поговорить с тобой, заключить сделку, но, если ты отказываешься, они берутся за тебя. Выясняют, сколько ты должен, какие у тебя проблемы, и вмешиваются. Могут поговорить с твоим банком. Могут угрожать. Могут отправить в путешествие по реке. В любом случае, это чертово дерьмо.

— Мне стоит беспокоиться?

— Я пытаюсь это выяснить. Когда пообщаюсь с людьми, я дам тебе знать. — Сид морщится, откидываясь в кресле. Я наклоняюсь вперед и помогаю ему натянуть одеяло на ноги. — Я говорю тебе это не для того, чтобы ты сдался. Я говорю тебе это, чтобы ты воспринял это всерьез, партнер. Чтобы ты был готов.

— Насколько готов?

Он задумался.

— Думаю, дробовик и хорошая охрана не помешают.

— Черт. — Я провожу ладонью по щеке, пытаюсь унять тревогу.

Это будет настоящее дерьмо.

Я снова задаюсь вопросом, во что я втянул своих братьев. Если видео принесет вред ранчо, если мы не сможем выплатить кредит, если девелоперы пронюхают о наших проблемах... У меня нет плана, как выбраться из этой передраги. Такое ощущение, что все вокруг рушится. А если мы потеряем ранчо...

Камень в моем горле превращается в валун.

— Убирайся отсюда, парень, — с ухмылкой говорит Сид, когда к нему подходит медсестра. — Ты не захочешь это видеть.

Я встаю со стула и пожимаю ему руку.

— Спасибо за совет, Сид.

— Не забывай, что на следующей неделе у нас семейный сбор, — кричит он мне вслед своим рокочущим голосом. — Собери парней, и мы придумаем, как все исправить.

Я ругаюсь под нос и направляюсь к лифту. Меньше всего мне хочется сидеть у костра с братьями и рассказывать им, что мы в полной заднице. Они не должны больше беспокоиться обо мне. Я втянул их в этот бардак, и это моя чертова работа — исправлять его.

Блядь. Что еще может пойти не так?

¹³ Компании, занимающиеся скупкой и созданием объектов недвижимости или их реконструкцией, приводящей к увеличению стоимости

¹⁴ Американская сеть ресторанов быстрого питания, где подают салаты

Я получаю ответ на этот вопрос чертовски быстро, когда выхожу из лифта и врезаюсь в мягкую стену солнечного света.

— О боже, мне так жаль.

Я опускаю глаза вниз, откуда доносится звонкий щебечущий голос.

На полу в вестибюле Руби собирает свою сумочку, которую уронила во время столкновения. Не в силах остановиться, я скольжу взглядом по ее телу. Длинные ноги. Губы, похожие на бутон розы. Стройные бедра. Упругая попка, едва прикрытая очередным чертовым сарафаном. На этот раз лавандового цвета.

Она поднимает глаза и ахает. Ее голубые глаза распахиваются, когда она смотрит на меня, прежде чем вернуться к своим вещам.

То, что она стоит передо мной на коленях, сводит меня с ума. Не говоря уже о моем либидо.

Я опускаюсь рядом с ней. Мой взгляд задерживается на ее вещах. На экране мобильного телефона высвечивается пять пропущенных вызовов. Оранжевая баночка с таблетками катится по блестящей плитке.

Резкий вопрос срывается с моих губ прежде, чем я успеваю остановиться.

— Что ты здесь делаешь?

— Я... — Ее розовый рот открывается и закрывается. — У меня анемия, — тихо говорит она, хватая баночку с таблетками, прежде чем я успеваю хорошенько ее рассмотреть. Я впервые вижу ее взволнованной.

Я хмурюсь, когда мы встаем.

— Это плохо?

Она заправляет за ухо длинную прядь золотисто-розовых волос.

— Все в порядке. Не то чтобы это тебя касалось. — Она перекидывает сумочку через плечо. — Что ты здесь делаешь?

Я скриплю зубами, раздраженный ее комментарием. Она права. Это не мое дело, так какого хрена меня это беспокоит?

— Навещал друга, — говорю я ей. — У него рак.

— Ох. — Прикусив нижнюю губу, она поднимает на меня глаза. — Мне так жаль, Чарли. — От того, как она это говорит — с неподдельной искренностью, — у меня в груди поселяется странная боль.

Я открываю рот, чтобы ответить, но она перебивает меня.

— Увидимся, Ковбой, — говорит она, одаривая меня милой улыбкой, и, черт побери, от этого у меня внутри все переворачивается. Она делает шаг к двери, останавливается, затем поворачивается и смотрит на меня через плечо. — Кстати, я решила задержаться в Воскрешении.

Потом она уходит, выпорхнув за дверь на яркий солнечный свет, а я стою здесь, как идиот, и смотрю, как подол ее сарафана развевается на ветру.

Черт побери.

Спустя долгую секунду я сдаюсь, и выбегаю вслед за ней.

Глава 6

Руби

Я лгунья.

У меня нет анемии, но я запаниковала, и это была первая мысль, которая пришла мне в голову. Только так можно было объяснить маленькую оранжевую баночку, катившуюся по кафелю.

Отличный способ начать отношения, даже если пока они состоят только из взглядов и ворчания.

Но что я должна была сказать Чарли? Правду? О том, что мое сердце остановится в скором будущем? Что я бегу, потому что никогда не жила полной жизнью?

Правда в том, что с самого моего рождения мне говорили, что, скорее всего, мне суждено пойти по генетически жутким стопам моей матери и моей тети, которые скончались в возрасте двадцати восьми лет. У моей тети случился обширный инфаркт. Моя мать умерла во сне. Врачи сказали, что у нее просто отказало сердце.

Я отказываюсь это понимать. Как можно остановить биение чего-то прекрасного? Как тот самый орган, который дает тебе жизнь, решает, что твое время истекло?

У меня заболевание сердца, которое называется суправентрикулярная тахикардия. Сокращенно СВТ. Если у нормального человека частота сердечных сокращений составляет 60-100 ударов в минуту, то у меня она колеблется от 150 до 220 ударов в минуту. Учащенное сердцебиение разрушает предсердия моего сердца, но я контролирую его как могу. Ежедневный прием лекарств — это все, что мне нужно, чтобы замедлить его. Стресс, волнение, переутомление или перегрузка усугубляют ситуацию. Также мой кардиолог предупредил меня не употреблять алкоголь, кофеин и не заниматься спортом с высоким содержанием адреналина, потому что, *что-если...*

Именно — *что-если* управляет моей жизнью.

Но не здесь. Не в Воскрешении.

Я могла бы сказать Чарли правду, но я не обязана ему это объяснять. Мы чужие люди. Он не собирается заботиться обо мне. Он даже не хочет меня знать. Поэтому я хочу пожить в этом городе без груза своего прошлого. Просто побыть обычным человеком, без обреченности и мрака. Приятно вырваться из этой части моей жизни хотя бы на несколько месяцев.

Даже если моя прежняя жизнь никуда не делась.

Сегодня утром я отправилась в клинику, чтобы предоставить данные о себе, получить лекарства на три месяца и обсудить свое состояние с врачом. Теперь я умираю от голода и радуюсь возможности увидеть Воскрешение в лучах утреннего солнца.

Мне нужен плотный завтрак и карта.

Но за мной топает угрюмый ковбой. Я практически чувствую, как улица дрожит под его сапогами.

— Куда ты идешь? — низкий голос Чарли раздается позади меня, вызывая вибрацию внизу живота.

— Я охочусь.

Когда я слышу фыркание, я поднимаю глаза и вижу, что Чарли идет рядом со мной. Даже в профиль он красив. Бородатая челюсть такая острая, что ею можно резать стекло. Глаза такие голубые, что похожи на драгоценные камни.

— Ты мог бы спросить, *на что*, вместо того чтобы фыркать.

Через некоторое время раздается грубое:

— На что?

Я улыбаюсь.

— Я собираюсь найти лучшую в мире булочку с корицей и съесть ее. — Я останавливаюсь перед кофейней «Зерна на ходу». — А потом я собираюсь осмотреть город.

Чарли упирается массивной рукой в дверной косяк, преграждая мне путь.

— Ты не найдешь тут свою булочку с корицей. Их кофе на вкус, как бензин.

Я бросаю взгляд в сторону двери, надеясь, что парень, стоящий за прилавком, не услышал. Даже если кофе плохой, им не нужно напоминание. Я упираю руки в бока.

— А где найду?

Он выглядит смирившимся, и резко дергает бородатым подбородком в сторону. Я смотрю в указанном направлении. В конце квартала стоит кирпичное здание с ярко-зеленым навесом, на котором написано «Магазин на углу».

Сделав глубокий вдох, я направляюсь к зданию. Позади меня раздаются тяжелые шаги.

— Я думал, ты уедешь, — бормочет Чарли.

— Ты ошибся. — Я обвожу взглядом Главную улицу, подавляя улыбку. Таблички с патиной указывают на исторические достопримечательности, такие как оперный театр и здание мэрии. Меня окружают антикварные магазины, шикарные бутики и сувенирные лавки. У них есть салон под названием «Дом волос». Я насчитала пять салунов и стейк-хаус.

Это всего лишь городок, но Воскрешение с его атмосферой американской окраины и горным воздухом вдохнул жизнь в мою душу.

Я поднимаю глаза на Чарли, который сердито смотрит на меня.

— У вас нет цветочного магазина?

— Что? — Он хмурится и проводит рукой по своей бороде. — Нет.

— О. — Я одариваю его улыбкой и игнорирую разочарование. — Ну, раз уж ты здесь, можешь устроить мне экскурсию.

— Ты ведь не сдашься, да? — спрашивает он грубовато.

— На самом деле, нет.

— Отлично, — говорит он с раздраженным видом. Он кивает через дорогу на здание с винтовой лестницей, поднимающейся на балкон. — Это бордель.

Я украдкой бросаю любопытный взгляд на Чарли.

— Правда?

— Раньше был, по крайней мере. Работал до 1970-х годов, если ты можешь в это поверить. Теперь это музей.

У меня отпадает челюсть. Я почти вижу Воскрешение периода золотой лихорадки. Бутлегеры, убивающие печень и опустошающие кошельки. Накрашенные дамы, машущие мужчинам с балкона.

Мы продолжаем наш путь к «Магазин на углу», идем рядом. Время от времени наши руки соприкасаются, его мышцы напрягаются, и у меня в животе разливается тепло. Чарли неохотно делится различными историческими фактами по пути. Переулок, где в 1886 году был застрелен Билли Бонс, укравший курицу. Четыре медвежьих черепа, охраняющие городскую площадь, — место тринадцати казней, зафиксированных в Воскрешении.

Мы уже почти добрались до места назначения, когда из переулка выбегает питбуль коричневого цвета и преграждает нам путь. Из его пасти капает слюна, и я подхожу к Чарли вплотную и хватаю его за бицепс. Он напрягается.

— Чарли. Этот питбуль собирается на нас напасть? — спрашиваю я. А потом смотрю на собаку еще раз. — О боже, так и есть.

Уголок рта Чарли приподнимается в слабой улыбке.

— Это Голодный Хэнк. Он живет на улице. — У него вырывается ласковый смешок. — Он — дворняга, не так ли, парень?

У меня в животе все переворачивается от беспокойства.

— Голодный? — Отойдя от Чарли, я лезу в сумочку, висящую у меня на плече, и ищу батончик в беспорядке баночек с таблетками и бумаг. — Бедняжка.

Найдя батончик, я надрываю упаковку и протягиваю ему.

— Держи, песик.

Собака бросается ко мне.

Чарли делает то же.

— Господи, Руби, не надо. — В его глазах мелькает тревога, он хватается мою руку и переворачивает ее в своей большой ладони, словно в поисках крови. Все, что он находит, — это — это собачьи слюни. Его взгляд встречается с моим. — Ты только что... покормила его?

Я сияю улыбкой, наблюдая за тем, как Голодный Хэнк поглощает батончик с гранолой, обертку и все остальное.

— Он был голоден.

Сердце пропускает несколько ударов, когда Чарли вытирает мою руку своей футболкой, давая мне возможность увидеть твердый, подтянутый живот и рельефный пресс.

— Он монстр.

— Это твои слова, — говорю я ему, пока Голодный Хэнк ковыляет прочь.

Я отстраняюсь от Чарли, и мы заканчиваем путь до здания «Магазин на углу».

Внутри он представляет собой самое причудливое зрелище, которое я когда-либо видела. «Магазин на углу» напоминает какую-то ковбойскую лавку с ярко-оранжевыми стенами и старыми газетными вырезками 1980-х годов.

Кассовый аппарат с бумажной лентой. Прилавок с наживкой и снастями в задней части. Патроны на книжной полке. Хорошо укомплектованные полки с бакалеей и холодильники с разнообразными напитками.

— В подвале есть самогонный аппарат, — говорит Чарли. — Но я тебе этого не говорил. Пойдем.

Я улыбаюсь и иду за ним в небольшое кафе, расположенное перед прилавком с деликатесами. От аромата свежего хлеба и пастрами, приготовленных на медленном огне, у меня урчит в животе.

— Уайетта здесь нет, — кричит Чарли, когда из кухни доносится шум. — Только я, Фэллон.

Из задней комнаты выбегает девушка с длинными густыми волосами цвета карамели. Она выглядит знакомой, но я не могу ее вспомнить. На ней рваный фартук, а хмурый взгляд не уступает Чарли. В правой руке она держит мясницкий нож, который тут же откладывает в сторону. Она бросает на нас с Чарли любопытный взгляд, но ничего не говорит.

— Самый большой рулет с корицей, который у тебя есть, — говорит Чарли, когда мы занимаем столик в центре зала.

Фэллон исчезает.

Я складываю ладони вместе и кланяюсь.

— Спасибо за экскурсию, Чарли Монтгомери. Ты говоришь почти как местный житель.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Почему ты думаешь, что я не местный?

— У тебя есть акцент. — Он слабый, но я узнала, как только услышала его. Медленный южный говор, тягучий, как патока.

— Я из Джорджии, — говорит он. — Маленький городок под названием Дикое сердце.

— А я из Индианы. Маленький городок под названием Кармел. Кстати, спасибо за рекомендацию отеля. Он прекрасен, но я не могу жить там дольше, чем одну ночь. Особенно, если я остаюсь в городе. Это слишком дорого.

Он вздыхает, и я задаюсь вопросом, является ли хмурость его обычным выражением лица.

— Тебе не стоит останавливаться в «Йодлере».

— Ну, мне придется. Я собираюсь съесть свою булочку с корицей, а потом вернуться в «Пустое место» и устроюсь на работу.

— Это твой план?

— У меня нет других предложений, — говорю я, решив быть откровенной.

После прошлого вечера «Пустое место» хочется одновременно как завоевать, так и избежать.

В сумочке пищит телефон. Проклятый Макс. Он уговаривает меня вернуться домой с тех пор, как я сказала ему, что перебралась в другой город.

Не-а. Не получится.

Брови Чарли поднимаются.

— Ты собираешься ответить?

На это я выключаю телефон и смотрю на хмурого мужчину передо мной.

— Итак, ковбой, — говорю я, широко улыбаясь. — Чем ты занимаешься?

Он переминается с ноги на ногу, словно это не очень приятная тема.

— У меня ранчо за городом, — говорит он. И почти про себя добавляет: — Ранчо, которое держится на последнем издыхании. А ты?

— В прошлой жизни я была менеджером по социальным сетям, — радостно отвечаю я.

— Отлично, ты одна из них, — бормочет он, потирая лоб двумя большими пальцами.

— Один из них? Типа инопланетянина или киборга? — Я наклоняю голову. — Чарли, ты в порядке?

— Я в порядке.

— Ты уверен?

Его лицо темнеет, губы предупреждающе поджимаются.

— Руби...

— Просто... у тебя вот здесь вена... — Мои пальцы двигаются у виска.

Он резко вздыхает, на челюсти пульсирует тик, и раздражение омрачает его выражение лица.

К счастью, Фэллон спасает меня от грозящего удушья, поставив передо мной огромную булочку с корицей, покрытую глазурью.

— Вот, пожалуйста, — шутливо говорит она. — Ваша дневная норма калорий всего за один прием пищи.

Я невозмутимо придвигаю тарелку к себе.

— Не надейтесь, ни крошки не останется.

Фэллон бросает взгляд на Чарли.

— Ты ходил к Стиду?

Чарли кивает.

— Да. Сегодня утром. Мы все обсудили.

— Хорошо.

Потом Фэллон уходит, не сказав больше ни слова.

— Она была в баре вчера вечером, — говорю я, вспоминая, что она стучала по музыкальному автомату и ругалась, как матрос. — Она выглядит грустной, — говорю я Чарли, крутя на запястье мамин браслет.

— Да. Ну... — Он проводит массивной рукой по своим темным волосам. — У нее много забот. Как и у всех. — Когда я ничего не говорю, он выдыхает, прежде чем продолжить. — Это младшая дочь Стида, Фэллон. Они владеют этим местом. Она работает здесь, когда не участвует в родео.

Я морщу нос, собирая кусочки воедино. Печаль в глазах Фэллон. Их разговор.

— Стив — человек, которого ты навещал в больнице?

— Точно. Он продал мне ранчо. — Я слышу нежность в голосе Чарли. Даже у этого сурового ковбоя есть милая сторона.

— Ранчо, которое в беде? — Мне нравится это узнавание Воскрешения. Мне хочется, чтобы этот город, этот ковбой, эти люди стали моими друзьями. Я хочу вписаться в это общество, хотя бы ненадолго.

— Это заноза в моей заднице. Я сейчас все ощущаю, как занозу в заднице, и я должен как можно скорее найти решение.

— Я умею находить решения. Иногда людям нужна помощь. Может, тебе нужна помощь?

Судя по его лицу, он не хочет делиться своими проблемами, но есть и другая его часть, которая выглядит так, будто хочет выложить все начистоту.

— Отлично, — говорит он категорично. — Из-за одного проклятого видеоролика нас травят в социальных сетях, и наши бронирования стремительно падают. Нам нужно платить сотрудникам и заботиться о животных. Я умру, если мы не сможем этого сделать.

Я вздрагиваю от боли в его словах. От беспокойства, написанного на его суровом лице. Честь. Преданность. Они что-то значат для этого человека. Я уважаю это. Чертовски сильно.

Чарли хлопает ладонью по столу.

— Даже не знаю, зачем я тебе все это рассказываю. — Он тянется вперед и берет мою вилку. — Ешь, — говорит он, протягивая ее мне.

Но я игнорирую такую желанную булочку с корицей, прокручивая в голове его слова о поиске решения. Если я могу помочь другому человеку, значит, я это сделаю.

— Как вы рекламируетесь?

— Никак.

— Значит, сарафанное радио?

Он опускает взгляд на свои руки и сжимает их в кулаки.

— На протяжении многих лет, да.

— А что пишут в комментариях к твоему Инстаграму? — спрашиваю я. Когда он не отвечает, у меня падает челюсть. — Ты не используешь социальные сети? — Я тыкаю в него вилок. — Это твоя первая ошибка. Это — не решение всех проблем, но я думаю, что их использование может сильно помочь тебе, Чарли.

— Именно из-за них мы попали в эту передрагу. — Он закатывает глаза. — Твоих драгоценных социальных сетей.

Я бросаю на него строгий взгляд.

— Слушай, я знаю, что социальные сети вызывают у тебя зуд. Ты — ковбой. Тебе нравятся лошади, а не хэштеги. Я понимаю, но... — Улыбка медленно расплзается по моему лицу. — Это — мое.

Он хмурится, глядя на меня с подозрением.

— О чем ты говоришь?

— Я могу это сделать! — восклицаю я. — Я могу раскрутить вас.

— Мне не нужна твоя жалость, — говорит он, складывая руки на широкой груди, и мускулы на его загорелых предплечьях напрягаются.

— А мне кажется, что нужна. — Я откладываю вилку, внутри меня разгорается азарт. — Но это не жалость. Я не хочу каждый вечер разносить пиво в «Пустом месте». Я лучше помогу тебе. Пожалуйста.

На его челюсти подергивается мускул.

— Считаю это одолжением, — говорю я с улыбкой. — Ты спас меня от драки в баре, а я спасу твое ранчо.

И все равно челюсть этого упрянца продолжает пульсировать.

— У меня есть опыт. Связи в моем туристическом агентстве. Я могу потянуть за все ниточки. Кроме того, это всего лишь на три месяца.

В его глазах вспыхивает интерес.

— А что будет через три месяца?

— Я уеду в Калифорнию.

Он фыркает.

— Тебе не нравится Калифорния?

— Последнее место, где я хотел бы оказаться.

Я игнорирую его презрение и бодро пожимаю плечами.

— Не стоит судить, пока не попробуешь.

Его взгляд встречается с моим, прежде чем опуститься к моим губам.

— Ешь, — приказывает он.

Я беру вилку и втыкаю ее в липкую массу теста и сахара. Вкус ванили и корицы просто райский.

— Хочешь? — спрашиваю я Чарли.

Он отмахивается, как будто вкуснятина не для него.

— Нет.

Слизав немного глазури, я откладываю вилку.

— Ну что, договорились?

Он моргает.

— Договорились?

— Я помогаю тебе с социальными сетями, а ты мне платишь, — говорю я. — Вполне профессиональная деловая сделка. Если тебе не понравится, можешь не пользоваться. Удалишь аккаунт через три месяца.

Я смотрю, как он обдумывает это предложение, как подрагивает мускул на его бородатой челюсти.

Ему это нужно.

А он нужен мне.

Он пристально смотрит на меня в течение долгого времени.

— Отлично. Мы заберем твоё барахло, и ты будешь жить на ранчо.

Настает моя очередь моргать.

— На ранчо?

— Ты не останешься в «Йодлере». Я знаю, что ты любишь тараканов, но... — Он пожимает широкими плечами. — Работа идет в комплекте с бесплатным жильем.

Я прищуриваюсь.

— Ты только что это придумал?

Наклонившись, Чарли впивается в меня своим темным взглядом, выражение его лица такое свирепое, что у меня сердце замирает в груди.

— В «Йодлере» небезопасно. Я не хочу, чтобы ты там жила.

Уверенность в его голосе разжигает во мне огонь.

— Из-за драк? — спрашиваю я, затаив дыхание. — Жесткие простыни? Испачканный кровью матрас?

На его губах появляется тень улыбки. Такая слабая, что я почти не замечаю ее.

Но она есть, и она прекрасна.

— Что-то вроде этого. — Чарли берет мою вилку и снова протягивает ее мне. — Ешь. А потом мы пойдем.

Руби

Тряска угольно-черного Шевроле Чарли по извилистой грунтовой дороге — это самые крутые американские горки, на которых я когда-либо каталась. Я практически вибрирую рядом с ним. Мне нравится этот грузовик и этот мужчина. Грубый и неотесанный, но в глубине души надежный и верный.

В багажнике грузовика лежат мой чемодан и рюкзак. До ранчо тридцать минут езды, и Чарли, не желая, чтобы я заблудилась на проселочных дорогах, предложил подвезти меня, а потом отправить кого-нибудь в город за моей машиной.

События последних двадцати четырех часов кажутся сюрреалистичным лихорадочным сном. То я уворачиваюсь от кулаков и пивных бутылок в захудалом баре, то оказываюсь в машине с ворчливым, сексуальным ковбоем, обменивая свои умения на жилье и работу.

Правда, только на лето. Я помогу этому ворчуну с его проблемами, спасу ранчо, увижу лошадей, а потом уеду в Калифорнию.

Я следую примеру Чарли и храню молчание. Похоже, он исчерпал свою норму разговоров, когда рассказывал мне о видеоролике, разошедшемся по социальным сетям. И все же мой взгляд скользит по его красивому профилю. О чем он думает? Жалеет о своем предложении нанять меня и пожить на ранчо? Он даже накормил меня. После завтрака я поторопилась достать кошелек, но он бросил на стол двадцатку, включающую щедрые чаевые для Фэллон.

Я восхищенно вздыхаю, когда мы переезжаем небольшой ручей и из земли вырастают стальные ворота. Сверху на них выбито название Ранчо «Беглец» по краям закреплены подковы. Я наклоняюсь вперед, удерживаемая ремнем безопасности. Мои глаза не могут охватить все достаточно быстро. Вдалеке простирается красота. Зубчатые горные хребты обрамляют все ранчо. Великолепный бревенчатый дом с панорамными окнами стоит прямо на поле с изумрудно-зеленой травой.

— Это лодж, — говорит Чарли, когда мы проезжаем через ворота. Он машет рукой парню, ведущему лошадь через пастбище. — Мы используем его для регистрации и питания гостей. Мой брат Дэвис живет на третьем этаже. — Он бросает взгляд на меня. — Так что он может играть роль Рэмбо, если ситуация выйдет из-под контроля. Уайетт живет в трейлере, потому что его нет здесь половину времени, но на самом деле это просто потому, что он ни черта не умеет убираться. А Форд живет в квартире над своим гаражом.

— Твои братья? — уточняю я.

— Да. Мы близки, но *настолько*, что могли бы поубивать друг друга.

Я откидываюсь на спинку сидения.

— У меня есть брат. — Чарли смотрит на меня, когда телефон снова жужжит. — Макс. — Я игнорирую звонок. — Это из-за него мой телефон разрывается.

— Старшие братья, — говорит он, кажется, расслабляясь, и я улыбаюсь.

— Сколько человек ты можешь разместить? — спрашиваю я, переключаясь в профессиональный режим. Я здесь, чтобы работать, и это я могу делать прямо сейчас.

— Немного. Около сорока человек. — Чарли едет по асфальтированной дороге, потом сворачивает налево. Недалеко от лоджа, в сотне ярдов, находится группа небольших хижин. Они стоят у реки, на каждом крыльце — кресла-качалки.

— Мне сюда? — спрашиваю я, указывая на них. Они такие милые и уютные, словно что-то от Дэниела Буна¹⁵.

— Нет. — Он поворачивает руль, его голубые глаза встречаются с моими. — Это хижины ковбоев. Я отвезу тебя в коттеджи. Они ближе к главному дому.

— К главному дому? — Я прикусываю губу, сердце бьется учащенно. — Это там, где...

¹⁵ Американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев США. Известен своими приключениями на территории современного штата Кентукки, проложил дорогу, известную как Дорога диких мест, через Камберлендский перевал к реке Кентукки.

— ...я живу, — говорит он резким тоном. — Тебе нужен Wi-Fi. Здесь он есть. В коттеджах его нет.

Я прикусываю нижнюю губу.

— О. Точно.

Чарли поворачивает руль.

— У нас также есть шале в горах. Для кинозвезд, — говорит он с отвращением. — приезжают снимать кино и хотят уединиться. Думаю, если ты здесь, то должна...

— Держаться вместе со всеми.

— Да. — Его глаза встречаются с моими. — Именно так. — Редкая улыбка украшает его хмурое лицо, пока грузовик грохочет по бесконечной дороге. — Это главный дом, в котором я живу, — говорит Чарли, когда мы проезжаем мимо большого двухэтажного домика с балконом и крыльцом, приютившегося среди деревьев. — А это твой коттедж.

— О, — вздыхаю я, прижимая руку к сердцу. — О, ничего себе.

Маленький коттедж выглядит как что-то из сказки. Он сохранил свой деревенский шарм Монтаны, но у него есть решетчатые деревянные карнизы, парадное крыльцо и небольшая каменная дорожка, ведущая к двери.

Чарли отстегивает ремень безопасности, и мы выходим из машины.

Долгую секунду я любуюсь уединенной красотой ранчо. Легкий ветерок играет с кончиками моих волос. Свежий воздух пахнет соснами и осинами, смешанными с легким ароматом сена. Летнее солнце пробивается сквозь кроны деревьев, тянущихся к небу. Вдалеке слышно журчание ручья.

Я наклоняю голову с мягкой улыбкой.

— Здесь так красиво, Чарли.

— Да, — сдержанно отвечает он. — Я купил его не глядя, но это было лучшее решение, которое я когда-либо принимал. — Он идет к кузову своего грузовика и берет мои сумки. — Давай зайдем внутрь.

Что за человек покупает ранчо, не глядя? Наверное, тот, кто, следуя порыву, отправляется в путешествие через всю страну.

Мне отчаянно хочется узнать его историю, но я не смею давить. И все же я заинтригована. В его глубоких голубых глазах есть печаль. Загадка, которую я хочу разгадать.

Я следую за широкоплечей фигурой Чарли и жду, пока он достанет связку ключей. Он перебирает их в поисках нужного.

— Мы убираем их каждую неделю, так что все должно быть в порядке. Но если это не так, ты можешь позвонить Тине на ресепшн, и она пришлет все, что потребуется.

— Я уверена, что все будет... — задыхаюсь я, когда он распахивает дверь. — Идеально. — Я прижимаю руки к сердцу и вхожу внутрь.

Современный коттедж сохранил все очарование традиционного горного жилища. В гостиной установлен камин в каменной стене. Пестрый ковер покрывает деревянный пол. Деревянная мебель. На небольшом столике стоит проигрыватель с подборкой альбомов в стиле кантри. У дальней стены — мини-кухня с плитой.

Чарли опускает мои сумки. Я чувствую на себе его взгляд, пока хожу по комнате, осматриваясь.

Все мое тело трепещет от радости.

Мой.

Этот коттедж, этот сказочный коттедж, будет моим в течение трех замечательных месяцев.

У меня никогда раньше не было собственного жилья.

Это похоже на власть.

На свободу.

Я люблю, люблю, люблю это.

Я снова задыхаюсь.

В спальне стоит роскошная кровать с горой подушек, цветастым одеялом и банкеткой на ножках. Письменный стол придвинут к раздвижной стеклянной двери, выходящей на журчащий ручей.

— Кто занимался интерьером? — Я краснею, когда понимаю, как это звучит. — Не обижайся.

Он ухмыляется.

— Я пытался, но ты права. Моя сестра наняла кое-кого.

Я захожу на кухню и выглядываю в окно, из которого открывается вид на дом Чарли.

Чарли переминается с ноги на ногу, скрещивает и опускает руки.

— Ты можешь готовить здесь, но поскольку мы не запаслись продуктами в городе, поесть можно в лодже. Гости могут свободно приходить и уходить. — Он кивает в мою сторону. — На холодильнике висит расписание. Ужин в семь.

— Мне все нравится, Чарли. — Я присоединяюсь к нему в гостиной. — Но ты не должен был этого делать. Я была бы счастлива в хижине.

Он прочищает горло.

— Я просто подумал, что он тебе подходит.

Жар обжигает мои щеки. Я не знаю, что с этим делать, но мне приятно.

— Это слишком, — говорю я. Мой рот растягивается в улыбке. — Но я обещаю, что сделаю для тебя шикарный аккаунт в социальных сетях.

Уголок его рта приподнимается почти в улыбке.

— Хуже быть не может.

Он удерживает мой взгляд, рассматривая меня с любопытством. Затем, так же внезапно, его лицо ожесточается, в глазах появляется свирепость.

— Мне... нужно идти.

Чарли поворачивается и натывается на вешалку. С рычанием он придерживает ее и выходит на крыльцо. Я подхожу к сетчатой двери и смотрю, как он идет к своему грузовику, упиваясь видом его задницы в джинсах «Wranglers». Я машу ему рукой и неуверенно улыбаюсь, когда он уезжает. Сердце бешено колотится в груди.

Похоже, Чарли Монтгомери — мой новый босс.

Глава 8

Чарли

Дверь распахивается в тот момент, когда я снимаю кофейник с конфорки. Я издаю стон. Еще чертовски рано, чтобы мои братья врываются сюда, как стадо бизонов, после такой беспокойной ночи.

Я наливаю себе чашку кофе и провожу рукой по волосам.

Всему виной Руби.

Я всю ночь пролежал без сна, размышляя о всяком дерьме, о котором не должен был думать. Например, о выражении радости на ее лице, когда она увидела коттедж. С таким же успехом я мог подарить ей бриллиантовое кольцо. Она кормила Голодного Хэнка так, будто не боялась, что он откусит ей руку. Эта девчонка, хлопая ресницами, уговорила меня на летнюю работу, а я, как последний дурак, согласился.

Черт, я должен был.

Я ни за что не позволил бы ей остаться в «Йодлере».

— Лучше бы горела конюшня или кто-то пострадал, — ворчу я, услышав приближающийся топот сапог. — Сильно.

— Черт, это лучше, чем если бы кто-то был смертельно ранен, — ухмыляется Форд, выглядывая из-за угла, чтобы стянуть мою чашку кофе. Сделав большой глоток, он морщится. — Господи, ты варишь его так, будто пытаешься довести себя до сердечного приступа.

Я забираю чашку обратно.

— Тогда заваривай свой чертов кофе сам.

Форд ухмыляется.

— Но мне нравится критиковать твой.

Дверь снова хлопает. Я поднимаю глаза к потолку, удивляясь, почему меня вообще это беспокоит. Главный дом, где я живу, — это место, где сосредоточено все, что связано с Монтгомери. Семейные традиции, покерные вечера, виски и сплетни. Невероятно, чтобы никто не зашел.

Сняв кофейник с конфорки, я наполняю свою чашку. Мне нужны силы, чтобы разобраться с этими идиотами.

Форд поднимает бровь.

— Что тебя вывело из себя?

Прежде чем я успеваю сказать ему, чтобы он не лез не в свое гребаное дело, из коридора доносится голос Уайетта.

— Похоже, мы обзавелись парой племянниц, засранцы!

Услышав новости, я выдыхаю, пытаюсь хоть раз успокоиться и сосредоточиться на чем-то хорошем.

— С Эмми Лу все в порядке? — спрашиваю я, когда Уайетт и Дэвис появляются из-за угла с самодовольными улыбками на лицах.

— Все отлично. — Дэвис бросает мне свой телефон. — Посмотри сам.

— Черт, я пошлю им пони, — объявляет Уайетт, глядя на свой телефон.

Я читаю сообщение своей младшей сестры.

Познакомься с Дейзи и Корой, твоими новыми племянницами и крестницами. Мы устали, но счастливы. Позвоним вам всем позже. Люблю вас, мальчики. ЭЛ.

Под текстом — фотография спеленутых младенцев, одна в розовом, другая в желтом. Розовошекие херувимчики. Новые Монтгомери. На сердце у меня сразу становится на тысячу фунтов легче. Слава богу, все в порядке.

Я возвращаю Дэвису его телефон.

— Чертовски милые. Идентичны?

Форд качает головой.

— Не-а. Следующие за нами с Дэвисом.

Дэвис опирается на столешницу, выполненную в стиле «live edge»¹⁶. Его глаза сканируют остывшую яичницу и остатки выпечки от вчерашнего завтрака, прежде чем остановиться на мне.

— Теперь, когда мы разобрались с этим милым дерьмом, не хочешь рассказать нам, что сказал Сид?

Уайетт падает на барный стул.

— Меня больше интересует, почему Чарли раздает бесплатное жилье. — Он приподнимает бровь. — Принимаешь бездомных?

Я провожу рукой по лицу. Я не в настроении слушать чушь Уайетта.

— Если ты заткнешься на секунду, я тебе расскажу.

Я скрещиваю руки на груди и пересказываю братьям разговор со Сидом об угрозе девелоперов.

— Как ты думаешь, что они сделают? — спрашивает Уайетт, когда я заканчиваю.

— Они будут любезны, когда придут и предложат купить у нас ранчо. Когда мы скажем им, чтобы они шли нахрен, они начнут нам угрожать, — предполагает Форд.

— Мы будем готовы, когда они придут. — Лицо Дэвиса мрачнеет. — На северной стороне ранчо устанавливается новая система безопасности. Будем следить за дорогой.

— Как быстро? — спрашиваю я, ставя свою уже опустевшую чашку на стойку.

— Где-то на следующей неделе.

С кофейником в руках, Форд спрашивает:

— А девушка? Что здесь делает принцесса? Ей что, мало досталось в «Пустом месте»?

Вздохнув, я потираю рукой челюсть.

— Она думает, что может помочь нам с нашей... проблемой. Заведет аккаунт в социальных сетях. Сделает нам хороший пиар или что-то в этом роде. — Я оглядываю своих братьев. — Я нанял ее на лето.

Уайетт, выглядящий так, словно надышался собачьего дерьма, театрально опускает голову. Его жалобный стон наполняет кухню, и я закатываю глаза. Единственный, кто драматичнее нашей мамы, — это Уайетт. Даже Эмми Лу более здравомыслящая, чем этот ребенок.

Мои братья смотрят на меня с сомнением.

— Слушайте, я хочу, чтобы она была здесь не больше, чем вы, но мы должны попытаться как-то исправить произошедшее.

— Если ты не хочешь, чтобы она была здесь, тогда почему она живет в коттедже, а не в хижине? — спрашивает Уайетт с хитрой ухмылкой.

— Что? — огрызаюсь я. — Да, я поселил ее у реки. Ты же знаешь, что этих ублюдков затапливает, если у нас выпадает два дюйма дождя.

Дэвис задумывается.

— Это хорошая идея, Чарли. Сегодня утром у нас было еще три отмены.

— Черт.

Возможно, нанять Руби было не самой плохой идеей. Если мы сможем сосуществовать в течение трех месяцев, наладим работу ранчо, вернем деньги и гостей, то это не будет такой уж потерей.

— Только бы она не мешала. — Уайетт слезает с барного стула и подходит к стойке. — Если она попытается, я не сдвинусь с места. — Все еще ворча, он наклоняется к столешнице и стучит по шкафу. Его голос звучит приглушенно и раздраженно. — К концу недели она, наверное, заставит нас петь песни у чертова костра.

— Никто не будет петь, — рывкает Форд.

— Никто не хочет, чтобы ты, блядь, пел. — Я морщу лоб. Вот тебе и спокойное утро. — Заткнись, Уай. И какого черта ты там делаешь?

Мы все замираем, когда раздается легкий стук в дверь.

¹⁶ Стиль заключается в максимальном сохранении природной фактуры, в частности естественной кромки дерева, при минимальной обработке. Для придания прочности часто используется смола.

Головы поворачиваются, когда на кухне появляется босая Руби. Под мышкой у нее ноутбук.

Чтоб меня. Еще один сарафан.

— Извините. — Ее милое личико излучает солнечный свет и нерешительность. — Простите, что помешала...

— Что за глупости, милая. — Форд поднимает чашку с кофе. — Чем мы можем тебе помочь?

Я бросаю на Форда предостерегающий взгляд. Если бы он не называл каждую женщину в городе «милой», мой кулак уже прилетел бы ему в лицо.

— Привет. Я Руби, — щебечет она, прежде чем сделать шаг на кухню. Когда она заправляет длинную прядь волос за ухо, ее взгляд останавливается на мне. — Чарли, у меня не работает Wi-Fi в коттедже. Секунду назад все работало нормально, а теперь сигнала нет.

Я хмурюсь.

— *Пожалуйста*, — шепчет мне Уайетт, прежде чем направиться к Руби. — Привет, Руби. Я — Уайетт, красавчик. — Он пожимает ей руку, и я тихо стону, когда вижу кабель роутера, торчащий из его заднего кармана.

— Приятно познакомиться, — говорит она, улыбаясь во весь рот. — Со всеми вами. Форд одаривает ее одной из своих очаровательных улыбок.

— Я Форд, а это Дэвис, что мы можем предложить тебе выпить? Воду, пиво, кофе? Присаживайся.

— Нет, нет, и да, пожалуйста. — Она выдвигает стул у острова и ставит перед собой ноутбук. — Со сливками, если они у вас есть.

Я скрещиваю руки.

— У нас их нет.

Форд отпихивает меня с дороги, чтобы поставить перед Руби дымящуюся чашку кофе.

— Как тебе на ранчо? — спрашивает Дэвис.

— О, оно прекрасно. Свежий воздух как снотворное. Я так хорошо спала прошлой ночью. — И снова ее глаза встречаются с моими. — Я посмотрела видео, о котором ты мне говорил, Чарли.

То, как она произносит мое имя, то, как она смотрит на меня, словно в комнате больше никого нет, что-то делает со мной. Что-то, что мне чертовски не нравится.

— И? — спрашиваю я.

— И это чушь собачья.

Дэвис усмехается, услышав ругательство, сорвавшееся с ее губ. Оно кажется неуместным, когда вылетает из ее пухлого розового рта. Девушка не могла бы быть более очаровательной, даже если бы была сделана из котят. Господи.

Руби сердито морщит лоб. Она выглядит такой чертовски красивой, что это почти несправедливо.

— Эта леди... как будто специально хотела доставить неприятности.

Форд смотрит на меня и Дэвиса с триумфальной улыбкой на самодовольном лице.

— Видите? Она поняла.

— Аминь, — говорит Уайетт.

Руби открывает свой ноутбук.

— Я начала вести твой аккаунт в Инстаграме.

Я поднимаю бровь.

— Это быстро.

Она улыбается и делает маленький глоток кофе, словно смакуя его.

— Не стоит терять время, верно? На самом деле, я подумала, что мы можем начать уже сегодня.

— Мы?

Мне уже не нравится, к чему все идет.

— Ну, да, — говорит она, ее яркая улыбка становится все шире. — Я могу все устроить сама, но мне бы хотелось увидеть ранчо. Так я смогу получить реальное представление о том, как оно работает.

— Что-то вроде экскурсии? — Уайетт наклоняется к ней, так близко, что должен чувствовать запах ее чертовой шеи. Если она повернется, они будут в дюймах друг от друга.

Я свирепо смотрю на него. Мы близки, но это не значит, что я не впечаталаю своего младшего брата головой в гребаную стену, если он переступит черту.

— Именно. Все будет не так уж плохо, — успокаивает Руби, несомненно, видя, как мы все вздрогнули. — Я уже выбрала имя пользователя и потрачу несколько недель, создавая необходимый контент для канала, прежде чем начну работать. У меня всего несколько вопросов. Например, сколько здесь акров земли? И сколько сотрудников? И самый очевидный — почему оно называется «Беглец»?

Она продолжает щебетать, ее голос звучит как мелодия, когда она сыплет вопросами, не обращая внимания на воцарившуюся тишину, но я обращаю.

Напряжение сгущается, как туман.

Я не упускаю из виду обеспокоенный взгляд, которым Форд обменивается с Дэвисом. Я стараюсь не обращать внимания на то, как твердеет моя челюсть, как сжимаются мои кулаки, а в животе завязывается чертов узел.

Я рычу и отступаю от стойки. Я не хочу говорить о Мэгги. Углубляться в подробности того, как ранчо получило свое название, не входит в число моих сегодняшних приоритетов. Как и устраивать Руби персональную экскурсию по владениям.

— Мне нужно заняться утренними делами, — резко говорю я, опуская чашку с кофе в раковину. — Так что, боюсь, я не смогу помочь тебе прямо сейчас.

— Я могла бы пойти с тобой, — предлагает она, с надеждой глядя на меня поверх ноутбука. Ее глаза расширены и полны нетерпения. — Я могу помочь по хозяйству.

Молчание.

Руби прикусывает губу.

— Если ты занят, может, кто-нибудь другой проведет для меня экскурсию? — Она обводит взглядом кухню и ободряюще улыбается всем нам.

Звук ее голоса — веселого и непреклонного — вызывает во мне раздражение. Она не собирается отступать, и мысль о том, что кто-то другой будет водить ее по ранчо, заставляет меня вздрогнуть.

И тут я понимаю, в чем моя гребаная проблема.

Есть что-то гипнотическое в том, что она сидит здесь, с ее дерзкими голубыми глазами и вишнево-красными губами. На моей кухне, за моей стойкой, пьет кофе, как будто это еще одно обычное утро на ранчо. С ней приятно находиться рядом, а такого со мной не было уже чертовски давно.

Она красивая. Слишком красивая.

Это пугает меня до смерти.

— Не могу. — Дэвис уже движется к двери. — Мы с Фордом ведем группу на хребет для перегона скота.

— Я тоже не могу, — говорит Уайетт, отхлебывая диетическую колу и хватая пирожное. Его тяга к сладкому не знает границ. — Сегодня я тренирую Фэллон на пастбище.

— Вы убьете друг друга, — замечает Форд.

Уайетт смеется.

— Я все надеюсь, что она упадет с лошади, но мне пока не везет. — Он двигает бровями в сторону Руби. — Если тебе надоест Чарли, приходи посмотреть шоу.

— Убирайся отсюда, — рычу я.

— Увидимся, — говорит Форд, помахав рукой, и я машу в ответ.

Я смотрю, как мои братья выходят из дома, их смех доносится через дверь.

Засранцы.

Руби соскальзывает с барного стула, подол ее розового сарафана поднимается, обнажая длинные загорелые ноги и соблазнительную попку. Ее большие голубые глаза выжидающе смотрят на меня. Ее милое личико такое деловое.

— Может, займемся делами? Утренними?
Три месяца, напоминаю я себе. Три чертовых месяца.

Глава 9

Руби

— Сколько у вас тракторов? И сколько акров земли? А что насчет ваших работников?

— Два трактора и 17 000 акров. — Пот струится по его лбу, когда Чарли смотрит на меня из-под пыльной ковбойской шляпы. На его красивом лице появляется суровое выражение. — Тебе действительно нужно все это знать?

— Да. Это моя работа, — напоминаю я ему. — Работники?

Он выдергивает пару сорняков у стены конюшни. У меня внутри все сладко сжимается, когда я замечаю, как перекачиваются мышцы на его скульптурной спине.

— У нас двадцать шесть человек. Они живут на ранчо с апреля по сентябрь.

Не дожидаясь меня, он направляется к конюшне. Я разочарованно вздыхаю и бегу за ним.

Он немногословный человек. Надо отдать ему должное.

Последние несколько часов я таскалась за ним, задавая ему вопросы, пока он работал. Смотрела, как он рубит дрова и чинит трактор в мастерской. Слушала, пока он болтает с одним из наемных рабочих о том, что собирается с новой группой порыбачить на Лосиной реке.

Пока что я впечатлена Чарли Монтгомери. Ранчо «Беглец» — это хорошо отлаженная машина, за которой стоит надежная команда. Персонал выглядит довольным, а гости наслаждаются отдыхом. На мой взгляд, видео принесло вред, но оно не было настолько плохим, чтобы вызвать негативную реакцию. Женщина вела себя так, будто намеренно устроила эту сцену. Не было причин для неутраченной критики в ее комментариях.

— А как же занятия? — подстрекаю я, пытаюсь догнать Чарли.

— А что с ними? — кричит он в ответ.

Я прячу улыбку от ледяных ноток в его тоне, пока он идет к конюшне.

То, что Чарли Монтгомери выглядит так, будто он предпочел бы смертельную болезнь мне, идущей за ним по пятам, только усиливает мое желание измотать этого человека.

Я заставляю его улыбаться, даже если это убьет меня.

Все, что мне нужно, — это неделя, чтобы ознакомиться с ранчо, а потом я смогу творить свою магию в уединении. Нам с Чарли Монтгомери больше никогда не придется видаться. Даже если от этой мысли у меня начинает болеть сердце.

Я делаю глубокий вдох и бегу за мужчиной, который оставил меня позади в клубах пыли.

— Просто делай свои дела, — говорю я, слегка запыхавшись. — Не позволяй мне мешать тебе.

— Ты уже мешаешь, — ворчит он.

Я незаметно улыбаюсь. Я привыкла к тому, что люди несерьезно относятся к социальным сетям. Я видела сомнения на их лицах сегодня утром. *Снисходительные* взгляды, которыми обменялись братья. Они думают, что я не смогу это сделать.

Я не могу дождаться шанса доказать, что они ошибаются.

— Что это? — Я указываю на большое красное здание, расположенное в двух шагах от конюшни. Вывеска перед входом гласит: — «Дом воинского сердца».

— Это Дэвиса, — говорит Чарли. — Он занимается реабилитацией военных служебных собак. Работает с ними, пока они не поправятся, а потом либо возвращает их домой, либо мы позволяем им доживать свои дни здесь.

— Правда? — Я делаю пометку в своем телефоне. — Это круто, Чарли.

Он приподнимает шляпу и проводит большой рукой по своим растрепанным волосам.

— Когда у нас на ранчо появляется группа детей, мы приводим их сюда. Учим их быть добрыми к животным.

Мое сердце замирает от этих слов.

Это прекрасно. Интересно, знает ли он об этом?

Я останавливаюсь и делаю фотографии для Инстаграма. Когда я поднимаю глаза, Чарли исчезает за двойными голландскими дверями, ведущими в конюшню.

Я прикусываю нижнюю губу и спешу за ним.

Меня встречает тихое ржание.

— О, Боже мой, — выдыхаю я.

Огромная конюшня могла бы стать вторым домом. По обеим сторонам тянутся стойла. На дальней стороне — большое помещение для хранения сена и небольшая кухня с раскладушкой и барной стойкой. Но у меня перехватывает дыхание не от размеров помещения. Это три лошади, высунувшие свои морды над дверьми стойл, их темные глаза полны любопытства.

Не поднимая глаз, Чарли затаскивает на чердак тюк сена и говорит:

— Поскольку ты все равно спросишь: черный — это Призрак, гнедой — Большой Рыжий, пегая — Вессон. Всего у нас пятнадцать верховых лошадей. Остальных Колтон вывел на прогулку.

— А можно мне погладить одну?

Он выпрямляется и пожимает широкими плечами.

— Они все как котята. Выбирай.

— Я никогда не сидела на лошади, — говорю я, подходя к ним поближе. Мой список дел меняется. Я мысленно добавляю — *прокатиться на лошади*. Ускакать на ней в закат и представить, что я ковбойша, дикая и свободная.

На этот раз Чарли выглядит заинтересованным.

— Правда?

— Да. — Я обхожу стойло, разглядывая Вессон. Коричневый хвост отгоняет мух. — Никогда не ездила на мотоцикле, не каталась на волнах, не танцевала на стойке в баре и не принимала наркотики. Скучно, я знаю.

Чарли что-то бормочет, берясь за второй тюк сена.

Сомневаюсь, что он вообще меня услышал.

Прилив грусти, за которым следует чувство сожаления, накрывает меня. Оно остается внутри, воспоминания впиваются в меня, как пиявки.

Ближе всего к какому-то волнению в моей жизни я была, когда занималась балетом. Когда мне было семь, barre и плие стали моей жизнью. Я занималась часами. У меня была учительница, которую я обожала, и которая кричала — вуаля! — каждый раз, когда мне удавалось сделать пируэт. Когда я поднималась на цыпочки, мне казалось, что я могу достичь чего угодно. Это было самое большое счастье в моей жизни. Два месяца спустя я оказалась в больнице с диагнозом СВТ. Несмотря на заверения врачей, что со мной все будет в порядке, если я буду делать перерывы, отец не разрешил мне продолжить.

В тот день мне казалось, что я уже потеряла свою жизнь, хотя я была еще жива.

Моя рука касается щеки Вессон. Улыбаясь, я наслаждаюсь ощущением ее бархатной шерсти. Мягким дыханием из ее ноздрей. Она — лучшее средство, помогающее мне сосредоточиться на том, что у меня впереди, — на моей жизни.

Я слышу звук тяжелых шагов и оглядываюсь через плечо. Чарли тащит большой пакет с кормом, словно это легкая подушка. Я смотрю, как напрягаются его массивные предплечья, когда он заносит его в маленькую комнату.

— Что там? — спрашиваю я.

— Комната для снаряжения, — говорит он. — Мы храним здесь все, что нужно для экипировки лошадей. Седла. Попоны. Лекарства.

Я бросаю последний взгляд на Вессон и подхожу к Чарли.

— Я могу помочь.

Он приподнимает край своей пыльной шляпы «Стетсон».

— Ты?

Его губы изгибаются то ли от недоверия, то ли от уважения, не могу сказать.

Я упираю руки в бедра, провоцируя его поспорить со мной.

— Да, я.

Долгое мгновение он пристально смотрит на меня. Затем он дергает в сторону своим бородатым подбородком.

— Хорошо. Возьми шланг и наполни водой все корыта.

В течение часа мы работаем вместе в тишине. Пока Чарли открывает набор для груминга и хорошенько расчесывает каждую лошадь, я раскидываю новую подстилку и

доливаю воду. Это приятная работа. Работа, которую мой брат и мой отец ни за что на свете не позволили бы мне делать.

Я не задаю вопросов, я и так все вижу. Чарли гордится своим ранчо. Он сам работает здесь. Его уважают. Он добр к животным.

Это заставляет меня очень сильно хотеть спасти его ранчо.

Я вытираю вспотевший лоб, когда мое внимание привлекает какое-то движение. Охваченная любопытством, я иду к открытым дверям конюшни и выхожу наружу. Напротив находится большой огороженный загон, на котором две лошади танцуют что-то вроде танца. Всадники похожи на смерчи, за ними поднимаются клубы пыли и грязи.

Низкий голос Чарли раздается у меня за спиной.

— Давай, — говорит он, протягивая мне бутылку воды и приглашая пройти вперед.

Я улыбаюсь. Похоже, мое молчание будет вознаграждено.

Мы выходим на солнечный свет и направляемся к загону. Звук копыт гулко разносится по траве, вибрация пронзает меня насквозь. Когда мы подходим ближе, я замечаю, что это Уайетт и Фэллон.

На этот раз я задаю вопрос.

— Что они делают?

— Тренируются. — На суровом лице Чарли появляется легкая улыбка. — Фэллон — чемпион по скачкам вокруг бочек. Она берет уроки у Уайетта, когда не хочет его убить. — Он показывает пальцем. — Видишь? Она должна его слушать, но она его перебивает.

Лошади издают радостное ржание. Я смотрю на их массивные мышцы, переливающиеся на ярком летнем солнце. В клубах пыли мелькают рыжие и каштановые пятна.

— Не забывай, ковбойша, я все еще могу обогнать тебя на целую милю, — восклицает Уайетт.

— Ха, — усмехается Фэллон, когда они проносятся мимо нас. Ее смех похож на нож, острый и режущий.

— Она достаточно хороша, чтобы надрать ему задницу. — Чарли усмехается и подходит к забору. — Черт, — говорит он себе под нос. — Эта девчонка умеет летать.

Я бросаю быстрый взгляд в его сторону. Костяшки его пальцев побелели, так сильно он сжал ограждение, но на его лице светится гордость.

У меня внутри все переворачивается. Мне не нравится ни то, как он смотрит на нее, ни то, что я чувствую. Как будто я что-то потеряла, даже не успев этого обрести. Не то чтобы я хотела завоевать его. Ничто в Чарли Монтгомери с его вечной хмуростью и сердитым ворчанием, не позволяет мне думать, что у меня есть хоть какие-то шансы на успех.

— Ты с Фэллон? — Я стараюсь, чтобы вопрос прозвучал непринужденно.

Он моргает. А потом смеется. Яркий восхитительный смех, от которого у меня сердце начинает биться чаще.

— Господи, нет. Она как младшая сестра. Для некоторых из нас, — бормочет он.

Я забираюсь на ограждение, чтобы лучше видеть.

— Ты обучаешь своих гостей?

— Да. У нас есть дневные занятия, на которых Уайетт проводит инструктаж. Но не так, как сейчас. Мы не хотим никого убивать, — язвительно усмехается он.

— Значит, вы открыты только летом?

— Да. — Он придвигается ближе, становясь рядом со мной. — С июня по День труда. Осенью, когда мы закрываемся для гостей, Уайетт проводит родео-тренинги здесь, на ранчо, для любого ковбоя, достаточно тупого, чтобы брать у него уроки.

Мой взгляд возвращается к всадникам.

— Это опасно? Родео?

Он поджимает губы.

— Да. У Уайетта были сломаны ребра, запястья. Однажды копыто попало ему в рот, и он остался без передних зубов.

Я вздрагиваю от этого образа.

— Похоже, ты разбираешься в этом.

Напряженный кивок.

— Я когда-то участвовал в соревнованиях. Давным-давно.

Мой разум перегревается, когда я представляю Чарли верхом на лошади. Настоящий ковбой. Уверенный и сильный. С темными волосами, грубыми чертами лица и мощными мускулами, он выглядит так, будто был создан из пыли и песка родео. Интересно, почему он прекратил?

Мой взгляд возвращается к пастбищу.

— Должно быть жалко, — пробую я. — Отказаться от этого.

Тишина.

Фэллон проносится мимо нас, ее татуировки сверкают на солнце, длинная коса цвета карамели развевается на ветру, а ее лицо...

Я поражена.

Святое дерьмо.

Ее лицо. Выглядит так, будто она отдалась экстазу и всему святому.

Я хочу выглядеть так же. Я хочу чувствовать себя так же. Я прижимаю руку к сердцу, желая, чтобы оно стало свидетелем этого.

То, чего я жажду.

Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить.

— Я бы с удовольствием это сделала, — говорю я, задержав дыхание.

Чарли напрягается рядом со мной, давая понять, что я сказала что-то не то. От него исходит холод, похожий на арктический. Его лицо мгновенно темнеет.

— Нет, Руби, черт возьми, этого не будет.

Затем он отворачивается от меня и уходит обратно в конюшню.

Мои усталые глаза смагивают горячие слезы разочарования. Его резкое и холодное отношение, его острый язык причиняют боль.

На самом деле, это больно.

С этим ковбоем мне не победить.

Ну, к черту Чарли Монтгомери. Я здесь, чтобы работать. И именно это я и буду делать. С ним или без него.

Я оглядываю загон. Фэллон и Уайетт препираются, сидя верхом на лошадях. Небольшой сарай с бочками для дождевой воды перед входом. Пыльные пикапы втиснулись на небольшую стоянку на узкой боковой дороге.

В этот момент мое внимание привлекает громкое фыркание. Повернув голову, я обнаруживаю рядом еще один круглый загон для лошадей, диаметром около сорока футов¹⁷, обрамленный стальными перекладинами. Лошадь, похожая на бурю, цвета черного дерева с белым ромбом на лбу, гарцует туда-сюда. Она выглядит беспокойной и сердитой, как и я сейчас.

Я подхожу к загону и забираюсь на ограждение, наклоняясь вперед, чтобы лучше видеть.

— Привет, — говорю я, прежде чем прищелкнуть языком, как это делал Чарли.

Резко раздув ноздри, лошадь уходит от меня.

Раздраженная тем, что это еще одно существо, которому я не нравлюсь, я решительно набираю полную грудь воздуха.

Я не сдамся.

Сердце бешено колотится, я протягиваю руку в сторону лошади. Поднимаюсь на ограждение, становясь на цыпочки. Ошибка. Потому что я слишком сильно наклоняюсь вперед. И теряю равновесие.

А потом падаю.

¹⁷ около 12 метров

Глава 10

Чарли

Я бегу.

Чтобы спасти гребаную жизнь Руби.

Она сидит в круглом загоне, где Уайетт держит «демонов». Диких лошадей, которых он вызволил из плохих ситуаций и которых еще нужно объездить.

Лошадь может затоптать ее.

Эта единственная мысль заставляет меня мчаться к Руби, словно она вырывает мою чертову душу.

Она смотрит на меня, не понимая, почему я бегу к ней, как проклятый идиот. А потом она машет мне рукой.

Машет, черт возьми.

У меня нет времени злиться. Я должен вытащить ее оттуда.

Лошадь мечется по загону, и перекладки клацают, когда она отскакивает в сторону. Когда копыта лошади едва не задевают ее ладонь, Руби очень быстро понимает, почему ей нельзя находиться в этом загоне.

Широко раскрыв ярко-голубые глаза от паники, Руби ползет назад. Вслепую ощупывая перекладки и хватаясь за них, она пытается встать на ноги. Она пытается забраться наверх, но лошадь, поднимающая пыль и траву, мешает ей как следует ухватиться.

Краем глаза я вижу, как Уайетт мчится на своей лошади к загону. Фэллон следует за ним по пятам. Руби вздрагивает, страх вспыхивает в ее глазах, как оборванный провод. Ее золотисто-розовые волосы блестят на солнце, когда она прижимается своим маленьким телом к ограждению.

И тут я вижу ее.

Мэгги.

Мэгги в стартовом стойле, улыбающаяся той уверенной улыбкой, которую она носила как значок, ожидая участия в своем последнем в этом сезоне забеге с бочками. За несколько минут до начала соревнований ее лошадь испугалась и кувыркнулась назад, прямо на нее. Я упал на колени на этой арене и закричал. Я не останавливался до тех пор, пока отец не отвез меня в больницу, где нам сообщили о том, что Мэгги больше нет. Я хотел убить эту лошадь, вышибить ей мозги из дробовика, потому что она украла у меня Мэгги.

Я не смог защитить ее. Моя единственная чертова работа в жизни, и я не смог ее выполнить.

Я не мог ее спасти.

Не мог.

А потом воспоминания — кошмар — исчезают.

Время ускоряется.

Звук возвращается, и я оказываюсь у загона.

Сердце колотится в груди, я хватаюсь за среднюю перекладину и проскальзываю под нижнюю. Я перекатываюсь по земле, затем вскакиваю и встаю рядом с Руби.

Она тянется ко мне, ее лицо бледное.

— Чарли...

Я бросаюсь к ней, заслоняя ее своим телом от мечущейся лошади.

— Двигайся, — грубо приказываю я. Ее миниатюрная фигурка дрожит рядом с моей, ее рука скользит по моему плечу, посылая яростный огонь вниз по позвоночнику.

Адреналин соревнуется с влечением, но побеждает только одно.

Я не отрываю взгляда от лошади, потому что если увижу ее лицо, то потеряю самообладание.

— Забирайся на перекладину, Руби, и убирайся отсюда. Сейчас же!

Она не спорит, и слава богу.

Она карабкается вверх, Уайетт уже рядом, его пальцы впиваются в ее задницу, чтобы покрепче ухватиться и вытащить ее. Черт, об этом мы поговорим позже, но сейчас мне вытащить свою задницу отсюда целой и невредимой.

— Чарли, быстрее, бро! — кричит Уайетт.

Я хватаюсь за нижнюю перекладину и подныриваю под нее как раз в тот момент, когда копыта лошади опускаются вниз.

— Чертовски близко, — говорит Уайетт, тяжело дыша.

Слишком близко.

Я встаю на ноги и смотрю на Руби.

Должно быть, она видит выражение моих глаз, потому что делает шаг назад.

Теперь я в ярости.

Уайетт кладет руку мне на плечо, сдерживая меня.

— Чувак. Остынь. Это не то же самое.

— Это то же самое, — огрызаюсь я, а затем поворачиваю голову к Руби.

— Мне жаль. Мне так жаль, Чарли, — выдыхает она, смаргивая слезы. Ее рука, прижатая к сердцу, дрожит. — Я не знала.

— Ты не знала, потому что ты здесь не работаешь, — кричу я. — Это опасно, а ты выкинула глупый трюк, из-за которого могла погибнуть.

Она вздрагивает.

— Заткнись, Чарли. — Фэллон смотрит на меня с выражением *продолжай говорить, и я тебя убью*. — Ей и так плохо без того, чтобы ты орал на нее как придурок.

— Заткнись, — говорю я ей, не в настроении выслушивать нотации Фэллон Макгроу.

Уайетт вздрагивает, в его глазах вспыхивает гнев.

— Эй, ты...

— И ты тоже. — Я возвращаю свой тяжелый взгляд обратно к Руби. Она выглядит такой чертовски красивой, такой невинной, с бретелькой платья, упавшей с обнаженного плеча, и с лицом, испачканным в грязи. Во мне снова закипают гнев и беспокойство. — О чем, черт возьми, ты думала? Что ты вообще там делала...

Она подходит ко мне, голубые глаза сверкают.

— Я не думала, потому что ничего не знаю об этом ранчо, потому что ты не хочешь со мной разговаривать, ты, большой засранец. — Она тычет пальцем мне в грудь, и я эффектно замолкаю. — Может, я и слабая, и чаще говорю «да», чем «нет», но я не позволю, чтобы на меня орал какой-то грубый ковбой, который даже не может вести себя как нормальный человек. И, если позволишь, я напому тебе, что именно из-за крика вы вляпались в эту передрыгу в первую очередь.

— В точку, — бормочет Уайетт.

Мы с Фэллон оборачиваемся к нему.

— Заткнись.

Оглянувшись на Руби, я прочищаю горло, но слова извинения застревают у меня в горле. Пот стекает по моей спине. Грудь вздымается, воздух застревает в легких. Черт. Ее испепеляющий взгляд словно раскаленная кочерга на моем языке. Прежде чем я успеваю что-то сказать, она опережает меня.

— Если тебе не нужна моя помощь — отлично. Исправляйте все сами. — Не говоря больше ни слова, она поворачивается и уходит.

Я стою и моргаю, чувствуя себя дерьмом из-за того, что накричал на нее, из-за того, что вел себя как маньяк. Вид Руби в загоне потряс меня до глубины души.

Ее слова, сказанные ранее, вывели меня из себя. *Я бы с удовольствием это сделала*.

Все, чего я хотел, — это схватить ее за плечи и встряхнуть. Сказать ей, что все хорошо, как есть. Она в безопасности. Красивая. Необычная. Ей не нужно скакать на лошади. Ей не нужно быть дикой.

Это может привести к смерти.

Эта мысль — как отзвук тяжелой агонии, давно поселившейся в моей груди.

— Ты знаешь, что должен пойти за ней, — говорит Уайетт, становясь рядом со мной.

Мы оба смотрим, как Руби спешит по дороге к коттеджу. Она идет быстро, уже на полпути к нему.

Я глубоко вдыхаю, чтобы успокоить свое бешено колотящееся сердце. Позволить ей убежать — это не по мне.

— Да. — Я провожу рукой по волосам. Мой «Стетсон» лежит на земле рядом с конюшней. — Что-нибудь посоветуешь?

Уайетт пожимает плечами.

— Будь собой, чувак.

— Так говорят, когда идешь в детский сад.

— А кто сказал, что ты вырос?

Нахмурившись, я делаю шаг вперед, а потом останавливаюсь. На земле, утопая в грязи, лежит что-то серебряное. Я поднимаю его и отряхиваю. Браслет Руби. Я заметил, как она играла с ним в кафе. Голубые опалы на каждом конце создают впечатление, что в нем хранятся все тайны Вселенной.

Я засовываю браслет в задний карман и мчусь через ранчо, понимая, что Руби права.

Во всем, что произошло сегодня, виноват я сам. Я был слишком занят тем, что злился, чтобы рассказать ей о ранчо. Господи, я говорил ей, что все лошади ласковые, как котята. Она предложила помочь по хозяйству, и я был поражен. Это само по себе впечатляет. Половину гостей на ранчо приходится уговаривать, чтобы они взяли в руки гребаную лопату.

Если бы я нашел время показать ей ранчо, если бы я не был так поглощен своим прошлым, она бы не попала в такую передрыгу.

У меня внутри все сжимается.

Черт. Что, если она ранена?

Я был слишком занят тем, что кричал на нее и даже не поинтересовался, все ли с ней в порядке.

Чувствуя, что приближаюсь к расстрельной команде, я делаю глубокий вдох, когда подхожу к ее коттеджу и стучу в дверь.

Дверь распахивается. Мой взгляд устремляется вниз.

Руби стоит там, золотисто-розовые волосы перекинута через тонкое плечо, одна рука на ручке двери, словно она готовится захлопнуть ее.

— Что тебе нужно? — Потрясающие, сердитые голубые глаза смотрят на меня. — Пришел, чтобы еще покричать на меня?

— Нет, я... — Мой взгляд невольно скользит внутрь коттеджа. На кухонном столе стоит небольшая ваза с полевыми цветами, а также маленькие пакетики чая и кружка ранчо «Беглец», купленная в сувенирном магазине. Кухонный стол она превратила в рабочее место, а из радиоприемника негромко звучит музыка в стиле кантри. Со своей точки обзора я вижу ее спальню и открытый чемодан, лежащий на кровати.

Она обустроилась. Сделала это место временным домом.

А теперь она собирается уехать.

Но куда? С кем она там будет?

В моем животе появляется тяжесть.

Руби бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Если ты ищешь, что сказать, то это называется извинением, Чарли. У тебя есть словарь? Загляни в него.

На моих губах появляется улыбка. Видеть, как милашка превращается в злючку, чертовски восхитительно.

Расправив плечи, она говорит:

— Я хорошо справляюсь со своей работой, и если ты не хочешь, чтобы я оставалась здесь, я уеду. Но я не покину Воскрешение. Я буду разносить пиво в «Пустом месте», а ты можешь держаться подальше, если это так небезопасно. Но я не останусь здесь, чтобы на меня кричали, ругали или...

— Слушай, ты права, — рычу я.

Она молчит, но ее голубые глаза по-прежнему пылают.

Я понижаю голос и миролюбиво поднимаю ладони.

— Я кричал, потому что это ранчо, и мы так поступаем, когда возникают проблемы. Ты была на волосок от гибели, и это напугало меня. Но я слишком остро отреагировал. Мне не следовало кричать. Я больше так не буду.

— Оу. — Ее глаза расширяются. — Вау. — А потом она улыбается, так ярко, что это почти сбивает меня с ног. Это улыбка, которой я не заслуживаю, но, черт возьми, я ее приму. — Я этого не ожидала.

— Я не ожидал, что ты сегодня упадешь в загон для лошадей, но, похоже, мы оба ошибались.

— Чарли. — Она смеется и наклоняет голову, словно изучая меня. — Ты только что пошутил.

Я хмыкаю.

— Да, ну, у меня бывают моменты.

Ее взгляд смягчается.

— Тебе следует больше улыбаться. Потому что когда ты улыбаешься, ты выглядишь... — Она замолкает, вздрогнув. Ее рука взлетает и прижимается к груди.

— Ты в порядке? — Не получив ответа, я наклоняю голову, чтобы встретиться с ней взглядом. — Руби?

В ответ у нее подкашиваются ноги.

Я протягиваю руку и ловлю ее за талию, притягивая к себе. В моих объятиях она такая маленькая, едва достает до середины моей груди.

Ее голова откидывается назад со вдохом.

— Я в порядке.

Чушь. Это происходит с ней уже второй раз с тех пор, как мы познакомились.

Прижимая ее к своей груди, я подвожу ее к дивану, где мы оба садимся. Я прижимаю ее к своему плечу, не доверяя, что она сможет сидеть самостоятельно. Я окидываю ее взглядом.

Черт, лицо у нее такое бледное.

— Ты в порядке? — У меня в горле застревает комок. — Ты ведь не пострадала там, правда?

Я сам виноват, если это так.

— Нет. — Она слабо качает головой. — Я не пострадала. — Ее щеки порозовели, глаза закрылись. — Мне нужно посидеть минутку. Со мной все будет в порядке.

Я замираю, когда она кладет голову мне на плечо.

— Можно я посижу так? — спрашивает она.

Я обхватываю ее рукой, прижимая к себе.

— Да, конечно.

Маленькая и теплая, она прижимается ко мне. Ее колени упираются в мое бедро, и с ее губ срывается тихий вздох. Господи, я получаю удовольствие от ее прикосновений. Желая отвлечься, я позволяю своему взгляду блуждать по ее тонким чертам. Мягкое биение пульса на ее кремово-белой шее. Ее темные ресницы. Ее пухлые губы. Она сексуальная. Красивая.

Слишком красивая для ранчо.

Слишком опасная для меня.

Мой взгляд снова падает на вазу с полевыми цветами.

— Ты любишь цветы? — спрашиваю я.

Каким бы глупым ни был вопрос, он должен нас отвлечь. Потому что сейчас единственным, кто говорит, является моя эрекция, пытающаяся разорвать переднюю часть моих гребаных джинсов.

Она хмыкает.

— Да. У моего отца цветочный магазин в Кармеле. Я веду аккаунт в социальных сетях для него. «Букеты Блума».

Я улыбаюсь.

— Какой твой любимый цветок?

— Подсолнух, — говорит она мне в плечо, и я чувствую, что она улыбается.

— Почему подсолнух? — Я мог бы слушать живую мелодию голоса Руби днями.

— Это многолетние растения. — На мое ворчание она поясняет. — Они крепкие и стойкие, и ты не сможешь их убить, даже если попытаешься. Каждую весну, когда условия подходящие, почва мягкая, солнце яркое, они снова возвращаются к жизни. В засуху или в паводок они выживают. Вот что мне в них нравится.

Я решаю, что мне они тоже нравятся. Потому что в этот момент все, что нравится Руби, автоматически нравится и мне.

В комнате воцаряется легкая тишина.

— Как я выгляжу, когда улыбаюсь? — спрашиваю я, возвращаясь к ее предыдущему высказыванию.

— Хм... — Она смеется. — Менее угрюмым.

Затем, с тихим вздохом, Руби отстраняется от меня. Я сопротивляюсь желанию притянуть ее обратно к себе и удержаться рядом.

Когда она садится, я внимательно осматриваю ее. Слава Богу, с ней все в порядке.

— Спасибо, что подставил плечо, — говорит она, поправляя подол платья.

— В любое время. Вот. — Я достаю браслет из заднего кармана. — Я нашел это рядом с загоном.

Она ахает и смотрит на браслет с таким видом, будто я вызволил ее любимого щенка из приюта.

— Спасибо. Я даже не заметила, что он пропал. — Она берет его у меня и надевает на свое изящное запястье. — Оно принадлежало моей матери.

Прошедшее время.

В этот момент я решаю, что хочу узнать историю браслета. Историю Руби Блум. Это ничего не значит — и не может значить, — но, если мы будем работать вместе в течение следующих трех месяцев, я могу извлечь из этого максимум пользы.

— Остайся, — говорю я ей.

Ее плечи опускаются.

— Чарли...

— Я не буду кричать.

— Я не знаю. — Ее красивые брови хмурятся. — Я хороша в своей работе, но, чтобы делать ее правильно, я должна знать, как работает ранчо. Я не смогу этого сделать, если ты мне не позволяешь.

Ее строгие слова ставят меня на место, и я киваю.

— Я понимаю. Ты права. Я позволю тебе делать свою работу. — Я смотрю на нее сверху вниз. — Я не хочу, чтобы ты уезжала, Руби.

Когда я произношу эти слова, я понимаю, что говорю их всерьез. Я хочу, чтобы эта милая, солнечная девушка осталась на ранчо. Рядом со мной.

Часть настороженности покидает ее лицо.

— И ты ответишь на мои вопросы?

— Я отвечу на твои вопросы. Завтра я покажу тебе ранчо. Абсолютно все.

Я протягиваю ей руку, и когда она вкладывает свою маленькую ладошку в мою, по моим венам пробегает электрический разряд. Эта девушка — наркотик, и она даже не подозревает об этом.

Руби

Мы с Чарли отправляемся в путь на рассвете. Мы завтракаем в лодже — вкусный ковбойский пир из яиц, картофеля на сковороде и блинчиков с подливкой. Я так наелась, что едва могу ходить. Следующие три часа Чарли посвящает тому, чтобы познакомить меня со своими сотрудниками. Я знаколюсь с Тиной, менеджером по обслуживанию гостей, Сайласом, шеф-поваром, и другими работниками ранчо. Со всеми я планирую побеседовать один на один и узнать их историю позже этим летом.

Я следую за Чарли, стараясь не заваливать его вопросами и держась на почтительном расстоянии. Когда я все же задаю вопросы, он терпеливо отвечает на них, словно пытаюсь искупить вину за вчерашний провал.

Я делаю заметки и записываю все, что узнаю, на будущее. План действий в моем воображении прост...

Перевернуть историю.

Принять плохие отзывы.

Приезжайте, чтобы на вас накричали ковбои.

Очень, очень, очень сексуальные ковбои.

Солнце уже высоко в небе, когда мы с Чарли начинаем подниматься на Луговую гору. Он пообещал мне, что оттуда открывается лучший вид в округе, который позволяет понять суть ранчо «Беглец».

— Две мили вверх, две мили вниз. — Он окидывает меня взглядом. — Справишься? Справлюсь.

Без перегрузок и с приемом лекарств, я могу заниматься спортом. Вчерашний срыв был вызван адреналином и стрессом. Спокойный подъем на красивую гору — со мной все будет в порядке.

Он смотрит на меня, все еще ожидая ответа, но на его лице нет того типичного выражения раздражения, которое было у него с тех пор, как мы познакомились. Его сменило терпение.

Я улыбаюсь Чарли.

— Давай не будем спешить?

Голубые глаза не отрываются от моего лица, и он отрывисто кивает.

— Хорошо.

В молчании мы идем бок о бок, и вот уже невысокая возвышенность ранчо уступает место зубчатым горам и высоким соснам, которые, кажется, тянутся до самого голубого неба. Я поправляю солнцезащитные очки, любезно подаренные мне на заправке в Уинслоу, и глубоко вдыхаю свежий воздух, любясь потрясающим видом Монтаны.

Но вскоре мой взгляд останавливается на мужчине рядом мной.

Он погружен в раздумья, но идет вперед уверенно. Камни хрустят под его сапогами, словно он готов покорить гору.

Белая футболка обтягивает его бицепсы и широкую грудь, а мышцы спины напрягаются при ходьбе. Под ковбойской шляпой, сквозь коротко подстриженную бороду, видны его полные губы. Несмотря на яркое солнце, палящее над головой, по моим рукам бегут мурашки. Его привлекательность перегружает мои чувства. Он пахнет потом, сеном, черным кофе и мужчиной.

Я проехала полстраны и нашла лучший вид в мире.

И это — ковбой по имени Чарли Монтгомери.

Опасаясь, что меня застукают, я опускаю глаза к земле и тут же останавливаюсь и ахаю.

Чарли вздрагивает от этого звука и протягивает руку, когда я опускаюсь на землю.

— Руби?

— Смотри, — выдыхаю я, указывая на россыпь фиолетовых цветов на тропинке. — Это дикие фиалки.

Он смотрит на меня.

— Ты странная девушка. — Его взгляд скользит по мне — по моим губам, ногам — и выражение его лица меняется. — Оставайся такой, — говорит он, затем переступает через россыпь цветов и продолжает наш путь.

Я улыбаюсь и выпрямляюсь. Из уст Чарли — это лучший комплимент, который я когда-либо получала.

Мы продолжаем идти, погружившись в приятную тишину на время долгого подъема. Через пятнадцать минут я понимаю, что Чарли поменялся со мной местами. Он сдвинул меня ближе к горе, а сам идет по краю обрыва.

В моем сердце расцветает тепло. Это одновременно и защита, и забота, и это возвращает меня мыслями ко вчерашнему дню.

Мне нравится та часть Чарли Монтгомери, которая заставила его извиниться, но меня привлекает и грубый ковбой, который накричал на меня. Кто-то может назвать это чрезмерной реакцией, но я так не думаю. Скорее, это говорит о том, что ему не все равно, что он беспокоится, возможно, даже больше, чем пытается показать.

Вчера, когда он обнял меня и усадил на диван, я почувствовала это. Мое сердце. Учащенное сердцебиение. Но не из-за моей аритмии. Из-за Чарли. Он был добрым и милым, спрашивал о цветах, чтобы отвлечь меня от того, что у меня почти случился приступ трепетания. Даже если он не знал об этом.

Мерзкое чувство вины ползет по моей коже. Ненавижу то, что мне приходится лгать ему о своем состоянии, но я не хочу, чтобы Чарли считал меня хрупкой, как все остальные в моей жизни. Это не вариант.

Я хочу быть нормальной, даже если это временно.

Я не могу впустить Чарли. Я не могу рассказать ему правду.

Это небезопасно.

Для нас обоих.

— Давай остановимся здесь. — Чарли, высокий и широкоплечий, идет к смотровой площадке, двигаясь с уверенностью, которая говорит мне о том, что он знает и любит эту землю.

Секунду я прислушиваюсь к своему сердцебиению, дышу медленно и ровно.

Чарли показывает пальцем на водопад, расположенный по диагонали от нас.

— Это Плачущий водопад.

— Почему он так называется?

Он выглядит мрачно.

— Как гласит история, сюда пришел обоз. Они разбили лагерь у водопада. Через два дня их настигла сильная буря. Горный хребет затопило, и вода смыла одну повозку через край водопада. Она была полна детей.

Я задыхаюсь, ошеломленная его величием, бушующей водой, каскадом низвергающейся с отвесных скал.

Он смотрит на меня.

— Люди утверждают, что по ночам можно услышать детский плач.

— Это так в духе Дикого Запада, — вздыхаю я с ужасом. Шагнув вперед, я делаю снимок водопада, а затем проверяю его.

— Ты думаешь, это спасет ранчо? — В его глубоком голосе слышится не только сомнение, но и отчаяние.

— Думаю.

— Надеюсь, ты права. Сегодня у нас было еще две отмены.

— Правда? — Я хмурюсь и качаю головой. — Ну, не волнуйся. Сейчас тебя знают не те люди, которые нам нужны. — Я улыбаюсь. — Кроме того, жизнь была бы чертовски скучной без ненавистников и сомневающихся. Мы должны вывести их к свету.

Он усмехается.

— Как тебе удастся всегда быть такой позитивной?

— Я всегда вижу светлую сторону. Мне приходится. В моей семье я должна быть позитивной.

— Это причина, по которой ты здесь? Семья? — Его вопрос задан беспристрастно, как будто ему все равно, но под поверхностью я чувствую затаенное любопытство.

Я пожимаю плечами.

— Думаю, это просто кризис среднего возраста.

Чарли смеется, и мой пульс становится чаще. Его смех преображает все его тело, широкие плечи расправляются, в уголках глаз появляются морщинки. Он все такой же суровый, только более умиротворенный.

— Если ты — среднего возраста, дорогая, то я чертов дедушка.

Дорогая. Ласковое обращение поглощает меня, как лесной пожар.

Я колеблюсь, а потом, поскольку мы вроде как приоткрыли свои души, спрашиваю:

— Почему ранчо называется «Беглец»?

Чарли качает головой, его красивое лицо темнеет.

— Мы говорим о тебе.

Я хмурюсь. Он уже второй раз уклоняется от ответа на этот вопрос.

— Почему ты здесь? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне.

Теперь моя очередь уклоняться от ответа. Рассказать о том, почему я путешествую через всю страну, — все равно что впустить все плохое обратно. А я не хочу нести это бремя в этом чудесном городке.

— Я здесь, чтобы повеселиться. Чтобы посеять...

— Дикий овес? — Его голос хриплый, раздраженный, но от него меня бросает в дрожь. Пристальный взгляд его голубых глаз прожигает во мне дыру. — Но почему? Люди не бегут, если они не... — Он замолкает, не успев договорить до конца. Но я могу заполнить пробелы.

Бегут.

— Как насчет сделки? — объявляю я. — Я скажу тебе, почему я здесь, когда ты скажешь мне, почему твое ранчо называется «Беглец».

Он хмурится, а я усмехаюсь. Блеф раскрыт. Я чувствую себя лучше, потому что теперь я не лгу, а только скрываю. Так же, как и он. Это справедливо.

Мы поднимаемся по склону горы, и Чарли продолжает идти ближе к краю. Я пинаю камешек и наблюдаю за ястребом, парящим в чистом голубом небе. Широкая ладонь касается моей руки, и я оглядываюсь, с благодарностью принимая бутылку ледяной воды, которую протягивает мне Чарли.

— Впереди, — раздается его низкий голос. — Последняя смотровая площадка.

Здесь душно, жарко, но мы продолжаем подниматься. Широкая тропа вскоре выводит нас на узкую тропинку, идущую прямо вдоль обрыва. Она слишком узкая, чтобы вместить нас обоих, поэтому Чарли медленно идет за мной.

— Это твой план, ковбой? Затащить меня на гору и столкнуть с нее? — игриво спрашиваю я, осмеливаясь бросить взгляд через плечо.

Он усмехается, но молчит, не сводя с меня пристального взгляда, словно следит за каждым моим шагом.

Наконец мы добираемся до части горы, возвышающейся над ранчо.

— Боже мой, Чарли. — Я смотрю на него широко раскрытыми глазами, а потом снова на потрясающий вид.

— Красиво, правда?

— Да. — Я не могу отвести взгляд от панорамного вида на ранчо «Беглец», сверкающего водопада, города Воскрешение. Я отхожу от высокого, широкоплечего Чарли и подхожу ближе к краю.

Ранчо «Беглец» — самое захватывающее место, где я когда-либо была.

Самое реальное из всего, что я когда-либо видела.

Затаив дыхание, я наклоняюсь вперед, чтобы лучше видеть. Сердце колотится в знак солидарности с моим безрассудством.

Я хочу увидеть больше.

Я хочу увидеть все.

Я подаюсь вперед и ахаю, когда перед моим лицом пролетает краснохвостый ястреб. Мое тело оказывается в воздухе, когда меня поднимают, а затем опускают обратно на землю.

— Господи. — Чарли прижимает меня к своей мускулистой груди, его красивое лицо темнеет, как грозовая туча.

Я извиваюсь в его объятиях и, подняв солнечные очки, моргаю, глядя на него. Он все еще прижимает меня к себе, а его рука вцепилась в пояс моих джинсов.

— Что случилось?

С раздраженным выражением лица он проводит свободной рукой по бороде.

— Ты должна прекратить это делать, Руби.

— Что?

— Ахать. — Между его бровями образуется складка. Он крепче притягивает меня к себе. Я опускаю взгляд и вижу, что костяшки его пальцев, сжимающих изгиб моего бедра, побелели. — Я подумал, что ты, блядь, падаешь.

Я хочу сказать ему, что падение — это наименьшая из моих забот, чтобы он привык к моим вздохам благоговения, но страх в его горящем взгляде заставляет меня отказаться от борьбы.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Когда я устраиваюсь рядом с ним, я слышу его ровное дыхание. — Я посмотрю отсюда. — Я поднимаю на него глаза. — Теперь ты можешь отпустить меня, ковбой.

Он сглатывает, и атмосфера между нами накаляется. Мой пульс бьется быстрее при виде сурового гнева и невольного беспокойства на его лице.

Наконец он убирает свою большую руку с моей талии и скрещивает руки. Напряжение немного спадает с его лица.

После этого между нами воцаряется комфортная тишина, и мы с Чарли стоим, любуясь пейзажем, единственными свидетелями которого мы являемся.

— Это ранчо «Беглец», — говорит Чарли с гордостью в голосе. — То, ради чего все и затевалось.

Я вижу, что он пытается мне показать. Люди. Красота. Дикая природа.

Все, что его волнует, находится на этой земле под нами.

— Скажи мне, почему, — говорю я серьезно и кладу ладонь на его плечо. — Скажи мне, почему ты любишь это, Чарли.

Он смотрит на меня, на его челюсти пульсирует мускул, и наши взгляды встречаются. В его васильково-синих глазах вспыхивает пламя.

Сначала я думаю, что опять задела его за живое, что меня ждет очередное ворчание и холодный отказ, но глубокий голос Чарли звучит так, словно надо мной разворачивается рулон бархата.

— Это не для всех, — начинает он. — Любить землю. Но когда что-то создано для тебя, ты это знаешь. Ты это чувствуешь. — Он глубоко вздыхает и смотрит вдаль. Его лицо смягчается. — Я люблю эту землю не потому, что она моя, невозможно обладать этой дикой красотой. Я люблю ее, потому что она живая. Потому что ее нельзя приручить. Это чувствуется в воздухе. В лучах солнца, поднимающегося над лугом. Когда я встаю утром, я просыпаюсь вместе с ней. А когда мой рабочий день заканчивается, я ложусь спать. Земля говорит с тобой, придает смысл твоему существованию. Она поддерживает тебя, даже когда ты готов сдаться. Верить в землю — значит верить в себя. Это значит, что ты делаешь что-то стоящее то время, которое отведено тебе в этом мире.

На секунду у меня перехватывает дыхание.

Этот человек, его слова притягивают.

Он дает тебе цель в жизни.

— Мне это нравится, Чарли, — говорю я ему, прижимая руки к своему бешено колотящемуся сердцу. — Мне нравится твое ранчо. И мы его спасем.

Когда я поворачиваюсь обратно, наши руки касаются друг друга, и меня затапливает теплом.

Чарли смотрит вниз, словно тоже это почувствовал. В воздухе что-то изменилось. Электричество между нами.

Он сглатывает несколько раз, так ничего и не ответив.

Я смотрю на него. Он стоит против солнца, его красивое лицо скрыто тенью, но я все равно вижу его. В его глазах — гордость. Но есть и что-то еще. Страх. Какая-то грусть.

Грусть, которая была у меня до того, как я приняла решение.

Печаль, которая ассоциируется у меня с потерей.

Я видела ее на лице отца.

Его хрипловатый голос нарушает тишину.

— Ты сгоришь, — говорит он и надевает свою ковбойскую шляпу мне на голову.

В этот момент я чувствую себя присвоенной.

Сердце замирает в груди.

Может ли сердце перегреться?

Может ли сердце биться для одного человека?

Думаю, мне стоит узнать ответы на эти вопросы как можно скорее.

— Как поживает подсолнух? — спрашивает Макс. Его кошка, Пеппер, мяукает в трубку.

— Я сегодня ходила в поход.

Босиком я ступаю по прохладному твердому дереву. После прогулки Чарли подбросил меня до коттеджа. Теперь пора приниматься за работу. Мне нужно составить календарь мероприятий в социальных сетях и позвонить Молли, моей знакомой в агентстве туризма класса «люкс». Используя своих инфлюенсеров¹⁸, она может привлечь внимание к ранчо. Возможно, она отправит кого-нибудь сюда на экскурсию, что было бы просто замечательно.

Когда я поняла, почему Чарли любит ранчо, увидела его красоту, то захотела бороться за него еще сильнее. Я чувствую личную заинтересованность в том, чтобы помочь Чарли Монтгомери и его братьям сохранить эту землю, которая так много для них значит.

— Рубс. Прогулка в горы?

От очевидного упрека в голосе Макса я закатываю глаза.

— Я могу ходить в походы, идиот. Я шла медленно и спокойно, только чуть не свалилась с горы.

Он не смеется.

— Есть трепетание?

— Нет, — вру я, отказываясь чувствовать себя виноватой. Вчерашний эпизод едва ли считается. Потери сознания не было, пульс не превышал 180. Даже после сегодняшней прогулки я лишь слегка запыхалась.

Я в порядке. В полном порядке.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Я вздыхаю и выхожу из дома, чтобы постоять на крыльце. Солнечные лучи преломляются, окрашивая поле в розовые и фиолетовые тона. Группа смеющихся гостей бредет по гравийной дороге с удочками в руках.

— Я в порядке, Макс. Давай не будем говорить обо мне. Давай поговорим о горах, которые я видела. О лошадях, которых я гладила. Они на ощупь как бархат, знаешь ли.

— Похоже, ты счастлива, — нехотя признает он.

— Я счастлива.

Действительно счастлива, думаю я, когда наблюдаю за Чарли через большое окно его дома.

¹⁸ Человек, мнение которого является важным для большого числа людей, «лидер мнений»; лицо, которое может влиять на мнение многих; обычно это знаменитость, эксперт в своей области, в социальных сетях — пользователь, имеющий обширную и лояльную аудиторию

— Пока ты в безопасности, я не буду волноваться.

— Хорошо. Как папа?

— Если бы ты ответила на его звонок, ты бы знала.

— Ты прав, — шепчу я, чувствуя, как меня переполняет чувство вины. Как бы я ни скучала скучала по отцу, по нашему вечернему распорядку, состоявшему из салата с маслом, домашнего домашнего куриного супа с лапшой и реалити-шоу, как бы ни скучала по своему саду, полному полному наперстянки и лаванды, я совершенно не могу с ним разговаривать. Печаль в его голосе заставит меня вернуться домой. Смс — это все, на что я сейчас способна.

И даже это причиняет боль.

— Мы скучаем по тебе, Рубс. — Голос Макса звучит сквозь треск на линии. — Избавься от того, что тебя гложет, а потом возвращайся домой.

Мой взгляд возвращается к Чарли.

Что-то подсказывает мне, что избавиться от этого кобоя будет не так-то просто.

Глава 12

Чарли

Одиннадцать.

Именно столько раз Руби вздыхала во время нашего сегодняшнего похода. Сладкие, полные благоговения вздохи, которые заставляли мой член напрячься, а сердце — забиться в горле.

Даже ее вздохи восхитительны.

Как идиот, я считал каждый маленький яркий взрыв радости, вырывающийся из ее красивого розового ротика. Слава богу, что рядом не было моих братьев, чтобы измываться над моей жалкой задницей. Особенно Дэвиса.

Вопреки здравому смыслу, я наслаждался сегодняшним днем. Показывать ранчо постороннему человеку никогда не надоедает. А Руби — то, как она все понимала, выражение ее лица, как она реагировала, — была чистым чудом. Я упивался этим.

Особенно нашей беседой. Я рассказал ей о ранчо. Она вытащила из меня что-то. Что-то искреннее и настоящее. Как ей это удастся, я не знаю. Знаю только, что не могу отделаться от мысли, что она меня привлекает. Она потрясающе красива. Ее беззаботная натура излучает радость. Каждый раз, когда она улыбается мне, мне приходится оглядываться по сторонам, чтобы убедиться, что я тот самый счастливый сукин сын, кому предназначены эти улыбки. А когда она надевает эти сарафаны...

Все, что я могу сделать, это не притянуть ее к себе и не зацеловать до потери сознания.

Плохая идея.

После Мэгги я начал все сначала, и здесь я обрел себя. Жизнь на ранчо, мой распорядок дня — он простой, строгий и мой. Работа с рассвета до заката. Бар по пятницам. Семья по воскресеньям.

Никаких отвлечений. Особенно красивых.

Конец лета не может наступить достаточно быстро.

Расстроенный, я бреду через кухню, чтобы накрыть остатки еды, которые занес мне шеф-повар. Сгущаются сумерки, солнце опускается за горизонт, и когда я поднимаю взгляд к окну, мои глаза находят ее.

Руби стоит на крыльце своего коттеджа в длинной футболке, которая демонстрирует ее изящные изгибы и мягкую округлость груди. Ее голые ноги стройные и длинные. Ее волосы сбились в беспорядочные волны, что говорит о том, что она только что вышла из душа.

Черт.

Это кажется чертовски интимным — видеть ее такой. Я не могу ясно мыслить. Она разговаривает по телефону, ее губы двигаются, на милом личике улыбка. С кем она разговаривает? С парнем? Господи, а что, если она все еще работает? Не знаю, какую мысль я ненавижу больше.

Мне все равно.

Я не могу думать об этом.

Мне должно быть все равно. Но это не так. Даже после недели, проведенной на ранчо, Руби остается загадкой, будучи при этом открытой книгой. Девушка, которая сияет, как солнце, улыбается незнакомцам, восхищается при виде цветов и может очаровать даже братьев Вулфингтон, не прилагая усилий.

У этой девушки есть секреты, от которых мне следует держаться подальше.

Ее отказ рассказать мне, почему она здесь, был хорошим ходом. Надо отдать ей должное. Но я узнаю человека, бегущего от проблем. Черт, я сам был таким.

Пусть это будет не мужчина.

От этой мысли ярость разливается по моим венам. Я сжимаю кулаки.

Если кто-то, блядь, причинил ей боль...

То, что я увидел ее сегодня на краю обрыва, вызвало во мне примитивную защитную реакцию. Недостаточно было просто притянуть ее к себе. Я должен был обнять ее.

В груди все сжимается, и я снова смотрю на Руби через окно.

Если я расскажу ей свою правду, то узнаю ее.

Но правда о ранчо «Беглец» — это правда о том, почему я уехал, а значит, о Мэгги.

Что бередит старую рану, которая едва затянулась.

Трудно объяснить, что мне пришлось бежать, чтобы сохранить рассудок. Я не горжусь этим. Черт, я вообще не горжусь тем, что делал после ее смерти. Я заставил свою семью пройти через ад. Уехал из родного города. Бросил родео.

Я сделал все это.

И я никогда не оглядывался назад.

Правда уродлива. И я совсем не хочу переживать ее снова.

Я накрываю картофель, затем макароны с сыром и ставлю контейнеры друг на друга. Я подхожу к холодильнику, открываю его и оглядываюсь на Руби.

Она поела? Я не видел, чтобы она покидала ранчо или ходила в лодж. Она здесь, чтобы работать, но ей не обязательно все время сидеть в этом коттедже. Хотя мысль о том, что она отправится в одиночку в Воскрешение, заставляет меня вздрагивать. Хватает ли у нее денег на еду?

Ее смех искрится переливами, заставляя мое сердце сжиматься. Я беру пиво из холодильника и выхожу на крыльцо.

Напротив Руби опускает телефон. Она поднимает руку и улыбается, яркий блеск в ее глазах застает меня врасплох.

Она неопишимо прекрасна.

Я делаю шаг к ней.

Слова «пойдем поужинаем» вертятся у меня на языке, но прежде, чем я успеваю сделать следующий шаг, хруст гравия заставляет меня замереть.

Длинный черный Кадиллак подъезжает к моему дому по извилистой дороге.

Меня мгновенно охватывает тревога.

Ничего хорошего не стоит ждать от визита поздним вечером. Особенно в Воскрешении. Хотя город безопасен, в лесной глуши творится черт знает что. В прошлом здесь происходили убийства, похищения людей и торговля наркотиками. Год назад у железнодорожных путей было найдено тело. Сделка с метамфетамином сорвалась. А может, и нет.

Я встречаю взгляд Руби через двадцать футов, разделяющих наши дворы. Дернув подбородком, я посылаю ей безмолвный приказ идти в дом. Сейчас.

Слава богу, она так и делает.

Я убеждаюсь, что она вернулась в коттедж и закрыла за собой дверь, а затем смотрю на двух мужчин, направляющихся к ступенькам моего крыльца. Один взгляд говорит мне, что это те самые девелоперы, о которых предупреждал Сид. Костюмы выдают их. Так же, как и идиотские улыбки на их лицах.

— Вы заблудились? — грубо спрашиваю я, ставя бутылку пива на подлокотник кресла.

— Нет, — отвечает Костюм номер один. — Меня зовут Малкольм Моро, а это Нил Тревино. Мы из «DVL Equities». Хотели поговорить о твоем участке земли.

Малкольм — высокий парень с черными как смоль волосами, в очках и с круглым лицом. Нил более коренастый, с бритой головой и татуировками, выглядывающими из рукавов костюма. Мозг и мускулы, очевидно.

Игнорируя протянутую визитку, я скрещиваю руки на груди. И холодно смотрю на Малкольма. — Не уверен, что нам есть, о чем говорить.

— Слышал, у тебя проблемы с деньгами.

— Это неправда, — рычу я.

— Ты уверен в этом? — Малкольм смотрит скептически, на его губах играет усмешка. — Мне показалось, что я видел несколько пустующих хижин у реки. Не из-за того же видео, верно?

Мои кулаки сжимаются от желания разбить лицо этого скользкого засранца.

Черт бы побрал это видео.

Малкольм плавным жестом снова протягивает визитную карточку.

— Мистер Валиант назвал цифру, которая, по его мнению, тебя заинтересует.

Я фыркаю от его предложения.

— Ранчо стоит в два раза больше, — грубо говорю я им. — И вы, блядь, это знаете.

Нил вступает в разговор, поднимая свои накачанные руки.

— Помогите нам, помогите себе, мистер Монтгомери. Я уверен, ты знаешь, что это очень ценный участок земли. Пятьдесят миль от Глейшера. Через перевал можно напрямую добраться до Бозмена. Позволь нам забрать его у тебя, прежде, чем это сделает банк. — Он корчит гримасу. — У таких ковбоев, как ты, были хорошие времена, но иногда нужна ловкая рука бизнесмена, чтобы земля действительно стала тем, чего она стоит.

— Дай угадаю... — Я смотрю на Малькольма. — Ты — слушатель. Тихий человек, который продумывает схему. — Я снова смотрю на Нила. — А ты — тот ублюдок, которому сейчас свернут шею.

Нил улыбается.

— Мистер Монтгомери...

Я делаю шаг вперед, заставляя их отступить.

— Вы думаете, что построите на моей земле заправку, торговый центр? Возьмите свое предложение и засуньте его себе в задницу.

В челюсти Нила пульсирует мускул.

— «DVL Equities» может усложнить тебе жизнь, Монтгомери, или облегчить. Выбор за тобой.

— Это очень хороший участок земли, — добавляет Малкольм. — Но я представляю, что на ранчо может произойти много неприятностей. Кости могут ломаться. Может случиться пожар. Лошади могут заболеть. Но я полагаю, что это просто обычные случайности, не так ли?

Внутри меня закипает ярость.

— Там, где я вырос, если ты угрожаешь кому-то, то не уходишь целым и невредимым, — рычу я.

Он поднимает руки вверх в притворном страхе.

— Никаких угроз. Мы боремся за землю, которую хотим.

— Я тоже. — Этот город мой. Он спас меня после Мэгги, и будь я проклят, если позволю застройщикам захватить его.

Костяшки пальцев хрустят, когда я сжимаю кулак. Мой папа учил меня и моих братьев никогда не наносить первый удар, но лучше бы нам нанести последний.

— Убирайтесь с моей территории и больше не возвращайтесь. Слышите?

— Вполне, мистер Монтгомери. — Малкольм обводит глазами ранчо, потом возвращается ко мне. — Другие, возможно, нет.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не схватить парня за горло и не отправить его в полет.

— Убирайтесь, — рявкаю я. — Сейчас же.

Я смотрю, как они садятся в машину и уезжают.

Другие, возможно, нет.

Что, черт возьми, это значит? При мысли о том, что на ранчо могут возникнуть проблемы, у меня внутри все переворачивается. Как я не врезал кулаком по самодовольному лицу этого засранца, ума не приложу.

Когда я поворачиваюсь, чтобы вернуться в дом, я замечаю какое-то движение.

Руби.

Она наблюдает за мной из окна своей спальни, ее голубые глаза смотрят на меня с тревогой, а рот приоткрыт в немом вопросе.

Вопросе, на который я не могу ответить.

Я строго киваю ей, чтобы она оставалась на месте, и направляюсь в дом. Но я все еще чувствую на себе жаркий взгляд Руби, даже когда ложусь в постель, и яркое сияние ее солнечной улыбки преследует меня в беспокойном сне.

Чарли

— Ты опоздал. — Дэвис хмурится на Уайетта, когда тот опускается в кресло перед кострищем.

Я отпиваю пиво.

— Приятно, что ты присоединился к нам.

Уайетт ухмыляется Стиду.

— Принес тебе конфет, старик, — говорит он и вываливает на колени Стида тонну батончиков «Херши».

Лучший способ отвлечь Стида от сигарет — угостить его конфетами.

— Сними напряжение, парень. — Сид протягивает Уайетту пиво.

Мы с Фордом обмениваемся взглядами. Это как раз в духе Уайетта — прийти поздно, включить обаяние и тут же получить прощение.

Когда Уайетт устраивается, он оглядывает всех нас.

— Вляпался сегодня в кое-что.

— Что именно? — спрашивает Форд.

— Розыгрыш века, — говорит он.

Дэвис вздыхает.

Я потягиваю пиво и наблюдаю за танцем огня в костре.

— Расскажи нам сейчас.

Мы собрались на лужайке перед бревенчатым домиком Стида на семейный сбор — ежемесячную встречу с человеком, который стал для всех нас приемным отцом. Сейчас, после ужина из стейка «Тибон»¹⁹ и печеного картофеля, мы сидим вокруг костра. В этом году нет ограничений на разведение огня, и мы пользуемся любой возможностью.

Уайетт потирает руки.

— Приготовил несколько воздушных шариков, наполненных молоком. Поместил этих малышей в амбар Вулфингтонов. Они и не поймут, что произошло.

Все, кроме Дэвиса, начинают смеяться.

Дэвис с серьезным выражением лица качает головой.

— Однажды... это зайдет слишком далеко, Уай.

Я бросаю взгляд на Дэвиса. У него такое же суровое выражение лица, как и в тот раз, когда он застукал нас с Уайаттом, когда мы в детстве тайком ходили за пивом к реке. Мы были слишком молоды, безрассудны, и он фактически пригрозил содрать с нас шкуры.

— Дэвис прав, — говорит Сид. — Их папаша сидит в тюрьме за то, что застрелил кого-то из-за ссоры. Яблоко от яблони недалеко падает. Я бы не стал связываться с тем, что ты не можешь контролировать.

— Заканчивай с этим, — приказывает Дэвис Уайетту. — Прямо сейчас.

Их взгляды сталкиваются.

— Ладно, черт с тобой, — говорит Уайетт.

Несмотря на его ворчание в знак согласия, я сомневаюсь, что Уайетт подчинится. Мой младший брат показывает большой средний палец любому, кто говорит ему, что делать, особенно Дэвису.

Позади нас раздается грохот закрывающейся двери. Фэллон врывается к нам, заставляя Уайетта выпрямиться в кресле.

Кивнув Стиду, она говорит:

— Я ухожу, папочка. У меня смена.

Сид берет дочь за руку, удерживая ее рядом с собой. Смотрит на всех нас.

¹⁹ Стейк из мясного куска, состоящего из двух частей разных мышц, разделенных Т-образной косточкой

— Девочка слишком много работает. — В голосе старика слышится чувство вины. Потому, что из-за болезни Стида именно Фэллон пришлось взять на себя основную нагрузку в магазине в свободное от родео время.

Фэллон закидывает сумку на плечо и пожимает плечами.

— Кто-то должен это делать.

Форд закидывает сапог себе на колено.

— Дакота не может помочь?

Фэллон фыркает.

— Нет. Моя старшая сестра сейчас слишком занята, чтобы даже думать о возвращении домой. — Она наклоняется, чтобы поцеловать Стида в щеку. — Люблю тебя, папочка.

Она хлопает Уайетта по затылку, проходя мимо, и направляется к грузовикам на подъездной дорожке.

Форд поднимает брови.

— Она в бешенстве.

Уайетт засовывает руки под мышки.

— Не смотри на меня.

Стид вздыхает.

— Мы не сказали Дакоте о раке.

Дэвис вздрагивает.

— Господи, Стид.

Стид протягивает узловатую руку.

— Я не хочу ее волновать. И я не хочу, чтобы она возвращалась домой. Она наконец-то открыла свою пекарню. Не хочу больше вмешиваться в ее жизнь. У нас у всех много забот.

— Кстати... — Форд смотрит в мою сторону. — Не хочешь рассказать нам о визите «DVL Equities» на прошлой неделе?

Все три брата смотрят на меня.

За то время, пока я водил группу на однодневную конную прогулку в Йеллоустоун и снаряжал лошадей, я впервые оказался в одном месте с братьями.

Я наклоняюсь вперед и упираюсь локтями в колени.

— Валиант прислал своих парней. Они предложили купить ранчо, и я сказал им, чтобы они шли в жопу. Они ушли.

Уайетт недоверчиво поднимает бровь.

— Так просто?

— Не-а. — Я провожу рукой по лицу. — Я так не думаю. Они угрожали. Говорили, что лошади могут заболеть. Может случиться пожар. Всякое такое дерьмо.

Дэвис и Форд ругаются в унисон.

— Я навел справки у своего знакомого, — говорит Стид. — «DVL Equities» играет грязно. Воскрешение — еще один город в их списке на уничтожение.

Я скрежещу зубами.

— Я не продам ранчо, Стид.

— Тебе не нужно, чтобы они снова появлялись у тебя дома, парень.

Задумчивый голос Уайетта разрывает тишину.

— А что, если мы все-таки продадим его?

Мне нужно время, чтобы осознать всю тяжесть того, что только что предложил мой младший брат. Форд и Дэвис хмурятся, но я понимаю, что пытается сделать Уайетт.

Он дает мне выход. Дает его всем нам.

У меня в груди все сжимается от этой мысли.

Что, если я продам?

На прошлой неделе я был так уверен в своем ответе. Продать? Ни за что, черт возьми. Это наше ранчо. Это моя жизнь. Мы подведем город, если продадим. Торговый центр,

казино или, того хуже, Уолмарт²⁰, поглощающий суровый горный склон Монтаны, вызывает у меня тошноту.

Но что, если мои братья захотят уйти? Что, если это лето пойдет насмарку, и мы будем вынуждены продать? Мы уже в минусе, и без успешного сезона вряд ли доживем до следующего года.

Мне не нравится, когда меня загоняют в угол. Я втянул всех в эту историю, и это моя обязанность — вытащить нас.

Никогда еще я не чувствовал себя таким чертовски беспомощным и взбешенным.

— Чарли? — обращается ко мне Форд своим мягким южным говором. — О чем ты думаешь?

Я смотрю в огонь, крепче сжимая бутылку пива.

— Пока не уверен.

— Если все идет наперекосяк, ищи другой путь, — говорит Сид, на его лице появляется мудрая ухмылка. — Ты найдешь решение, сынок.

— Надеюсь на это.

У Форда загорается мобильный телефон, и он показывает мне экран. Первый пост в нашем аккаунте в Инстаграме — фотография въездного знака на воротах — Ранчо «Беглец» на фоне яркого неба цвета индиго. Подпись гласит — Добро пожаловать на ранчо «Беглец».

Текущее количество подписчиков: 150.

В голове всплывает образ Руби в начале этой недели. Она объездила все ранчо, беседуя с нашими сотрудниками и наемными работниками. Я застал ее в лобби-баре за ноутбуком, где она увлеченно щелкала мышью, ее красивое лицо было сосредоточенным и целеустремленным.

Она настроена решительно, и я это ценю. Там, на хребте, я поверил ей, когда она сказала, что спасет ранчо. Но сейчас, когда я сижу здесь со своими братьями и Сидом Макгроу, я уже не так уверен.

— Это спасет нас, Чарли? — Форд смотрит на меня с сомнением.

Я закрываю глаза, не в настроении выслушивать критику старшего брата.

— Черт, если бы я знал.

Я знаю только то, что если мы не сможем выплатить кредит, то станем банкротами. Наша маленькая община останется без работы.

Эта мысль пронзает мне сердце. Я испытываю больше стресса, чем могу вынести.

Я допиваю остатки пива. Зря. Жидкость тяжело оседает в моем животе.

— Я уйду. Увидимся в другой раз.

— Увидимся, бро. — Уайетт кивает мне, его глаза спрашивают, все ли со мной в порядке.

— Наслаждайся костром. Последняя прохладная ночь перед наступлением жары. — Я хлопаю его по плечу, когда прохожу мимо, и направляюсь к своему грузовику.

Серебристый лунный свет пробивается сквозь сосны, вытянувшиеся вдоль двухполосной проселочной дороги, когда я еду обратно на ранчо. Прохладный ночной воздух уносит мои заботы, откладывая их на другой раз.

Уже поздно, ближе к одиннадцати, когда я подъезжаю к своему дому. Я притормаживаю из-за фигуры, переходящей дорогу.

В свете фар я вижу Руби. Она босиком, в белой майке и обрезанных синих джинсовых шортах, которые демонстрируют ее длинные ноги. На ее бедре висит сетчатый мешок для белья, который мы выдаем гостям.

Я хмурюсь.

Какого черта она здесь делает?

Ранчо безопасно, но все же. Я не хочу, чтобы она разгуливала одна так поздно ночью.

Я останавливаю свой грузовик рядом с Руби. В лунном свете она выглядит еще красивее.

— Работаешь в ночную смену?

Увидев меня, она подходит к окну со стороны водителя.

²⁰ Крупнейшая сеть американских гипермаркетов

— Я не стирала с тех пор, как приехала сюда, — говорит она, сверкая ослепительной улыбкой. Затем она смеется и отходит от окна. — Так что, возможно, тебе стоит держаться расстоянии.

Я усмехаюсь. Руби могла бы быть вся в коровьем дерьме, и я бы все равно посмотрел раз.

— Иди в дом и займись этим, — говорю я ей. — Я не хочу, чтобы ты гуляла здесь одна.

Она колеблется и смотрит на свое белье.

— Ты уверен? Я не хочу тебе мешать.

— Уверен, — обещаю я.

Я паркую грузовик у дома и выпрыгиваю. Когда Руби подходит ко мне, я беру мешок с вещами. Она поднимается за мной на крыльцо и заходит в дом. Ее босые ноги шлепают по деревянному полу, и, включив свет, я понимаю, какой чертовски неудачный шаг я только что сделал.

У меня перехватывает дыхание. Она потрясающая. Лунный свет, резкий свет кухни, неоновый свет бара, цветущая Руби Блум. Она перевязала свои золотисто-розовые волосы белой ленточкой, и по какой-то причине это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

— Иди за мной, — говорю я ей, прочищая горло. — Это дальше по коридору.

Я показываю ей прачечную, где лежат стиральный порошок и сушка для белья, и поспешно выхожу оттуда. Ей не нужно, чтобы я стоял рядом, пока она сортирует свою одежду. И мне не нужно видеть ее нижнее белье.

Фиолетовые трусики.

Розовые в горошек.

Я провожу рукой по волосам, и мысль об этом сразу же доходит до моего члена.

Это была чертовски ужасная идея.

Я возвращаюсь на кухню и беру пиво из холодильника. Подумав, я беру еще одно и направляюсь в гостиную, расположенную рядом с кухней.

Я ставлю пиво на деревянный столик и опускаюсь на большой кожаный диван.

Когда Руби наконец возвращается, она садится напротив меня в одно из двух кожаных кресел. Ее стройная фигура наклоняется вперед, глубокий вырез ее майки опускается так низко, что видна полная, кремового цвета грудь. — У меня вещей только на одну стирку. Это не займет много времени, так что ты можешь заниматься своими делами. Тебе не нужно нянчиться со мной.

— Без проблем. Я принес тебе пиво, если хочешь.

Она прикусывает нижнюю губу, на ее лице отражается нерешительность. Затем она берет бутылку и делает крошечный глоток.

— Спасибо.

— Ты не пьешь? — спрашиваю я.

— Почти нет, — признается она, заправляя прядь волос за ухо. Взгляд ее голубых глаз блуждает по комнате, изучая обстановку. На стенах висят обрамленные гравюры с изображением ковбоев на родео в разных позах. Деревенские ковры устилают полы из твердых пород дерева. Угольно-серые балки поднимают потолок до небес. Она долго смотрит на эффектный камин с каменной стеной и оленьими рогами над порталом. — Мне нравится твой дом. Он уютный.

Я усмехаюсь.

— Ты так не скажешь, если собрать здесь всех моих братьев. Это больше похоже на сумасшедший дом.

Она хихикает, и у меня в груди все сжимается. Этот смех. Его достаточно, чтобы довести мой самоконтроль до предела.

— Я закончила календарь на июнь. — Поджав под себя ноги, она откидывается на спинку кресла. Ее короткие шорты задираются и обнажают изгиб упругой задницы.

Я беру свое пиво.

— Видел первый пост.

Ее рот кривится.

— Не впечатляет, я знаю. Пока что.

— Я надеюсь, что это сработает, Руби. Очень надеюсь, потому что сейчас ты — наша последняя надежда.

Она обдумывает это.

— Я тоже на это надеюсь. Думаю, так и будет. Я отправила своему работодателю информацию о ранчо. Они занимаются организацией путешествий класса «люкс». Они сообщают своим партнерам. — Она наклоняет голову. — Я также написала нескольким звездам родео, с которыми знаком Уайетт. Кейд Эллиотт и Нэш Мейсон. Они обещали помочь.

Я киваю, впечатленный упорством Руби. Я понимаю, что недооценил ни ее, ни ее работу.

— Громкие имена.

— Ну, нам нужны большие пушки. — Ее милое лицо смягчается, и она изучает меня. — Я не позволю им тебя очернить, Чарли. Это твоё ранчо, и мы его спасем.

Сейчас ее решительные слова — тот свет, который мне нужен. Проведя рукой по бороде, я наклоняюсь к ней.

— Как ты это делаешь?

— Что делаю?

— Это. Всегда такая позитивная. Такая счастливая. — Я вздыхаю, тяжесть последней недели навалилась на мои плечи. — Ты так чертовски уверена, что все получится. Если бы у меня была хотя бы половина твоей уверенности, то, наверное, впервые в жизни появилась бы надежда.

По ее лицу пробегает тень.

— Я просто... стараюсь не думать о будущем. Я знаю, что это легче сказать, чем сделать, но я стараюсь жить настоящим. Я благодарна за каждый прожитый день, потому что никогда не знаешь, как долго это продлится. — На короткую секунду ее глаза затуманиваются, затем она улыбается. — Я думаю о своем подсолнухе.

— О чем?

— Подсолнух и терн. Это игра, в которую мы с братом играем с самого детства. «Подсолнух дня» — это что-то радостное, что случилось за день. А «терн» — это какое-то дерьмо. — Ее глаза загораются, она встает и пересаживается на столик напротив меня. Наши колени соприкасаются, это всего лишь легкое касание, но внутри у меня вспыхивают искры. — Вот. Сделай это.

— Руби...

— Давай, — уговаривает она. — Попробуй. — Затем моя рука оказывается в ее ладони, и она кладет ее на свое теплое бедро... — Расскажи мне о своем сегодняшнем подсолнухе.

Я хмыкаю.

— У меня его не было.

Она хмурится, ее носик морщится от этого движения, и будь я проклят, если она не выглядит мило.

— Чарли, всегда есть подсолнух.

— Не сегодня. — *И уже чертовски долгое время.*

Руби садится ровнее, решив вытянуть из меня что-нибудь.

— Тогда твой терн?

Я хочу отказаться, оттолкнуть ее, зарычать, но, пока она смотрит на меня своими большими голубыми глазами, я проигрываю эту битву.

Что-то подсказывает мне, что с этой женщиной я всегда буду проигрывать.

— Не только видео угрожает ранчо, — говорю я, и Руби приподнимает брови. — На нас нацелились несколько крупных застройщиков. Та машина, которую ты видела на прошлой неделе, — эти люди хотели купить ранчо. Я отказался, и они разозлились. Но... иногда я думаю, что мне следовало согласиться.

— Почему?

— Из-за моих братьев. — Я опускаю взгляд на ее руку, прошлое накрывает волной воспоминаний. — Иногда я думаю, что им было бы лучше в другом месте. Они все последовали

за мной в Монтану. Бросили все, чтобы помочь мне. Форд играл в высшей лиге. Дэвис служил в армии.

Руби сжимает мою руку.

— Почему они последовали за тобой?

Я наклоняю к ней горлышко своего пива.

— Почему ты бежишь?

Она вызывающе вздергивает подбородок.

— Кто сказал, что я бегу?

— Я. Так почему?

— Почему это ранчо называется «Беглец»?

Отлично. Принято к сведению. Ее отказ сказать мне, почему она здесь, беспокоит меня больше, чем я готов признать. И все же. Это ее право.

Я выдыхаю.

— Это не то, на что подписались мои братья, и они застряли здесь из-за меня.

— Ты любишь это ранчо, — говорит она.

— Люблю. Но своих братьев я люблю больше. Иногда то, что я с ними делаю... Если бы я продал ранчо, каждый мог бы вернуться к своей жизни.

Глаза Руби округляются от моего откровения.

— Ты им это говорил?

Мне требуется секунда, прежде чем я могу посмотреть на нее.

— Нет, — мрачно отвечаю я. — Я не хочу, чтобы они беспокоились обо мне. Они и так достаточно сделали.

Черт.

Я чувствую себя выпотрошенным. Впервые я вслух признаю, что чувствую себя чертовски виноватым. Эта девушка с широко раскрытыми глазами продолжает терзать мое сердце и разрушать все мои ожидания. Она слушает так, будто ей не все равно. Как будто она понимает.

— О, Чарли, — вздыхает Руби. Она сжимает мою руку во второй раз, и я крепче обхватываю ее ладонь, чтобы она никуда не могла деться. — Ты должен им сказать.

— Да. — Я киваю ей. — Когда-нибудь.

На мгновение единственным звуком в доме становится ритмичное вращение стиральной машины.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я, прочищая горло. — Каким был твой подсолнух?

Она задумывается.

— Знаешь, что? То, что происходит сейчас. Этот вечер, — решает она и одаривает меня ослепительной улыбкой. — Мне нравится разговаривать с тобой, ковбой. Когда ты не кричишь.

Черт. Удар прямо в сердце.

Я не привык к такому. Когда рядом есть кто-то, с кем можно поговорить. После долгого дня, проведенного на ранчо, я обычно пью пиво, разбираюсь с бумагами и заваливаюсь спать. Я не провожу ночь в разговорах с красивой женщиной. Руби берет мою логику, здравый смысл, распорядок дня и разбивает их вдребезги.

— Я обещал, — выдавливаю я из себя, наклоняясь вперед. — Я не буду кричать, Руби. Только не на тебя. Никогда больше.

Прежде чем я успеваю остановиться, я провожу ладонью по ее руке и обхватываю ее тонкое запястье. Мои грубые пальцы касаются ее нежной кожи, нащупывая пульс, который бьется в этом месте, и между нами словно натягивается нить.

Руби издает тихий стон, и мой член подпрыгивает в штанах.

Мы слишком долго сидим, уставившись друг на друга, ее рука все еще в моей. Мои легкие горят. Я чувствую биение ее сердца, пульсирующего на кончиках моих пальцев.

Руби наблюдает за мной сквозь прикрытые веки.

— Чарли, — шепчет она.

Мой взгляд падает на ее пухлые красные губы. Не в силах сдержаться, я заправляю прядь золотисто-розовых волос ей за ухо. Затем я провожу рукой по ее высокой скуле. Ее длинные ресницы удивленно трепещут. В этих красивых голубых глазах горит пламя желания. Вместо того чтобы отстраниться, Руби наклоняет голову, позволяя мне обхватить ее лицо ладонью.

К черту.

Я наклоняюсь, готовый прильнуть к ее губам, когда из коридора доносится сильный грохот.

Я напрягаюсь и замираю.

Руби отшатывается назад, ее щеки пылают розовым румянцем.

— Стирка. Мне нужно вытащить белье.

Очаровательно взволнованная, она вскакивает и быстро исчезает в коридоре. Покачивание ее бедер, изгиб ее задницы заставляют мое тело реагировать так, как я и не подозревал, что могу.

Черт.

Мышца пульсирует в моей челюсти. Я борюсь с собой, голова против сердца против члена.

Хотеть этого — неправильно. Но я хочу.

Я хочу ее.

Я хочу быть внутри нее, целовать эти пухлые красные губы. Я хочу провести своей бородой по этой нежной розовой коже и расцарапать ее. Я хочу трахать ее до бесчувствия, и чтобы она, блядь, владела мной.

Затем я теряю всякий контроль над собой, я поднимаюсь с дивана и иду за ней по коридору.

Глава 14

Руби

Я перекладываю белье в сушилку и нажимаю кнопку «старт».

Смотрю на таймер. Тридцать минут.

Это жестокая шутка Вселенной, чтобы проверить, выдержу ли я следующие полчаса с Чарли Монтгомери.

Меня интересует этот задумчивый ковбой больше, чем я готова признать. То, что он просыпается в половине четвертого утра и не возвращается домой до захода солнца. Почему у него такое угрюмое выражение лица. Как его ранчо получило свое название.

Но находиться в его доме в полночь и вести странные разговоры — не тот способ получить ответы.

Тяжело дыша, я прижимаю ладонь к груди. Сердце гроыхает, как товарный поезд.

Я останусь в прачечной, пока не закончу со стиркой. А потом уйду.

Я ищу окно, через которое можно вылезти. Безуспешно.

Плохая идея, это плохая идея.

Я знаю свою голову. Свое сердце.

Да, я хочу секса, но секс с Чарли Монтгомери — это опасная территория. Даже простой разговор завел меня. Во мне вспыхнула искра, когда его мозолистый палец провел по моему пульсу. Так интенсивно, так интимно, что я почувствовала слабость.

Волна жара разливается по моему телу. Я не могу представить этого ковбоя в постели. И я не могу представить себя с ним.

Даже если это то, что я хочу больше всего.

— Руби.

Глубокий голос заставляет меня задохнуться. Я оборачиваюсь и вижу Чарли, стоящего в дверях прачечной.

Внезапно я чувствую сильное головокружение.

— Ты меня напугал, — удается сказать мне.

— Прости, — хрипло произносит он.

Он похож на разъяренного ковбоя — мускулистый, грудь вздымается, руки сжаты в кулаки.

— Я почти закончила, — выдыхаю я. — Скоро я уберусь с твоих глаз.

Внезапно Чарли оказывается прямо передо мной, притягивая меня к своей широкой груди. Его губы прижимаются к моим. Наш поцелуй отчаянный и голодный. Его большие руки обхватывают мое лицо, наши языки переплетаются, и я стону ему в рот, теряя себя в его страсти.

Я обвиваю руками его шею, и он со стоном подхватывает меня своими большими ладонями под бедра и поднимает на руки. Я обхватываю его ногами за талию и запускаю руки в его темные волосы.

В ответ он рычит мне в рот и крепче прижимает меня к себе, наши языки сражаются за победу.

Испытывая головокружение от желания, я всхлипываю ему в рот. Боже, даже поцелуй Чарли намного лучше, чем секс, который был у меня на выпускном вечере.

Я как будто наконец-то выпустила крик, который копился в моих легких последние двадцать шесть лет.

И тут происходит самое худшее. Он останавливается.

Отпрянув, словно обжегшись, Чарли врезается в стиральную машину, отчего вокруг нас раздается глухой лязгающий звук. Но он все равно держит меня.

— Этого не может быть, — выдавливают он из себя, его синие глаза дикие и остекленевшие от вожделения.

— Ты прав.

Мой список желаний — это песня сирены в моей голове. Логика отступила. Все, чего я хочу, — это хороший секс. С таким же успехом он может быть с Чарли Монтгомери. Он просто мужчина. Просто ковбой.

— Я уезжаю через несколько месяцев, — выдыхаю я в его губы. — А тебе нужно управлять ранчо.

Это не реально.

Все, что у нас есть, — это настоящий момент.

Я снова целую его губы, а затем спускаюсь ниже, чтобы прикусить пульс на его шее. Он стонет, и я опускаю руку, обхватывая его массивную эрекцию через переднюю часть джинсов. Он такой большой и твердый, и я отчаянно хочу, чтобы он был внутри меня.

Из него вырывается мучительное рычание.

— Чего ты хочешь, Руби?

Его твердая челюсть напряжена. По его глазам я вижу, что он ждет моего согласия.

Я дрожу.

— Тебя, Чарли. Я хочу тебя. На одну ночь.

Его кадык дергается.

— Одну ночь?

— Один раз.

Его глаза темнеют, затем вспыхивают, как будто он потерял всякую способность контролировать себя. А потом его губы накрывают мои, и он несет меня по коридору и вверх по лестнице. Я прикусываю его горло, нижнюю губу, мочку уха. Дергаю за ремень, за пояс джинсов. Я хочу коснуться каждого дюйма его тела.

Я никогда в жизни не была так счастлива. Я готова отдать этому мужчине свое сердце и душу прямо здесь и сейчас, если он даст мне то, что мне нужно.

Мне нужно, чтобы ко мне прикасались.

Мне нужен *он*.

Через несколько секунд мы оказываемся в его комнате, и Чарли ставит меня на ноги. Мы притягиваемся друг к другу, как магниты. Сбрасываем одежду, словно охваченные пламенем. Я жадно дергаю за его ремень, и вскоре его джинсы исчезают, а я остаюсь в лифчике и трусиках. Мощная эрекция натягивает тонкую ткань его боксеров.

— Господи, — хрипло произносит Чарли, и по его широким плечам пробегает дрожь. Он пожирает мое тело своими темными глазами. — Руби, с таким телом ты можешь убить мужчину.

Я краснею, странно не стесняясь того, что он смотрит на меня.

— Никогда раньше не видел женщин, ковбой? — поддразниваю я.

— Я никогда не видел тебя, Руби, — хрипит он. — Ты чертовски красива. — Грубые руки сжимают мою талию. — У меня нет ни единого шанса, когда ты рядом, не так ли? Ты меня погубишь.

Я кокетливо улыбаюсь ему.

— Ты боишься меня, ковбой?

Его красивое лицо становится серьезным.

— Смертельно.

Он прижимает меня спиной к кровати, его губы касаются моей шеи, скользят по ключицам.

Я кладу руку ему на плечо, и Чарли замирает.

— Что-то не так? Ты хочешь, чтобы я остановился? — В его глазах нет злости, только простой вопрос. И поскольку он хороший человек, он остановится, если я этого захочу.

— Нет. Я просто... — Я облизываю губы, вспоминая рекомендации своего врача. — Мне нужно двигаться медленно.

В его голосе слышится беспокойство.

— Ты...

— Нет, — поспешно выпаливаю я, не желая спугнуть его. — У меня не так много опыта. — Мои щеки заливают румянец. — У меня никогда не было... ну, ты знаешь.

Его взгляд становится почти диким. Как будто это вызов, и он рад этому.

— Руби. — Его голос грубеет, а руки крепче сжимают мою талию. — Малышка, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю.

Малышка. От этого ласкового слова у меня слабеют колени.

— Мы будем двигаться медленно, — говорит Чарли, усаживая меня на край кровати. Он наклоняется и оставляет поцелуй на моих губах. — Я дам тебе все, что ты захочешь. Ты будешь все контролировать.

— Я? — шепчу я ему в губы. Это ошеломляющее чувство. Контроль. Этот мужчина позволяет мне взять бразды правления в свои руки и вести за собой, не обращаясь со мной как со слабой или слишком хрупкой, чтобы выдержать.

Я совсем не нервничаю, я возбуждена.

— Да, *ты*, — рычит он. — Я в твоём распоряжении.

Я закрываю глаза от его слов, даже не пытаюсь притвориться, что мне не нравится, как звучит это утверждение в его устах.

Я в твоём распоряжении.

Чарли опускается передо мной на колени. Я хватаюсь за подол его футболки и стягиваю ее.

— О, — шепчу я, приходя в себя. Я прижимаю руку к сердцу. Пульс бьется в ушах.

Его тело впечатляет. Чарли — идеальный образец ковбоя, поджарый и мускулистый от многолетней работы на ранчо, от многолетней езды на лошадях. От темной поросли волос на его рельефной груди и загорелых предплечьях у меня перехватывает дыхание. Все в нем говорит о том, что он настоящий мужчина.

Я наклоняюсь и провожу руками по твердым, рельефным линиям его тела, по волнистым изгибам его плеч. Мышцы на его челюсти напрягаются, а выражение лица колеблется между откровенной пыткой и весельем, когда я продолжаю водить руками по его телу.

Я никогда не прикасалась к мужчинам подобным образом, но с Чарли это происходит инстинктивно. Мои руки и губы знают, куда двигаться.

Как будто мы созданы друг для друга.

— Ты прекрасен, Чарли.

Побужденный моими словами, он притягивает меня к себе, в его пронзительных голубых глазах вспыхивает похоть.

Я стону, когда его большие ладони — грубые, шершавые — скользят по моим ногам, сжимая бедра с такой силой, что, надеюсь, на них остаются синяки.

Мое тело реагирует самостоятельно. Я откидываюсь на мягкое коричневое одеяло кровати, и Чарли проводит пальцем по кружевному краю моих трусиков.

В этот момент я понимаю, что он делает.

Я отшатываюсь и приподнимаюсь на локтях.

— Ты не обязан.

Он внимательно наблюдает за мной.

— Я хочу. — Он наклоняется ко мне, игриво выгибая бровь. — Я хотел попробовать тебя на вкус с тех пор, как ты приехала, дорогая.

Мой рот открывается от удивления. Все, что я могу сделать, это кивнуть.

— Я доставлю тебе удовольствие, Руби. — Не теряя ни секунды, он подтягивает мои бедра ближе к краю кровати, и я снова ложусь. — Такое удовольствие, черт возьми, что я испорчу тебя для каждого мужчины, который будет после меня.

Никто. Никто, кроме тебя, никогда не сделает этого со мной.

Чарли просовывает палец через ластовицу моих трусов и стягивает их.

— Черт возьми, — рычит он, проводя пальцем по моей влажной киске. — Ты вся мокрая, малышка.

Я стону. Мое возбуждение вспыхивает как керосин.

— Я должен попробовать тебя на вкус, Руби. — Его горячее дыхание обдаёт внутреннюю поверхность моих бедер. Мое сердце учащенно бьется. — Раздвинь ноги, малышка.

Я дрожу, когда его руки разводят мои колени.

Когда его рот касается меня, мои бедра дергаются. Ощущение восхитительное. Я стону, когда Чарли прижимается своими теплыми губами к моему клитору. Он двигается медленно, потом быстро, жестко и нежно.

— О-о-о, — вскрикиваю я. Инстинкт берет верх, и моя спина выгибается дугой. — Чарли. — Мои пальцы вцепляются в его волосы, и он издает гортанный звук одобрения. — Чарли, *пожалуйста*.

Он делает паузу, чтобы сказать,

— Покричи для меня, малышка, — а затем снова прижимается ко мне своим ртом. Длинные, интенсивные поглаживания, затем дразнящие короткие рывки, стимулирующие мой клитор.

Этого слишком много, этого недостаточно.

Нарастающее давление, трение — все это похоже на лихорадочный сон.

— О Боже, — вскрикиваю я, сжимая одеяло и наслаждаясь ощущением его жесткой бороды, царапающей внутреннюю поверхность моих бедер. — Чарли, не останавливайся. *Не вздумай*.

Он и не останавливается. Перед глазами пляшут золотые пятна, мое тело бьется, но Чарли обхватывает меня за бедра и возвращает на кровать. Он не позволяет мне отстраниться от него. Он *здесь*, со мной, и эта мысль посылает меня за грань. Мои бедра дрожат, и каждая мышца в моем теле напрягается. А потом — взрыв. Я кончаю в первый раз.

Мой крик длинный и громкий, и я позволяю себе почувствовать его.

Он принадлежит мне.

Я бьюсь о его рот, и из него вырывается порочный звук. Самодовольный. Удовлетворенный.

Мои глаза закатываются, и все мое тело практически отрывается от кровати. Длинные влажные дорожки стекают по моим бедрам. Мое дыхание прерывистое, а сердцебиение частое, но ритмичное.

Я делаю глубокие вдохи.

— Ты в порядке, Руби? — Чарли хрипит, и я понимаю, что он встал на колени, наблюдая за мной. Его обнаженная грудь вздымается, а борода влажная. Из-за меня.

Я улыбаюсь. Мне это нравится.

Я сажусь.

— Более, чем. — Мое тело кажется вялым и опустошенным в лучшем смысле этого слова.

Он ухмыляется.

— Не знаю, можно ли считать это медленным.

Я обхватываю его лицо руками.

— Еще, — говорю я, нежно целуя его в губы. — Я хочу еще.

— Еще, да?

С довольной ухмылкой он обхватывает мою талию загорелой рукой. Его тело массивное и крепкое, как дуб. А я для него — как ива.

Он говорит:

— Я хочу делать это всю ночь.

Затем, потянувшись вверх, он вытаскивает белую ленту из моих волос, позволяя ей упасть на пол. Мои волосы рассыпаются по плечам, и Чарли издает низкий удовлетворенный стон. Я смотрю на него с похотью, пока он снимает с меня лифчик. Когда моя грудь обнажается, его глаза темнеют, и он наклоняется еще ниже, всасывая в рот кремовую вершинку моей груди.

— Черт! — Он стонет, касаясь губами бусинки моего соска. — Малышка, ты чертовски хороша на вкус.

— О, — выдыхаю я, моя голова кружится. — Чарли... Чарли.

Он дрожит, прижимаясь ко мне.

— Я знаю, — хрипит он, его борода царапает мою грудь, когда он нежно покусывает мой сосок.

Я вскрикиваю от этого ощущения. Чарли сжимает в кулак мои волосы, отстраняясь, чтобы заглянуть мне в глаза, а затем с рыком прижимается ко мне губами.

Я глубоко целую его. Отчаянно. Чарли прижимает меня к себе, как будто хочет заполучить меня всю целиком. Он тянет меня обратно на кровать, и я упиваюсь его собственническими прикосновениями.

Я задыхаюсь, когда он стягивает с себя трусы. Единственное слово, которое приходит на ум, — огромный. Я закрываю глаза, чтобы отогнать беспокойство о том, что он не поместится.

Чарли усмехается, читая мои мысли. Он касается моего подбородка, заставляя меня посмотреть ему в глаза.

— Не волнуйся, дорогая. Я позабочусь о том, чтобы ты была готова принять меня.

Я краснею рядом с ним, чувствуя прилив благодарности. Он собирается дать мне то, что я хочу, и при этом убедиться, что со мной все в порядке. Я доверяю этому мужчине. Всю себя. Свое тело. Свое сердце.

В этот момент все тревоги улетучиваются из моей головы. Потянувшись вниз, я беру его огромный член в руку и поглаживаю. Это так естественно, когда мои руки касаются Чарли.

— Руби, ты заставишь меня кончить слишком быстро, — выдыхает он. Его красивое лицо искажено страданием, словно он борется за контроль над тьмой, которая была в нем слишком долго.

Я прикусываю губу, чтобы не ухмыльнуться.

— Тогда трахни меня, ковбой. Ты нужен мне внутри.

Его глаза вспыхивают.

Я дрожу от смелости своих слов.

Я делаю это.

Занимаюсь сексом. Хорошим сексом.

Массивное тело Чарли нависает надо мной. Пока я парю, он находит презерватив и надевает его. Во мне нарастает безрассудное желание. Я глотаю воздух, отчаянно желая, чтобы он заполнил меня изнутри.

Уголки его заросших щетиной губ приподнимаются.

— Подними бедра, малышка, и держись.

Он медленно входит в меня, прижимаясь к моему телу. Мои бедра дрожат, пока я медленно принимаю его в себя. Ощущения такие интенсивные, настолько всепоглощающие, что я могу только *чувствовать*.

— Именно так, дорогая. Черт, эта прелестная киска так чертовски крепко сжимает мой член. — Глаза Чарли закрываются, и он низко стонет. — Еще чуть-чуть.

Мое сердцебиение учащается, когда он погружается в меня еще на дюйм. У меня перед глазами все расплывается. Это слишком. Это идеально. Я чувствую себя сильной. Я горю. И все, что мне нужно, — это Чарли.

— Сильнее, — требую я, когда он двигается назад. — Глубже.

В его голубых глазах полыхает жар.

— Умоляй о моем члене, дорогая. Прими его как хорошая девочка.

— Да, — задыхаюсь я, позволяя своим бедрам раскрыться шире и прижимаясь к массивному мужчине, лежащему на мне. Я провожу руками по его спине и впиваюсь ногтями в его задницу. — Да.

А затем с его губ срывается гортанное рычание, и он подается вперед, погружаясь в меня до конца. Мой жар поглощает его, каждый мускул в моем теле горит, когда я медленно и уверенно двигаюсь навстречу ему.

С моих губ срывается стон. Рай.

Он — рай. Горячий, твердый и огромный.

— Блядь, — стонет Чарли, прижимая меня к себе и толкаясь. Его глаза дикие, челюсть сжата, а пальцы впиваются в мои бедра, насаживая все сильнее. — Посмотри, какая ты хорошая девочка. Возьми меня целиком.

С каждым дюймом он раздвигает мои ноги все шире. Я стону, желая большего.

— Чарли, пожалуйста. Еще.

— Полегче, малышка, — шепчет он. — Не торопись.

Я кусаю его плечо.

— Медленно.

— Такая тугая, — бормочет он сквозь стиснутые зубы. — Ты такая чертовски тугая. Ты идеальна, Руби. Чертовски идеальна.

— Чарли, — выдыхаю я, его комплимент проникает в меня, как солнечный свет.

Он врывается в меня. Он не нежен, но двигается медленно, как я и просила. Глубокие ритмичные толчки, от которых я теряю себя. Его мышцы пульсируют, когда он нависает надо мной. Все мое тело вибрирует под его весом.

Я наслаждаюсь всем этим.

Кто-то не щадит меня. Долгие годы я была такой осторожной. Теперь, в диких землях Монтаны, все, чего я хочу, — это чтобы меня жестко взял и оттрахал ковбой.

Он дает мне все, чего я когда-либо хотела, и все, о чем я и не подозревала, что нуждаюсь.

Я раздвигаю ноги шире, и он погружается в меня еще глубже.

— Хорошая девочка, — дышит он мне в шею. Его похвала распространяется по мне, как лесной пожар, заставляя меня приподнимать бедра и выгибать спину так, как я и не подозревала, что способна.

Заставляя меня чувствовать то, о существовании чего я и не подозревала.

Его челюсть напряжена, когда он входит в меня, его взгляд прикован к моему. Я впиваюсь ногтями в твердые мышцы его спины и двигаю бедрами, неконтролируемо, первобытно.

По мне разливается тепло, золотистый цветок блаженства.

Еще один оргазм.

Я кончаю, мои бедра судорожно дрожат, пока Чарли вбивается в меня.

Этот оргазм электрический, он пронзает меня так мощно и *быстро*, что я задыхаюсь.

Я вскрикиваю и хватаюсь за решетчатый каркас его изголовья, а мое тело содрогается с головы до ног.

— *Чарли!* О, Боже!

Он издает гортанный, торжествующий стон, когда его огромное тело вздрагивает. Его глаза закрываются и он произносит мое имя.

— Руби, — рычит Чарли мне в шею, его голос срывается от мучительной агонии. — *Руби. Руби.*

С тяжелым вздохом Чарли падает мне на грудь. Но он не выходит. Он остается внутри меня, осыпая мою шею нежными поцелуями. В этот момент наши сердца бьются в унисон. Его пульс ровный и сильный, и я хочу вытатуировать его на своих костях в память об этом моменте.

Через несколько минут он отстраняется от меня, прижимаясь поцелуем к моему виску.

Мое дыхание замедляется, пока я лежу на прохладных простынях, прижав ладонь к сердцу. Его биение неровное, но оно и близко не похоже на трепетание.

Чарли овладел мной.

Навсегда изменил электрический заряд моего сердца.

Я улыбаюсь в затемненной комнате. В кои-то веки мое тело позволило мне делать то, что я хочу.

Как замечательно.

Кровать прогибается, Чарли садится и выбрасывает презерватив в мусорное ведро рядом с кроватью.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

От беспокойства в его голосе у меня щемит в груди.

Я обнимаю ладонями его лицо.

— Все было идеально.

Он переводит взгляд на мою руку и татуировку в стиле минимализма на внутренней стороне безымянного пальца.

— Что это?

— Сердцебиение, — говорю я, колеблясь. — Я сделала ее в Чарльстоне. Это напоминание о том, что нужно жить, пока есть возможность.

Он поправляет простыни, а затем целует внутреннюю сторону моего пальца, где находится моя татуировка.

— Побывала везде, — замечает он.

— Да. — Я опускаю голову на его твердую грудь. — Но это мое самое любимое место, где я была, Чарли.

Не стоило это говорить. Его красивое лицо становится серьезным.

— Одна ночь, Руби, — говорит он на выдохе.

— Я знаю. — Я сажусь, обводя взглядом его спальню. Замшевые подушки, стеганое одеяло терракотового цвета, традиционные клейма крупного рогатого скота в рамках над кроватью. Есть балкон, выходящий на передний двор. Здесь уютно и по-деревенски, и мне хочется остаться в его постели. И все же я говорю: — Мне пора.

Его кадык дергается.

— Наверное, это хорошая идея.

Слова Чарли ранят, но он прав.

Одна ночь.

И теперь все кончено. Как бы мне ни хотелось, чтобы все было по-другому, это невозможно.

Мне нужно держаться подальше, чтобы никто не пострадал.

Он тянется к своим джинсам.

— Я провожу тебя.

— Ты не должен...

— Не будем спорить об этом, Руби, — говорит он, бросая на меня строгий взгляд.

Выскользнув из постели, я быстро одеваюсь. Как только я забираю вещи из прачечной, Чарли провожает меня обратно в коттедж.

Вот так просто, без всяких обязательств.

Но я уже слышу, как жадный голосок в моем сознании шепчет — еще.

Потому что одного раза с Чарли Монтгомери никогда не будет достаточно.

Чарли

Даже укрывшись в «Дерьмовом ящике» со стопкой счетов, я не могу отвлечься от мыслей об одном человеке, мучивших меня всю последнюю неделю.

Руби.

Я хочу ее. Так чертовски сильно.

И это меня бесит.

Эта девушка как луч солнца, заставивший меня ожить. Ее смех, ее сладкие поцелуи, черт возьми, даже ее восхитительный поток любопытных вопросов. Если она не дарит их мне, я не хочу, чтобы они достались кому-то еще.

С тех пор как мы провели вместе ночь, когда я поступил как мудака и выгнал ее, я думал о ней больше раз, чем могу сосчитать. А это значит, что я старался держаться от нее подальше. Настоящая, блядь, пытка. Но это разумный поступок.

Мы оба здесь для того, чтобы делать свою работу.

Я должен сосредоточиться на ранчо, а не на девушке, пробегающей мимо моего домика каждое чертовое утро.

Ерзая в кресле, я игнорирую громкий смех братьев, которые толпятся в «Дерьмовом ящике». Стиснув зубы, я просматриваю платежные ведомости и заказы поставщикам. Только это чертовски бессмысленно. Все мои мысли заняты ей.

Мой взгляд падает на белую ленточку Руби, повязанную вокруг моего запястья. Я хотел вернуть ее ей, но что-то во мне знает, что она моя.

В ту ночь с Руби все было правильно.

В ту единственную ночь.

Но больше нет.

Хотя я знаю, что одного раза недостаточно.

Я чертовски сильно хочу ее. Эта дерзкая грудь. Эта тонкая талия. Ее длинные волосы цвета розового золота. Но я жажду не только секса. Я жажду *ее*. Я скучаю по разговорам с ней. Разговор, который мы вели у меня дома, был как глоток успокоения для души. Проснувшись на следующее утро, я понял, что все еще хочу ее. Я хотел видеть это наполненное солнцем существо на своих простынях. Я хотел второй раунд, хотел трахать ее, пока мы оба не обмякнем и не будем тяжело дышать, а потом принести ей кофе в постель.

Черт возьми, она хотела этого так же сильно, как и я.

От этой мысли мой член дернулся в штанах. Моей целью в ту ночь было сделать так, чтобы это был самый лучший секс в ее жизни. Почувствовать, как она расслабляется рядом со мной, и отправить в коттедж с воспоминаниями о моем члене.

Господи, кого я обманываю? Это я запал.

Она не выходит у меня из головы.

Ни на одну гребаную секунду.

Я отрываю взгляд от письменного стола и смотрю в окно. Остатки самообладания улетучиваются, когда я ищу взглядом Руби, сарафан, золотистые волосы.

Я ворчу. Чертова несправедливость, вот что это такое.

Потому что теперь я должен ходить по этому чертову ранчо, притворяясь, что не видел ее голой. Как будто я не пробовал ее идеальную киску, не видел ее совершенное тело, распростертое на моей кровати только для меня.

Потому что Руби именно такая и есть.

Идеальный гребанный ангел.

Как я вообще смогу держаться от нее подальше, одному Богу известно.

— Чарли, ты слушаешь? — ровный голос Дэвиса отрывает меня от моих мыслей.

— Что? — Я отрываю взгляд от окна, изо всех сил стараясь не подать виду, что ищу Руби.

Мои братья смотрят на меня с разной степенью удивления на лицах.

— Я сказал, что запустил систему безопасности, — говорит Дэвис.

Я хмыкаю.

— Хорошо.

Уайетт смотрит на меня с подозрением.

— Что это?

— Где?

Он тыкает в меня пальцем.

— На твоём уродливом лице.

Форд шевелит бровями.

— Уай, я думаю, это чертова улыбка.

Дэвис приостанавливает работу новых мониторов безопасности, чтобы понаблюдать за нападением на меня.

— Думаю, вы правы, — говорит он, слегка раздраженный тем, что мы прервали его демонстрацию. Его взгляд падает на ленту, повязанную вокруг моего запястья, но он держит рот на замке.

В отличие от Уайетта.

На лице моего брата появляется ухмылка.

— Будь я проклят. Ты перепихнулся.

Я игнорирую его. Любой дурак, который болтает о женщине, которая была в его постели, не заслуживает этого.

Но Уайетт не понимает намеков.

— Это Руби? — предполагает он.

— Если ты хочешь знать... это была Фэллон. — Я бросаю на него самодовольный взгляд и откидываюсь в кресле.

Его улыбка исчезает с лица.

— Засранец.

Дэвис щелкает пальцами, возвращая нас к теме.

— У нас уже двадцать постов. — Он открывает на компьютере нашу страницу в Инстаграме. — Пятьсот подписчиков.

Я смотрю на экран. Социальные сети — это греческий язык для меня, но, если это работает, значит, работает.

Форд проводит рукой по своим лохматым темно-каштановым волосам.

— Неплохо.

Я пожимаю плечами. Мой взгляд снова сканирует окно в поисках знакомого сарафана.

— Что-то получается.

— Доброе утро, парни.

Мы все поднимаем глаза и видим Тину в дверном проеме.

— Привет, Тина, — говорит Форд. — Пришла за поцелуем?

Дэвис бросает на него взгляд.

— Прости за это недоразумение, и не подавай на нас в суд.

Тина хихикает.

— Поцелуй может подождать. А вот это — нет. — Она убирает свои шоколадные локоны с лица и смотрит в мою сторону. — Чарли, нам звонят насчет группы на следующий год. Мы бронируем так далеко вперед?

Дэвис выпрямляется.

— На сколько?

— На две недели, — говорит Тина, прислонившись к дверному проему. В ее глазах светится счастье. — Все ранчо забронировано.

Комнату захлестывает волнение. Хотя у нас всегда бывают гости, мы никогда не бываем забронированы полностью. По правде говоря, мы управляем ранчо скорее, как хобби, чем как бизнесом.

Дэвис выдыхает и смотрит на меня.

— Это хорошо.

— Это здорово, — соглашаюсь я.

Уайетт с воплем вскакивает с кресла.

— Да, блядь! — Он смотрит на Колтона, который выскакивает из-за угла. — Слышишь, парень! Сорок гостей уже забронировали места на следующий год.

— Круто! — Колтон показывает два больших пальца вверх и ярко улыбается.

— Бронируй, Тина, — приказывает Дэвис.

— Да, босс, — говорит она и исчезает вместе с Колтоном.

— Черт, — удивляюсь я, потирая челюсть. Это работает. Что бы Руби ни делала, она делает это правильно.

Во мне вспыхивает гордость. Эта девушка спасает наши задницы, причем в одиночку.

Я встаю из-за стола.

Форд поворачивается в своем кресле.

— Куда ты идешь?

— Искать Руби.

Я почти бегу до ее коттеджа. Сердце колотится в груди, я стучу костяшками пальцев по двери. Когда мне отвечает тишина, я приоткрываю дверь и вхожу внутрь.

— Руби?

Опять тишина.

Я осматриваюсь. На столе стоит ее ноутбук, рядом с ним лежит маленький блокнот. Но что привлекает и удерживает мое внимание, так это дневник на журнальном столике, открытый на линованной странице. Я вижу, что там написано:

Список дел Руби Блум (сделай это!):

1. ~~Сделать татуировку.~~

2. ~~Заняться сексом. Хорошим сексом.~~

3. Не спать всю ночь и встретить рассвет.

4. Увидеть калифорнийский закат.

5. Искупаться в Тихом океане.

6. Пойти на танцы.

7. Прокатиться на лошади.

Так вот что она делает? Путешествует по стране, чтобы исполнить свой список желаний? Я усмехаюсь, что-то теплое и твердое распирает мою грудь. Только она могла так поступить. Эта милая, дикая девушка, которая заставляет меня думать о ней больше, чем следовало бы.

Просмотрев список еще раз, я радуюсь, что из него вычеркнут хороший секс, но мое настроение портится, когда я смотрю на оставшуюся часть. Руби на лошади — черт возьми, нет. А уж образ Руби, танцующей или любующейся калифорнийским закатом с кем-то, кроме меня, и вовсе выводит из себя.

Потом я ругаюсь, понимая, что веду себя как собственнический ублюдок.

Я выхожу из ее коттеджа, чувствуя себя мудаком за то, что вторгся в ее личную жизнь, и провожу рукой по волосам. Я начинаю нервничать. Мне не нравится, что я не знаю, где она.

По правде говоря, как бы сильно меня это не пугало, я не могу держаться от нее подальше. Да и не хочу.

Поигрывая ленточкой, обмотанной вокруг запястья, я осматриваю ранчо в поисках голубых глаз и сарафана. Затем я отправляюсь на поиски.

Я знаю, где ее найти.

Она в конюшне.

Уже в пятый раз за неделю я застаю ее, когда она тайком выходит из своего коттеджа и пробирается по восточной тропе.

Руби стоит у среднего стойла, разговаривая мягким нежным тоном с молодым жеребенком породы Аппалуза. Она стоит на цыпочках, ее длинные волосы струятся по спине, и она так похожа на местную девушку, что я прикладываю руку к груди, чтобы унять боль в сердце. Платье, в которое она одета, кажется совершенно прозрачным. Я вижу каждый изгиб, каждый великолепный дюйм тела Руби Блум.

Проклятье.

Черт возьми.

Я скрещиваю руки на груди и прочищаю горло.

— Другой мужчина крадет твое сердце?

От моего голоса она вздрагивает, затем поворачивается. Ее лицо светлеет, как только она видит меня.

— А тебе что до этого, ковбой?

Ковбой. Мне это нравится.

Чертовски нравится.

Я смотрю на жеребенка, который снова утыкается носом в ее протянутую руку, и поднимаю бровь. Повезло, что это лошадь, а не человек.

Я не могу сдерживать улыбку на своем лице.

— Я искал тебя. — В ответ на ее вопросительно поднятую бровь я продолжаю. — На следующий год нас забронировала группа из сорока человек. Ранчо заполняется. У меня появилось несколько подписчиков.

Радость светится в ее глазах.

— Хорошо. Мои связи помогли. Я так рада, Чарли. Дальше будет только лучше. Вот увидишь.

Ее искреннее желание помочь нам, ее добрые слова просто потрясают меня. Я никогда не встречал никого, похожего на Руби. Кого-то настолько... настолько хорошего.

Она просто золотая.

Потеряв контроль, я пересекаю разделяющее нас пространство.

— Сколько у тебя там? — спрашиваю я, беря ее за руку. Провожу большим пальцем по нежной коже на внутренней стороне ее запястья.

Она пристально смотрит на меня.

— Сколько чего?

— Сердечек. — Она отдергивает запястье, но я наклоняюсь к ней и встречаюсь взглядом с ее великолепными голубыми глазами. — Потому что в тебе, дорогая, больше жизни, чем в поле — цветов.

Она улыбается.

— Сладкие речи ни к чему не приведут, ковбой.

— Никаких сладких речей. Нам нужно обсудить кое-что важное.

— О? — говорит она, изучая меня любопытными глазами.

— Ты держалась подальше, — говорю я, прижимая ее спиной к дверям стойла и фиксируя ее на месте. Мой голос звучит хрипло, напряженно.

— Мы оба. — Она встречает мой взгляд с удивительной стойкостью. — Это работа. Вот и все.

Черт, я ненавижу, как сильно это ранит.

— Да, но...

Она кладет ладонь мне на грудь.

— Никаких «но», помнишь? Мы же договорились. — Ее взгляд опускается вниз, длинные ресницы отбрасывают тени на щеки. — Один раз. — Она говорит это так легко, как будто только я чувствую, что меня пронзила молния от ее слов.

— Это чушь. — Я говорю это прежде, чем успеваю остановиться.

Ее голубые глаза расширяются.

— Чарли...

— Мы еще вернемся к этому. — Я провожу руками по ее плечам, по гладкой коже и прижимаю ее к себе. — Сейчас мы поговорим о твоей политике открытых дверей.

Щеки Руби розовеют.

— Это же ранчо.

— Это Воскрешение. — Проведя рукой по ее изящной челюсти, я поднимаю ее подбородок, чтобы увидеть ее глаза. — Запирай дверь, слышишь? Это не обсуждается.

Ее сочные губы приоткрываются.

— Ладно.

— Хорошо. — Я опускаю руки на ее талию, нуждаясь в откровенности. Она ждет от меня честности, и она ее получит. — Я не буду лгать, Руби. Я заходил в твой коттедж, искал тебя. Я видел твой список.

В ее глазах вспыхивает страх.

— И?

— Очень длинный список дел.

— Ну что ж. Я планирую все выполнить.

— Может быть, я смогу помочь.

— Помочь мне? Как?

— Ты помогаешь нам, а я помогу тебе закончить этот список дел. — Ее внимание переключается на жеребенка. — Никаких лошадей, — говорю я, стискивая зубы. Мысль о ней верхом на лошади сводит меня с ума. — И никакого калифорнийского заката. Но все остальное я могу сделать.

Она вздергивает бровь.

— У тебя большие амбиции, ковбой. Разве у тебя нет ранчо, которым ты должен управлять?

Мысль приходит сама — к черту ранчо.

Я провожу большим пальцем по ее полной нижней губе. Никаких больше попыток держать руки подальше от нее. Больше нет.

— Чего бы ты ни захотела этим летом, Руби, я дам тебе это.

Ее настороженный взгляд падает на ленточку, повязанную вокруг моего запястья.

— Только лето?

— Только лето. — Мы расстанемся, когда закончится сезон.

— Ты уверен? — Дразнящая улыбка играет на ее губах, но я замечаю грусть в голубых глазах. И, черт возьми, как же я хочу понять ее причину. — Последнее, что я хочу сделать, это заставить тебя влюбиться в меня.

Я усмехаюсь, несмотря на то, что в груди все сжимается, ее слова отдаются у меня в голове.

— Этого никогда не случится, дорогая.

На ее лице появляется интерес.

— И почему же?

— Я не влюбляюсь.

Больше нет.

— Повезло мне, — говорит она и откидывается на двери стойла, словно желая еще больше завести меня.

И, черт возьми, ей это удастся. Как мотылек на пламя, я тянусь к ней.

Я не могу удержаться от того, чтобы не подхватить ее на руки и не прижать к себе. Руби проводит своими маленькими ручками по моей груди. С ее губ срывается тихий сексуальный вздох, и мой член дергается.

Я прижимаюсь к ее губам.

— Скажи «да». Скажи «да», и я помогу тебе с каждым чертовым пунктом в твоем списке.

Мне нужно услышать, как она это скажет. Я не могу смириться с тем, что она была всего один раз в моей постели.

— Да, — шепчет она с придыханием. — Да, Чарли. Ты. Я хочу тебя.

Слава богу.

— Лето, — говорю я.

— Лето, — соглашается она.

А потом она улыбается. Ее свет уничтожает все мрачные тени внутри меня.

Ее свет.

Обхватив ее лицо руками, я прижимаюсь к ее губам и вдыхаю. У нее вкус солнечного света и цветов. Я хочу глубоко вдыхать ее и не отпускать.

Эта девушка — золото. Я не могу удержаться.

Руби стонет мне в рот, и я целую ее глубже. Сильнее. Я запускаю руки в ее шелковистые волосы, обнимаю ее за шею и не отпускаю. Прижимаюсь к ней губами.

Лето. Это продлится только лето.

Ее язык скользит по моему, но прежде чем я успеваю опустить руку вниз и раздвинуть ее стройные ноги, длинный бархатный нос жеребенка толкает ее в плечо, разрывая нашу связь.

Руби смеется, легко и мелодично, и этот нежный звук заставляет мой член окаменеть.

Я смотрю на жеребенка с кривой усмешкой.

— Большое спасибо.

— Он ревнует, — говорит Руби, ее глаза полны желания.

— Я его не виню, — говорю я ей, а потом снова притягиваю ее к себе и целую. Я прижимаю ее к себе, отчаянно нуждаясь в этой девушке, которая разрушает меня изнутри.

Ее сердцебиение сливается с моим там, где соединяются наши тела, и впервые за долгое время я чувствую солнечный свет в самых темных уголках своей души.

Руби

Я наклоняю телефон и смотрю на фотографию на экране. Колтон, больше похожий на серфера с растрепанными волосами, чем на молодого наемного работника, прислоняется к конюшне, расставив ноги в сапогах, как певец в стиле кантри.

— Отлично, — щебечу я, поднимая взгляд. — Но как насчет еще одного?

— Конечно, мисс Руби. — Колтон поправляет свою яркую пряжку на ремне и шаркает каблуками по земле. Тихое ржание лошадей создает фоновый шум.

Сегодняшняя работа включает в себя фотографирование каждого сотрудника для профиля в Инстаграме ранчо «Беглец». Я планирую создать солидный запас из фотографий и постов в социальных сетях, чтобы передать его Чарли, когда уеду.

Я вытираю лоб и сканирую ранчо. В эту субботу здесь шумно — прибывают новые группы и уезжают другие. Палящее солнце стоит высоко в небе, и даже прохладный ветерок не может остановить пот, катящийся по моему лбу. Я машу рукой Уайетту, возвращающемуся с ранней утренней прогулки. Этим утром он и несколько гостей отправились знакомиться с лошадьми и конюхами.

Ранчо кажется более оживленным, чем, когда я только приехала сюда, но, возможно, я лишь выдаю желаемое за действительное.

Я вздрагиваю, когда вижу Чарли, выходящего из лоджа с рацией в руке.

При одном его виде мое сердце начинает бешено колотиться. Это сводит с ума.

Чтобы поймать его естественным, я поднимаю камеру и делаю снимок. Я улыбаюсь его стоическому выражению лица, а затем прикусываю губу, чувствуя, как внутри меня медленно разливается тепло.

Он чертовски красив.

И последние две недели он был моим.

Я задерживаю дыхание, ожидая, что он посмотрит в мою сторону, но он исчезает в «Дерьмовом ящике».

Будь проклято мое разочарование.

Будь проклято мое сердце.

Эта игра, в которую мы играем, затягивает. Мы встречаемся по ночам, в обеденный перерыв или, когда можем улизнуть. Даем нашим сердцам возможность отвлечься. С тех пор как Чарли предложил мне помочь со списком дел, *хороший секс* — единственный пункт, который мы вычеркнули.

Снова и снова.

Я никогда не остаюсь на ночь. Это слишком опасно. Потому что «одноразовые» чувства, которые Чарли Монтгомери дарит мне, заставляют мое сердце биться быстрее, чем когда-либо от СБТ.

Наши чувства временные. Но это не умаляет важность того, что мы делаем.

Секс. В его роскошной кровати, в этой великолепной комнате. Его мускулистые руки обхватывают меня, его мозолистые ладони скользят по моей спине, по моим изгибам.

Секс. Отличный секс.

Но я знаю себя и свое сердце. Если я буду продолжать в том же духе, то влюблюсь в него. Если уже не влюбилась.

Когда я вижу Чарли, у меня появляется надежда, что ему не все равно. Мне нравится, когда он слегка улыбается мне, словно это отнимает у него все силы. Его напряженный, задумчивый взгляд, когда мы встречаемся на ферме. Но больше всего мне нравится, как он нетороплив и нежен со мной. У этого сурового ковбоя самые нежные руки на свете.

Я закрываю глаза. Я должна прекратить это.

Моя конечная цель — Калифорния. Я собиралась жить полной жизнью. А не отдавать свое сердце.

Даже если это чертовски приятно.

Прыгнуть в постель к Чарли Монтгомери — это всего лишь один пункт в моем списке желаний.

А когда все закончится, я исчезну. Нет необходимости рассказывать ему о своем сердце. Не нужно притворяться, что это нечто большее, чем летняя интрижка.

— Ты делаешь все это для интернета, да? — Веселый голос Колтона выводит меня из оцепенения. — Ведешь все эти аккаунты?

— Да. Это моя работа. — Я вытираю влажный экран. — Цель — продолжать делать это, пока ранчо не начнет процветать. — Я улыбаюсь и поднимаю камеру. — Давай, прими позу.

Он одаривает меня очаровательной ухмылкой, продевая пальцы в петли ремня в классической ковбойской позе.

— Отлично, — щебечу я, щелкая камерой. — Есть.

— И как долго?

Рассматривая фотографию, я бормочу:

— Как долго?

— Сколько ты будешь здесь?

Я слабо улыбаюсь.

— До августа. К тому времени это ранчо должно быть нарасхват.

Я уверена, что это сработает. Должно. Я люблю это ранчо, и я вижу, как сильно его любит Чарли. После месяца, проведенного здесь, я хорошо знаю внутреннее устройство ранчо «Беглец» и его обитателей.

Дэвис, который всегда находится в этом красном кирпичном здании и тренирует своих собак, кричит на них, командует, держит их на привязи, но при этом дает им приют, которого у них нет.

Форд, отбивающий бейсбольные мячи на пастбище с любым мальчишкой, который осмелится с ним потягаться, и умеющий починить на ранчо абсолютно все, будь то трактор или грузовик.

А Уайетт никогда не остаётся без ковбоя, проводя по вечерам свои мастер-классы. Его резкие крики с наставлениями разносятся по всему пастбищу.

Все это кажется моим. По крайней мере, на лето.

Когда Колтон меняет позу, мое внимание привлекает блеск. Его золотисто-серебряная пряжка ремня блестит на солнце.

— Мне нравится твоя пряжка, — говорю я. — Она яркая.

Колтон смеется и достает из заднего кармана жестянку с жевательным табаком.

— Подарок на выпускной.

— Спасибо за фотографии, — говорю я ему. — Я тебя отпускаю.

— Увидимся, мисс Руби, — говорит Колтон уходя.

Я машу рукой следующему ковбою, ожидая его гламурных снимков. Сэм Хопкинс, бригадир скотников, направляется ко мне. На его обветренном лице отражается презрение, когда он неохотно усаживается рядом с конюшней. Я сдерживаю улыбку. К этому времени я уже привыкла к тому, что люди ненавидят социальные сети. Не поймите меня неправильно, у них есть свои отрицательные стороны, но если это может объединить людей и помочь малому бизнесу, то это те цели, которые мне важны.

— Тебе нужно, чтобы я позировал, милашка? — тянет он. Его взгляд скользит по моим ногам и останавливается на моей груди.

— Улыбки будет достаточно, спасибо.

Наведя камеру, я отступаю назад, чтобы сделать удачный снимок.

Слишком далеко.

Мои ноги ударяются о круглый бак для воды из оцинкованной стали, который используют лошади для питья. Шатаюсь, я поворачиваюсь, упираясь рукой в нагретый солнцем бок бака, чтобы удержаться на ногах.

В этот момент мой взгляд падает на что-то белое.

Что-то в воде.

Ветки.

Не ветки.

Мои глаза расширяются. Сердце бешено колотится в груди.

Кости.

Чарли

Оторвав взгляд от окна «Дерьмового ящика», я опускаюсь в кресло и захлопываю ящик стола. Нужно оплатить счета и составить платежный календарь, но все, что я могу сделать, — это сидеть и хмуриться.

Я потираю затылок, раздраженный тем, что я раздражен. Несколько минутами ранее я видел Руби с Колтоном, она фотографировала его для нашего аккаунта в социальных сетях. Ее звонкий смех, разносившийся по всему полю, был как удар кинжала в грудь.

Осознание того, что она смеется для кого-то другого, что она находится в шестидесяти футах от меня, а я не могу к ней прикоснуться, привело меня в бешенство. Колтон ловит каждое ее слово. И кто может винить парня? Она слишком красива, и все на ранчо это знают.

Черт, да она очаровала всех здесь. С ее милым характером и яркой улыбкой каждый хочет стать ее лучшим другом. Они практически лезут из кожи вон, чтобы поговорить с ней.

Что такого есть в этой девушке? Мне одновременно хочется улыбнуться ей и ударить кого-то за то, что он ей улыбнулся.

У меня нет права злиться. Мы делаем то, что делаем, это продлится лето и только лето. Я ясно дал ей понять, что не хочу большего.

Даже если я не могу насытиться ею.

Каждую ночь, когда мы трахаемся, я разбиваюсь вдребезги. Ее идеальная грудь перед моим лицом, ее волосы, окутывающие меня, словно нимб, лишают меня последних крупиц решимости, которые я еще сохранял. Все мои сомнения, все мои страхи рассеиваются.

Я не могу понять, кто она — реальный человек или ангел.

И это чертовски пугает меня.

Я вздыхаю, когда дохожу до счета с пометкой «просрочен». Когда я вижу имя продавца, я хмурюсь. «Поле и ферма», местный фермер, у которого Сайлас закупает продукты.

Я бросаю взгляд на Дэвиса. Он играет в дартс с Уайеттом, участвуя в эпической битве за право отвести группу к Плачущему водопаду.

— С каких это пор «Поле и ферма» просят платить сразу? — рычу я. За те годы, что мы с ними работаем, они всегда ждали оплаты до конца сезона.

Нахмурившись, Дэвис берет счет и рассматривает его. Его выражение лица становится озабоченным.

— Ты думаешь, это «DVL Equities» давит на них, чтобы они требовали оплату? Вынуждает нас просрочить платежи?

Я откидываюсь на спинку стула и сжимаю переносицу.

— Черт, — бормочу я, закрывая глаза на короткую секунду.

Уайетт подходит ближе.

— Я могу достать немного денег из своего фонда родео...

— Нет. — Последнее, что будет делать мой младший брат, — это выручать мою задницу. Я верю в Руби. В то, что она делает.

Я уже открываю рот, чтобы сказать это, когда через открытую дверь доносятся крики.

— Черт, — говорю я и выбегаю за дверь. Я слышу скрежет стульев и понимаю, что мои братья следуют за мной.

Мое сердце замирает, когда я вижу, как бледная как смерть Руби зажимает рот рукой. Она отступает от бака с водой, рядом собирается толпа. Сэм обхватывает ее за талию и тянет прочь, но она спотыкается и падает на колени на траву.

Я не могу добраться туда достаточно быстро.

Но вот я уже стою на коленях рядом с ней, прижимая ее к своей груди.

— Руби, малышка, что случилось? В чем дело?

— Чарли... — Ее глаза закрываются, и она прижимается ко мне, ее руки цепляются за мои плечи. Она бледна, сердце бьется неровно. — В воде...

Ей не нужно заканчивать предложение. Когда я оглядываюсь, Форд поднимает из бака с водой кость.

Гости ахают и прикрывают рты руками.

Черт.

Форд включает обаяние и поднимает руку, чтобы успокоить толпу.

— Это подделка, ребята, — обращается он к собравшейся толпе. — Все в порядке, это просто розыгрыш. — Словно в подтверждение своих слов, он отбрасывает кость, словно это пустая пивная банка.

— Черт побери, — рычу я, крепче обхватывая Руби руками.

Последнее, что нам нужно, — это сплетни о том, что на нашем ранчо появляются трупы. Не говоря уже о том, что Руби чертовски напугана.

Руби.

Чувствуя ее панику, я прижимаю ее к груди, чтобы оградить от вида костей. Ее маленькое тело дрожит в моих руках. Инстинкт заставляет меня провести губами по ее виску.

— Я держу тебя, малышка. Все в порядке.

— Чарли, — шепчет она, и все твердые уголки моей души смягчаются.

К черту, что я назвал ее малышкой на глазах у половины ранчо. К черту, что я чувствую на себе пристальный взгляд моего старшего брата. Все, что имеет значение, — это Руби.

— Все приглашаются в бар, — говорит Форд, кивая на лодж. — Угощаем бесплатным пивом за ваши волнения.

Гости одобрительно переговариваются и расходятся, посмеиваясь над несвоевременным появлением скелета на Хэллоуин.

Когда они уходят, Форд смотрит на меня.

— Вулфингтоны?

— Придурки, — шипит Уайетт.

Дэвис выглядит взбешенным.

— Вы должны прекратить это дерьмо, — рявкает он на Уайетта, засучивая рукава, чтобы выловить остальные части скелета.

Даже я согласен с Дэвисом. Эта хрень с розыгрышами вышла из-под контроля.

Я помогаю Руби встать.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она кивает, нижняя губа дрожит.

— Я в порядке. Это просто напугало меня, вот и все.

Чушь. Ее трясет, а лицо белое, как простыня.

— Ты не в порядке. — Я тянусь к ней, не обращая внимания на то, что на нас смотрит все ранчо.

Когда она отстраняется от меня, что-то замыкает в моем сердце. Я ненавижу это.

— Мне нужно вернуться к работе, — шепчет она, положив руку на сердце.

— Руби...

— Мне нужно идти, Чарли.

С этими словами она поворачивается так быстро, что чуть не поскальзывается, а затем спешит прочь по полю и вверх по грунтовой дорожке.

Сэм подходит ко мне и облизывает губы.

— Она прелестная малышка.

Меня охватывает потребность защитить ее. Людям легко использовать Руби в своих интересах, потому что она добрая. Она слишком чертовски невинна, чтобы заметить, что Сэм смотрит на нее с вожделением. Мне не нравится язык его тела — когда он поворачивается так, словно собирается пойти за ней.

— Ты запал на нее, Чарли? — Глаза Сэма устремляются к мягко покачивающейся заднице, уходящей от нас Руби.

— Да, — признаю я сквозь стиснутые зубы. Мне хочется схватить Сэма за горло и швырнуть его под гребаный трактор.

— Позор. Со мной она не смогла бы нормально ходить уже через неделю.

Я поворачиваюсь к нему. Я сжимаю кулаки, пытаюсь сдержать ярость.

— Еще раз заговоришь о ней в таком тоне, и я сломаю твою гребаную челюсть. Понял?

Он сглатывает.

— Да, босс.

Я смотрю, как Сэм сбегает, и, убедившись, что он идет в противоположном от Руби направлении, поворачиваюсь к ее коттеджу. Когда я делаю шаг за ней, меня хватает за руку мой брат.

— Что? — раздраженно огрызаюсь я.

— Чарли, — мрачно произносит Дэвис. — Эти кости настоящие.

Это отрезвляет нас всех.

Я смотрю на груды белых костей, сверкающих на солнце.

— Господи!

Носком сапога Форд подталкивает то, что похоже на бедренную кость.

— Где они вообще взяли скелет?

— Придурки, — ругается Уайетт. — Я собираюсь...

— Нет. Больше не смей. — Дэвис строго тыкает пальцем в Уайетта, и морщины вокруг его рта становятся глубже. — Завязывай с Вулфингтонами.

Я хлопаю Уайетта по плечу.

— Оно того не стоит.

Уайетт кивает, но не выглядит счастливым.

Я достаточно хорошо знаю своего младшего брата, чтобы понять, что это еще не конец. Мне придется поговорить с ним позже, без Дэвиса. У меня нет времени судить этот бой. Уайетт начнет упираться, а Дэвис — угрожать, и все будут кричать, а сейчас не время и не место.

— Она в порядке? — спрашивает Форд, его карие глаза смотрят вслед уходящей Руби.

— Не знаю, — говорю я, потирая челюсть. Мне нужно пойти за ней, но взгляд старшего брата останавливает меня.

— Наш приоритет — ранчо, — приказывает Дэвис. — Улаживаем дела.

Сжав руки в кулаки, я киваю и выкидываю Руби из головы.

Ранчо важнее всего. Только так и никак иначе.

Руби

Я улыбаюсь, просматривая комментарии на странице ранчо «Беглец» в Инстаграме. Сегодняшний пост — это фотография Луговой горы, освещенной потрясающим восходом солнца. Простая подпись гласит: «Утро на ранчо».

Как мне попасть туда и остаться навсегда?

Этот вид не сравнится ни с чем!

Скоро в гости! Не могу дождаться.

Это то, чего я хотела для ранчо с тех пор, как приехала сюда.

Любовь.

Мысленно похвалив себя, я потягиваюсь на своем месте за кухонным столом. Прохладный ветерок проникает через сетчатую дверь. Этот городок может убедить меня остаться здесь. Теплые солнечные лучи. Свежий горный воздух. Буйство дикой природы.

На моем телефоне всплывает новый комментарий.

Я открываю его и читаю.

Многие люди вообще не проснутся этим утром, но я рада, что вы можете наслаждаться утрами на своей украденной земле.

Я качаю головой в ответ на мерзкий комментарий. Тролли. Они приходят за всем хорошим и счастливым.

Мой взгляд скользит к имени пользователя. *Lassomamav76*.

Я узнаю это имя.

Повинуясь внезапному порыву, я нажимаю на ссылку, которая ведет меня на ее личную страницу. На аватарке изображена блондинка, сидящая на лошади. Одета в дорожную одежду, она тянет руку к камере. Я скачиваю фотографию и сохраняю ее на рабочем столе.

Затем в новой вкладке я открываю TikTok и нахожу видео, на котором Форд кричит на гостью ранчо.

Бинго.

Женщина на видео в TikTok — та же самая, что пишет мерзкие комментарии на странице ранчо «Беглец». Их аватарки и имена совпадают.

Внутри меня поселяется тревога, и я просматриваю предыдущие посты ранчо «Беглец». *Lassomamav76* прокомментировала каждый из них.

Ранчо «Беглец» — это мошенничество.

Настоящие ковбои там не работают.

Как часто вы обманываете своих гостей?

Видимо, вы не сообщаете людям о трупах на вашем ранчо, да?

Я открываю рот от удивления. Откуда она об этом знает? Этот комментарий заставляет последний кусочек пазла искать свое место в моей голове.

Расправив плечи, я откидываюсь в кресле и обдумываю, что делать. Как раз в тот момент, когда я собираюсь погрузиться в дальнейшие исследования, мое внимание отвлекает тяжелый топот ног.

Улыбаясь, я закрываю ноутбук и иду навстречу высокому, широкоплечему мужчине, стоящему на крыльце моего дома.

— Дверь все еще не заперта, — говорит Чарли. От его хриплого голоса у меня в животе становится теплее. Но именно то, что сияет в его руках, — ярко, блестяще, — разрывает мою грудь.

Подсолнухи.

Он принес мне цветы. От одной этой мысли у меня кружится голова.

Я распахиваю дверь и с трудом сдерживаю улыбку при виде этого мускулистого владельца ранчо, держащего в руках два изящных горшка с подсолнухами, из-за чего у него выпирают бицепсы.

— Цветы? — Я вскидываю бровь.

Чарли переминается с ноги на ногу, выражение его лица смущенное, почти мальчишеское.

— Цветы в качестве извинения.

— За что?

Он опускает горшки на крыльцо и выпрямляется, мышцы на его загорелых предплечьях перекачиваются.

— За то, что мой брат-идиот вчера чуть не напугал тебя до смерти.

Я одариваю его слабой улыбкой. Если бы он только знал, насколько правдиво это утверждение.

При виде костей мое сердце стало биться неровно. От пережитого стресса мне стало нехорошо. Мне нужно было убраться оттуда, пока я не потеряла сознание. Я не могла допустить, чтобы Чарли увидел, как это происходит со мной.

Сняв ковбойскую шляпу, Чарли проводит большой рукой по своим непослушным темным волосам.

— Я даю слово, что Уайетт на самом деле не идиот. Он просто ведет себя как идиот.

— Когда он улыбается, у него вокруг глаз появляются морщинки. Так он выглядит мягким и сильным одновременно.

Я опускаю взгляд на ярко-желтые горшки с подсолнухами, беспорядочно посаженными в землю. Мой отец был бы в бешенстве от такой неаккуратной посадки, но мне нравится, как это выглядит. Нравится, что этот мужчина нашел время, чтобы сделать это для меня.

Я сглатываю, и мое сердце тает, превращаясь в липкую массу.

— Они прекрасны. Спасибо.

— Я должен был зайти вчера и убедиться, что с тобой все в порядке. — На его лице появляется сожаление. — Нам просто... нужно было разобраться с кое-какими делами на ранчо.

— Это те братья, с которыми вы конфликтуете? — Беспокойство за Чарли поражает меня как молния. — Все в порядке?

— Да. — Мышцы на его челюсти напрягаются. — Мы с этим разберемся.

Я киваю на горшки.

— Тебе идут цветы, ковбой. — Выйдя на крыльцо, я опускаюсь рядом с его милым подарком. Легко провожу пальцем по нежным лепесткам цветов. — Думаю, они нужны тебе по всему ранчо. — Я задыхаюсь, меня осеняет мысль. Я поднимаю на него глаза. — Может, тебе разбить сад?

В его глазах мелькает веселье.

— Сад, да?

— О, я думаю, сад очень нужен. На заднем дворе твоего дома. По утрам, когда ты будешь пить кофе, на него будет открываться чудесный вид.

Он хмыкает.

— Думаю, у меня и так чертовски хороший вид. — Его взгляд опускается на мои губы, и я вспыхиваю.

— Гортензии, — лепечу я. — Дельфиниум. Думаю, они будут расти здесь. — Я сияю. — Я могу показать тебе, как сажать.

Он усмехается.

— Я добавлю это в свой список дел. — Затем он опускается рядом со мной, наблюдая, как я погружаю руку в землю. — Я справился? — спрашивает он, загибая поля своей ковбойской шляпы, когда снова надевает ее на голову.

Хотя его голос звучит хрипло, вопрос задан искренне, и от этого мое сердце трепещет.

— Более чем, — говорю я ему, и его взгляд становится мягким и теплым.

Я снова смотрю на цветы. Я скучаю по своему саду, но мое сердце, моя душа пустили корни в земле Монтаны.

Я провожу пальцем по одному из цветков, рассматривая его вблизи. Великолепная смесь кремового, пыльно-розового и рубиново-красного. Я задыхаюсь, когда до меня доходит.

— Это Руби Эклипс²¹. — Я улыбаюсь ему. — Ты нашел цветок с моим именем.

Он изучает меня, прочищая горло.

— Похоже на то.

— Да, — шепчу я. — Похоже.

Когда я собираюсь встать, Чарли протягивает мне руку, помогая подняться.

Я прикусываю губу и задумчиво смотрю на него.

— Я должна вернуться к работе.

— Сделай перерыв. У тебя выходной.

Я упираю руку в бедро.

— Кто это сказал?

— Твой босс.

— Так вот ты кто?

— Ну да. И мои работники должны быть счастливы.

Я счастлива.

Даже слишком.

— Сегодня суббота, — говорит Чарли, сжимая мою руку. И тут я понимаю, что он все еще держит ее. Не отпускает.

Он бросает взгляд на мой компьютер на столе.

— В любом случае, тебе не следует работать, — говорит он своим низким, хриплым голосом.

Я смотрю на его пропитанную потом рубашку и пыльный «Стетсон».

— А как насчет тебя?

— Я подумал, что мы могли бы сходить куда-нибудь.

Я наклоняю голову.

— И чем займемся?

— Проведешь со мной день?

— И чем займемся? — переспрашиваю я, затаив дыхание.

Для меня это все, чего только я могу желать. Блаженство. Провести день с Чарли Монтгомери. Я слишком взволнована, чтобы беспокоиться о том, что будет после. Я просто хочу прожить сегодняшний день.

Я просто хочу его.

Протянув руку, Чарли убирает волосы с моего плеча и проводит пальцами по линии шеи, там, где бьется пульс. От этого естественного движения мое самообладание улетучивается.

— Думаю, мы могли бы вычеркнуть два пункта из твоего списка дел.

Теперь, когда Чарли знает о списке, я прикрепил его к холодильнику. Каждое утро я смотрю на него. Каждый пункт — как достижение, у которого мне не терпится поставить галочку. Даже если я с ним не до конца откровенна, мне приятно, что кто-то поддерживает меня в этом.

Я прикусываю губу, преисполненная надежды.

— Покатаемся на лошадях?

Улыбка на его красивом лице тает.

— Нет. Только не лошади, Руби.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Мы пойдем куда-нибудь потанцевать. Полюбуйтесь восходом солнца.

Мое сердце делает сальто в груди. Это звучит идеально.

Звучит катастрофически.

— Я думала, мы не будем заниматься такими вещами.

Он ворчит в знак несогласия.

— Мы просто развлечемся. Вот и все.

²¹ Ruby Eclipse — сорт подсолнуха, который имеет чёрную сердцевину с блестящими семенами, вокруг которой венком собраны рубиново-красные и пыльно-розовые лепестки. Название сорта переводится как «рубиновое затмение»

— Я не знаю, Чарли... — Его руки скользят по моей талии, поглаживая изгиб спины.
— Что, если я ужасно танцую? — шепчу я.

Его лицо озаряет умопомрачительная улыбка, которая заставляет меня забыть о том, что мы вместе только на лето. Я забываю, что это плохая идея.

— Это не так. Только не со мной. — Он кивает головой в сторону своего грузовика, припаркованного у дороги. — Давай. Поехали.

Сверкнув яркой улыбкой, я позволяю ему прижать меня к своей груди.

Это самое лучшее чувство. Что я кому-то нужна.

— Уходишь в середине рабочего дня? — Я провожу ладонью по его колючей щеке.
— С каждым днем ты удивляешь меня все больше и больше, ковбой.

Его голубые глаза сверкают.

— Руби Блум, я могу сказать о тебе то же самое. — Он целует кончик моего носа. —
Пойдем, поживем в свое удовольствие.

Глава 19

Чарли

— Мне нравится этот бар, — говорит Руби, ее глаза горят от любопытства, когда она опускается на табурет за высоким столом.

Я устраиваюсь рядом с ней.

— Лучше, чем «Пустое место»?

Она притворно вздыхает, а затем на ее милом лице появляется дразнящая улыбка.

— Не знаю. Здесь будет красивый ковбой, который унесет меня отсюда сегодня вечером? Что-то острое пронзает мою грудь при мысли о Руби в объятиях другого мужчины.

— Если ты хочешь затеять очередную драку в баре, то конечно.

Она подпирает подбородок ладонью и улыбается.

— Может, я так и сделаю, ковбой.

Когда она называет меня «ковбоем», для моего сердца это все равно что подлить бензина в огонь.

После того, как я целый день знакомил Руби с Воскрешением — с лучшим настроением, чем в первый раз, — я повел ее в «Неонового Гризли» на Главной улице. Несмотря на то, что в баре шумно, здесь царит непринужденная атмосфера, и он обслуживает как туристов, так и местных жителей. По телевизору с приглушенным звуком крутят клипы в стиле кантри, а официанты в фартуках пробираются сквозь толпу. Здесь безопаснее. Никаких потасовок.

А вот что небезопасно, так это то, что я сейчас делаю. Сам того не желая, я повел Руби на чертово свидание.

Все, о чем я мог думать сегодня, это о встрече с ней. Хотел помочь ей со списком дел. Извиниться за то, что напугал ее до смерти. К тому же, не буду врать. Приятно отдохнуть от работы на ранчо, пусть даже один вечер. Мне нужен был выходной, и она стала идеальным человеком, чтобы отвлечь меня.

Только она не отвлекает. Она — Руби. Девушка, от вида которой у меня все переворачивается внутри каждый раз, когда я вижу ее прекрасное лицо.

Прошло много времени с тех пор, когда мои дни включали что-то еще, кроме дел на ранчо. Я всегда занят, но для Руби я всегда найду время.

Мой желудок сжимается, когда я смотрю на ее тонкий профиль. Ее золотисто-розовые волосы спускаются локонами по спине. Фиолетовая бретелька сарафана соскользнула с плеча. Она скрестила ноги, отчего подол сарафана высоко задрался, обнажив гладкую нижнюю часть бедра.

Я провожу рукой по бороде, оглядывая свою грязную синюю джинсовую рубашку и заляпанные сапоги. Черт возьми, я чувствую себя деревенщиной, сидящим рядом с принцессой.

— Надо было привести себя в порядок, — ворчу я.

— Нет! — восклицает она, а затем прикусывает губу. — Таким ты мне нравишься больше.

— Каким?

— Грязным. — Розовый румянец окрашивает ее щеки. Черт, она выглядит мило.

Появляется официантка, нетерпеливо взмахивая рукой.

— Что будете пить?

— Выбирай сама, — говорю я Руби. — Это твой вечер.

Она вздыхает.

— Разве это справедливо? Ты наконец-то взял выходной в этом году? Тысячелетии?

Я улыбаюсь правдивости ее слов.

— Что-то вроде этого.

— Мой вечер, да? — На ее лице появляется неуверенность, пока ее глаза сканируют меню на меловой доске. — Как насчет... виски с соленым огурцом и двух бутылок пива?

Официантка исчезает.

Я барабаню по столу.

— Теперь ты говоришь на моем языке.

— Что? Грубо и задиристо? Или ворчливо и хмуро?

Я смеюсь. Застигнутые врасплох этим звуком, мы с Руби оба вздрагиваем.

Господи. Когда я в последний раз так смеялся?

— Видишь... — говорит она, протягивая маленькую руку к моей челюсти. — Ты умеешь смеяться.

Я закатываю глаза, борясь со своей продолжающей расширяться улыбкой.

— Да, но не привыкай к этому.

— О, я уже привыкла, ковбой. Никаких отговорок. Теперь ты должен улыбаться мне не менее двух процентов времени.

Прекрасно понимая, что весь чертов город смотрит на нас, я хмыкаю. Это инстинктивно, то, как я тянусь к ней, то, как она мне нужна. Я придвигаю ее табурет ближе, желая, чтобы она была рядом со мной, чтобы я мог вдыхать ее клубничный аромат и греться в ее солнечном сиянии. Я не могу оторваться от нее. Я готов бороться со всем миром за одну только ее улыбку. В Руби есть что-то такое, что умиряет все дерьмо внутри меня.

Она отличается от того, к чему я привык. От того, что, как мне казалось, я хотел или в чем нуждался. Я стараюсь не сравнивать женщин с Мэгги. Особенно Руби. Они совершенно разные. Мэгги была похожа на грозовую тучу, а Руби — на легкий ветерок. Но единственное, что их объединяет, — это их сердца.

Может, я и сделан из гравия, но Руби — она из золота.

Руби смотрит на меня своими большими голубыми глазами.

— Я никогда раньше не была в баре. Не в таком.

У меня сжимается сердце. Чем больше она открывается, тем больше кажется, что она всю жизнь прожила в башне. Мне это не нравится. Но прежде, чем я успеваю задать вопрос, она наклоняется и заговорщицки шепчет:

— Ну, и что мы будем делать?

Я усмехаюсь.

— Мы будем пить. Смотреть на других. А потом танцевать. — Я показываю на группу, состоящую всего из одного парня в подтяжках и цилиндре, который настраивает гитару и усилитель. — Это Марвин. Он клянется, что инопланетяне похищают его коров каждый вторник, но он умеет играть кавер на песню «По всей сторожевой башне», так что мы воздерживаемся от того, чтобы вымазать его дегтем и извалить в перьях на площади.

Хихикая, она восторженно хлопает в ладоши. В это же время приносят напитки.

— Как я уже говорила, мне нравится этот бар.

— Просто подожди, пока он не сыграет свою ирландскую джигу. — Я поднимаю свою рюмку. — За тебя, малышка.

— За тебя.

Руби опрокидывает рюмку. Я прячу улыбку от того, как широко распахиваются ее глаза.

— Вау, — выдыхает она. — Это сильно.

— Эй, зацени. — Я указываю на включенный телевизор, и Руби смотрит туда. На экране — первый музыкальный клип Грейди. — Это мой младший брат.

Она улыбается.

— Еще один брат?

Я делаю глоток пива.

— Ага.

— Большая семья, — отмечает она, постукивая ногтем по столу.

— С каждой секундой становится все больше. — Я достаю телефон и показываю ей фото своих племянниц. — Моя младшая сестра только что родила близнецов. Кора и Дейзи.

— О, Чарли, — говорит Руби, ее глаза сияют, когда она просматривает фотографии. — Они прекрасны.

Гордость переполняет меня.

— Да. Надо будет как-нибудь съездить в Нэшвилл.

Взгляд Руби скользит по моему лицу, оценивая.

— Ты любишь детей?

— Да. — Я прочищаю горло, признание словно лезвие ножа вонзается в мой живот. — Да. Люблю.

Будучи одним из шести детей, я хочу беспорядка и хаоса, которые царят в большой семье. Что бы ни подкидывала мне жизнь, у меня всегда есть мои братья и сестры. Никакого одиночества, много смеха и любви. Семья лежит в основе моей сущности как мужчины. Это все, что важно, что имеет значение в этом мире.

Когда я поднимаю глаза, то вижу, что Руби погрузилась в раздумья, она словно погасла.

Мне это не нравится. Потянувшись, я провожу ладонью по ее обнаженной руке, желая снова сделать ее счастливой.

— Ты в порядке?

— Я в порядке, — говорит она, выдыхая. Она делает глоток пива и пожимает хрупким плечом. — Просто... впитываю все это.

Так что я поступаю также.

Со своего места я вижу весь бар. Пары танцуют тустеп²² на танцполе, а группа ковбоев играет в дартс. Тина, у которой сегодня выходной, сидит с мужем за барной стойкой. Группа незнакомых городских ребят в поло и бейсбольных кепках, одетых козырьком назад, опрокидывают шоты у барной стойки.

И тут я замечаю Уайетта и женщину с копной иссиня-черных кудрей и губами, красными, как место преступления.

Он сидит за угловым столиком, прижимаясь к Шине Вулфингтон. Мой брат кивает мне, но возвращает свое внимание к Шине, обхватывая ее рукой и притягивая к себе.

Шина, стилист в «Доме волос», пыталась подобраться к нам с тех пор, как мы приехали в город. Но мы все были достаточно умны, чтобы не связываться с ней.

До сих пор.

Что, черт возьми, делает Уайетт?

Шина — это проблема. Острая, смертоносная, хладнокровная проблема.

Я чертыхаюсь, когда вижу Фэллон. Она плывет по бару, как акула, глаза прищурены, стройное тело напряжено, как пружина.

— Черт, — бормочу я.

Это гребанный смертельный треугольник.

— Чарли? — мягкий голос Руби возвращает меня обратно. — В чем дело?

— Ничего, — говорю я, не желая, чтобы она волновалась из-за дерьма Уайетта.

Мое внимание привлекает тихий перебор гитарных струн. Марвин напевает старую песню Алана Джексона.

К черту это. К черту переживания из-за Уайетта. К черту работу.

Пора заключить эту девушку в свои объятия.

Я беру Руби за руку.

— Хочешь потанцевать? — спрашиваю я, выгибая бровь. — Вычеркнуть этот пункт из своего списка?

В ответ я получаю улыбку ярче сотни солнц.

— Да. С удовольствием. — Ее очаровательный носик морщится. — Я просто не знаю, как...

— Я поведу.

Прежде чем она успевает соскользнуть с табурета, я подхватываю ее за талию и прижимаю к себе, положив руку ей на спину. Она ахает, когда я начинаю кружить ее.

²² Американский танец быстрого темпа, напоминает польку. Тустеп исполняется в паре, в закрытой позиции, с продвижением по кругу. Основное движение состоит из двух быстрых шагов с небольшим подпрыгиванием.

Мужчины Монтгомери не стесняются того, что знают толк в танцах. Это то, на чем мы выросли — музыка кантри, тустеп и хонки-тонк²³. Умение танцевать открывает многие двери, привлекает красивых женщин в твои объятия, и прямо сейчас я счастливый мужчина.

— Двигай ножками, малышка, — говорю я, беря ее за руку.

Руби смеется и прижимается ко мне. Она так легко движется в моих объятиях, пока я веду ее в простом тустепе, который она быстро осваивает.

Одна песня превращается в две, а две — в три.

Мы рисуем на танцполе свой собственный квадрат, сжигая его как лесной пожар. Крепко сжимая ее в объятиях, я держу ее как можно ближе, стараясь уворачиваться от других идиотов на танцполе. Я не позволю какому-то придурку врезаться в Руби.

— Чарли, — выдыхает она, ее улыбка растет. — Ты заставишь меня потерять мои туфли.

Я ухмыляюсь, глядя на нее.

Подол ее сарафана взмывает, и в этот момент я понимаю, что танцы были придуманы для того, чтобы я мог увидеть, как Руби кружится в юбке.

— Это значит, что ты все делаешь правильно, — шепчу я ей в губы.

Я крепко прижимаю ее к груди, впечатывая в свое тело, желая охватить всю ее целиком. Она хихикает, когда я кручу ее и кладу ладонь на ее попку. Снова взяв ее за руку, я раскручиваю ее. Когда она снова прижимается ко мне, я опускаю ее, откидывая голову назад, пока ее волосы не коснутся пола. Ее гибкая фигура выпрямляется, и все, что я могу сделать, это восхититься. Она чертовски красива, с ее растрепанными волосами и покрасневшими щеками, вся беззаботная, дикая и цветущая.

Но тут Руби отстраняется, в ее широко раскрытых глазах мелькает страх.

— О, — задыхается она. — Мне нужно остановиться, Чарли.

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, она вырывается из моих объятий и хватается за наш столик, опрокидывая вторую порцию наших напитков. Пиво выплескивается из бокалов.

Я не думаю. Я просто двигаюсь.

Я мгновенно оказываюсь рядом с ней.

— Руби? — Я осматриваю ее на предмет повреждений. — Дорогая, ты в порядке?

Вздвогнув, она нагибается вперед. Ее глаза закрываются, костяшки пальцев белеют, когда она сжимает столешницу.

— Я в порядке. У меня на секунду закружилась голова.

— Ты не в порядке, — резко говорю я, обеспокоенный ее бледным лицом. Дыхание у нее прерывистое, и она выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок.

Во мне поднимается чувство, которого я не испытывал уже много лет. Забота.

Черт. Я забочусь о ней.

Я обхватываю ее за талию и оглядываюсь в поисках задней двери.

— Мы уходим. Прямо сейчас.

— Нет! — Она выпрямляется, и я прижимаю ее к себе. — Ни за что. Мы не уйдем. — Ее смех дрожит. — Я не часто делаю это. Пью. Танцую. Мне просто нужно перевести дух.

— Не спорь со мной.

— Я и не спорю. Я убеждаю тебя.

— Ты уверена? — Я изучающе смотрю на нее, в опасной близости от того, чтобы перекинуть ее через плечо и вынести из бара. Она может спорить со мной сколько угодно дома.

— Это моя ночь, ковбой. — Упрямство вспыхивает в ее больших голубых глазах, и часть моего беспокойства улетучивается. — Мне весело. Я не хочу уходить. — Она проводит рукой по моей груди, и все мое тело замирает от ее успокаивающего прикосновения. — Пожалуйста, Чарли, давай...

²³ Поджанр кантри-музыки

Резкий хлопок обрывает ее слова. Инстинкт заставляет меня шагнуть к ней, закрывая своим телом.

В баре наступает тишина.

В этот момент я вижу, как ладонь Фэллон покидает лицо Уайетта. Его левая щека вспыхивает ярко-красным, пока они смотрят друг на друга. Затем Фэллон произносит что-то похожее на «да пошел ты» и выбегает через заднюю дверь.

Я хмурюсь, замечая, как Уайетт приподнимается, чтобы пойти за ней, но Шина тянет его обратно к себе.

— Господи, — рычу я.

Об этом узнает все Воскрешение. В таком маленьком городке сплетни распространяются как лесной пожар.

— Что происходит? — шепчет Руби. Она сжимает мое плечо и встает на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Проведя рукой по лицу, я поворачиваюсь к ней.

— Я беру назад свои слова об Уайетте. Он идиот.

— Я должна поговорить с ней. — Руби сжимает мою руку, а затем прижимает сумочку к груди и спешит за Фэллон на улицу.

Я бросаю взгляд на своего тупоголового брата, пока Шина воркует над ним.

Я в бешенстве. По-настоящему в гребаном бешенстве. Уайетт зашел слишком далеко с Фэллон. Что бы он ни делал, моему брату нужно научиться не трахать сердце хорошей женщины.

Я смотрю на заднюю дверь, за которой исчезла Руби, и думаю, не стоит ли мне самому последовать собственному чертову совету.

И не слишком ли уже поздно?

Руби

Я делаю глубокий вдох и подхожу к Фэллон. Она стоит рядом с мусорным баком в переулке и курит. Вблизи она выглядит раздраженной и агрессивной. Небольшой серебристый шрам тянется вдоль ее челюсти, а темно-каштановые волосы ниспадают до середины спины. Обрезанные шорты, в которые она одета, демонстрируют красочные татуировки в стиле родео, которые тянутся вверх по бедрам, подчеркивая ее худые, мускулистые бедра.

Хотя мы уже встречались, я не уверена, что она захочет поговорить со мной. По правде говоря, я восхищаюсь Фэллон. Завидую ей. Ее татуировкам, ее лошадям и ее свободе. Она прямая и свирепая, и у нее нет бомбы замедленного действия в груди.

Фэллон выпускает дым, когда видит меня.

— Черт. Не говори моему отцу.

Я улыбаюсь.

— Со мной твои секреты в безопасности.

Она хмыкает и глубоко затягивается сигаретой. Дым клубится в воздухе между нами.

— Мне жаль, — говорю я, думая о той женщине в баре, которая гладит кроваво-красными ногтями руку Уайетта. Если бы это был Чарли, я бы взяла свою рюмку и швырнула ее ему в голову. — Насчет Уайетта.

Фэллон пожимает плечами. Пылающий гнев в ее глазах — единственный признак того, что она ранена.

— Нет никакого Уайетта, — говорит она, растягивая слова и энергично качая головой. — Он настоящий клоун, от которого я планирую держаться как можно дальше.

Молча мы смотрим в темноту переулка. В чернильно-черном ночном небе сверкают звезды. Лунного света достаточно, чтобы разглядеть исписанные граффити кирпичные стены и брошенные на землю пивные банки. В воздухе витает аромат сосен и лета. Прохладный ветерок высушивает пот у меня на лбу, и я делаю глубокий вдох.

Я рада передышке после того, что произошло в баре после выпивки и быстрых танцев. Я прижимаю руку к своему все еще бешено колотящемуся сердцу, желая, чтобы оно вернулось к нормальному ритму. Такому, чтобы я не потеряла сознание прямо на танцполе.

Эта мысль, словно электрошокер для моих эмоций, сбивает с ног. Сегодняшний вечер — ужасное напоминание о правде моего положения. Моего состояния.

Я закрываю глаза.

Я лгу Чарли.

Мое сердце не в порядке и никогда не будет в порядке.

Чарли хочет детей. То, что я никогда не смогу ему дать из-за своего сердца.

Я качаю головой, злясь на себя за то, что вообще допустила эту мысль. Это не имеет значения. Нас нет и никогда не будет.

Через восемь недель я уеду.

Фэллон бросает сигарету на землю и затаптывает сапогом.

— Ну что? Как тебе танцы с Чарли Монтгомери? Вы двое там хорошо смотрелись.

— Это было весело. Просто летнее развлечение, — уточняю я, не совсем понимая, зачем пытаюсь это прояснить. Может быть, потому что отрицать легче, когда произносишь это вслух. Когда позволяешь другим людям услышать и сделать это более реальным.

Она обдумывает мои слова, ее ореховые глаза блестят.

— Тебе нравится здесь? В Воскрешении?

— Нравится. Мне нравится.

— Но не настолько, чтобы остаться?

Я колеблюсь, решая, стоит ли говорить больше, поделиться с ней.

— Нет. Я не могу.

— Тебе повезло, — говорит она, и в ее хриплом голосе слышится тоска. — Ты можешь уехать, когда захочешь.

Но я не хочу уезжать.

Этот город кажется мне родным. Я чувствую, что принадлежу ему. Здесь другой воздух. Здесь мое сердце бьется по-другому, сильнее, только потому, что я нахожусь на ранчо «Беглец».

Я думала, что смогу это сделать. Я думала, что это будет легко. Заработать немного денег. Помочь владельцу ранчо. Заняться хорошим сексом с ворчливым ковбоем, а потом сбежать.

Без всяких обязательств.

И все же...

Чарли до сих пор носит мою ленточку на запястье.

Что это значит?

Ничего.

Это не должно значить абсолютно ничего.

— На что это похоже? — спрашиваю я Фэллон. — Ездить верхом?

Ее суровый взгляд смягчается. Несколько секунд она молчит. Когда она заговаривает, выражение ее лица становится неземным, мечтательным.

— Это сводит меня с ума и заставляет жить. — В ее голосе звучит страсть. — Я готова умереть за это. Я бы умерла, если бы никогда не смогла сделать это снова. — Вскинув бровь, она переводит взгляд на меня. — Я прекрасно понимаю, что эти две вещи взаимоисключающие.

Меня пробирает дрожь. Я чувствую то же самое.

— Ты никогда не ездила на лошади?

— Нет. Чарли не разрешает. — Я делаю шаг вперед, глядя на темный бордель, залитый лунным светом. Зная, что это хороший контент для Инстаграм-аккаунта ранчо «Беглец», я достаю свой телефон и переключаю его в ночной режим. Я смотрю на Фэллон. — Это его лошади, ты же знаешь. Я не могу просто украсть одну.

Фэллон ухмыляется.

— Ну, технически, ты можешь...

От одного только упоминания о Чарли у меня сжимается сердце. Улыбка появляется на моих губах, когда я вспоминаю рычащего мужчину, которого впервые встретила в «Пустом месте». Ковбоя, которого я считала холодным и неулыбчивым. Но я ошибалась. Было так много незначительных моментов, когда его нежные действия разрушали тот образ, который я создала в своей голове. Чарли приносит мне цветы, водит на танцы, носит мою ленточку на запястье... и секс. Секс не просто хороший — он потрясающий.

Меняющий сердце.

Жесткий панцирь Чарли — это щит, оберегающий его от того, что причиняет боль.

Я делаю то же самое. Не рассказывая Чарли о своем сердце, я держу его на расстоянии.

— У него есть на то причины, — говорит Фэллон, и я удивляюсь нерешительности, которая отражается на ее лице. — Чарли — хороший парень. Я знаю его уже десять лет, и он... очень сильный, да. Но я никогда не видела у него такого выражения лица.

Я должна сказать ей, что *не имеет значения, как он смотрит на меня*. Несмотря на это, мое сердце бешено колотится, и я не могу удержаться, чтобы не спросить:

— И что это за взгляд?

Фэллон улыбается.

— Как будто ты владеешь каждым атомом его тела.

При ее словах у меня перехватывает дыхание.

— О, — с трудом выдавливаю я и поднимаю телефон, чтобы сфотографировать бордель, пытаюсь прогнать чувство отчаяния, нарастающее во мне.

Не успеваю я сделать снимок, как над нами раздается смех. Я замираю, переводя взгляд на Фэллон, которая пожимает плечами. Шаги раздаются на кованом железном балконе борделя. Сквозь прутья видны мужчина и женщина. Их трудно разглядеть, но у женщины длинные каштановые волосы и хрипловатый смех. Мужчина — высокий, с серебристыми волосами и худым «лисыным» лицом.

Раздается шорох ткани, звяканье ремня, звук спускаемых штанов. Ремень, как змея, пробирается сквозь шлевки, на блестящей пряжке отражается лунный свет. А потом опускается на колени и открывает рот.

— Святое дерьмо, — говорит Фэллон. — Время пип-шоу.

— Я думала, это музей, — шепчу я, запрокидывая голову, чтобы посмотреть наверх. Прохладный ночной воздух оглашают стоны.

На лице Фэллон выражение восхищения.

— Похоже, он все еще работает в нерабочее время.

Любопытство заставляет меня встать так, чтобы лучше видеть.

— Ты знаешь, кто они?

— Нет. — Она прищуривается. — Не вижу. — Ее острый локоть упирается мне в бок, и я глушу вскрик рукой. — Сделай снимок. Мы сможем увеличить изображение.

Я смотрю на нее с открытым восхищением.

— Зачем?

— Потому что мне чертовски любопытно, вот зачем. — Она подталкивает меня вперед. — Если ты трахаешься на открытом балконе в моем городе, то не заслуживаешь уединения.

Она права.

— Давай, Руби, — говорит она и улыбается мне. — Поживи немного.

Ключевое слово — поживи.

Адреналин и волнение заставляют меня навести камеру на загадочную пару.

И я делаю это.

Я фотографирую их.

Фэллон, хмыкнув, хватается за меня и тащит обратно в тень.

— Дикая маленькая бунтарка, — шипит она, в ее голосе звучит гордость.

Я смотрю на руку Фэллон, перекинутую через мою, на ее крепкую хватку, на ее красивые длинные пальцы, украшенные кольцами с бирюзой. Я никогда в жизни не испытывала такого чувства дружбы, общности, защищенности.

Над нами раздается какое-то движение, скрип ремня, а затем смех и голоса исчезают, как только дверь захлопывается.

В переулке воцаряется тишина.

Я увеличиваю фотографию, и Фэллон смотрит через мое плечо.

— Ты его знаешь? — спрашиваю я.

— Нет. — Она выглядит разочарованной. — Ну, это был интересный опыт. — Фэллон делает шаг в переулок. — Обнажать души. Ловить незнакомцев на тайных делах. Мы должны делать это чаще. — Она пожимает плечами. В тени и лунном свете она похожа на призрачную ковбойшу, готовую отомстить. — Я пойду домой. Возвращаясь к своему мужчине, Руби.

— Он не мой мужчина, — настаиваю я, хотя от ее слов по телу пробегает волна тепла.

В ее ухмылке мелькает веселье.

— Как скажешь.

Я смотрю, как она уходит в ночь. Потом смеюсь и качаю головой.

Думаю, мы обе лгуны.

Все еще размышляя над словами Фэллон, я иду по темному переулку к входу в бар.

Когда я поворачиваю за угол, парень преграждает мне дорогу. На нем розовая футболка-поло и бейсболка, надетая козырьком назад, и он так же неуместен в этом баре, как я в «Пустом месте». Приподняв бровь, он окидывает меня сальным взглядом с головы до ног.

— Извините. — Я пытаюсь протиснуться мимо него. На танцполе из опилок уже собралась большая толпа. Чарли, должно быть, затерялся где-то в людской массе.

Он выталкивает меня обратно в коридор и кладет руки мне на талию.

— Сегодня мы потанцуем. — Его голос звучит невнятно из-за алкоголя.

Я расправляю плечи и выпрямляюсь, надеясь выглядеть устрашающе.

— Я не хочу танцевать. Только не с тобой.

Он издает короткий смешок.

— Первый раз? Не волнуйся. Я позабочусь о тебе, красотка.

У меня перехватывает дыхание, страх пронзает позвоночник. Я соглашусь на любые неприятные комментарии в Инстаграме, вместо этого мерзкого парня, ухмыляющегося передо мной.

Он вторгается в мое пространство, и мое сердце ускоряется. Мне это не нравится. Он — не Чарли. Он — не мой ковбой.

— Пропусти меня. — Я толкаю его, но он снова преграждает мне путь.

— Ты слышал ее. Отойди, блядь, от нее подальше. Сейчас же.

От грубого голоса Чарли мое сердце уходит в пятки.

Парень фыркает.

— Пошел ты, чувак...

Прежде чем он успевает сказать что-то еще, крепкая рука хватается парня за шкуру, чтобы оттащить от меня. Парень летит в стену, словно он не более чем мешок с мусором.

— Ты в порядке? — спрашивает Чарли, становясь рядом со мной, но его глаза не отрываются от парня. Кулаки Чарли сжаты, его мускулистое тело напряжено.

Очевидно, что, если бы меня здесь не было, Чарли прямо сейчас набросился бы на него.

— Да, — вздыхаю я, застыв перед Чарли. Притягиваемая его агрессией.

— Пошел ты, братан.

Видимо, парень не понял намеков и смертоносных взглядов Чарли, потому что снова делает шаг вперед, но Чарли упирается ему в грудь.

— Плохая идея, — рычит он.

Взгляд Поло падает на ленточку на запястье Чарли. Мою ленточку.

— Что это, здоровяк? Навел красоту сегодня?

Как только он тянет за конец ленты, чтобы снять ее с запястья, Чарли хватается его за руку. Выкручивает.

У меня по позвоночнику пробегают мурашки, когда глаза Чарли становятся дикими.

— О, черт, чувак! — Капли пота стекают по лицу парня. — Я просто пошутил.

С напряженным, угрожающим выражением лица Чарли рычит:

— Только прикоснись к ней, и я оторву твою руку от гребаного тела.

Воздух наполняется страхом, и парень пытается сделать шаг назад.

Но Чарли держит крепко. Делает шаг вперед.

— Я скажу это один раз. Когда женщина говорит — нет, она имеет в виду — нет. Я ясно выражаюсь?

Парень судорожно глотает воздух.

— Да, сэр.

— Убирайся отсюда нахрен, — огрызается Чарли. С ворчанием он выталкивает Поло из зала на танцпол. Затем он свистит, и толпа оживает. Местные жители тащат Поло к выходу, обливая его пивом и отправляя восвояси.

— Планируешь подраться из-за меня, ковбой? — спрашиваю я, медленно придвигаясь к нему, влекомая каким-то магнетическим чувством.

Ненавижу, как сильно я хочу снова оказаться в его объятиях. Чарли выглядит таким красивым. В своих выцветших голубых джинсах, мягкой джинсовой рубашке, закатанной до локтей, поношенных сапогах и с блестящей медной пряжкой на ремне, он — воплощение настоящего мужчины. Я жажду всего, что связано с ним. Настоящий ковбой, который любит землю, животных и работает руками.

Я хочу его.

— Чертовски верно, планирую. — Он подается вперед, в его темных глазах плещутся собственничество и вожделение. Он притягивает меня к своей груди, его мощные, мышцы напрягаются, когда он приподнимает мой подбородок, чтобы встретиться с его обжигающим взглядом. — Когда кто-то другой прикасается к тебе, Руби, это сводит меня с ума.

Одним быстрым движением наши губы сливаются. Я стону, запуская пальцы в его темные волосы. Поцелуй становится настойчивым, отчаянным, и каждый дюйм моей кожи загорается. Я чувствую знакомое учащение пульса и упиваюсь им. Только Чарли может сделать это со мной.

Я всхлипываю, когда мы отстраняемся друг от друга, хватаясь за переднюю часть его рубашки.

Его пристальный взгляд все еще прикован к моему лицу. Затем на его губах появляется сексуальная улыбка.

— Что я могу сказать, дорогая? Туристы.

Я улыбаюсь ему.

— Полегче, ковбой. Я была такой же четыре недели назад.

— Больше нет, — говорит он. — Разве ты не слышала? Ты местная, Руби. — Приподняв мой подбородок, он проводит подушечкой большого пальца по моей нижней губе. — По крайней мере, для меня.

Я краснею и вскидываю бровь.

— Ты не это говорил в ночь нашего знакомства.

— Я был неправ, — говорит он, и это честное признание, его грубоватая мягкость заставляют мое сердце бешено биться. — Ну же. — Он защитным жестом кладет руку мне на талию, контролируя мое движение и уверенно провожая меня обратно в бар. *Я всегда буду защищать тебя*, говорит мне его прикосновение. *Ты всегда будешь со мной*. — Танцпол скучал по тебе.

Я скучал по тебе.

— Ты в порядке? — спрашивает он, увлекая меня в медленный танец. Марвин поет медленную меланхоличную версию песни Nitty Gritty Dirt Band «Fishing in the Dark».

Я смотрю на него глазами, полными желания.

— Уже лучше.

— Фэллон в порядке?

— Она ушла домой. Но я думаю, с ней все в порядке. Как Уайетт?

— Не беспокойся об Уайетте.

Я перевожу взгляд на ленточку на его запястье.

— Как долго ты собираешься носить эту ленту, ковбой?

— Столько, сколько ты захочешь.

— О, — тихонько выдыхаю я.

Мое сердце бешено колотится. Огонь сжигает воздух между нами.

От его заявления у меня подкашиваются ноги, а сердце пропускает все положенные ему удары.

Я не знаю, что означает его ответ, я просто знаю, что это слишком.

Слишком для меня.

Как будто это может разбить оба наших сердца.

Я кладу голову ему на грудь и слушаю, как бьется его сердце. Его биение такое сильное. Такое здоровое.

Я делаю глубокий вдох. От него не пахнет дорогим одеколоном. Он пахнет трудолюбивым мужчиной, ковбоем, землей, солнцем и жизнью.

Здесь, на этом танцполе, наши отношения не кажутся временными. Он прижимает меня к себе, как будто я принадлежу ему.

Хуже того, я больше не знаю, хочу ли я, чтобы они оставались временными. Я сказала, что моя голова будет принимать решения, но похоже, что мое безрассудное сердце берет верх.

В Чарли легко влюбиться. Надеюсь, он этого не знает.

Надеюсь, он не сделает того же.

Когда песня заканчивается, Чарли останавливается. Его глаза встречаются с моими.

— Что дальше?

Я упиваюсь его красивым лицом, твердой линией его подбородка.

— Больше выпивки, больше танцев, больше тебя.

Чарли сглатывает, а потом улыбается. Это самая большая и яркая улыбка, которую я когда-либо видела, и все мое тело тает.

— Все, что тебе угодно, малышка.

Он наклоняется и целует меня, а я не могу не поцеловать его в ответ.

И тут я перестаю думать о том, как не влюбиться, потому что обвиваю руками его шею и прыгаю в его объятия.

Живи каждым мгновением с Чарли Монтгомери.

Живи так, будто оно последнее.

Глава 21

Чарли

— Кажется, я пьяна, — вздыхает Руби. Широко раскрытые глаза сияют от восторга на ее милом личике, пока она неуверенно покачивается на своих босых ногах.

Переступив порог своей спальни, я усмехаюсь и притягиваю ее к себе.

— Малышка, мне тоже кажется, что ты пьяна. — Возбужденная и хихикающая, — она самая милая малышка, которую я когда-либо видел.

— Что мы сейчас делаем? — спрашивает она.

— Восход солнца, помнишь?

Спустя три шота, два пива и несколько кругов по танцполу, мы уехали из «Неонового Гризли» и вернулись ко мне.

— Но это занятие не на несколько часов. — Она встает на цыпочки, проводит рукой по моей груди, прикусывает горло. Моя решимость ослабевает, и член набухает в джинсах.

Я привез ее к себе, потому что не хотел, чтобы пьяная она оставалась одна. Я сделал это не для того, чтобы перепихнуться.

— Что мы будем делать до тех пор? — вздыхает она. От нее волнами исходит тепло.

Я обхватываю ее лицо ладонями и хмурюсь.

— Ты немного выпила. Если ты не хорошо себя чувствуешь...

Она хлопает длинными ресницами и мелодично хихикает, отчего мое возбуждение усиливается.

— Может, я и выпила, но я очень, очень хорошо себя чувствую.

— Ты уверена? — еле сдерживаясь спрашиваю я. — Я не хочу, чтобы ты делала то, к чему не готова.

— Ковбой, перестань болтать и поцелуй меня, — говорит она прежде, чем прижаться ко мне губами.

Каждая унция крови в моем мозгу, каждый протест стекают в мой член.

Я отстраняюсь.

— Этот сарафан нужно снять.

Она притворно надувает губы, ее глаза, ресницы, подведенные дымчатыми тенями, трепещут.

— Тебе не нравятся мои сарафаны?

— Я люблю их, малышка. — Я ухмыляюсь. Мне нравится эта сторона Руби. Игривая, кокетливая, милая. Каждая новая сторона, с которой она открывается, делает ее все лучше и лучше. — Я просто больше люблю, когда они на моем полу.

— Ковбой, устанавливающий правила. — На ее губах играет улыбка. Она двигает бедрами, приподнимая подол, чтобы показать кремовую кожу. Фиолетовые трусики.

Мой член напрягается от заигрывания, звучащего в ее голосе. Вся сила воли, которая удерживала меня, улетучивается в окно. Я не хочу ждать. Я прижимаю ее спиной к стене и хватаю за задницу.

— Черт, малышка, — рычу я, зарываясь лицом в ее шею и стаскивая с нее трусики.

Ее спина выгибается, а грудь натягивает лиф платья в форме сердца. Она стонет и рвет мою рубашку, проводя своими маленькими ручками по моему телу. Жадная. Мне это чертовски нравится.

Я прижимаюсь бедром к ее сладкой киске. Она трется о него, пропитывая мои джинсы, и я, блядь, теряю контроль.

С рычанием я стягиваю переднюю часть ее тонкого платья, обнажая грудь и розовые соски. Обхватив обеими руками ее талию, я низко наклоняюсь, всасывая кремово-белую выпуклость ее груди, позволяя языку дразнить ее соски, превращая их в твердые пики.

Из уст Руби вырывается иступленный крик. Она вздрагивает и откидывает голову назад, ее ресницы трепещут, губы приоткрыты.

Внутренняя сторона ее бедер блестит от возбуждения. Я провожу ладонью по влажной коже, а затем погружаю в нее пальцы. Дразню. Играю.

Она издает слабый стон, ее ногти впиваются в мое плечо.

— Чарли...

Она тугая, мокрая, горячая.

Моя.

Ни у кого не будет шанса с этой девушкой. Никогда. Увидев ее сегодня вечером с другим мужчиной, я едва не погубил себя. Мне пришлось сдерживаться, чтобы не убить парня, потому что, если меня посадят, я не только не смогу управлять своим ранчо, но и не смогу трахать Руби. А это будет чертовски обидно.

С этой мыслью я скольжу руками вверх по ее телу, стягивая сарафан и оставляя ее обнаженной.

Я сжимаю ее упругую попку и приподнимаю ее. Она обхватывает меня ногами за талию, а я присваиваю ее рот, поглощая каждый поцелуй, каждую унцию воздуха, которым она меня благословляет.

Я хочу больше ее.

Мне нужно попробовать ее на вкус.

Потому что, черт возьми, у этой девушки мой любимый вкус.

Поставив ее на ноги, я наклоняюсь.

— Стой, — приказываю я.

— Да, — вздыхает она.

— Хорошая девочка.

Ее взгляд, обращенный в спальню, заставляет меня опуститься на колени так быстро, что у меня перехватывает дыхание.

Я раздвигаю ее ноги, а затем, обхватив руками ее талию, прижимаю ее спиной к стене. Я вылизываю внутреннюю сторону ее бедер, влажные следы возбуждения, как влюбленный щенок. Потому что это правда, я чертовски голоден.

Я раздвигаю ее ноги еще шире, впиваясь губами в ее сладкую киску так глубоко, словно рай может оказаться по ту сторону.

Руби прижимается к стене, ее тело вибрирует, бедра дрожат, глаза зажмурены в экстазе. Ее киска прижимается к моему рту, и я издаю какой-то сдавленный звук.

Господи, она на вкус как клубника. Как это, блядь, возможно? Еще раз подтверждая мои подозрения, что она в буквальном смысле ангел.

Отстранившись, я провожу пальцем по ее влажным складочкам, и она вдыхает. Я прижимаюсь губами к ее клитору и посасываю.

Она задыхается.

— Чарли... Я не могу... Я...

Я рычу, наслаждаясь ощущением того, как она дергает меня за волосы. Я продолжаю ласкать ее клитор, сильно прижимаюсь к нему губами и вращаю языком. Любой способ проглотить эту скользкую, сексуальную киску, любой способ доставить удовольствие моей девочке — вот моя цель в жизни. Я беру ее попку в руки и рывкомдвигаю к себе, насаживая ее на мой язык.

— О боже. Да. Да. — Нижняя часть тела Руби вздрагивает, ее бедра неконтролируемо дрожат, а затем она кричит. Оргазм накатывает на нее, как волна, и я чувствую, как набухает и наливается ее плоть.

С тихим стоном ее глаза мутнеют, и она обмякает, сползая по стене из-за подкосившихся коленей.

Я встаю и притягиваю ее к себе. Прижимав ее к груди, я замираю.

— Господи. — Я невесело смеюсь и кладу руку ей на грудь. — У тебя так сердце колотится. — Это кажется неестественным, слишком быстрым.

Ее голова запрокидывается, и она встречается со мной глазами. Она прерывисто вздыхает, ее глаза на мгновение становятся грустными.

— Из-за тебя, Чарли. — Она кладет свою руку поверх моей и прижимает ее к своему сердцу. — Видишь, что ты делаешь со мной?

— Что я делаю с тобой? — рычу я. — Малышка, ты заставила меня встать на колени, черт возьми, только чтобы попробовать тебя.

Она улыбается.

Я целую ее, ее язык глубоко проникает в мой рот. Когда я отстраняюсь, ее лицо пылает. Она покачивается в моих объятиях, и я обхватываю ее за талию, чтобы она не упала.

— Черт, малышка, ты в порядке? — выдавливаю я, переводя дух.

Но я еще не закончил с ней.

Она смотрит на меня и улыбается. Затем она произносит самое прекрасное слово в английском языке.

— Еще.

Я поднимаю ее на руки, она легкая как перышко, и кладу ее на край кровати.

— Черт, — ругаюсь я, роясь в ящике тумбочки. Мои яйца тяжелее свинца. — У меня закончились презервативы.

— Я чиста. И принимаю противозачаточные. Я почти ни с кем не была, кроме тебя, — шепчет она. Ее глаза встречаются с моими, на ее лице нет ни тени сомнения. — Я доверяю тебе, Чарли.

Доверие.

От этого слова у меня в груди вспыхивает пламя, член вздымается.

Трахать Руби без защиты. Заботиться о ней. Давать ей то, что она хочет.

Господи, у меня нет ни единого шанса.

Я быстро забираюсь на кровать, одобрительно рыча, и прижимаю ее к себе.

— Я тоже чист.

— Ты мне нужен, Чарли, — стонет она. Ее тело выгибается навстречу мне, прижимая ко мне эту сладкую грудь. — Сегодня ночью трахни меня быстро.

— Ты уверена? — спрашиваю я, глядя ей в глаза.

Я всегда делал это медленно, как она просила. Но с ее разрешения мне не терпится оседлать эту идеальную киску жестко и быстро.

— Чертовски уверена.

Я сбрасываю штаны. Прижимаю ее тело к кровати.

От грубого проникновения она задыхается.

— Блядь, — стону я, погружаясь в ее скользкую киску. Она такая мокрая, что принимает меня без сопротивления. — Я заставлю тебя дрожать, малышка. Раздвинь ножки.

Она делает это, и я вхожу глубже.

— Господи, — рычу я сквозь стиснутые зубы. — Ты — просто совершенство, малышка.

Всхлипывая, она раздвигает ноги и выгибает спину, ее пальцы впиваются в простыни. Невинная улыбка медленно расплывается по ее лицу.

— Мне нравится. Мне нравится, Чарли.

Я уничтожен.

Абсолютно уничтожен.

— Быстрее, — шепчет она, двигаясь навстречу как какое-то волшебное существо, прекрасное и безрассудное. — Быстрее.

— Ты уверена?

— Да, да.

На этот раз я вколачиваюсь безжалостно, тараня бедрами, вгоняя член в ее гладкое, горячее лоно. Жесткие толчки, от которых ее тело напрягается. От того, как она втягивает меня в себя, как пульсирует вокруг меня и удерживает меня там, я теряю рассудок.

Мне нужно войти глубже.

Она задыхается, ее маленькое тело дрожит подо мной.

— О... О... — выдыхает она, ее дыхание становится прерывистым.

— Черт, ты уничтожаешь меня, Руби, — хриплю я, вбиваясь глубже, чем когда-либо, мои яйца чертовски тяжелые, а пик все ближе.

Я никогда не отпущу ее. Никогда раньше не испытывал ничего подобного. Она маленькая, теплая и совершенная, лишает меня контроля так легко, что я даже не могу сопротивляться. То, как она подходит мне, Господи, я совершенно повержен.

Кровь стучит у меня в висках, я прижимаюсь губами к ее губам и двигаюсь жестко. Быстро. Наши сердца гулко бьются.

— Блядь, малышка, я сейчас кончу, — бормочу я ей в основание шеи. Пружины кровати дико скрипят. Наши тела соединяются с неистовой яростью. Каждый толчок моего тела приподнимает ее крошечную фигурку на несколько дюймов вверх по матрасу.

— Чарли, — выдыхает Руби, впиваясь ногтями в мою спину. Ее взгляд затуманивается, на лбу выступают капельки пота. Затем она вздрагивает, яростно выгибаясь, когда оргазм обрушивается на нее. Ее мелодичный голос звучит как напев.

— Боже мой. Боже мой, Чарли... Чарли... да...

Я срываюсь.

Последним толчком я с силой вгоняю в нее свой член. Ее стенки сжимаются вокруг меня, удерживая меня, и в ту секунду, когда я чувствую тонкую руку Руби на своей спине, чувствую, как она обмякает подо мной, это доводит меня до предела. Я кончаю быстро, как пистолет, с ревом освобождаясь.

Задышавшись, я падаю на нее сверху, зарываясь лицом в ее шею, вдыхая клубничным аромат ее кожи.

— Ты, черт возьми, уничтожила меня, малышка.

Тишина.

Мое тело замирает. Черт. Если я был слишком груб с ней, я никогда себе этого не прощу. Целую ее голое плечо, я приподнимаюсь.

Руби лежит, глаза закрыты, губы раздвинуты. Волосы рассыпались золотым покрывалом.

— Руби, ты в порядке? — Я хриплю, но ее тело так и лежит на кровати, не шевелясь.

Паника пронзает мою грудь, как нож.

— Малышка, тебе нужно открыть глаза, — грубо приказываю я, притягивая ее к себе и обхватывая ее голову ладонями.

Она не реагирует.

Я не могу думать. Не могу дышать.

Мир вокруг меня качается и расплывается, но прежде чем я успеваю сойти с ума, с ее губ срывается стон. Когда ее голубые глаза распахиваются, у меня в груди все сжимается от облегчения.

— Привет, — шепчет она.

Приподнимая пальцем ее подбородок, я заставляю ее посмотреть на меня, проверяя ее глаза. Они затуманены и наполнены тревогой.

— Ты потеряла сознание. — Это утверждение, а не вопрос, потому что именно это и произошло.

— У меня закружилась голова, — признается она, ее голос дрожит. — Я слишком много выпила. Я не должна была.

Чувство вины захлестывает меня с головой. Мне следовало быть внимательнее.

— Иди сюда, малышка, — шепчу я, прижимая ее крошечную фигурку к своей груди.

Переключаясь между паникой и беспокойством, я слезаю с кровати и снова укладываю на нее Руби, аккуратно опуская ее в подушки.

— Мне нужна секунда. — Она слабо улыбается и потирает грудь. Мой желудок вздрагивает от ее призрачно-белой бледности. — Ты меня вымотал.

— Оставайся здесь. — Нежно поцеловав ее висок, я ухожу, чтобы взять полотенце из ванной.

— Ты не должен этого делать, — говорит Руби, когда я возвращаюсь и вытираю ее.

Я бросаю полотенце в корзину для белья и сажусь рядом с ней.

— Да, должен. — Я не свожу глаз с ее лица. — Ты меня до смерти напугала.

— Я в порядке, Чарли, — заверяет она меня. С небольшой улыбкой она сползает с края кровати, чтобы поднять свой сарафан. Ее движения медленные и неуверенные.

— Куда ты собралась? — Я беру ее за руку. Мягкая. Теплая. Мое сердце сжимается.

— В мой коттедж.

— Не сегодня.

Покачивая головой, она вздыхает, и мой взгляд задерживается на том, как она держится за каркас моей кровати, словно пытаясь не упасть.

— Чарли. Мы не будем этого делать.

— Да, сегодня вечером мы это сделаем. Восход солнца, помнишь?

Ее губы поджимаются. Привычный жест, который говорит мне, что она собирается спорить со мной.

Я разочарованно вздыхаю.

Мне это не нравится. Мне не нравится, что она уходит посреди ночи. И мне не нравится, что она так много выпила, что отключилась у меня на руках. Хуже того, мне не нравится, что я близок к тому, чтобы встать на колени и умолять ее остаться.

Она выглядит измученной и хрупкой, и я хочу, чтобы она поспала. Я хочу оставить ее здесь и знать, что она в безопасности и с ней все в порядке, и не волноваться за нее, черт возьми.

Я хочу заботиться о ней.

Я провожу большим пальцем по внутренней стороне ее запястья.

— Останься. Я хочу, чтобы ты осталась.

Ее глаза становятся мечтательными.

— Хорошо.

Я не даю ей шанса передумать.

Схватив ее за запястье, я притягиваю ее к себе и заключаю в объятия. С ее губ срывается тихий вздох. Я укладываю ее в кровать и забираюсь рядом с ней. Это кажется слишком интимным, что она останется на ночь, но мне плевать. Я хотел этого — жаждал этого — с тех пор, как она ушла в первый вечер, и каждую последующую ночь.

Считайте, что моя борьба окончена.

Считайте, что остаток лета ничего не решит. Эта женщина поработила меня, завладела моим членом, моей головой и моим сердцем. Нет никого лучше нее.

С легким вздохом Руби прижимается ко мне, положив голову между моей шеей и грудью. Я обнимаю ее обнаженное тело. Ее сердце колотится так, будто она дважды пробежала марафон.

— Подсолнух. — Счастливый шепот вырывается из ее уст.

— О чем ты? — спрашиваю я.

— Это был мой подсолнух сегодня. Ты.

— И мой тоже, — признаюсь я. Из-за камня в горле мне трудно произнести еще что-нибудь.

Ее глаза находят мои.

— Правда?

— Правда. — Я целую ее в висок. — Руби?

— Хм.

— Какое у тебя второе имя?

— Джейн. Так звали мою мать.

— Что с ней случилось?

Она сонно вздыхает.

— Она умерла, когда я была ребенком. — Ее голос мягкий, немного невнятный.

— Как?

— Проблемы со здоровьем.

Я опускаю взгляд на ее бледное лицо. Она больше ничего не говорит, и мы лежим в тишине, пока я продолжаю гадать. Что это значит? Проблемы со здоровьем? Какие именно? Это гложет меня, и я не знаю почему.

Потому что она упрямая.

Потому что меня это чертовски беспокоит.

Я рисую круг на ее ладони.

— Почему ты здесь, Руби?

— Ранчо «Беглец», ковбой, — вздыхает она. — Тогда мы поговорим.

Она хороша, надо отдать ей должное.

Меня это бесит.

И пугает меня до чертиков.

Может быть, потому что я ловлю себя на мысли о том, что хочу рассказать ей о ранчо "Беглец". Может быть, потому что так я узнаю больше о Руби. Об этой милой, великолепной девушке, которая взрывает мое сердце, как атомная бомба.

А может, потому что впервые после Мэгги у меня осталась женщина. С Руби в моих объятиях я не чувствую себя таким опустошенным. Я не чувствую себя таким разбитым.

Я слишком глубоко увяз. Я тону, но мысль о том, чтобы схватиться за спасательный круг, не приходит в голову.

Сонный голос Руби нарушает тишину. Словно прочитав мои мысли, она говорит:

— Возможно, ты не был готов ко мне, Чарли Монтгомери, но я была готова к тебе.

От ее сладких слов у меня перехватывает горло.

Я прижимаю ее к себе.

— Спи, дорогая.

— Мы пропустим восход солнца, — бормочет она. Я чувствую, как она зевает, и улыбаюсь.

— Я разбужу тебя, — вру я. Я уже знаю, что следом за ней погружусь в беспокойный сон.

Ее дыхание замедляется, выравнивается. Я лежу рядом с ней, положив руку на ее гулко бьющееся сердце.

Суровая правда в том, что я не могу оставаться вдали от Руби.

Хуже того, я не хочу.

Чарли

Я просыпаюсь от того, что маленькое, теплое тело прижимается к моему боку.

Руби.

Я поворачиваюсь лицом к балкону, морщась от яркого утреннего света.

Из моей груди вырывается стон.

Я человек, который никогда не спит дольше семи. Но сегодня утром солнце стоит под таким углом, какого я не видел уже лет десять. По крайней мере, не в моей спальне. А это значит, что я проспал. Чего я никогда не делаю. За годы, прошедшие с тех пор, как погибла Мэгги, я ни разу не проспал всю ночь.

Этой ночью я спал без сновидений. Чертовски идеально.

Всему виной девушка в моей постели.

С простыней доносится тихий вздох, и Руби придвигается ближе, обхватывая мой торс. Я чувствую, как мягкие округлости ее груди прижимаются к моей спине, и мгновенно становлюсь твердым как камень.

Осторожно я поворачиваюсь к ней лицом.

Она спит, прижав одну руку к груди, простыня спуталась вокруг ее обнаженного тела. Ее густые золотисто-розовые волосы разметались по подушке. Созвездие веснушек рассыпано по ее щекам и переносице.

Я лежу и смотрю на нее, ожидая, что меня захлестнет сожаление, когда в груди появится предательская боль, но ничего не происходит. Только Руби, мягкая и безопасная, рядом со мной.

Честно говоря, прошлая ночь была лучшей за долгое время.

Не в силах сдержаться, я глажу ее щеку, и она просыпается.

Ее длинные ресницы вздрагивают. Сонные голубые глаза смотрят на меня.

— Привет, — говорит она.

— Доброе утро. — После секундного колебания я запечатлеваю поцелуй на ее лбу.
— Как ты себя чувствуешь?

После обморока Руби и ее нежелания оставаться у меня, я целый час пролежал рядом с ней без сна, проверяя, все ли с ней в порядке. Прошлой ночью она напугала меня до смерти. Тревога поселилась в моих венах, волна страха, который грозил задушить меня.

— Я чувствую себя прекрасно, — говорит она, потягиваясь на простынях и издавая радостный писк. Затем она вздыхает и садится. Простыня спадает, открывая вид на ее прекрасное тело. — Чарли, мы пропустили восход солнца.

— Полагаю, это означает, что нам придется попробовать еще раз.

Ее лицо озаряет сияние счастья, словно я пообещал ей луну с неба, и меня охватывает странное чувство, что я хочу, чтобы она всегда так выглядела.

Внизу хлопает дверь. Запах кофе.

— Черт. — Я сажусь и натягиваю джинсы. Мне нужно последовать собственному совету и начать запира́ть дверь. Не то чтобы это имело значение для моих братьев. Дымоход, подземный туннель, парашют — так или иначе, они найдут вход.

— Мне нужно разобраться с братьями, — говорю я ей.

Руби садится, подтягивая голые ноги к груди. С растрепанными волосами и покрасневшими щеками она похожа на дикую лесную нимфу.

Мою грудь пронзает внезапное, резкое чувство.

Я хочу, чтобы она осталась со мной.

Прикусив пухлую нижнюю губу, она натягивает на себя простыню.

— Мне пора идти.

У меня на языке вертятся слова, чтобы попросить ее остаться, спросить, какие у нее планы на день, но я захлопываю рот.

Так будет лучше.

У нас есть границы, и мы их соблюдаем.

Даже если после прошлой ночи мне кажется, что мы уничтожили все границы между нами.

Я выдыхаю, отворачиваясь от нее, чтобы собраться с мыслями, пока я окончательно не потерял разум.

Секс, хороший секс.

Это все.

Я не могу двигаться в этом направлении.

Прошлой ночью было легко забыть об осторожности, но в ярком свете утра это пугает.

Я напрягаюсь, когда маленькая рука Руби проводит по моей спине, ее прикосновение обжигает.

— Чарли? — зовет она с тревогой в голосе.

Я киваю и смотрю на нее. — Не торопись. Воспользуйся душем, если хочешь. Чувствуй себя как дома.

— Хорошо. — Она заправляет прядь волос за ухо и потягивается.

Я позволяю себе в последний раз полюбоваться ее упругой грудью, затем натягиваю футболку и спешу вниз. Дэвис на кухне наливает кофе, а Кина обходит комнату в поисках свежих запахов. На стойке лежит коричневый бумажный пакет из магазина «Zeke's Hardware», извещающий меня о том, что он был в городе.

— Доброе утро. — Я тянусь за кружкой, держась поближе к кухонным шкафам и надеясь, что это скроет тот факт, что у меня все еще эрекция.

Дэвис поднимает свою кружку в знак приветствия. Собачьи жетоны на его шее отражают лучи солнечного света, проникающего через окно. — Позаботился о лошадях за тебя.

Я наливаю себе чашку кофе, пытаюсь побороть чувство вины в груди. — Спасибо. — Мои мысли должны быть заняты делами ранчо, которые я проигнорировал, но вместо этого они заняты девушкой в моей постели.

На губах Дэвиса растягивается улыбка.

— Слышал, ты вчера ходил на танцы.

— Ты не ослышался, — сухо отвечаю я и делаю большой глоток кофе. Горячая линия сплетен Воскрешения сработала менее, чем за двадцать четыре часа.

Дэвис прочищает горло.

— Отлынивание от работы идет тебе на пользу, Чарли.

Я хмыкаю.

Бросив взгляд в сторону лестницы, мой брат спрашивает:

— Твоя девушка здесь?

Моя девушка.

— Да. Здесь. — Я выдавливаю из себя эти слова, стараясь не обращать внимания на то, как от них теплеет в груди.

Хорошие вещи не длятся долго. Руби не исключение.

Решив оставить эту тему, слава богу, Дэвис опирается локтями на остров.

— Мне нужно с тобой поговорить. У нас проблемы.

— С ранчо? — спрашиваю я, проводя рукой по бороде.

— Нет, с Уайеттом.

— Видел его вчера вечером в баре.

— С Шиной Вулфингтон?

— Да. А что? — Я уже чувствую, как начинает болеть голова.

— Ты слышал, что он сделал? — Когда я качаю головой, Дэвис продолжает. — Я видел ее сегодня в городе. Волосы обрезаны по подбородок. По городу ходят слухи, что во всем виноват Уайетт. Шина говорит, что привезла его к себе домой, а когда проснулась, его уже не было, как и ее волос.

Кофе обжигает горло и опаляет легкие. Я закашливаюсь.

— Какого хрена?

В глазах Дэвиса вспыхивает гнев.

— Я бы хотел это знать.

— Это не Уайетт, — яростно возражаю я.

Дэвис обдумывает мое заявление.

— Ты так думаешь?

— Я знаю.

Я бы поставил на это свою жизнь. Уайетт на редкость безрассуден, но, чтобы причинить вред женщине – такого не случилось.

— Уайетт не повел бы Шину в публичное место, где собралось полгорода, если бы планировал такое.

Дэвис сжимает челюсть.

— Он уже едет сюда. Мы разберемся с этим.

Я открываю рот, чтобы сказать ему быть помягче с Уайеттом, но тихий звук шагов останавливает меня.

— Привет, — пищит Руби, быстро проходя мимо меня и Дэвиса. Ее щеки неестественно розовые. — Извините. Я просто пойду...

Она быстрая, но я — быстрее.

— Эй. — Я догоняю ее у входной двери и хватаю за запястье, прежде чем она успевает ускользнуть. По какой-то причине я не хочу, чтобы она подумала что-то не то. Я прищуриваю глаза. — Мне было весело прошлой ночью.

На ее губах появляется застенчивая улыбка.

— Я отлично провела время, Чарли. — Она колеблется, бросая взгляд на Дэвиса, который стоит и ухмыляется, как самодовольный сукин сын, а затем встает на цыпочки и нежно целует меня в щеку. — Увидимся позже, Ковбой.

Ничего не могу с собой поделать. Я притягиваю ее к себе.

— Сегодня вечером?

Я не хочу пропустить ни одного дня с ней.

Ее сияющие голубые глаза распахиваются, и она улыбается.

— Да. Хорошо. — Ее кокетливой ухмылки достаточно, чтобы мне захотелось перекинуть ее через плечо и отнести обратно наверх.

Она машет рукой, когда уходит. Я смотрю, как она выбегает за дверь, сарафан обтягивает ее маленькую упругую попку, как целлофан.

— Она тебе подходит, — говорит Дэвис, когда я возвращаюсь.

Я понимаю, что он имеет в виду. Она — первая женщина, в которой я не ищу призрака.

Я бросаю Кине кость из банки «Folger».

— С ней будет весело провести лето.

Дэвис смотрит на меня с укором, потому что знает, что я чертов лжец.

Весело провести лето.

Эти слова камнем оседают у меня в животе. Мне кажется неправильным навешивать на Руби такой ярлык. Как будто она обычная девушка.

Дверь открывается, и в дом входит Уайетт, похожий на кота, съевшего канарейку. Как раз в тот момент, когда я готов спросить, не нужно ли ему, блядь, вправить шею из-за того, как он пялится вслед Руби, он поворачивается ко мне.

— Как прошло свидание?

— Это было не свидание, — отвечаю я.

Уайетт ухмыляется.

— То есть, ты хочешь сказать, что принцесса собирается не встречаться с тобой, а трахаться?

— Заткнись, — рычу я. Если Уайетт хочет, чтобы я прикрыл его задницу с Дэвисом, ему лучше заткнуться.

— Я думаю, Чарли хочет сказать, что это сложно. — Дэвис скрещивает руки, его бицепсы вздуваются. — И мы здесь не для того, чтобы говорить о Чарли и этой девушке, с которой у него якобы несерьезные отношения. Даже если он собирается отпустить ее в конце лета и в итоге жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. — Я закатываю глаза, ненавидя своего старшего брата прямо сейчас. — Мы здесь, чтобы поговорить о тебе.

— Блин. — Уайетт вздыхает и опускается на табурет у острова. — И что я теперь натворил?

Нахмурившись, я ищу на лице младшего брата признаки вины, но ничто не нахожу.

— Шина Вулфингтон, — объявляет Дэвис, переходя в режим дознавателя.

— Что с Шиной Вулфингтон?

Дэвис засовывает руки в карманы, выражение лица бесстрастное.

— Сегодня утром она была в городе и рассказывала всем о том, что ты отрезал ее волосы.

На лице Уайетта появляется искреннее удивление, и я убеждаюсь, что он этого не делал.

— Что? — Уайетт выпрямляется и смотрит на меня, его глаза расширяются от шока. — Нет. Я бы не стал с ней трахаться и уж тем более стричь ее гребаные волосы.

— Тогда зачем ты с ней встречался? — требует Дэвис.

Теперь Уайетт выглядит виноватым.

— Я не пытался залезть к ней под юбку, я пытался... — На его лице появляется смущение. — Я пытался выяснить, где Вулфингтоны спрятали лошадь. — Последняя фраза слетает с его губ в виде невнятного бормотания.

Я издаю стон.

— Иисус, опять эта лошадь? — На виске Дэвиса вздувается вена. Универсальный сигнал о том, что его терпение на исходе.

Раздувая ноздри, Уайетт с грохотом срывается с табурета, заставляя Кину разразиться яростным лаем. Я давлю большим пальцем в пульсирующую точку между бровями.

— Она была моей, — огрызается он. — Папа подарил мне эту чистокровную лошадь. Я, блядь, тренировал ее. Она была моей, а эти мудаки украли ее.

— Успокойся, — рычу я.

Все еще сверля Дэвиса взглядом, Уайетт запускает руку в волосы и ерошит их.

— Я подумал, что это будет последний розыгрыш. Я найду лошадь и заберу ее обратно. Но она не сказала мне, где она, и я ушел.

Дэвис обдумывает сказанное.

— И это все, что было?

Уайетт прижимает основания ладоней к глазам. Его голос звучит расстроено и приглушенно.

— Может хватит доставать меня, бро? Я же сказал, что не делал этого. — Вздыхнув, Уайетт поднимает голову. В его глазах светится усталость. — Ты же знаешь, что это не я, Дэвис. Я никогда бы не связался с такой девушкой... никогда. Я не прикасался к Шине. Ни к ней, ни к ее чертовым волосам.

— Я ему верю, — говорю я Дэвису.

Уайетт бросает на меня благодарный взгляд.

— Я тоже ему верю, — наконец говорит Дэвис. — Но город не верит. — Он смотрит на меня, потом снова на нашего младшего брата. — Это плохо. Это все еще плохо, Уай.

Дэвис прав. Все зашло слишком далеко. Даже если Уайетт этого не делал, Вулфингтоны думают, что это сделал он.

Уайетт огорченно сглатывает.

— Насколько плохо?

Дэвис мрачнеет.

— Настолько, что нам лучше быть начеку.

Беспокойство заставляет меня перевести взгляд на большое окно, выходящее на улицу. Я бросаю взгляд на Руби, которая возится с подсолнухами на крыльце своего коттеджа. Потребность пойти к ней, снова заключить в свои объятия, бушует во мне как зверь.

И пока над ранчо простирается чистое голубое небо Монтаны, я чертовски надеюсь, что мой брат не прав.

Руби

Июль ворвался в Воскрешение праздничным фейерверком над Главной улицей. Монтгомери устраивают на ранчо барбекю в честь четвертого июля, и там нет свободных мест.

Благодаря мне.

Ранчо «Беглец» набрало пять тысяч подписчиков в Инстаграме. Выложенное мной видео, где Уайетт без рубашки скачет на дикой лошади, стало вирусным. Знаменитый наездник на быках по имени Джед Джонс заглянул сюда, чтобы сфотографироваться. Ранчо забронировано до конца сезона группой из тридцати инфлюенсеров, которую собрала Молли. С аккаунта *Lassomamav76* больше не поступало никаких комментариев, поэтому я не стала рассказывать об этом Чарли. Ему не нужен дополнительный стресс в жизни.

Но это не значит, что я оставлю все как есть. Может быть, она — просто оскорбленная гостья. Может, у нее есть какие-то претензии. Но какого черта эта женщина тратит свое время на то, чтобы доставлять неприятности этим ковбоям? И Чарли, и Дэвис связались с ней через социальные сети, предлагая ей бесплатное проживание и шанс загладить свою вину, но их сообщения остались без ответа.

Это тайна, которую я хочу разгадать, что-то, что кажется мне важным, но я не знаю почему.

Я вообще много чего не знаю.

Например, что я делаю с Чарли.

Итог наших отношений очевиден. Прощание в конце лета. Последний поцелуй перед отъездом в Калифорнию. Неважно, хочу ли я большего. Неважно, что каждый день, который я провожу на ранчо, посвящен ему и только ему. Каждая мысль, каждый поцелуй — это он.

Рай.

Последние две недели мы с Чарли использовали восход солнца как предлог для того, чтобы я оставалась. Мы ведем бесконечные разговоры до поздней ночи, а затем засыпаем рядом. Что касается восхода, то мы до сих пор его не видели.

Мы слишком заняты в постели.

Сексом, хорошим сексом.

Слишком хорошим сексом, на самом деле.

От потребности Чарли во мне мое сердце то замирает, то учащенно бьется.

Я никогда не чувствовала себя такой живой.

Проглотив таблетки и захватив пару садовых перчаток и телефон, я выхожу из коттеджа на крыльцо.

Из-за Чарли, изматывающего меня в постели, и работы я плохо заботилась о растениях. Я опускаюсь на колени рядом с огромным мешком грунта. Пришло время пересадить эти прекрасные цветы, которые принес мне Чарли. Они уже переросли свои горшки и нуждаются в обновлении.

Моя рука погружается в мягкую почву. Знакомое шелковистое ощущение успокаивает, как объятия Чарли. Я не могу не следить за солнцем на небе. Чем ниже оно опускается, тем сильнее бьется мое сердце в предвкушении встречи с ним.

Громкий звук моего телефона заставляет меня улыбнуться.

Я прислоняю его к горшку и принимаю звонок по FaceTime от Макса.

— Привет! — радостно приветствую я.

Голубые глаза Макса прищуриваются.

— У тебя хорошее настроение.

— У меня всегда хорошее настроение, — говорю я своему хмурому брату. — Я сажаю цветы. Подсолнухи. — Я машу телефоном в сторону ярких растений и переставляю его. — Чарли принес их мне.

— Очень мило с его стороны. — В голосе моего брата звучит подозрение.

— Так и есть. — Я зачерпываю темную землю и выкладываю ее в горшок. — Ранчо — это нечто особенное, Макс. Здесь очень красиво. Если ты не видел неба Монтаны, значит, ты не жил.

— Лучше, чем в городе?

— О, да, — соглашаюсь я. — Лучше, чем в городе.

Намного лучше.

— Эта ферма. Где она находится?

Я фыркаю.

— Ранчо. Хорошая попытка.

Услышав гул мотора, я бросаю взгляд на дорогу. Чарли поднимается на холм в своем грузовике.

Мое сердцебиение учащается, когда я смотрю, как Чарли едет по территории ранчо. Пыльная ковбойская шляпа отбрасывает тень на его волевой подбородок, кончики темно-каштановых волос завиваются на затылке. Одна мускулистая рука свисает из окна его грузовика. Лицо задумчивое или хмурое, он всегда выглядит так, будто что-то ищет на своем ранчо. Что именно, я не знаю.

Мы оставили свои секреты нераскрытыми.

— Это он? — Голос Макса потрескивает. — Ты смотришь на него?

Я отвожу взгляд от Чарли.

И показываю Максу язык.

— Если хочешь знать, то да.

— И какой он?

— О, — вздыхаю я. Как я могу точно описать живую мечту, которой является Чарли Монтгомери? — Он молчаливый. Ковбой. У него голубые глаза и темная борода, и он заставляет меня делать то, чего я никогда раньше не делала. И он... — Я осекаюсь, яростный румянец заливаает мои щеки, когда я понимаю, что сболтнула лишнее.

Макс ухмыляется.

— Звучит как ковбой. — Он прищуривается, его улыбка исчезает. — Он твой босс, верно?

— Да, — медленно говорю я, не понимая, к чему он клонит.

— Он знает?

— Что знает?

— Руби.

— Почему ты вмешиваешься в мою личную жизнь?

— Личную жизнь? Ты влюбилась? — В голосе брата слышится укор.

Я вздрагиваю. Макс может быть за тысячу миль отсюда, но он всегда будет моим слишком заботливым старшим братом, который в третьем классе выбил все дерьмо из Кайла Хока за то, что тот назвал меня Франкенхартом²⁴. И меньше всего мне нужно, чтобы Макс думал, что я влюбилась.

Влюбилась.

Я откидываюсь на пятки, заправляя прядь волос за уши.

— Нет... это...

Мой взгляд снова находит Чарли, его грузовик исчезает за холмом. Я не знаю, что между нами. Мы стираем границы, и мне это нравится. Я люблю проводить с ним все свои дни, каждое мгновение. Потому что когда я лежу в его постели, его сильные руки обнимают меня, и он целует мое тело, я не чувствую себя такой одинокой.

Я чувствую себя свободной.

Если я думала, что у меня есть хоть какая-то сила воли, когда дело касается мужчины в джинсах, сапогах и ковбойской шляпе, то я сильно ошибалась.

Зачеркните это.

Этого мужчины.

Мы зашли слишком далеко или пока все под контролем?

²⁴ Каламбур из слов Frankenstein (Франкенштейн) и heart (сердце).

— Значит, он не знает о твоей СВТ. — Заявление, а не вопрос.

Я возвращаю свое внимание к Макс.

— Я никому не говорила, — признаюсь я.

— Рубс. Тебе не кажется, что кто-то должен знать? — В голосе Макса слышится разочарование. — Ты одна на ранчо в глуши. Вдруг что-то случится?

Осколки стекла впиваются мне в живот. Слова Макса заставляют меня вспомнить ночь после танцев в баре.

Мы оторвались по полной.

Слишком увлеклись.

Прежде чем я потеряла сознание на глазах у Чарли, я почувствовала приближение этого, прилив адреналина от моего оргазма, а затем мое сердце не справилось. Это была плохая комбинация — секс, танцы, алкоголь — и она дала соответствующий эффект.

Я не могу снова так рисковать. Не могу допустить, чтобы Чарли начал задавать вопросы.

С той ночи все происходит медленно и размеренно.

— Ничего не случится, — говорю я, откидывая с глаз локон волос. — Я все еще на связи с доктором Ли. Я принимаю лекарства. Я в порядке, Макс.

— А он? Этот Чарли, твой ковбой, чувствует ли он то же самое, что и ты?

Я снова откидываюсь на пятки, позволяя садовым перчаткам соскользнуть с моих рук. Это не тот разговор, который я хочу вести с братом.

Воскрешение — это мое спасение, но, очевидно, я не могу убежать достаточно далеко от его беспокойства.

— Даже если ты расскажешь ему, тебе будет больно. Ему будет больно. Вам обоим будет больно.

Я смотрю на экран, игнорируя боль в сердце.

— Между нами нет ничего серьезного. Кроме того, он не влюблен в меня. Я обещаю тебе, когда я уйду, он даже не будет скучать по мне.

— Руби. — Макс вздыхает. Он поднимает глаза и машет рукой, будто звонит в колокольчик. Его улыбка грустная. — Все, кто тебя знает, скучают по тебе.

Я сглатываю.

— Ты не можешь остаться там навсегда, — напоминает он мне.

— Я и не собиралась.

Лгунья. Шепот в моей голове уличает меня, мое притворство, что я не представляла себя живущей в Воскрешении. Сад, дом, знакомство с соседями, цветочный магазин в центре города. Этот город — как возрождение души, и я никогда не буду прежней. Ни в одном из городов, где я останавливалась по пути, у меня нет того беспокойного чувства, которое было в Индиане.

Здесь, с Чарли, я чувствую себя как дома.

Это безумие.

Может быть, это моя вина.

Может быть, я всю жизнь мечтаю о чем-то несбыточном. О позитивном настрое. Счастье. Благодарности. Даже перед угрозой смерти я предпочитаю быть идеалисткой, в то время как Макс и мой отец — реалисты. Паникеры.

Страх не помогает, и чем дольше я нахожусь в Воскрешении, тем больше осознаю кое-что важное в глубине своего сердца.

Без страха ты обретаешь свободу. Бесстрашие. Никаких ограничений. Все сомнения, которые я носила в себе всю жизнь, я развеяла здесь в пыли, на этой дикой земле Монтаны. Я ухватила за свою жизнь обеими руками.

Из-за Чарли.

И я не хочу от этого отказываться.

— Есть программа. — Напряженный голос Макса заставляет меня замереть, и мое солнечное настроение рушится, как рассыпавшаяся стена. — В Стэнфордском университете. СВТ. Она новая, но это может быть что-то хорошее, Рубс.

Я знаю все об исследованиях. Клинические испытания, в которых наблюдают, что сработает. Таблетки для поддержания ритма. Операции, чтобы прекратить обмороки. Больше Больше мониторов, больше больниц и больше врачей. Нет, спасибо.

— Она начнется в следующем месяце.

— У меня есть еще два месяца, Макс.

— Может быть слишком поздно, Рубс.

Его слова — как пощечина. Горячие слезы наполняют мои глаза.

Я слышу только одно — *не надо, Руби. Не надейся. Не смей. Не живи. Не люби.*

Я встречаю взгляд Макса на экране и выдавливаю из себя сухой смешок.

— Слишком поздно, да? Для меня или для программы?

— Черт возьми, — шипит Макс с выражением раскаяния на лице. — Я не это имел в виду.

— Он тяжело вздыхает. — Скажи мне. Каким был твой подсолнух сегодня?

Я вздыхаю и тянусь к телефону. Он пытается извиниться, сменить тему, но у меня нет на это сил.

— Я не хочу этого делать, Макс.

Внезапно я начинаю ненавидеть эту игру.

Я ненавижу свое сердце.

— Руби...

Дрожащими руками я завершаю звонок.

Может, Макс прав.

Может, я слишком глубоко увязла.

Я не должна была лгать Чарли.

Мне следует уехать.

По моему лицу скатывается слеза.

Может, это уже не имеет значения.

Может, я — всего лишь терновый шип.

Чарли

Руби — чертовски красивое зрелище.

Я замедляю шаг и останавливаюсь в дверях конюшни, чтобы полюбоваться ее миниатюрной, гибкой фигуркой. Она стоит у стойла нового жеребенка изабелловой масти, которого только что привезли. Ее нежные руки гладят его щеки, кремовую гриву, розовый нос. Чего бы я только не отдал, чтобы оказаться сейчас на месте жеребенка.

Земля скрипит под моими сапогами.

— Второй раз за неделю, — говорю я Руби. — Это у него ты прячешься от меня?

Все еще поглаживая лошадь, она говорит:

— Я люблю его. Он такой милый мальчик. Как его зовут?

— У него нет имени. Называть их — плохая примета. Означает, что они останутся у нас.

Ее тело слегка напрягается.

— Вы не оставите его у себя?

— Он отправится к покупателю в Дир-Лодж в следующем месяце.

— О.

Она кивает и наклоняет голову, чтобы коснуться лбом головы пони.

— Похоже, мы оба скоро отправимся в путь, да?

От ее слов у меня внутри все переворачивается.

Когда она смотрит на меня, я, черт возьми, едва не теряю самообладание.

Я никогда не видел, чтобы красавица была такой грустной.

— Эй, — говорю я, сокращая расстояние между нами. Вид ее печального лица словно удар под дых. Ее голубые глаза, всегда наполненные радостью и солнечным светом, потускнели. — Что случилось? — Я обвожу взглядом ранчо. — Кто-то что-то сказал тебе?

— Нет. Ничего не случилось.

Ложь. Красные круги вокруг ее глаз говорят о другом.

— Чушь собачья.

Ее нижняя губа дрожит, и мне это не нравится. Ни капельки. Я хочу выяснить, кто тот ублюдок, который украл ее солнечный свет, и избить его до полусмерти.

Я провожу пальцем по ее подбородку, поднимая ее взгляд к себе.

— Малышка, выкладывай.

— Ничего особенного, — шепчет она, по ее щеке скатывается слезинка. — Просто у меня был плохой день.

Я провожу руками по ее плечам.

— И поэтому ты здесь? У тебя был терновый день?

Она тихонько вздыхает.

— Ты помнишь. — На ее губах появляется слабая улыбка.

Я не мог забыть. У меня были шипы каждый чертов день моей жизни, но этим летом моим подсолнухом стала Руби.

— Да. У меня был терновый день. И я люблю лошадей, — говорит она с благоговением, от которого у меня сводит живот. — Они меня успокаивают. — Она опускает глаза. — Мне просто нужно было куда-то пойти.

Черт, меня бесит, что она не пришла ко мне. Что она пытается решить наши проблемы на ранчо, но не позволяет никому помочь с ее.

Я жду, когда она начнет рассказывать, но она молчит. Внезапно меня накрывает волна злости. Мне не нравится, где мы находимся. Какое-то неустойчивое промежуточное состояние. Мы не вместе, но я чертовски уверен, что не хочу быть чужим для нее.

Больше не хочу.

Я теряю свое самообладание, то небрежное безразличие, которое я так старался сохранить с тех пор, как она появилась в моем городе.

Раньше я считал ее отвлекающим фактором на ранчо, но теперь нет.

Она больше, чем это.

Больше, чем радость.

Она стала для меня человеком, которого я жажду. Той, кого я хочу видеть каждое утро, когда просыпаюсь. Мне нравится рассказывать ей о своем дне, спрашивать, как прошел ее, спать рядом с ней по ночам и заслуживать этот потрясающий сон без сновидений.

Она — все для меня.

Мне кажется неправильным не знать о ней больше.

— Меня тоже успокаивают лошади, — говорю я, поглаживая ее по руке. Она улыбается, несмотря на грустное выражение лица. Что бы ее ни беспокоило, мое дело — разобраться в этом.

— Правда?

— Да. Когда у меня в детстве что-то шло не так, я просто выходил из дома и садился в седло, — говорю я ей. — Проводил день у ручья, а когда возвращался домой, был в хорошей форме. Нет большей свободы, чем сидеть на лошади.

— Свобода, — шепчет она. Затем ее глаза проясняются, и она смотрит на меня. — На родео было так же?

— Да. — Я выдавливаю из себя слова. — Я начал помогать отцу обьезжать жеребят, когда мне было семь лет. В старших классах участвовал в соревнованиях по конному спорту, прежде чем попробовать себя в высшей лиге. — На вопрос в ее глазах я добавляю: — Езда без седла.

— О.

Всплывают воспоминания. Мы с Уайеттом сравнивали травмы после «Last Chance Stampede» в Хелене. У меня была сломана ключица, у него — порвано сухожилие в плече. Мы были избиты, в синяках и в полной заднице, и никогда еще не были так горды.

Участие в родео с моим братом было как глоток свежего воздуха. Чувство, что я могу удержаться на лошади, а потом тебя швыряют в грязь. Адреналин, простой и понятный. Это длилось восемь секунд, и я наслаждался каждой из них.

Она улыбается.

— Ты выиграл какую-нибудь медаль, ковбой?

Я ухмыляюсь.

— Призовые деньги, малышка. — Я целую ее губы. — Много-много призовых денег.

Она поворачивается, голубые глаза сканируют стойла.

— Какой из них твой?

Взяв ее руку в свою, я двигаюсь дальше по ряду и останавливаюсь перед массивным черным жеребцом.

— Этот. Стрела. — Я глажу его холодный нос. — Мой отец всем нам дарил лошадей на десятилетие. Традиция.

— Он красавец, — вздыхает она.

— Он ублюдок. — Я ухмыляюсь, отводя шелковистую прядь гривы Стрелы с его морды. В его темных глазах нет привязанности. — О том, сколько раз он швырял меня на задницу, ходят легенды.

Руби смеется от восторга, вставая на цыпочки, чтобы потрепать его по гриве. Стрела тихо ржет, тянется к ней, шумно дышит в ее ладонь и втягивает запах. Я с удивлением наблюдаю за этим. Конечно, с Руби он обращается как с принцессой, но со всеми остальными ведет себя как настоящий придурок.

Наблюдая за тем, как она мурлычет со Стрелой, я вижу тоску в ее глазах. Она хочет покататься верхом.

И тут меня осеняет — со мной или без меня — она сделает это.

Однажды. Где-нибудь.

Когда меня не будет рядом, чтобы поймать ее.

Холодный пот выступает у меня на затылке.

Я сжимаю кулак, сердце бешено колотится. Эта мысль кажется мне невыносимой.

Она не Мэгги. С ней все в порядке.

Я делаю вдох.

— Хочешь прокатиться?

Она поворачивается, ее великолепные голубые глаза округляются от удивления.

— Правда? — Ее радостная улыбка молнией пронзает мое сердце.

И тут я понимаю, что готов пойти на что угодно, чтобы сделать ее счастливой.

— Правда. — Я обнимаю ее лицо ладонями. — Мы поедем медленно.

Она кивает, как будто следит за ходом моих мыслей.

— Из-за меня?

Нет, из-за меня. Если мы поедем быстрее, чем рысью, я сойду с ума.

— Прогуляемся к ручью. Мы поедем вдвоем. — Я не настолько храбр, чтобы позволить ей ехать одной.

Она тихонько взвизгивает и бросается в мои объятия.

Вместо того чтобы придумывать оправдания, почему между нами не может быть ничего, кроме секса, вместо того чтобы обманывать себя еще хоть одну чертову секунду, я делаю то, что хотел сделать весь день.

Я прижимаю ее к своей груди и целую.

Все, думаю я.

Я влип в эту женщину и не хочу ее отпускать.

Руби

Вытащив из конюшни вальтрап и седло, Чарли готовит Стрелу к нашей поездке.

— Эй, парень, ты готов прогуляться? — ворчит он, похлопывая его по мускулистой груди.

Улыбку на моем лице невозможно сдержать. Наблюдать, как этот сексуальный ковбой проявляет доброту к своим животным, — это как дофамин, впрыснутый прямо в мои вены.

— А как насчет тебя? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне. — Ты готова?

Я улыбаюсь и подхожу к жеребцу. Никаких нервов, только волнение.

— Я готовилась всю свою жизнь, — вздыхаю я.

После секундного колебания Чарли поднимает меня на спину Стрелы. Он делает это осторожно, деликатно, словно боится, что я разобьюсь. Я перекидываю ногу через седло и крепко хватаюсь за поводья. Чарли смотрит на меня, его красивое лицо серьезно.

Я вижу, что в его голове всплывают какие-то воспоминания. Я помню, как он отреагировал, когда я упала в загон. Как он смотрел, как Фэллон перепрыгивает через ограждение.

Мое сердце трепещет в груди. Он беспокоится обо мне.

Я закрываю глаза.

— Со мной все будет в порядке, Чарли, — говорю я, потому что, похоже, он нуждается в этом.

— Я не дам тебе упасть, Руби, — рычит он, его челюсть крепко сжата.

Я ярко улыбаюсь.

— Я знаю, что не дашь.

Его глаза вспыхивают, и он дарит мне улыбку, которая попадает прямо в сердце.

Стрела переступает с ноги на ногу, и я взвизгиваю, когда мой центр тяжести смещается. Я наклоняюсь и обхватываю руками его длинную шею.

— Что мне делать?

Он издает низкий, короткий смешок.

— Держись. Я сейчас.

С хорошо отработанной легкостью Чарли садится верхом позади меня. Он обхватывает меня за талию и крепко прижимает к себе. Одной рукой он берет поводья, прищелкивает языком, и Стрела пускается вскачь.

Я вскрикиваю от восторга. Мы едем не быстро, но для меня это значит все.

Это свобода. Это полет.

Жизнь.

— О, Боже! — Я хватаю Чарли за напряженное предплечье, когда Стрела фыркает. — Не могу поверить. Я еду верхом. — Я оглядываюсь на него, мельком взглянув на его строгий, точеный профиль. — Что дальше?

Он наклоняется вперед, его колючая щетина щекочет меня. Я чувствую улыбку на его лице, когда он прижимается губами к моей щеке. От его глубокого, мужественного голоса искры пробегают по моему телу.

— Мы будем ехать медленно, пока не выедем с ранчо, а потом прибавим ходу.

Я машу Тине, Колтону и задерживаю дыхание, когда мы выезжаем с ранчо и пересекаем ручей. Осиновые деревья слегка колышутся от легкого ветерка, когда мы поднимаемся на холм. Чарли кивает Дэвису, который снимает свою ковбойскую шляпу и смотрит на нас с отвисшей челюстью.

Закрыв глаза, я кладу руку на сердце.

Пожалуйста, води себя хорошо.

— Видишь, как я держу поводья? — спрашивает Чарли. — Свободные, прямые предплечья. Держи их петлей над ладонью, вот так. Это позволит тебе управлять лошадью, используя только запястья. Вот, почувствуй, как я это делаю.

Отложив его наставления на потом, я обхватываю его руки и сжимаю.

— Это потрясающе, Чарли.

В мгновение ока мы оказываемся далеко от ранчо. Тело Чарли расслаблено, и он выглядит более непринужденно верхом на лошади, чем пешком.

— Как ты увлекся лошадьми? — спрашиваю я.

— Я вырос на конеферме. В прошлом году мои родители ушли на пенсию, и теперь ранчо управляет моя младшая сестра. Мой папа всегда говорил, что если мы умеем ходить, то можем работать. И мы так и делали.

Я хихикаю, представляя Чарли маленьким фермерским мальчиком, который таскает ведра с кормом и бежит за курами.

— Суровый мужчина.

— Он был таким. Но мы и веселились. Много играли, много работали. — Чарли смеется, и от его смеха у меня по телу пробегает дрожь. — Нет ничего лучше маленьких городков. Убегать от копов. Пьянствовать на проселочных дорогах. Ловить рыбу посреди ночи. — Он прижимается своим телом к моему. — Целовать красивых девушек в конюшнях.

Я ерзаю в седле, а между ног пульсирует от голодных ноток в его голосе. Я откидываю голову назад, прижимаясь к его широкой груди, и мне нравится, как он бережно прижимает меня к своему телу. Все мои чувства переполнены им. Мне хочется поцеловать его, вцепиться в его волосы и провести языком по его груди. Но если я это сделаю, наша поездка закончится, а я очень хочу, чтобы она продолжалась.

Опустив взгляд, я провожу пальцем по большому шраму на его загорелом предплечье. Он грубый, но мне нравится.

— От чего это? Колочая проволока? Драка в баре?

— Нет. Уайетт. — Он направляет Стрелу вниз по склону оврага. Вдалеке слышен шум воды. — В детстве мы дрались в конюшне, и он толкнул меня со стропил в кучу сена. Я упал на вилы, которые были зарыты в ней. — Он усмехается. — Это было чертовски опасно. Он умолял меня не говорить нашему отцу. Целую неделю выполнял мою работу по дому.

— Ты ближе всех к Уайетту?

— Мы все близки, но да, я. Нас было шестеро, родители всегда разбивали нас на пары. Эмми Лу и Грейди были младшими. Близнецы всегда были вместе и пользовались благосклонностью наших родителей. — Он усмехается, в его голосе звучит братская привязанность. — Мы с Уайеттом были одинокими волками, которые, когда могли, попадали в переделки и сеяли хаос на ферме. — Большая рука Чарли опускается на мое бедро. Он сжимает его. — Он мой лучший друг. Первый, кто последовал за мной на ранчо, когда я уехал из Дикого сердца.

— О, — говорю я, глядя в его смелые голубые глаза. В них отражается странная грусть, но также и спокойствие, которого я раньше не замечала. — Ну, я люблю твоих сумасшедших братьев.

— Сумасшедшие братья, — повторяет он, окидывая взглядом луг. — Большой подарок, еще большая заноза в заднице.

При упоминании о братьях в моей голове всплывают слова моего брата, сказанные ранее.

Тебе будет больно. Ему будет больно. Вам обоим будет больно.

Я тяжело сглатываю. Сейчас бессмысленно рассказывать Чарли о моей СВТ. Я уеду. Ему нужно сосредоточиться на ранчо, а мне — на своей жизни. Все, чего я добьюсь, — это головной боли, когда я просто хочу наслаждаться тем, что мне нужно прямо сейчас.

А это Чарли.

Он мне нравится. Больше, чем я готова признать.

— Хочешь быстрее? — Хриплый голос Чарли отвлекает меня от размышлений.

Я улыбаюсь.

— Давай.

Чарли прищипривает Стрелу, и он переходит на резвую рысь. Я хихикаю, когда импульс отбрасывает меня на грудь Чарли. Подо мной перекачиваются мощные мышцы, когда мы скачем по ярко-зеленому полю, по камням и твердой земле. Жеребец движется,

как верный друг Чарли, и пока мы едем, Чарли показывает места ранчо, которых я раньше не видела. Поле, на котором пасется стадо крупного рогатого скота. Пруд с форелью. Маленькая хижина, приютившаяся в глубине леса.

Через тридцать минут я слышу журчание воды.

Когда мы подъезжаем к ручью, Чарли спешивается и помогает спуститься мне. Я снимаю обувь и сажусь на край ручья, проводя рукой по яркой россыпи астр, пока Чарли дает Стреле напиться. Сегодня он выглядит как современный ковбой в джинсах, белой футболке и бейсболке. Беззаботное выражение его лица — редкое зрелище.

Хотела бы я знать, что лишило его этого.

Чарли поворачивается ко мне.

— Итак, что еще в твоем списке желаний? — Он возвращается на берег, вытирает руки о свои пыльные джинсы, а затем устраивается рядом со мной на расстеленном одеяле. — Ограбить банк? Выпрыгнуть из самолета?

Ты. Только ты.

От этой мысли я краснею и наклоняю голову, задевая его плечом.

— Все еще нужно увидеть рассвет.

— Обязательно. По крайней мере, ты можешь вычеркнуть из своего списка верховую езду. — Его смехок похож на виски и бархат. — Это мне напомнило кое-что. Ты так и не сказала мне, что у тебя сегодня за шип.

Черт бы его побрал. Он слишком мил. Я уступлю.

— Ты когда-нибудь делал что-то, чего не должен был делать? Например, плохой поступок, но ты не жалеешь об этом? — На его лице появляется выражение, которое я не могу разобрать. Когда он ничего не отвечает, я зажимаю ладони между бедер и вздыхаю. — Потому что я, возможно, сделала кое-что плохое тем, кто мне дорог. — Мой взгляд падает на каменистый берег, где растут ледниковые лилии. Чувство вины переполняет меня, а желудок сжимается. — Я солгала им. И если они когда-нибудь узнают об этом, не знаю, простят ли они меня.

— Они простят тебя. — Протянув руку, он возится с прядью моих волос, а затем заправляет ее за ухо. — У тебя нет ни одной плохой косточки в теле, Руби.

Я смотрю мимо него на ручей. Мои слезы готовы пролиться.

— А как насчет плохого сердца? — шепчу я.

Я на грани. Слова готовы вырваться из моей груди. *Я лгу тебе. Я больна. И через два года я, скорее всего, умру.*

Скажи ему, покончи с этим. Но это слишком, потому что мы не вместе. Между нами ничего нет. И не может быть.

Даже если тихий голосок в моем сердце шепчет, что это возможно.

Что у меня может быть выбор.

Он качает головой.

— Никакого плохого сердца.

Я замечаю, что он не ответил на мой вопрос о плохих поступках. Этот человек — настоящий сейф.

Но, кажется, я его открыла.

— Только не ты, — говорит он, и, когда он смотрит на меня, в его ярко-синих глазах полыхает желание. — Ты — подсолнух.

Мои щеки пылают, его слова согревают меня, как солнечный свет.

— Подсолнух, да?

— Подсолнух. Это то, кто ты есть. — Повернувшись, он тянет меня к себе на колени, и я усаживаюсь на него, а его большие пальцы запутываются в моих волосах. — Жизнерадостная. Красивая. Мой милый подсолнух. — Из него вырывается неровный вздох, словно он сам себе не верит. — Ты заставила меня жить, Руби, а я не делал этого уже очень давно.

Мое сердце бешено колотится в груди.

— Жить — это хорошо.

— Да.

— Ты — мой подсолнух. — Его горячий взгляд скользит по моему лицу. — Сегодня и каждый день, когда ты была на ранчо, ты была моим подсолнухом.

— О. — Мои глаза округляются.

Это слишком. Он слишком идеален.

Слава богу, я уезжаю.

Затем, обхватив меня широкой рукой за талию, Чарли притягивает меня к себе и целует. Мой язык скользит по его языку, и из его горла вырывается рычание, его большие ладони обнимают мое лицо. Он крадет мой воздух, мои чувства, и я упиваюсь им.

Всю свою жизнь я задавалась вопросом, где буду находиться, когда мое сердце сделает последний удар. Если я буду здесь, в объятиях Чарли, этого будет более чем достаточно.

Это будет все, что мне нужно.

Потому что мой милый ковбой владеет моими сердцем и душой.

Со стоном Чарли отстраняется.

— Уроки, — произносит он сдавленным голосом, и я провожу рукой по его каменной груди. — Если ты хочешь ездить верхом до конца лета, я научу тебя.

— Научишь?

— Да, — ворчит он, обхватив мою щеку грубой ладонью. — Но ты должна двигаться медленно и слушать меня. Его кадык дергается, на лице появляется беспокойство. — Я серьезно, Руби. Ты можешь пострадать...

— Я буду делать все медленно. Обещаю. — Его предложение так много значит для меня, потому что я знаю, как ему тяжело. — Я буду слушать. Я не пострадаю. Ты будешь рядом, чтобы уберечь меня.

Мышцы на его челюсти подрагивают.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, Подсолнух.

От этого прозвища, от глубины, от защитных ноток в его голосе у меня по коже бегут мурашки.

Я провожу пальцами по его бороде.

— Ты отправишь меня в Калифорнию ковбойшей. — Я говорю это шутливо, но по его лицу проносится грозовая туча. Его хватка на мне усиливается.

— А ты? — спрашиваю я.

— А что я?

— Ты так и не рассказал мне о своем плохом поступке.

— Я расскажу тебе позже. — Пронзительные голубые глаза осматривают горизонт, и он кивает на черные тучи в небе. — Нам пора возвращаться.

Я киваю, но не двигаюсь с места.

Любуясь красотой ручья и гор вдаль, я понимаю, что это идеальное место для фотографии. Идеальное место, чтобы заставить подписчиков ранчо «Беглец» захотеть пожить тут.

Мой взгляд останавливается на Чарли, и меня словно пронзает током, когда он одаривает меня одной из своих неохотных кривых ухмылок.

Заставь их полюбить ковбоя.

Я улыбаюсь, прикасаясь кончиками пальцев к своему бешено бьющемуся сердцу.

И я чувствую это, по-настоящему чувствую, что этот мужчина делает со мной.

— Подожди. Мы можем сфотографироваться? — спрашиваю я, опустив ресницы. — Для ленты.

Чарли медленно кивает, неожиданно выглядя застенчивым мальчишкой.

— Ты скажи мне, дорогая. Что мы должны сделать?

— Поцелуй меня, — выдыхаю я, и сердце разрывается в груди. — Ты будешь ковбоем. А я буду девушкой, уезжающей в закат.

Его глаза пылают.

Затем его мускулистые руки обхватывают меня, прижимая к груди. Я устраиваюсь у него на коленях, освобождая руку, чтобы поднять камеру повыше. Наши глаза встречаются, а затем Чарли целует меня. Между нами полыхает жар, и я прижимаюсь к нему.

Я делаю снимок.

И прямо здесь, на берегу ручья, я влюбляюсь в Чарли Монтгомери.

Чарли

После долгого дня, проведенного за покупкой мешков с кормом и в ожидании, пока в городе починят седло, я возвращаюсь на ранчо. По радио играет старая песня в стиле кантри, пока я веду свой старый грузовик по извилистым проселочным дорогам. Я бросаю взгляд на ковбойскую шляпу из оленьей кожи с голубой лентой, повязанной вокруг тульи, лежащую на пассажирском сиденье. Подарок для Руби. Этой девушке нужна чертова шляпа. Хотя мне нравятся веснушки, которые появляются на ее переносице, когда она немного загорает, я не хочу, чтобы она обгорела.

Я проверяю время и жму на газ. Уже больше, чем мне хотелось бы, ближе к шести часам. Я надеялся закончить кое-какие дела на ранчо, но сейчас все, чего я хочу, — это заключить Руби в свои объятия.

С тех пор как мы ездили к ручью на прошлой неделе, она стала неотъемлемой частью моей повседневной жизни.

По утрам она вместе со мной пьет кофе на кухне. Мы говорим о планах на день, затем проводим время с лошадьми. После этого мы расходимся по своим делам. А вечером мы встречаемся снова.

Я не знаю, о чем я думал, предлагая научить ее ездить верхом. Глядя на ее широко раскрытые от удивления глаза и слушая ее залиvistый смех рядом с лошадьми, у меня в горле постоянно стоит комок. Верховая езда вызывает улыбку на ее лице, и я готов из кожи вон лезть, чтобы она там оставалась всегда.

Или, может быть, я эгоистично хочу удержать ее на ранчо.

Даже если мне страшно видеть ее верхом на лошади.

Но это то, что нужно ей, а если быть честным, то это то, что нужно мне. После Мэгги, у меня уходят все силы на то, чтобы смотреть, как женщина садится на лошадь.

Но с Руби я не вижу Мэгги. Потому что Руби — это не Мэгги.

Она та самая, которую я и не надеялся встретить. И я понимаю, что она — лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Мне нравится ее прекрасная душа. Ее великолепное лицо. Ее тихие сексуальные вздохи, от которых у меня встает каждый раз, когда я слышу этот звук. Ее широко раскрытые глаза. Я хочу подарить ей каждый гребаный восход солнца в небе.

Черт, я бы отвез ее в Калифорнию, если бы она попросила.

Господи. Неужели я так далеко зашел?

Да. С Руби ответ всегда — да.

Притормозив на светофоре, я проверяю свой телефон. Словно на автопилоте, мои пальцы нажимают на нашу страницу в Инстаграме. Чаще всего я ловлю себя на том, что прокручиваю ленту, когда ее нет рядом. Потому что, черт возьми, я скучаю по ней.

Наше фото, которое она сделала, набрала уже три тысячи лайков. Комментарии разные.

Вы все сделали это на 100 процентов.

Вы двое прекрасны вместе.

Где здесь горы?

Как мне найти ковбоя?

Но к черту комментарии и к черту социальные сети. Единственное, на чем я сосредоточен, — это улыбающееся лицо Руби. За последнюю неделю я смотрел на него, наверное, раз пятьдесят.

На фото она выглядит просто великолепно — сияющая, как солнце, волосы развеваются на ветру, прильнувшая ко мне, как будто ей там самое место.

И, черт возьми, я выгляжу как счастливый человек.

Эта мысль — как удар в грудь, переворачивающий все, что я знал. Но я больше не могу это игнорировать.

Это больше, чем просто хороший секс.

Господи, я дал ей прозвище.

Она — мой подсолнух, создающий хаос с тех пор, как появилась в моей жизни. Хаос, без которого я больше не могу обойтись.

Я проношусь на зеленый сигнал светофора, поворачиваю налево, чтобы выехать на дорогу, ведущую к ранчо.

Невозможно отрицать. Она свела меня с ума одним поцелуем. Каждый день она озаряет мою жизнь улыбкой. Чертовой улыбкой. Как ей это удастся, я не знаю. Знаю только, что хочу, чтобы она была рядом со мной. Потому что, когда я заканчиваю с работой на ранчо, все, о чем я могу думать, — это вернуться к ней.

И чем ближе мы становимся друг к другу, тем чаще я задумываюсь, не обманывал ли я себя все это время. Все лето я позволял страху управлять собой. Страх заботиться о ком-то еще, потерять кого-то еще...

Начать все сначала.

Хочу ли я этого?

Да. Хочу, черт возьми.

Подъезжая к въезду на ранчо, я сбрасываю газ. Грузовик Форда стоит на берегу ручья у дороги. В русле ручья я вижу своего старшего брата, который вытаскивает сгнившие столбы забора. Проехав поворот, я останавливаюсь и выпрыгиваю. Форд бурчит приветствие, его лицо скрыто под бейсболкой.

Без разговоров я беру в руки молоток. Несмотря на изнурительный труд и Форда, проклинающего солнце, мы убираем столбы всего за двадцать минут.

Я вытираю лоб.

— Разве не Уайетт должен был этим заняться?

Кивок.

— Уайетт пропал. Не видел его весь день. У меня кулаки чешутся дать ему по зубам. Или по голове. Я еще не решил. — Он дергает подбородком в сторону ручья. — Какой-то идиот завалил русло ручья пивными банками, так что это следующий пункт в моем списке.

— Ты звонил ему? — спрашиваю я, уже вытащив телефон и набирая номер Уайетта.

— Дважды.

Он звонит и звонит, и наконец переключается на голосовую почту.

— Он может быть вне зоны доступа, — говорю я. Периодическое отсутствие сотовой связи — типичное явление на ранчо. Если он вне зоны доступа, то связаться с ним не получится, пока он не подъедет поближе.

— Я поеду на ранчо, — говорю я Форду, пытаюсь избавиться от беспокойства. — Посмотрим, там ли он.

Всю короткую дорогу до коттеджа мои мысли были заняты Уайеттом. Мне это не нравится. Он, конечно, любит валять дурака, но это не похоже на него — уклоняться от своих обязанностей. Когда мы были детьми, он всегда вставал с солнцем, чтобы помочь мне с лошадьми и по хозяйству.

Когда я въезжаю на гравийную дорожку своего дома, я вижу, как Руби возвращается из лоджа. Подол ее сарафана развевается, когда она направляется к своему коттеджу с пакетом яблок в руке.

Как только я вижу ее, все мысли о ранчо, о Уайетте мгновенно улечиваются.

Я припарковываю грузовик, хватаю ее шляпу, выпрыгиваю из машины и встречаюсь с ней между своим домом и ее коттеджем.

Она сияет и подбегает ко мне.

— Привет, ковбой, — растягивая слова, произносит она, поднимая пакет с яблоками в знак приветствия. — Шеф-повар дал мне немного лишних яблок с конкурса выпечки. — Она наклоняется ко мне, ее голубые глаза сверкают. — Я все еще думаю, что тебе нужен сад.

Я усмехаюсь и качаю головой. Она практически королева моего ранчо.

Черт. Мне это нравится. Чертовски сильно.

Эта мысль пронзает меня как пуля.

Ее место здесь.

Ее место со мной.

Опустив пакет с яблоками, Руби кивает на шляпу, зажатую в моей руке, ее алые губы приоткрываются.

— Что это?

— Нашел тебе кое-что в городе. — Я надеваю шляпу ей на голову и сдерживаю улыбку. В ней она выглядит как маленькая дерзкая ковбойша. — Если собираешься научиться ездить верхом, то и одеваться надо соответствующе.

Она вздыхает.

— О, Чарли, — говорит она, прижимая руку к сердцу, и на ее милом личике вспыхивает радость. Она смотрит вверх, затем ее взгляд встречается с моим. В ее глазах блестят слезы. — Спасибо. Мне она так нравится. — Благодарность в ее голосе пронзает мне сердце, как стрела.

Поправляя шляпу, она шутливо прицеливается в меня, сложив пальцы пистолетом, а затем кружится. Подол ее сарафана поднимается, и что-то твердое застревает у меня в горле.

— Ну, — говорит она, упираясь руками в бедра. — Как я выгляжу?

Как будто ты моя.

— Идеально, — хриплю я. — Тебе идет ковбойский стиль.

Она слегка пожимает плечами и кокетливо улыбается. — Ну, до встречи.

О, черт возьми, нет.

Я хватаю ее за запястье, прежде чем она успевает отвернуться.

— Эй, куда ты собралась?

Ее глаза расширяются с той потрясающей, искренней невинностью, к которой я привык.

— Возвращаюсь к работе. Я завалена работой, Чарли. Твоей страничке нужно больше постов. Не говоря уже о том, что я должна закончить календарь до конца...

Я целую ее, чтобы она замолчала. Больше никаких разговоров о ее отъезде. Я не могу с этим смириться.

Положив руки ей на талию, я ласкаю ее язык, прижимая ее крошечную фигурку к своей груди. Она обнимает мою шею и стонет мне в рот. Мой член ноет от желания. Наши сердца колотятся, пока я поглощаю эту женщину, которая доводит меня до безумия.

Прямо сейчас, прямо здесь, я хочу остаться в этом моменте.

С ней.

— Пойдем, — говорю я ей, когда мы отстраняемся. Я запускаю руку в ее шелковистые локоны и обхватываю ее затылок. Вожделение держит меня за горло. — Оставайся на ночь.

Она смеется, смотрит на меня как на сумасшедшего.

— Я уже оставалась.

— Оставайся на выходные.

Я не хочу, чтобы она уходила.

Она качает головой, глядя на меня из-под длинных ресниц.

— Чарли...

— Собери сумку, — приказываю я. — Не спорь со мной.

— Когда?

— Сейчас. — Я переплетаю свои пальцы с ее, не давая ей отстраниться. — Ужин. Виски.

На ее лице появляется удивление.

— Ты готовишь?

— Чертовски верно. — Я ухмыляюсь. — Не уверен, что получится, но я что-нибудь придумаю.

— Хорошо. — Ее глаза сверкают в лучах заходящего солнца. — Мне нужно отфотошопить несколько фотографий для августовских постов. Дай мне час.

Я обнимаю ее за талию.

— Двадцать минут.

Она хихикает, откидывая голову назад, и этот музыкальный звук пробуждает мой член.

— Быстро, подсолнух, — рычу я, наклоняя голову, чтобы уткнуться носом в ее в шею. Я вдыхаю ее клубничный аромат. — Я не могу выбросить тебя из головы. Я был без тебя меньше двадцати четырех часов, и я схожу с ума. Ты чертовски заводишь меня, Руби.

Я выложил все свои карты на стол, и мне нет до этого никакого дела.

Она упирается мне в грудь, чтобы оттолкнуть меня, ее ликующее лицо покраснелось.

— Не волнуйся, ковбой. Ты мне тоже нравишься.

Мой взгляд падает на ее пухлые губы, и я просовываю палец под бретельку ее сарафана.

— Малышка, я уже считаю минуты.

Ее глаза становятся мечтательными, она снова целует меня, хватая пакет с яблоками, а затем высвобождается из моей хватки.

— Скоро увидимся.

С замиранием сердца я смотрю ей вслед, как она взбегает по ступенькам в свой коттедж и исчезает.

Затем наступает моя очередь. Я поднимаюсь по ступенькам крыльца к дому, мои мысли уже заняты сегодняшним вечером.

Моей девушкой.

— Вон, — рычу я, как только слышу, как хлопает дверь.

Я бросаю взгляд на часы на стене. Все надежды на вечер наедине с Руби рухнули. Мне нужно переехать на чертову луну. Сжечь отпечатки пальцев, собрать грузовик и поселиться на склоне горы, далеко-далеко, вне пределов досягаемости. Потому что последнее, что мне нужно, это чтобы мои старшие братья-идиоты вмешивались в наши с Руби отношения.

Форд и Дэвис вваливаются внутрь с самодовольными ухмылками на лицах, и осматривают кухню, в которой я устроил беспорядок.

— После работы сразу домой, да? — Форд поднимает бровь.

Я сердито смотрю на него.

— У меня есть дела поважнее.

— Дела поважнее означают, что она придет или...

— Она придет на ужин, — огрызаюсь я. — Так что вы все должны убираться к чертовой матери.

Я ставлю на стойку единственную бутылку терпкого вина, которая есть в холодильнике. Хмурясь, я рывком открываю морозилку и изучаю ее содержимое.

— У нас еще остались стейки с прошлого месяца?

Дэвис скрещивает руки и опускается на табурет. Он выглядит как самодовольный ублюдок.

— Мы все еще говорим о девушке, которая хороша для летней интрижки?

Я замираю, с болью вспоминая свои слова, сказанные несколько недель назад.

Я чертов ублюдок. Если Руби узнает, что я так сказал...

Это причинит ей боль. И это разобьет мое чертово сердце.

Слова не укладываются в голове. Больше нет. Она больше, чем просто летнее увлечение. Она — Руби. Она — солнечный свет, освещающий самые темные уголки моей души, сияние, заполняющее трещины в моем сердце. Трещины, которые я пытался заполнить алкоголем, ранчо, молчанием и гневом. Такое ощущение, что у меня было похмелье десять долгих лет, и я только-только начинаю трезветь.

— Нет, — признаю я. — Она — нечто большее.

Дэвис выглядит удивленным, и впервые в жизни на его лице нет этого выражения я-знаю-все.

— Затонул. Как чертов корабль. — Форд улюлюкает, хлопая ладонью по столешнице.

Я смотрю на него, пытаюсь нахмуриться, хотя все, что я хочу сделать, это ухмыльнуться, как жалкий сукин сын.

— Влюбился по уши, брат. Ты уже написал на сапоге ее имя? — спрашивает Форд, открывая бутылку виски и разливая по рюмкам.

Влюбился по уши. Так всегда говорил наш отец. Когда находишь подходящую женщину, влюбляешься по уши, а потом пишешь ее имя на подошве — знак, что она твоя.

Я ворчу.

— Нет.

— Ты сел на лошадь, Чарли. — Дэвис пристально смотрит на меня. — Чтобы порадовать ее.

— Я не знаю, что происходит между нами, — говорю я, проглатывая виски, позволяя жгучей жидкости развязать язык. — Все, что я знаю, это то, что она мне нравится. Чертовски сильно.

Дэвис проводит рукой по своим темным волосам, его лицо становится серьезным.

— Я не слышал, чтобы ты так говорил с тех пор, как... ну, с давних пор.

— Со времен Мэгги, — говорит Форд. Он виновато пожимает плечами и обменивается взглядом с Дэвисом. — Мы все так думаем.

Я вдыхаю слова Форда, имя Мэгги, а когда выдыхаю, мне уже не так больно.

— Улыбка тебе идет, брат. — Дэвис прочищает горло. — Продолжай в том же духе.

Я смотрю в окно на коттедж Руби.

— Я так и собираюсь.

Рация на бедре Дэвиса трещит, и прокуренный голос Сэма произносит:

— Эй, вы не видели Уайетта?

Дэвис подносит рацию ко рту.

— Нет. А что?

— Мы нашли Пепиту на хребте. Она сильно хромает. Никаких следов вашего брата.

Страх скручивает мой желудок. Внимание Форда переключается с бутылки виски на меня, его худощавая фигура напрягается.

Челюсть Дэвиса сжимается.

— Она в порядке?

— Мы отведем ее в конюшню, чтобы проверить. Думаю, она в порядке. Мы дадим вам знать. Конец связи.

— Спасибо, Сэм. Конец связи. — Дэвис заканчивает разговор и ругается.

Моего уравновешенного брата трудно вывести из себя, отчего по моей спине бегут мурашки. Уайетт относится к своей лошади как к золоту. Он ни за что не позволил бы ей убежать травмированной и не пошел за ней.

— Где, черт возьми, наш брат? — спрашивает Форд, в его глазах светится беспокойство.

Эта фраза обрушивается на меня, как удар шара в боулинге, и заставляет вспомнить, как Уайетта сбросила лошадь, и он два дня был без сознания. Вся семья приехала в больницу. Наш брат пострадал. Это означало, что мы все не в порядке. Это также означало, что он мог рассчитывать на то, что мы будем рядом, присмотрим за ним.

Всегда.

Я вздрагиваю.

— Мне это не нравится. — Я беру телефон и набираю номер Уайетта, но ответа нет.

— Собери всех. Начинайте его искать. — Дэвис сползает с табурета, выражение его лица мрачное. — Я приведу Кину, может, она сможет взять след.

Задняя дверь распахивается как раз в тот момент, когда я хватаю ключи.

— У вас есть пакет со льдом? — Уайетт, прихрамывая, заходит на кухню. Он выглядит бледным и усталым. Кровь размазана по его виску. Он надвинул бейсболку низко на глаза, но я вижу зарождающийся синяк под глазом.

В комнате начинается сумасшедший дом.

Подойдя к нему, Дэвис сильно подталкивает Уайетта к стулу за кухонным столом.

— Садись.

Уайетт садится, морщась, как будто само движение причиняет боль, и мне хочется найти того, кто сделал это, и превратить его лицо в фарш.

— Кого, блядь, мне нужно убить? — требует Форд, прохаживаясь за стулом Уайетта.

Дэвис снимает с Уайетта бейсболку и откидывает его голову назад, чтобы рассмотреть зрачки.

— Начинай говорить, Уай, — предупреждаю я, сунув ему в одну руку пакет со льдом, а в другую — стакан с виски.

Брат встречает мой взгляд.

— Я направлялся помочь Форду с ручьем, когда кто-то сбил меня на дороге. — Он шипит, когда Дэвис откидывает назад его волосы, кровь из неглубокого пореза течет быстрее. — Я упал с Пепиты и потерял сознание. Думаю, они пинали меня, пока я был в отключке, потому что у меня сильно болят ребра. Когда я очнулся, я притащил свою разбитую задницу сюда. Он выдыхает, пытаясь сохранить на лице дерзкую ухмылку, но по тому, как он сжимает челюсти, я понимаю, что ему больно.

Кровь стучит у меня в висках, когда я смотрю на своего младшего брата. Уайетт сидит здесь, истекая кровью, а я чувствую себя чертовски беспомощным.

Форд ругается и поворачивает ко мне голову.

— Вулфингтоны мертвы — они, блядь, гребаные трупы.

Я киваю, ярость кипит в моих венах.

Уайетт может сколько угодно падать с лошадей. Ломать ребра, получать сотрясения мозга, но, если кто-то причинит вред моему младшему брату, моей семье, все ставки будут сделаны.

— Держите себя в руках, — приказывает Дэвис. — Мы ничего не решим, если вы все сорветесь с катушек.

— К черту это, Дэвис, и к черту тебя, — огрызается Форд. Он кричит так громко, что дребезжат стаканы с виски. — На этот раз они зашли слишком далеко.

— Согласен с Фордом. — Я шагаю к двери, распаиваю ее и осматриваю ранчо. Снаружи огромные черные грозовые тучи скоро прольются дождем. — Пойдем свернем несколько гребаных шей.

Если Вулфингтоны настолько глупы, что пришли на нашу территорию и напали на нашего брата, им лучше быть готовыми.

Дэвис поднимается, сверкая глазами, разозленный тем, что мы с ним не согласны и готовый стукнуть нас лбами друг о друга, но Уайетт машет рукой, заставляя всех нас замолчать.

— Я не думаю, что это были Вулфингтоны, — говорит он, поморщившись. — Это слишком для них. Они и с лассо не могли найти свои члены. — Он смеется, а потом стонет, прижимая руку к ребрам.

Я резко оборачиваюсь, и мои сапоги скрипят по полу.

— Тогда кто это, блядь, был?

Руби

Я не могу сосредоточиться на работе после предложения Чарли.

Собери сумку. Приходи сегодня вечером.

Чарли и я — мы не можем держать дистанцию. Все границы, все соглашения, которые мы заключили с тех пор, как я приехала на ранчо «Беглец», растаяли в небе Монтаны. У меня остался всего месяц, и мысль об отъезде причиняет боль.

Это ранчо хорошо для меня. Для моего сердца.

Я отодвигаю ноутбук, решив отказаться от редактирования фотографий и закончить позже. Краем глаза я замечаю на холодильнике список своих дел. Улыбка расплывается по моему лицу. Здесь я вычеркнула больше пунктов, чем где-либо еще. И все благодаря Чарли.

Благодаря ему я чувствую, что могу сделать все.

Благодаря ему я вижу, что вся моя жизнь может быть другой.

Моя улыбка исчезает, когда мой взгляд падает на ковбойскую шляпу, лежащую посреди кухонного стола. Она прекрасна и идеально мне подходит. Я люблю ее, но это символ. Слишком личного отношения.

Привязанности.

Ковбойская шляпа все меняет. Наверное, в лучшую сторону, не знаю.

Даже если я уже влюблена в него, Чарли совершенно не может влюбиться в меня.

Не должен.

Я зажмуриваю глаза, чувствуя, как трепещет мое сердце.

Он не станет.

Все, что я значу для него — это летняя интрижка. Хороший секс. Отличный секс. Он не привязывается ко мне эмоционально. Он ясно дал понять, что у нас есть только лето.

Сказать ему «нет» и остаться сегодня вечером дома было бы разумным поступком.

Но я не могу держаться от него подальше. Я одержима Чарли Монтгомери, этим грубым ковбоем. Дни идут, и скоро мне придется уехать, но до тех пор, хотя бы на одно лето, я очень хочу быть его девушкой.

Потому что я не буду никого умолять полюбить меня и не буду стыдить себя за то, что хочу настоящей любви.

Это то, как должно быть.

Я так долго держала свое сердце в заложниках. Больше нет.

Я проверяю телефон, и у меня вырывается писк, когда я вижу время.

Я опаздываю.

Поспешив в спальню, я открываю свой маленький чемодан и бросаю туда несколько красивых вещей, которые еще не надевала. В ванной я собираю небольшую сумку с лекарствами и туалетными принадлежностями. На секунду задерживаюсь, чтобы подправить макияж, нанести светло-розовый блеск на губы и щеки для пушкого эффекта.

На мой телефон приходит уведомление.

Я хмурюсь, когда вижу, что в Инстаграм-аккаунте ранчо появился комментарий от Lassomata76.

Надоели эти скучные, безвкусные фотографии.

Я качаю головой, меня охватывает раздражение.

Да кто ты такая?

Я не жду. Я сразу же направляюсь к компьютеру.

Повинуясь внезапному порыву, я загружаю аватарку Lassomata76 в программу для редактирования фотографий. Я быстро работаю, меняя размер в пикселях, чтобы увеличить изображение. Должно же быть хоть что-то, что я могу узнать об этой женщине.

Вот.

Я вижу это.

Я наклоняюсь к компьютеру, чувствуя, как внутри все переворачивается.

Пряжка ее ремня.

Блестящая, усыпанная бирюзой, два скрещенных ружья в центре прямоугольника с фестонами. Под ними выгравированы слова — «Будь победителем. Будь отважным. Будь жестоким».

В этот момент у меня в голове что-то щелкает.

Я уже видела эту фразу раньше. Но где?

Я должна рассказать Чарли.

Торопясь, я вскакиваю из-за кухонного стола и мчусь в ванную. Я застегиваю молнию на своей сумке с туалетными принадлежностями. Через маленькое окно в ванной я вижу дом Чарли. В небе гремит гром. Солнце и тучи соединяются, отбрасывая на ранчо странные тени.

В этот момент я слышу, как открывается моя входная дверь.

Я замираю.

И тут же слышу, как она закрывается.

Беспокойство прокатывается волной мурашек по спине, когда я выхожу из ванной.

— Чарли? — зову я, переступая порог своей спальни, чтобы выглянуть в гостиную.

Я задышаюсь.

В прихожей стоит мужчина в черной маске. Он высокий, но сутулит плечи, словно старается не привлекать к себе внимания.

Не делай мне больно, хочу сказать я, но не могу подобрать слова.

Мы на секунду встречаемся взглядами, затем он делает неуверенный шаг вперед.

А потом — мы оба двигаемся одновременно.

Я дергаюсь назад, пытаюсь захлопнуть дверь спальни, чтобы запереть ее и выиграть время, но он оказывается в комнате прежде, чем я успеваю ее закрыть.

Он приближается, сокращая расстояние между нами. В панике я забираюсь на кровать и пытаюсь открыть окно. Если мне удастся пролезть, я смогу добраться до Чарли. Я распахиваю окно, когда он хватает меня за лодыжку и стаскивает с кровати. Я сопротивляюсь и пытаюсь вырваться, катаясь по полу в отчаянной попытке освободиться. Наконец моя нога соприкасается с его коленом, и он, выругавшись, выпускает меня.

Я встаю.

Пытаюсь пробежать мимо него, надеясь добраться до входной двери, но он ловит меня за левое запястье.

— Отвали, — говорю я и замахиваюсь на него.

Добавлю это в свой список. Научиться драться.

Я бью его в глаз костяшками пальцев, и он ругается.

Я издаю душераздирающий крик.

— *Чарли!* — Я снова набираю воздух в легкие. — Чарли, помоги...

Рука зажимает мне рот. Мой крик заглушен. Я изо всех сил пытаюсь вырваться, когда его рука сжимает мою талию. Мужчина прижимает меня к себе спиной. Мои босые ноги волочатся по земле. Я сопротивляюсь, но он силен.

— Уезжай, пока никто не пострадал, — говорит он мне на ухо. — Пока не поздно. — Его голос не злой и не жестокий, как я ожидала. Вместо этого он тихий, нерешительный.

Адреналин подсакивает, заставляя мое сердце учащенно биться. Оно бьется неровно, голова кружится, мне становится нехорошо. Мое сердцебиение никогда раньше не было таким громким. Оно отдается в голову. Я чувствую, как пульсирует вена на моей шее.

— Нет, — всхлипываю я в мужскую ладонь. — Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, остановись...

Это слишком для меня, слишком для моего сердца.

Комната качается из стороны в сторону, а мое зрение превращается в сверкающий туннель, медленно поглощаемый чернотой. Я не могу говорить, не могу кричать. В ушах стоит звон, который я слишком хорошо знаю. Голова опускается, пока я пытаюсь остаться в сознании. Тихий вздох срывается с моих губ. Я обмякаю в руках мужчины, который держит меня, не в силах бороться с бессознательным состоянием, наползающим на меня, как черная туча.

— Черт. — Его испуганный голос дрожит. — Мисс Руби?

Мисс Руби.

— Чарли, — задыхаюсь я.
Мое дыхание сбивается. Сердце останавливается.
Затем я проваливаюсь в темноту.

— Руби!

Темнота отступает. Я с трудом открываю глаза. И тут я понимаю, что лежу на полу в своем коттедже.

В объятиях ковбоя.

Сквозь мое полубессознательное состояние прорывается хриплый голос Чарли.

— Руби. Руби, малышка, поговори со мной. Открой глаза, Подсолнух, — умоляет он. — Дай мне увидеть эти милые голубые глаза.

Все плывет перед глазами. Моя голова прижимается к твердой груди, и с губ срывается стон. Я слышу резкий вздох.

Все мое тело оживает, услышав голос Чарли, как цветок, отчаянно нуждающийся в солнце. Когда я открываю глаза, на меня смотрит обеспокоенное лицо Чарли.

— Слава Богу, мать твою, — хрипит он.

Проклятие и молитва, сочетание того и другого.

— Мое сердце, — хриплю я.

Моя дрожащая рука тянется к горлу, и рука Чарли следует за ней. Его прохладная ладонь касается моего горла, где в бешеном ритме бьется мой пульс.

Я пытаюсь сосредоточиться на нем, но не могу. Дрейфуя между сознанием и обмороком, мои глаза закатываются, и рука падает на пол.

— Смотри на меня. — Требование Чарли настойчивое, отчаянное. — Держи глаза открытыми, слышишь меня? — Его руки лихорадочно скользят по моему телу, когда он усаживает меня к себе на колени.

Несмотря на то, что меня бросает в жар, я дрожу, как зимой. Моя грудь вздымается.

— Да, — шепчу я, не сводя глаз с его красивого лица. — Да.

— Кто это сделал? — Чарли наклоняется ко мне всем телом и крепче сжимает меня в объятиях. Его стиснутая челюсть выглядит так, будто вот-вот треснет от напряжения. — Кто на тебя напал?

— Я не знаю, — шепчу я, положив голову на его предплечье. — Я не... — Я запинаюсь, вспоминая о том, что произошло. Типичная реакция на один из моих приступов. Мой мозг отключился. Я чувствую себя такой слабой и хочу только спать.

Я закрываю глаза, позволяя своему телу и воспоминаниям вернуться ко мне.

— Руби? — панический голос Чарли зовет меня обратно.

Я качаю головой, чувствуя, как ледяная волна тошноты захлестывает меня.

— В моем коттедже был мужчина. — Я всхлипываю от стремительно проносящихся в голове образов. Грубые руки, мягкое рычание в ухо. — Он напал на меня.

— Господи, — выдыхает Чарли, из его горла вырывается сдавленный звук. От ярости в его глазах я слабею. — Я убью того, кто сделал это с тобой.

Мой пульс учащается.

— Он сказал мне уезжать, пока не стало слишком поздно. Пока никто не пострадал.

Рычание вырывается из него, когда он притягивает меня к себе.

— Должно быть, он сбежал через окно спальни, — говорит приглушенный голос.

Еще больше приглушенных голосов. Топот сапог.

Когда я понимаю, что в коттедже есть и другие люди, я с трудом поднимаюсь в руках у Чарли. Мои глаза расширяются при виде выбитой двери.

Дрожащими пальцами я глажу его колючую щеку. Задыхаясь, я спрашиваю:

— Это ты сделал?

Он смеется, но лицо у него напряженное.

— Малышка, я должен был быстрее добраться до тебя, так или иначе.

— Господи, — произносит кто-то. — Тут все разгромлено.

Дэвис и Форд мечутся по гостиной. Два ковбоя никогда не выглядели такими готовыми убивать.

Форд смотрит на меня, в его карих глазах читается сострадание.

— Принцесса в порядке?

— Принцесса? — удивляюсь я.

— Нет, — рычит Чарли. — Нет.

— О нет, — всхлипываю я, наконец-то осмыслив слова Форда и осматриваясь вокруг.

Горячие слезы наворачиваются на глаза. Мой бедный коттедж разгромлен. Я смотрю на свой уничтоженный ноутбук. Разбитые цветочные горшки и темная земля на ковре. Мой список дел, скомканный в углу. И...

— Моя шляпа, — шепчу я, пораженная. Моя красивая ковбойская шляпа, подаренная Чарли, лежит на полу, растоптанная, как цветок.

Обжигающие слезы льются из моих глаз, стекая по щекам.

— Мой коттедж.

Большой палец проводит по моей щеке.

— Ш-ш-ш. Все хорошо. Не плачь, малышка.

Чарли бережно поднимает меня на руки. Теперь, когда он смотрит на своих братьев, выражение его лица становится жестким. Его глаза пылают огнем.

— Тот же человек, который напал на Уайетта, напал и на Руби.

— Что? — Я обеспокоенно поднимаю голову. — Уайетт ранен?

Дэвис бросает взгляд в сторону Форда, а затем ласково улыбается мне.

— С ним все будет в порядке. Он сейчас дома у Чарли, его осматривает наш штатный врач.

В глазах Чарли вспыхивает гнев, но, заметив мой пристальный взгляд, он подавляет его.

— И ты идешь туда же, — говорит он хрипловато.

— Нет. — Я качаю головой, желая избежать любых столкновений с врачом. Напоминания о моем здоровье сейчас нежелательны. Только не тогда, когда у меня есть мой ковбой.

Я обвиваю руками его шею, борясь с желанием разрыдаться.

— Я в порядке, Чарли.

— А я нет, Руби. — На его лице отражается боль, и он прижимается своим лбом к моему. Из его груди вырывается прерывистый выдох. — Найти тебя такой, видеть тебя безвольно лежащей в моих объятиях ... Я не в порядке. Совершенно точно не в порядке.

Нежными поцелуями он касается моих губ, виска, щеки. Удерживая мою голову на своей груди, он проводит рукой по моим волосам.

— Мне так жаль, — говорит он мне. От его голоса мне становится больно. — Мне очень, очень жаль.

Мой пульс учащается, осознание серьезности произошедшего захлестывает меня.

Мое сердце.

Мое здоровье.

Моя жизнь.

Мое безопасное пространство уничтожено.

Из легких вырывается крик. Я сжимаюсь в объятиях Чарли, прячу лицо у него на плече и плачу.

Он что-то негромко говорит своим братьям, и я позволяю ему обнять меня, наслаждаясь силой его тела.

— Ты в безопасности. Я с тобой, Руби. — Голос Чарли — это прерывистое обещание, дышащее убийством и нежностью одновременно. Он выносит меня из коттеджа и направляется к своей хижине, пока с неба падают капли дождя. — Я рядом, и я тебя не отпускаю.

Чарли

Деревянные полы скрипят под моими сапогами, когда я меряю шагами коридор, моя ярость кипит. Снаружи гремит гром, и я бросаю взгляд на открытую дверь своей спальни. Руби лежит на кровати и вполголоса разговаривает с Куртом, штатным медиком, который работает на ранчо. Словно почувствовав мой взгляд, она поворачивает голову, чтобы встретиться с моим взглядом. Полуприкрытые глаза смотрят на меня, ее золотисторозовые волосы разметались по подушкам, и она одаривает меня небольшой улыбкой.

Что-то защитное и первобытное вспыхивает во мне.

Война. Это чертова война.

Инстинктивно моя рука сжимается в кулак, и я поднимаю его, готовый нанести удар. Я хочу снова и снова впечатывать свой кулак в чье-то лицо.

— Если хочешь во что-нибудь врезать, подожди Вулфингтонов, — говорит Форд, когда они с Дэвисом поднимаются по лестнице.

Я перевожу дыхание и разжимаю кулак.

— Я собираюсь их убить.

— Полегче, чувак. — Форд хлопает меня по плечу. — Не теряй голову.

— Это уже, блядь, произошло, — бурчу я, запустив руку в волосы.

Вулфингтоны не понимают, что они натворили. Никто не смеет прикасаться к Руби.

Образ того, как я нахожу ее распростертой на полу, запечатлелся в моем мозгу. Когда я держал ее обмякшее тело в объятиях, не зная, жива она или мертва, меня разрывало на части. Неоспоримое напоминание о том, что я могу ее потерять. Облегчение, которое я испытал, когда нащупал пульс. Ярость, которую я почувствовал, узнав, что кто-то причинил ей боль.

Она нуждалась во мне, а меня не было рядом.

Снова я опоздал на минуту и оказался на расстоянии удара сердца от моей девочки.

Уайетт, прихрамывая, идет по коридору.

— Когда мы отправляемся?

— Заткнись и отдохни, — рывкаю я, с беспокойством осматривая его. У него небольшое сотрясение мозга, но, черт возьми, вряд ли это может остановить парня.

Уайетт с мутными глазами прислоняется к стене.

— Черт. Меня избили, но я все равно не заслужил хоть немного заботы.

— Давай, — говорит Форд с широкой ухмылкой. Он отводит нашего младшего брата в сторону. — Я расскажу тебе сказку на ночь о том, какая ты заноза в заднице.

Дэвис смотрит, как они удаляются по коридору, потом поворачивается ко мне.

— Мы подождем, — говорит он низким голосом, и на его лице появляется расчетливое выражение.

Несмотря на то, что он спокойный и ответственный, Дэвис — тот, о ком стоит беспокоиться, когда неприятности касаются нашей семьи. Я вижу жажду крови в его глазах.

— Мы подождем несколько дней. Пусть Уайетт поправится. Мы нападем, когда они будут меньше всего ждать. Сначала разберемся с Вулфингтонами. Если это не они, то DVL.

Я киваю.

— Чарли, — говорит он с напряжением в голосе, которое заставляет меня нахмуриться. — Я проверил записи с камер наблюдения. — Он вздыхает. — Коттедж Руби не попадает в зону наблюдения новых камер.

Я закрываю глаза и стараюсь, чтобы меня не стошнило.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной.

— Я знаю. — Его голос звучит виновато. — Я все исправлю.

Я уже собираюсь сказать ему, что слишком поздно что-то исправлять, на Руби напали, мое сердце в гребаном огне, когда из спальни выходит Курт.

— Как она? — спрашиваю я.

— Она в порядке, — говорит Курт, и его слова сразу же приносят облегчение моему беспокойному разуму. — Сердцебиение неровное, но все, что ей нужно, — это отдых. Проследи, чтобы она что-нибудь съела и не напрягалась пару дней.

Я запускаю руки в волосы и оставляю их там.

Дэвис смотрит на меня с оттенком веселья и сочувствия.

— Пусть она отдохнет, Чарли. С ней все будет в порядке. Не волнуйся.

— Она останется здесь, — говорю я ему, уже направляясь к Руби. Мысль о том, что я не смогу быть рядом с ней, выводит меня из равновесия. Я не смогу расслабиться, если не буду рядом.

В спальне горит приглушенный свет, дверь на балкон слегка приоткрыта, чтобы впустить прохладный воздух. Руби полулежит на подушках, глаза закрыты, она выглядит маленькой и хрупкой в одной из моих футболок.

У меня внутри все холодеет. Старое знакомое чувство, с которым я жил последние десять лет, пронзает меня насквозь, как лезвие.

Страх. Беспомощность.

Она вся в синяках и кровоподтеках. Ее напугали до смерти. На нее напали. Угрожали. Когда я должен был присматривать за ней.

И это все моя вина.

Почему меня не было рядом? Почему я не защитил ее?

На звук моих шагов Руби открывает глаза.

— Чарли? — Ее голос едва громче шепота.

— Я здесь, дорогая. — Я подхожу к кровати и сажусь рядом с ней. — Как ты?

— Лучше. — Ее длинные темные ресницы трепещут на фоне бледных щек. — Теперь, когда мой ковбой рядом.

Мягкое поддразнивание в ее тоне успокаивает меня, и я быстро оглядываю ее. Ее голубые глаза сосредоточены, но она выглядит измученной, и все, что я хочу сделать, — это уложить ее спать.

Я беру ее руку и провожу пальцем по шелковистой гладкости внутренней стороны запястья. На костяшках пальцев у нее синяки, которые знакомы мне со времен драк в баре.

— Ты врезала парню, да?

— Да. — Она слабо улыбается. — Опробовала свой апперкот.

Я целую ее ушибленные костяшки.

— Хорошая девочка.

Гордость захлестывает меня с головой.

Может, она и принцесса, но она сильная. Стойкая. Боец.

От напоминания о том, что кто-то пытался причинить ей боль, хотел сделать с ней Бог знает что, у меня внутри все превращается в лед. Я не смог бы жить в мире с собой, если бы с ней что-то случилось.

Судорожный вздох вырывается из моей груди.

— Руби.

— Все в порядке, ковбой, — говорит она, но ее голос дрожит.

— Руби.

Тихонько всхлипнув, она закрывает глаза, и наши груди соприкасаются, когда я крепко сжимаю ее в объятиях. Мне нужно прикоснуться к ней. Мне нужно обнять ее и убедиться, что она в безопасности. Ощущение того, как ее сердце бьется рядом с моим, способно свести меня в могилу. Эта чертова яркая сила невероятной женщины, которую кто-то пытался у меня отнять.

Если бы Руби причинили боль, это меня прикончило бы. Я абсолютно уверен в этом.

— Я закричала, — шепчет она, обняв меня за шею. Она дрожит у меня на груди. — Я закричала, и ты пришел за мной.

— Я всегда буду приходить за тобой. Никогда не сомневайся в этом. — Я целую ее висок, вдыхаю аромат клубники, и наконец мой разум возвращается на землю, а ярость утихает, когда я понимаю, что с ней все в порядке.

— Спасибо. — Ее искренняя благодарность разрывает меня изнутри.

— Не благодари меня. — Я отстраняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза. — Не за это. Она качает головой.

— Чарли...

— Что? — хрипло спрашиваю я, заправляя прядь волос ей за ухо. — Что не так?

Слезы текут по ее щекам, и их вид разбивает мое сердце во второй раз за сегодняшний вечер.

— Я не заперла дверь. — Ее нижняя губа дрожит. — Вот как он вошел.

Ярость разливается по моим венам.

— Это не твоя вина. Ты не можешь быть виновата в том, что кто-то причинил тебе боль. — Я поднимаю ее подбородок. — Ты слышишь меня? — строго говорю я, желая ее убедить.

Она смаргивает слезы и быстро кивает, впитывая мои слова.

Мне не хочется отпускать ее, но понимая, чтобы ей нужно отдохнуть, я укладываю ее обратно на подушки.

— Ты помнишь еще что-нибудь о том, что произошло?

— Не думаю. Пока нет. Моя голова... — Она морщится. — Все пока в тумане.

Я хотел бы еще ее расспросить, но ее растерянное выражение лица останавливает меня. Сегодня ей и так досталось. Вопросы могут подождать. Все, что ей нужно знать, — это то, что я все исправлю. Что ей больше никогда не будет больно.

Руби вздыхает и вытягивается на большой кровати, выглядя милой и маленькой.

— С Уайеттом все в порядке? — спрашивает она.

На нее только что напали, а она волнуется за Уайетта.

Проклятье.

Эта девушка разбивает мне сердце самым лучшим образом.

— С Уайеттом все хорошо. — Я накрываю ее одеялом и беру за руку. — Я хочу, чтобы ты осталась здесь, Руби.

Ее глаза превращаются в два огромных блюдца.

— Чарли, я не думаю...

— Малышка, это не просьба, — рычу я, и она замолкает. — Ты остаешься. Конец истории. Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Я хочу, чтобы ты была со мной. Пока мы не выясним, кто за этим стоит, ты не отойдешь от меня ни на шаг. Никаких споров, — говорю я, протягивая руку и касаясь ладонью ее щеки. Она вздыхает — я воспринимаю это как верный признак того, что она сдается, — и утыкается губами в мою ладонь. — Только не об этом. Не когда ты пострадала.

— Хорошо, — вздыхает она.

Медленно она опускается обратно на подушки. С облегчением я замечаю, что моя рука все еще в ее. Это разрушает стены, за которыми я скрывался все эти годы.

Доверие, которое она мне оказывает. Для меня это честь. Я польщен.

— Я хочу, чтобы ты отдохнула, — говорю я, сжимая ее пальцы. — Но сначала я хочу тебе кое-что сказать. На прошлой неделе ты спросила, делал ли я когда-нибудь что-то плохое. Плохой поступок, о котором я не жалею.

Я вздыхаю. Почему я чувствую себя обязанным рассказать ей об этом, я не знаю. Может, потому что хочу, чтобы она знала, что сегодняшний вечер стал для меня чертовым криптонитом. Может, потому что мне нужно куда-то деть свой гнев и чувство вины. Может быть, потому что я осознал, как сильно меня ранит то, что случилось с Руби.

Осознание, что я могу ее потерять...

Это превращает меня в чертовски отчаянного человека.

Только вместо того, чтобы убежать от этого, я хочу прижаться к ней покрепче.

— Был один парень, — начинаю я тихим хриплым голосом. — В моем родном городе. Он был близким другом семьи. Мы росли вместе. Играли в футбол. Прошлым летом, когда я вернулся домой, я узнал, что он обидел мою сестру.

Воспоминания захлестывают меня.

Эмми Лу и синяки на ее запястье.

Красная земля в свете фар.

Слейтон стоит на коленях, закрыв лицо руками.

Пистолет в моей руке.

Руби молчит, застыв с широко раскрытыми глазами.

— Я причинил ему боль.

Я провожу рукой по щетине, позволяя тому же беспокойному, яростному чувству, что и прошлым летом, захватить меня.

— Я не знал об этом чертовски долгое время.

Меня до сих пор гложет стыд за то, что мои младшие сестра и брат сами справлялись с этим. Я был старшим братом. Я должен был оберегать их. Я знаю, что Форд и Дэвис разделяют это мучительное чувство.

— Была полночь. Я вывез его на безлюдную грунтовую дорогу в глуши. Я выбил из него все дерьмо. Я заставил его рассказать мне, что он сделал с моей сестрой. Я разбил о него костяшки пальцев. Я сломал ему ребра, лицо. Я сделал все, чтобы заставить этот кусок дерьма почувствовать боль.

Я сжимаю кулак, прочищаю горло.

— А потом я вытащил пистолет.

Я осмеливаюсь взглянуть на Руби. Не могу сказать, пугаю ли я ее. Она сидит неподвижно, ее лицо бледное, но спокойное.

— Я держал его там. В грязи, в свете фар, и он выглядел таким чертовски жалким, плакал своими дерьмовыми слезами. — Мышцы на моей челюсти дергаются. — Я ничего не чувствовал. Я так хотел убить его. Я приставил дуло к его лбу. Положил палец на спусковой крючок.

Ее нижняя губа дрожит, и она спрашивает:

— Ты убил его?

— Нет. Я подумал о своих братьях. О сестре. Если бы я убил его, никто бы не выиграл. — Я прижимаю руку Руби к своему сердцу. Оно колотится о ребра. — Я отвез Слейтона в дом его родителей и заставил его рассказать им, что он сделал с моей сестрой. И я пообещал этому ублюдку, что если он еще раз вернется домой, то ему конец.

Наступает долгое молчание.

А потом Руби наклоняет голову и спрашивает:

— Зачем ты мне это рассказываешь, Чарли?

Я смотрю ей в глаза.

— Я рассказываю тебе это, потому что я всегда буду оберегать тебя. Я всегда буду защищать тебя.

Она грустно улыбается.

— Ты не можешь защитить меня от всего.

— Могу. И сделаю это.

Я верю в нее, в себя.

Я наклоняюсь к ней и прижимаю руку к ее щеке.

— Никто больше не поднимет на тебя руку, Руби. Ты меня слышишь? Никто не тронет мою девочку.

На ее губах появляется легкая улыбка.

— Я твоя девочка, ковбой? — Ее голос сонный, усталый.

— Да. — Слова вырываются из моей груди. — Ты моя девочка. — Я ласково убираю волосы с ее лица. — И я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Никогда?

— Никогда.

Руби сонно хмыкает в знак согласия, длинные ресницы трепещут, закрываясь. Я держу ее маленькую руку в своей. Ее пульс бьется в моей ладони. Я прижимаю ее к себе, и само это биение драгоценно.

Я больше не могу это отрицать.

Мозг, тело, сердце, душа — эта женщина заарканила меня.

Руби

Ты — моя девочка.

Прошло три дня, а слова Чарли все еще звучат в моей голове, как пластинка на повторе.

Ты — моя девочка.

Его нежные слова покорили меня. Между нами возникло новое чувство, на лице Чарли появляется свирепость каждый раз, когда он смотрит на меня.

Может быть, потому что мы поглощены друг другом.

Может быть, потому что мы стерли все границы между нами.

Может быть, потому что я практически переехала в дом Чарли.

Он не оставляет меня одну. Приступ, случившийся той ночью, истощил меня. Но Чарли был рядом, помогал мне принимать душ, поддерживал меня, когда я вставала. Это дало мне представление о том, как все могло бы быть, если бы он знал о моем СВД. Нежным, сильным и заботливым. Но я не могу так с ним поступить. Я не буду для него обузой.

Я потираю грудь и прислушиваюсь к знакомому биению своего сердца.

Впервые в жизни мне по-настоящему страшно.

Ужасно, что та ночь сделала с моим сердцем. Мне потребовалось два дня, чтобы прийти в себя. Такого со мной еще не было. Что это значит для моего здоровья — я не хочу знать.

Я знаю только то, что моя одежда лежит в ящике в комнате Чарли. Мои туалетные принадлежности лежат рядом с его туалетными принадлежностями. Каждую ночь я сплю в его крепких объятиях, в безопасности.

Чем ближе мы становимся, тем сильнее я страдаю, что обманываю его.

И хотя мой мозг говорит, что когда все закончится, мне будет больно, мое сердце готово к этому.

Я влюблена.

Со мной произошло то, о чем я всегда мечтала.

То, что заставляет мое сердце биться.

То, что является моим всем.

И это все — Чарли Монтгомери.

Мой ковбой.

Кажется, я понимаю, что имел в виду мой отец, когда говорил, что любить кого-то — значит в конце концов испытать боль. То, что ты знаешь, что тебя ждет, не делает боль менее острой.

Будет больно, когда я уйду.

А что, если я останусь? Эта мысль зарождается в моем сердце, исполненном надежды. Я хмурюсь, чувствуя, как щеки заливают румянец. Это всего лишь глупые мечты о любви. Надежда и ничего больше. Конечно, Чарли сказал, что я его девушка, но это же на лето, верно? Так должно быть. Со мной не может быть вечности.

Пересекая кухню, я сажусь за стол. Через большое окно я наблюдаю, как гости и наемные работники прогуливаются туда-сюда. Зловещие черные грозовые тучи затягивают небо, лишая нас солнечного света.

Мой взгляд останавливается на одном человеке.

Колтон.

Он бежит по лужайке, в руке у него рация, ковбойская шляпа низко надвинута на лицо. Я слежу за его шагами, пока он направляется к конюшне.

Мисс Руби?

Я содрогаюсь от воспоминаний. Его теплое дыхание у моего уха, пока я медленно теряла сознание.

Это был он в ту ночь. Я знаю это.

Теперь я должна это доказать.

Интуиция подсказывает мне, что первая остановка — пряжка ремня.

Ведь я видела ее раньше, а теперь вспомнила где.

Я открываю ноутбук — новый, который Чарли привез мне на следующий день, — и окидываю быстрым взглядом кухню.

Чарли оставил меня одну на пару часов, но уже близится полдень, а значит, у меня есть минут десять, прежде чем он вернется и начнет опекать меня. Мне нравится, когда его задумчивое лицо следит за каждым моим движением, словно он уложит меня обратно в постель, если я попытаюсь поднять что-нибудь тяжелее перышка. Это согревает мое сердце.

Я захожу на страницу ТикТок-аккаунта *Lassomamav76* и открываю видео с ней и Фордом. Я просматриваю его один раз, а при втором просмотре нажимаю на паузу. На ней та же пряжка, что и на аватарке в Инстаграме.

«Будь победителем. Будь отважным. Будь жестоким».

Я достаю свой телефон. Нахожу снимок Колтона и увеличиваю его.

— О Боже, — потрясенно бормочу я, не сводя взгляда с фотографии.

Пряжки ремней совпадают. Слоган, бирюза, скрещенные винтовки. Ошеломленная, я закрываю ноутбук, затем поднимаюсь со своего места, в голове у меня воют сирены.

Глаза наполняются слезами, я подхожу к окну и обхватываю себя руками. Мое сердце учащенно бьется, и я делаю медленные вдохи. Мне нельзя волноваться. Мое сердце нуждается в покое.

Даже если это последнее, что я чувствую.

Это не недовольный гость, затаивший обиду. Это саботаж. Колтон хочет навредить ранчо. Он напал на меня и Уайетта. Но почему? И как он связан с этой женщиной?

У меня внутри все сжимается, когда меня охватывает тоскливое чувство, что из-за меня Чарли и его братьям стало только хуже. Мое присутствие здесь только усугубило ситуацию. Ведь ранчо не разваливается, а процветает, и это моя заслуга.

Что, если опасность не миновала? Что, если все только начинается?

— Руби.

Чарли скользит руками по моим плечам, и я так пугаюсь, что аж подпрыгиваю. Я так погрузилась в свои мысли, что не услышала, как он подошел.

Я улыбаюсь, пытаюсь унять сердцебиение. Подняв голову, я встречаю его губы, которые уже тянутся к моим. Он прижимает меня к своему огромному телу.

— Что случилось? — Его красивое лицо хмурится, он моментально улавливает мои эмоции. Черт возьми. У него это получается слишком хорошо. — Подсолнух, ты в порядке?

Я открываю рот, чтобы рассказать ему о Колтоне, но что-то в выражении его лица останавливает меня. Наш разговор в ночь нападения звучит в моей голове.

Никто больше не поднимет на тебя руку, Руби. Ты меня слышишь? Никто не тронет мою девочку.

Его признание в том, что он чуть не убил человека, не пугает меня. На самом деле, это заставляет меня любить его еще больше. Я понимаю, почему Чарли такой, какой он есть. Напряженный. Защищающий. Преданный и свирепый. Человек, который готов убить за тех, кого любит.

Именно поэтому я не могу ему рассказать.

Сначала мне нужно получить ответы.

Потому что как только он узнает, что Колтон был тем, кто напал на меня, он умчится из этого дома так быстро, что я не смогу его остановить. Колтон будет мертв, а мы останемся без ответов.

— Я в порядке, — говорю я, прижимаясь к нему и глядя его колючую челюсть. — Просто устала.

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Вот почему ты не должна работать.

Мои пальцы впиваются в его футболку, и я притягиваю его ближе, чтобы вдохнуть его запах. Сено. Лошади. Я зарываюсь лицом в его грудь.

— Ковбой, ты слишком опекаешь меня. Что подумают на ранчо?

— Плевать, что подумают. — Он отстраняется, обнимает мое лицо своими большими ладонями, чтобы встретиться со мной взглядом. — Главное — это ты, Руби. Ты.

— Чарли, — шепчу я, когда мое сердце трепещет от желания. От серьезности его слов.

— Послушай, малышка, — бормочет он, проводя рукой по моим волосам. — Мне нужно отлучиться на несколько часов.

Я киваю.

— Я хочу, чтобы ты осталась в доме, Руби. — Он произносит это с нажимом, его брови нахмурены, когда он смотрит на меня.

Я глубоко вздыхаю. Мне не нравится его взгляд.

— Куда ты?

Словно в ответ на мои слова, входная дверь распахивается.

Мгновение спустя Форд, Дэвис и Уайетт уже на кухне.

Форд направляет бейсбольную биту, которую держит в руках, на Чарли.

— Готов поохотиться на волков?

Я смотрю на биту и хмрюсь так сильно, как только могу, глядя на Чарли.

— Зачем она тебе?

Форд делает вид, что отбивает мяч.

— Для тренировки.

Дэвис качает головой, закатывая глаза на своего близнеца.

— Оставь биту, Форд.

Форд преувеличенно вздыхает и прислоняет биту к стене.

— Всегда портит мне все веселье.

— Это моя работа, брат, — ворчит Дэвис.

— Не волнуйся, Руби, — говорит мне Уайетт, облачаясь своим атлетическим телом на кухонный остров. Его фингал под глазом выцвел до тускло-желтого цвета. Он двигает бровями. — Это допускается в маленьком городке.

Стиснув зубы, Чарли поворачивается к братьям.

— Давайте покончим с этим.

От угрожающего тона его голоса у меня по спине пробегает холодок, и я обхватываю его за бицепс.

— Чарли.

Его лицо смягчается, когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

Я прикусываю губу, глядя на стаю разъяренных ковбоев, готовых вырывать хребты и ломать кости.

— Не убивай никого из-за меня.

На его губах появляется слабая улыбка. Затем он целует меня, раз, два.

— Оставайся в доме, малышка. И запри дверь.

— Так и сделаю, — лгу я. Адреналин заставляет мое сердце бешено колотиться.

Он смотрит на меня, и я стараюсь сохранить нейтральное выражение лица, чтобы он не смог понять, что я собираюсь сделать.

Я жду, пока они уедут, и когда слышу гул пикапа, эхом разносящийся по ранчо...

Я беру биту Форда.

В этот солнечный день на ранчо «Беглец» царит оживление. Гости довольны. Дует прохладный ветерок. Сэм с угрюмой улыбкой на обветренном лице приветствует людей в лодже.

С бейсбольной битой в руках я смахиваю волосы с глаз, направляясь через пастбище к конюшне.

Может, Чарли и едет сегодня в город, чтобы набить кому-то морду, но я собираюсь закатать кое-кого в асфальт.

Любопытство и решимость берут верх над здравым смыслом. Что подумал бы мой отец? Что сказал бы мой брат? Потом я понимаю, что это не имеет значения.

Дело больше не в них. Дело во мне и в том выборе, который я делаю.

Я должна разобраться с этим.

Я хочу знать, почему Колтон и эта женщина вредят ранчо Чарли. У меня есть личная заинтересованность в этом.

Потому что, находясь здесь, я чувствую, что усугубила ситуацию.

Колтон в конюшне, добавляет новую подстилку в стойла. Лошадей нет, они ушли на прогулку или их чистит кто-то из работников ранчо.

Я проскальзываю внутрь, оставляя дверь открытой. На всякий случай.

Сердце колотится, я крепко сжимаю битую, пока не успела струсить, говорю:

— Колтон, привет.

Колтон поднимает голову. Мимолетно, но я вижу, как на его мальчишеском лице проскакивает шок и страх.

— Мисс Руби, привет. Как дела?

У меня перехватывает дыхание.

Что я делаю?

Колтон, возможно, хотел убить меня той ночью, и вот я здесь, рядом с ним. Но теперь уже слишком поздно отступать. Собравшись, я делаю шаг к нему и заставляю себя широко улыбнуться.

— Как думаешь, я могу сделать еще одну фотографию для Инстаграма? — шепечу я. — Мне нужно фото ковбоя для поста.

Выпрямившись, он возится с вилами, как будто они весят больше него. Он надвинул шляпу так, что левая сторона его лица оказалась в тени.

— Я не знаю. — Из него вырывается нервный смешок. — Уверен, ты сможешь найти кого-нибудь получше. Как насчет Сэма? Подожди, я позову его.

Он направляется к двери, но я выставляю битую, перекрывая ему путь к выходу.

— Колтон, подожди.

Он замирает, и я замечаю, как сжимаются его кулаки. У меня внутри все переворачивается, но я заставляю себя преодолеть страх. Я подхожу ближе, но не свожу глаз с открытой двери, на случай, если мне понадобится бежать. Я делаю неглубокие вдохи, надеясь унять учащенное сердцебиение.

— Сними шляпу, — тихо говорю я ему.

Ему удается сухо рассмеяться.

— Что?

Я толкаю его в грудь битой, стараясь, чтобы мои руки не дрожали.

— Сделай это.

К его чести, он не убегает. Его руки шевелятся, и он стаскивает «Стетсон» с головы. Я вижу его фингал.

— Ты это сделал, — вздыхаю я, скорее удивляясь, чем обвиняя. Мой взгляд падает на пряжку его ремня. — Ты напал на меня.

Воздух покидает его легкие.

— Черт. Блядь. Черт. — Он роняет шляпу, его лицо превращается в гротескную маску сожаления. — Я не хотел причинить тебе боль. Я просто хотел напугать тебя. Но потом ты потеряла сознание и не приходила в себя. — Его тело сотрясают рыдания. — Я думал, что убил тебя.

Несмотря на то, что он сделал, во мне просыпается сочувствие.

— Почему? — спрашиваю я, во рту пересыхает. — Зачем ты это сделал?

— Потому что. — Он сглатывает, как будто объяснение застряло в его горле. Его глаза дикие, мысли витают где-то далеко. Запустив руки в свои светлые волосы, он опускается на корточки. — Я мертв. Я чертовски мертв. — Его голос дрожит от отчаяния. — Этого не должно было случиться.

Я приседаю рядом с ним и встречаюсь с его испуганным взглядом. Мой пульс оглушительно стучит в ушах, но я заставляю себя глубоко вздохнуть.

— Что должно было произойти?

Колтон опускает голову и закрывает лицо руками.

— Пожалуйста, не спрашивай меня об этом, — умоляет он.

— Эта женщина, — размышляю я, вспоминая одинаковые пряжки на ремнях и складывая два и два. — Женщина с видео, из-за которой Форд попал в беду. Она ведь твоя мать, не так ли?

Из него вырывается придушенный стон.

— Черт, он убьет меня.

— Я не позволю Чарли причинить тебе вред, — искренне говорю я. — Он может нанести пару ударов, но не убьет тебя.

Я надеюсь.

Чарли.

Он будет очень, очень зол на меня.

— Я не боюсь Чарли, — хрипит Колтон, зажмуривая глаза и делая глубокий вдох. — Я заслужил это. Я заслуживаю всего, что он сделает. Если он убьет меня, будет даже лучше.

Я хмурюсь.

— Тогда кого ты боишься?

Он вздрагивает.

— Моего отца.

Чарли

Мы врываемся в трейлер Вулфингтонов с такой силой, что дверь повисает на одной петле. Я на взводе и готов уничтожить любого, кто оказался настолько глуп, что поднял руку на Руби. Я не спал с тех пор, как она пострадала.

Нападение на нее отправило меня в темное, глубокое падение, я задавался вопросом, почему не смог защитить ее. Мой вечный ночной кошмар воплотился в жизнь. Я с трудом избегал мыслей о том, что могло произойти той ночью.

Что, если бы она погибла? Что, если бы ее отняли у меня?

Никогда. Я никогда не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Лайонел Вулфингтон в гостиной, сидит в кресле, на нем только нижнее белье. Сигарета выпадает у него изо рта, когда мы врываемся внутрь.

Клайд бежит на кухню.

— О, чувак, не торопись. — Уайетт, готовый немедленно обрушиться на этих придурков, быстро хватая Клайда за шею и прижимает его к обшитой деревянными панелями стене. — Куда же ты собрался, когда мы только что приехали.

Я обвожу глазами трейлер, где они выращивают свою дермовую травку. Здесь воняет мочой и сигаретным дымом. На полу валяются банки из-под пива. В гостиной стоит холодильник.

Адреналин бурлит в моих венах, и я встаю перед Лайонелом. Дэвис — рядом со мной. Форд держится позади, скрестив руки на груди. Наш типичный образ действий с тех пор, как мы в детстве дрались на кукурузных полях.

— Какого хрена, Чарли? — рычит Лайонел, поднимая упавшую сигарету. — Разве у тебя мало проблем на ранчо?

Клайд смеется и смотрит на Форда.

— Я говорю о тебе, мужик.

Форд показывает ему средний палец.

Я бью ногой по подножке кресла Лайонела, заставляя его сесть. Адреналин и ярость бурлят в моих венах. Дэвис бросает на меня взгляд, призывающий остыть, но я его игнорирую. Речь о Руби, парни. К черту все.

— Сначала проблемы у меня, следом — у тебя, — мрачно заверяю я Лайонела. Я наклоняюсь, упираясь руками в подлокотники, пытаюсь сдержать свой гнев. — Не хочешь рассказать мне, где ты был три ночи назад, когда из моего брата выбили все дермо, а на мою девушку напали?

Лайонел ухмыляется.

— Кто-то надрал Уайетту задницу? — Он откидывается в кресле, на его лице появляется довольное выражение. — Круто.

Уайетт, все еще прижимающий Клайда к стене, свирепо смотрит на него.

— Мужик, пошел ты. Ты не будешь смеяться, когда Чарли выкинет твою задницу в окно. — Затем он переводит взгляд на Дэвиса. — Я же говорил. Они слишком тупые, чтобы сделать это.

— Мужик, это допрос или что? — Клайд стонет, его голос звучит приглушенно из-за того, что Уайетт прижимает его лицом к стене. — Я уже побывал в тюрьме в этом году. Не могу допустить, чтобы в моем послужном списке появилось еще одно правонарушение.

— Говори, — требую я от Лайонела. — Потому что ты так близок к тому, чтобы получить по морде. Где ты был?

К моему удивлению, лицо Лайонела краснеет, и он отводит взгляд.

— Выкладывай, — приказывает Дэвис. — Чарли сейчас не в духе. Его девушка пострадала, и я склонен позволить ему выбить из тебя все дермо ради ответов.

Долгое молчание, затем...

— Мы были в Биллингсе. На выставке ремесел.

Губы Уайетта подергиваются. Мы все смотрим на Лайонела так, словно он только что признался в убийстве первой степени.

Форд издает звук отвращения.

— Мы ему поверим?

— С чего бы ему в этом признаваться? — возражает Уайетт.

Лайонел двигается в своем кресле.

— Зачем нам нападать на Уайетта? У нас была стычка в баре, больше ничего.

— Даже если Шина несет всякую чушь про Уайетта? — спрашивает Форд.

Лайонел разражается смехом.

— Мужик, это уже в прошлом. Мы на следующий день знали, что Уайетт не трогал нашу сумасшедшую кузину.

Смущенные глаза Уайетта встречаются с моими.

— Тогда кто, блядь, подстриг ее? — нетерпеливо спрашивает Дэвис.

— Она сама это сделала.

— Господи, — говорит Форд.

Лайонел стряхивает сигарету на пол и поворачивается в кресле, чтобы посмотреть на Уайетта.

— Ты бы не стал ее трахать, верно? Это Шина. Когда она не получает то, что хочет, она разрушает. — Его лицо омрачается. — В детстве она спустила в канализацию наших морских рыбок, потому что ее умерли, а наши нет. — Он пожимает плечами. — Она думала, что поймет тебя. Доставит тебе неприятности.

— Откуда ты это знаешь? — огрызаюсь я.

— Она призналась.

Форд делает шаг вперед и смотрит на Лайонела.

— Почему?

— Фэллон, — говорит Клайд, и Уайетт выглядит таким удивленным, каким я его никогда не видел. — Она загнала Шину в угол в «Доме волос». Размахивала ножницами, искромсала в клочья все кресла в ее салоне, разбила все зеркала и потребовала правду. Решила навести порядок в Воскрешении или что-то в этом духе.

Лайонел смеется.

— Я думал, у Шины есть клыки, но, Фэллон, эта женщина опасная, как змея.

Уайетт, втянув воздух, напрягается.

— Следи за своим поганистым ртом, — рычит он, впечатывая Клайда в стену, словно он замазка для щелей.

— Так что не, чувак, — говорит Лайонел с ухмылкой. — Мы, может, и хотим придушить Уайетта, но твою девочку мы бы не тронули.

— Лучше бы ты говорил мне правду. — Мои руки сжимаются в кулаки. — Если я узнаю, что ты врешь, я уложу тебя в чертову могилу. Ты меня понял?

На этот раз в его глазах мелькает настоящий страх. Хорошо. Этому ублюдку лучше вбить себе в голову, что я его убью без каких-либо сомнений.

Лайонел, внезапно принявший усталый вид, проводит рукой по голове.

— Слушай, у нас на ранчо тоже творится черт знает что. Кто-то вломился в наш сарай и выпустил весь наш скот. Нам понадобилось три дня, чтобы собрать коров. Я слышал, что на южной стороне орудуют бандиты DVL. Приезжают в город поздно ночью. Устраивают беспорядки. — Лайонел сухо смеется. Тонкие усики на его верхней губе подергиваются. — Так что лучше закройте то, что хотите сохранить, потому что эти ковбои из пригорода трясут всех, кого могут.

— Эти гребанные ублюдки пытаются вытеснить нас с нашей собственной земли, — говорит Форд, в его глазах сверкает гнев.

— Будет еще хуже, — говорит Клайд, внезапно почувствовав себя самым умным парнем в городе.

В моей голове всплывает образ Руби, распростертой на полу в своем коттедже, и меня пробивает озноб.

— Они правы, — говорит Дэвис. — Я разговаривал с шерифом Рихтером и другими владельцами ранчо в этом районе. Билли Мейсон нашел гремучих змей в своем сарае. Поставщики требуют оплату раньше времени, потому что DVL давят на них.

— Тогда перемирие, — говорю я, скрещая руки на груди. Мой взгляд мечется между Уайеттом и Лайонелом. — Пока мы не разберемся с DVL, больше никаких розыгрышей.

— Вы — последние сукины дети, с которыми я хотел бы сотрудничать, но... — Лайонел стряхивает дым в пепельницу и кивает мне. — Перемирие.

— У нас общая цель, — говорю я. — Защитить наши ранчо, наших животных, наших людей.

— И скажи, где моя чертова лошадь...

— Господи, Уайетт, — в один голос кричат Дэвис и Форд.

Я поворачиваюсь к братьям.

— Ладно. Давайте убираться отсюда. — Я хочу вернуться к Руби, а не торчать здесь и болтать с этими идиотами.

Взмахнув средним пальцем, Уайетт берет пиво из холодильника у двери.

— Увидимся, придурки.

Голос Лайонела останавливает нас у двери. — Хочешь знать, где лошадь? Отлично, я скажу тебе, чтобы не надирать тебе задницу каждые выходные в «Пустом месте». — Уайетт фыркает. Лайонел продолжает. — Мы забрали ее. Это была шутка. Мы хотели ее вернуть, но... — В глазах Лайонела мелькает что-то мрачное, и он опускает взгляд на свои колени. — Наша мама продала ее, ясно? В тот месяц нам нужны были продукты, и... ну, мы не знали, что еще сделать.

В трейлере воцаряется ошеломленная тишина.

Уайетт прочищает горло.

— Вот черт.

Я смотрю на Лайонела, который сидит в своем кресле и выглядит чертовски смущенным. И я понимаю его. Мне не нравится этот парень, но я его понимаю. Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки, потому что, когда я смотрю на Руби, я чувствую то же самое.

— А теперь убирайтесь к черту отсюда, — огрызается Лайонел, внезапно снова став похожим на того засранца, которого мы всегда знали.

Мы забираемся обратно в грузовик, Дэвис за рулем, Форд и Уайетт на заднем сиденье.

— Это был провал, — весело говорит Форд.

— Расскажи мне об этом. — Уайетт опускает окно и высовывает руку с банкой пива. — По крайней мере, я получил компенсацию.

Дэвис качает головой.

— Если это не Вулфингтоны, то это DVL.

У меня сжимается челюсть, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь сдержать гнев. Мы должны были понять это с самого начала. Кости, найденные на ранчо, требования досрочных оплат, нападение на Руби и Уайетта. Это все DVL. Они хотят напугать нас, заставить продать ранчо. Завладеть Воскрешением навсегда.

Через мой труп.

Пока мои братья обсуждают произошедшее, у меня звонит телефон. Я хватаю его, когда вижу на экране имя Руби.

— Чарли? — Дрожь в ее голосе заставляет меня вцепиться в трубку.

— Руби, ты в порядке?

— Я в порядке. Я просто... — Она прерывисто вздыхает. — Послушай. Ты не должен никого убивать.

Я рычу, мне не нравится, к чему все идет.

— Выкладывай, подсолнух.

— Это Колтон. Это он напал на меня.

Ее слова — как удар холодного воздуха в мои легкие. Затем, осознав сказанное, я хмурюсь.

— И откуда ты это знаешь? — Мой правый глаз начинает подергиваться.

Она колеблется.

— Я спросила его.

Я делаю глубокий вдох, чтобы удержать нарастающую панику.

— Малышка, скажи мне, что ты не находишься в одной комнате с этим парнем.

— Хорошо, — говорит она тихим голосом. — Не буду.

— Руби, беги от него, — рычу я. — Мы уже едем.

— Чарли...

— Малышка. Уходи. Сейчас же.

Дэвис сворачивает с гравийной дороги.

— Мы в конюшне, — щебечет она как ни в чем ни бывало, как будто мое сердце не бьется на пределе возможностей, а потом заканчивает разговор.

— *Черт.* — Я провожу рукой по волосам и смотрю на Дэвиса. — У нас проблема.

Руби

Тишину летнего воздуха пререзает визг шин.

Колтон издает что-то вроде писка, когда видит их приближение. Четверо разъяренных ковбоев несутся по гравийной дорожке к конюшне, словно группа спецназа Дикого Запада, прибывшая навести порядок. Кулаки сжаты, лица напряжены.

Колтон переводит взгляд на меня, бледнея.

— Он собирается избить меня, да?

Я прикусываю губу и ничего не отвечаю. Выражение лица Чарли — как у человека, охваченного яростью.

Это самое меньшее, что он собирается сделать.

Колтон делает глубокий вдох, расправляя плечи.

— Ладно. Блядь. Черт. — На его юношеском лице отражается страх.

Мне становится жаль его. Но потом я вспоминаю свой бедный коттедж, уничтоженную ковбойскую шляпу, сломанные цветы, мое охваченное паникой сердце, его попытку навредить ранчо «Беглец» и ковбою, которого я люблю, и жалость отступает.

Я чувствую себя такой же взбешенной, как и Чарли.

— Отойди от нее. Сейчас же. — Мое сердце подпрыгивает от свирепости в голосе Чарли. В два огромных шага его мускулистое тело оказывается передо мной.

— У тебя есть одна минута, — говорит Дэвис.

Остальные его братья держатся позади, скрестив руки в оборонительных позах.

И тут Чарли наносит первый удар.

Я подпрыгиваю и зажимаю рот рукой.

Каменный кулак Чарли врезается в челюсть Колтона, впечатывая парня в дверь кладовой. Колтон даже не пытается сопротивляться. Он стоит, ошеломленный, прижавшись к стене. Из его носа течет кровь, глаза стекленеют от боли.

Прежде чем Чарли успевает нанести второй удар, я встаю перед ним.

Его глаза вспыхивают, но он опускает кулак.

— Руби. Не заставляй меня перекидывать тебя через плечо.

Голос Чарли понижается до дикого властного рычания, и у меня сводит живот. Ненавижу, что меня это заводит.

— Нет. — Я скрещиваю руки, выпрямляясь во весь рост. Затем прижимаю руку к его твердой груди, отталкивая его назад, игнорируя насмешливые улыбки, которыми обмениваются Уайетт и Форд. — Ты не услышишь, что хочет сказать Колтон, если разобьешь ему лицо.

Наши взгляды встречаются, воюя друг с другом.

— В ее словах есть смысл, — мягко говорит Форд, заходя внутрь. Заметив бейсбольную биту в углу, он одобряюще кивает мне.

Чарли проводит тыльной стороной ладони по лбу, словно я заставила его вспотеть.

Может, и так.

— Послушайте его, — командую я, оглядывая братьев. — Вы все.

Они должны знать то, что знаю я.

— Давай устраивайся поудобнее, засранец. — Уайетт пинает ведро с кормом.

Форд хватается Колтона за руку и толкает его на импровизированное сиденье. Монтгомери окружают его, похожие на палачей.

Колтон в отчаянии поднимает на меня глаза, словно не зная, с чего начать.

— Не смотри на нее, — рычит Чарли сквозь стиснутые челюсти. Ледяная маска ярости на его лице заставляет меня замереть. — Она тебе не поможет. Посмотри на меня и скажи, что ты сделал.

Внезапно адреналин покидает меня. Дыхание сбивается, и прежде чем мои ноги подкашиваются, Чарли обхватывает меня рукой, прижимая к себе.

— Продолжай, — говорю я Колтону. — Расскажи им то, что рассказал мне.

Колтон вытирает разбитую губу.

— Женщина на видео с Фордом... она — моя мама.

Форд отшатывается с выражением шока на лице.

— А мой отец... — Колтон сглатывает. — Он — Деклан Валиант. — Его слова, произнесенные шепотом, вызывают эффект разорвавшейся гранаты.

— Ни хрена себе, — выдыхает Уайетт.

Братья обмениваются ошеломленными взглядами. Чарли крепко прижимает меня к себе, словно никогда не собирается отпускать, словно это все, что он может сделать, чтобы сдержать свою ярость.

Мне знакомо это чувство. Это был саботаж, причем изнутри. Самый известный застройщик в Монтане, человек, баллотирующийся в губернаторы, послал головорезов — своего собственного сына — саботировать работу ранчо в маленьком городке.

Вздыхнув, Колтон продолжает.

— Мы подумали, что если я найду здесь работу, если моя мама выложит это видео, то мы достаточно навредим ранчо. Если о нем пойдет дурная слава, это заставит вас просрочить платежи. И вы либо объявите дефолт, либо продадите его DVL.

— Примерно на два миллиона баксов дешевле, — заканчивает за него Форд.

— Таков был план. — Колтон сглатывает. — Получить его по дешевке. Всю землю в Воскрешении по дешевке.

Дэвис с отвращением хмыкает.

— И дай угадаю. Лишить нас земли. Называя это прогрессом.

Колтон опускает голову.

— Что-то в этом роде.

Услышав это снова, я сжимаю кулаки, как и Чарли. Мое сердце бьется в знак солидарности с этой семьей.

— В этом не было ничего личного, — шепчет Колтон, вызывая предупреждающий рык Дэвиса. — Я хотел уехать из этого города. Если бы я сделал то, что хотел мой отец, провел здесь одно лето, он бы оплатил мой колледж. Я мог бы уехать куда угодно. Я мог бы выбраться отсюда. — На его лице появляется беспомощное выражение, когда он умоляюще смотрит на Чарли. — Я должен был это сделать, чувак. Я должен был.

— Ты напал на Руби. На моего брата. Как ты можешь оправдать это? — Чарли сплевывает.

— Я не нападал на Уайетта. Это были люди, которых нанял мой отец. А что касается Руби... она все изменила. У вас больше нет проблем с ранчо. — Взгляд Колтона опускается на усталый сеном пол. — Мой отец хотел, чтобы я напугал ее. Я не хотел ее ранить.

После этого заявления Чарли хватается за футболку Колтона и стаскивает его с ведра.

— Ты причинил ей боль, — рычит он, в его голосе звучит сталь.

— Я знаю. — Колтон повисает в крепкой хватке Чарли. — Мне жаль.

— Черт. — Уайетт ругается, выглядя как более худая, мальчишеская версия Чарли.

— Ты мне нравился, парень.

Форд качает головой.

— Мы доверяли тебе, маленький кусок дерьма.

По щеке Колтона скатывается слеза.

— Я знаю.

Дэвис, сжав кулаки, говорит:

— Думаю, ты знаешь, что это значит.

— Я уволен. — Колтон выглядит несчастным.

Все еще сжимая в кулаке футболку Колтона, Чарли наклоняется к нему, его голубые глаза пылают жадной убийства.

— Ты должен быть мертв прямо сейчас, но я не сделаю этого только из-за нее. Так что забирай свое барахло и убирайся с моего ранчо. Если я увижу тебя снова — если ты хоть раз подышишь в сторону Руби, — я повешу тебя на городской площади. — Чарли отпускает его и пихает в сторону двери.

Колтон поворачивается ко мне, и Форд кладет руку ему на грудь.

— Даже не думай об этом.

Чарли тычет в Колтона указательным пальцем.

— Скажи своему отцу, что, если у него возникнут проблемы, он может вернуться и поговорить со мной.

Мы смотрим, как Колтон уходит, а затем четыре пары глаз устремляются ко мне.

— Руби, как, черт возьми, ты догадалась? — Дэвис кажется впечатленным.

— Одинаковые пряжки на ремнях, — говорю я им, краснея. — У Колтона и женщины на аватарке в Инстаграме.

Форд вскидывает брови.

— Что за аватарка, черт возьми?

Я подавляю улыбку.

— Фотография ее профиля, — объясняю я. — У них был один и тот же девиз на пряжке ремня. Слово какой-то странный семейный герб.

Уайетт хихикает.

— Зацените. Сказочная принцесса охотится на плохих парней.

Я краснею и бросаю взгляд на Чарли.

Он не выглядит таким веселым, как его братья. Челюсть сжата, лицо суровое. Он выглядит прямо-таки устрашающе.

— Что нам делать с застройщиками? — спрашивает Уайетт.

— Я поговорю с шерифом Рихтером и владельцами окрестных ранчо, — говорит Дэвис. — Пусть все будут в курсе происходящего. — Вокруг его рта образуются глубокие складки. — Я помогу с охраной всем, кто в этом нуждается. Если мы сможем получить доказательства того, что они проникли на чужую территорию, то сможем обратиться за помощью.

Чарли кивает, выражение его лица становится жестким.

— Хорошая идея.

Форд вздыхает, глядя на двери конюшни.

— Стоит убедиться, что парень уйдет без проблем. Не хочу, чтобы он торчал здесь дольше, чем необходимо.

— Вы все идите в дом, — выдавливают Чарли. — Я хочу поговорить с Руби. Наедине.

Как только его братья исчезают, Чарли обращает свой полный ярости взгляд на меня.

У меня мурашки бегут по коже.

Этот взгляд. Взгляд, который я люблю. Взгляд, который я уже видела раньше. Дрожь предвкушения пробегает по моей спине.

У меня проблемы.

Чарли

— Я буду на тебя кричать, — предупреждаю я Руби, когда мои братья выходят из конюшни.

Она игриво вздыхает и отступает назад.

— Ты давал мне обещание. — Ее глаза блестят, как будто она знает, что будет дальше. Она очаровательна, но это не действует.

Мой взгляд темнеет.

— Это напоминание тебе не поможет, дорогая.

— Я не буду извиняться за то, что помогаю тебе, — говорит она, упрямо вздернув подбородок.

Я приближаюсь к ней и подталкиваю в одно из стойл.

— Тебе не следовало пытаться поговорить с ним в одиночку. Ты должна была, черт возьми, дожидаться меня. — Я прижимаю ее к стене, хотя все, чего я хочу, — это заключить ее в свои объятия и защитить.

Уберечь ее от всего мира.

Она тычет меня в грудь.

— Ты не сможешь напугать меня, ковбой.

— А ты меня — да. — Я беру ее руку и целую пульс на ее запястье. Его учащенное биение покоряет меня. — Ты напугала меня, Руби. Что, если бы он причинил тебе боль? Что, если...

Я даже не могу закончить эту фразу.

Черт бы побрал эту женщину.

Прекрасный, крошечный хаос. Такой она была с тех пор, как появилась на ранчо. Я имел дело с быками, ломал кости, укрощал диких лошадей, и единственное, что пугает меня до смерти, — эта сказочная девушка ростом пять футов три дюйма.

Я обхватываю ее за талию.

— Больше никаких расследований, Руби.

— Я просто хотела помочь.

— Помочь? Ты чуть не довела меня до чертова сердечного приступа.

Она бледнеет.

— Ты меня доконаешь, ты знаешь это? — шепчу я, мои руки скользят вверх, чтобы обнять ее лицо.

Ее потрясающие голубые глаза закрываются.

— Прости меня, ковбой.

— Малышка, ты можешь быть серийным убийцей, и я тебя прощу. — Я отстраняюсь и бросаю на нее самый свирепый взгляд, на который только способен. — Никогда больше так не делай.

— Прости меня, Чарли. Мне жаль. — Приподнявшись на цыпочки, она целует меня в уголок губ. Нежные, мягкие, теплые поцелуи, от которых мой член молит о том, чтобы оказаться внутри нее. — Мне так жаль.

Она совершенно бесстрашная.

Из моей груди вырывается неровный вздох. Подойдя ближе, я прижимаю ее к стене. В воздухе между нами потрескивает электричество.

— Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь.

Ее лицо темнеет от желания.

— Покажи мне, Чарли.

Ее слова, как резкий удар хлыста, заставляют меня двигаться. Я притягиваю ее к своей груди и целую до тех пор, пока мы оба не задыхаемся. Руби стонет и запускает руки в мои волосы. От ее нежного стоны мой член становится стальным. Жажда большего, я целую пульс на ее шее и спускаюсь языком ниже.

Весь контроль покидает меня. Я одержим этой женщиной. Она чуть не свела меня с ума сегодня. Отняла годы моей жизни.

Адреналин, беспокойство, страх заставляют меня рвать на ней юбку. Она задыхается, когда я грубо поднимаю ее выше уровня бедер. Я разворачиваю ее и задираю подол ее сарафана до талии, обнажая попку. Спелейший персик, в который я хочу вонзить свои зубы.

Я опускаюсь на колени и нежно покусываю гладкую плоть, помечая ее.

Моя.

Она вскрикивает, а потом задыхается:

— О, мне это нравится. Мне это нравится, Чарли. — Руби смотрит на меня через плечо, ее глаза полуприкрыты.

— Я на коленях перед тобой, малышка, — говорю я. — Тебе *это* нравится? Потому что именно так всегда и будет.

Она кивает, ее лицо сияет.

Я шлепаю ее по заднице, не настолько сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы заставить этот великолепный ротик простонать мое имя. А потом я поднимаюсь на ноги и прижимаю ее к своей груди.

Я прикусываю ее лопатку и тянусь рукой вниз, застонав, когда нахожу ее набухшей и влажной. Мои пальцы скользят внутрь нее. Она вздрагивает. Усиливая хватку, я притягиваю ее к себе, продолжая ласкать.

— Ты такая красивая, — говорю я с благоговением, наблюдая за ее лицом, пока глажу пальцами ее клитор. — Такая чертовски совершенная.

Она всхлипывает и прижимается щекой к стене. Ее красные губки мило поджимаются, а глаза закатываются, когда ядвигаю большим пальцем по ее клитору.

— Держи эту сладкую киску на замке, слышишь меня? — рычу я ей на ухо. — Я, и только я, малышка. Я единственный, кто наслаждается ей. Ест ее. Трахает ее.

— Да, Чарли, — говорит она с прерывистым всхлипом. Она выгибается, когда кончает, прижимаясь к моим обтянутым джинсами бедрам. — Да. Да.

Я хочу ее всю. Я не могу насытиться ею. Я должен быть внутри нее.

Жестоко отрывать руку от всей этой сладости, но я делаю это. Я уже расстегиваю джинсы.

Ткань падает, сбиваясь в кучу вокруг моих бедер, и мой стальной член прижимается к теплой плоти, а пот стекает по моей груди. Мои руки поднимаются по ее бедрам, оставляя влажные следы. Я впитываю каждый сантиметр ее бархатной кожи. Я провожу ладонью по ее позвоночнику, и она выгибается навстречу моим прикосновениям. С рычанием я притягиваю ее спиной к себе. А потом Руби раздвигает для меня свои влажные бедра, и я погружаю в нее свой пульсирующий член. Мы двигаемся синхронно, когда ее тугие стенки сжимаются вокруг меня, и я делаю жесткий толчок.

С ее губ срывается тихий стон.

Ее спина выгибается — медленное, нежное движение, от которого я стону, глядя в потолок. Голова Руби откидывается назад на мою грудь, открывая мне вид на ее великолепную грудь. Глаза закрыты, ее стройные руки тянутся ко мне, обвиваясь вокруг моей шеи.

— Медленнее, малышка, — шепчу я ей на ухо. У меня такое чувство, что мое сердце вот-вот разорвется на части. — Медленно и спокойно, как ты любишь.

Ее грудь поднимается и опускается. Вырез ее платья сполз вниз, и два розовых соска выглядывают наружу, сводя меня с ума.

— Чарли, — умоляет она нежным, дрожащим голосом. — *A-a-a, Чарли!*

— Тише, малышка, — говорю я, вспомнив, что мы в конюшне, где любой может нас застукать. Я оглядываюсь по сторонам, мне ненавистна мысль о том, что кто-то войдет и увидит Руби обнаженной. Нежно обхватываю ее шею и провожу рукой по горлу. Ее пульс стучит на кончиках моих пальцев. — Тише, подсолнух.

Она тяжело дышит. Ее дыхание согревает мою ладонь, ее тело движется вместе с моим, ее идеальная попка совершает ритмичные движения навстречу моему паху, пока я вхожу в нее снова и снова.

Медленно. Спокойно.

Она такая мокрая. Такая тугая.

Я просовываю большой палец ей в рот и почти кончаю, когда она резко и сильно прикусывает его зубами. Она улыбается, наслаждаясь контактом.

Блядь.

Сердце бешено колотится, я притягиваю ее к себе, сжимаю в объятиях и толкаюсь.

— Смотри мне в глаза, когда кончишь, малышка. Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты смотрела на меня. Я хочу, чтобы ты видела, что я принадлежу тебе.

— Да, — выдыхает она, ее стройное тело выгибается навстречу мне, в ложбинке между грудями выступают капельки пота. Ее глаза прикованы к моим, а вокруг нас колышется занавес ее волос. — Да, ковбой.

Это не секс. Больше нет.

Теперь Руби — весь мой мир.

Ее солнечная улыбка, сладкое тепло, исходящее от ее естества, ее великолепное лицо.

С хриплым рычанием я сжимаю ее бедра и толкаюсь в нее.

Сильно.

Глубоко.

Так глубоко, как никогда раньше.

На этот раз я не могу остановить крик Руби. Ее пронзительный стон эхом разносится по конюшне, и я теряю контроль. Дрожь проносится по моей спине, в то же время с моих губ срывается рычание, я кончаю. Ее оргазм следует за моим, ее киска сжимается вокруг меня, а я все еще продолжаю изливаться в нее. Неистовое желание никогда не расставаться с этой женщиной, никогда не отпускать ее становится всепоглощающим.

— Ты будешь слушаться меня, понятно? Веди себя хорошо, мать твою. Я не могу допустить, чтобы ты пострадала. Ты нужна мне здесь. — Я выдавливаю слова прямо в изгиб ее влажной шеи, целую ее и умоляя одновременно.

Руби вздрагивает рядом со мной, все еще приходя в себя от силы оргазма. Я прижимаю ее тело к своему, удерживая нас вместе. Ее руки скользят вниз, ее ладони касаются моей челюсти, после чего она обмякает на мне, и я подхватываю ее на руки.

Это небеса, рай.

Если я никогда не вернусь на землю, я буду счастливым человеком.

Конец гребаной истории.

Руби вздыхает, когда я прижимаю ее к своей груди. Мы лежим на свежем сене, расстелив одеяло, чтобы она не поцарапалась. Я окидываю взглядом ее тело. Великолепное. Сияющее. Облако ее золотисто-розовых волос окутало нас. Внутренняя поверхность ее бедер влажная и липкая. На внешней стороне ее бедра отпечатались пряжка моего ремня.

Она помечена.

Гордое рычание раздается в моей груди и вырывается наружу. Моя.

Она моя.

— Итак, сколько девушек ты поимел в конюшне? — спрашивает она с мелодичными, дразнящими нотками в голосе.

— Ни одной, — резко отвечаю я.

Когда-то это было влажной мечтой подростка Чарли, но единственная женщина, с которой я был в конюшне, — это Руби.

И я не хочу никого другого.

Она улыбается и еще крепче прижимается к моей груди, словно не может вынести, что между нами есть хоть какое-то пространство. Черт, это чувство взаимно. Когда я смотрю на ее милый профиль, беспокойство сжимает мое горло, как удавка.

Я чертовски хорошо понимаю, что эта упрямая девчонка в моих объятиях сегодня подвергла себя опасности. И все ради того, чтобы помочь нам. Чтобы защитить ранчо. Черт, да Черт, да половина Воскрешения теперь будет знать, кого остерегаться, благодаря ей.

Я все еще злюсь из-за этого. Этот парень все это время был прямо у меня под носом. Мне и в голову не пришло изучить женщину, которая выложила видео, я просто решил, что она злая, мстительная Карен. Но Руби, моя девчонка, догадалась, что это не так.

Теперь фитиль подожжен. Это уже не война, а Армагеддон. Происходящее на ранчо становится все опаснее, и Руби оказывается в самом центре событий. Это наполняет меня такой беспомощностью, что я чувствую, будто тоню.

С ней ничего не случится. Я скорее пройду через адское пламя, чем позволю кому-либо причинить ей боль.

— Чего ты боишься, Чарли? — Мягкий голос Руби отвлекает меня от мрачных мыслей.

Я крепко обнимаю ее.

— Почему ты спрашиваешь?

Она зарывается пальцами в волосы на моей груди, и ясные голубые глаза скользят по мне.

— Из-за того, что ты такой сильный, ворчливый и серьезный, я не могу понять.

Я боюсь каждого дня, когда ты здесь, на ранчо.

— Я боюсь потерять людей, которых люблю. — Я провожу рукой по ее шелковистым золотисто-розовым локонам. — А ты?

— Не жить по-настоящему. — Она зевает, ее голос сонный. — Но мне кажется, что на ранчо я прожила тысячу жизней. — Приподнявшись на локте, она смотрит на меня затуманенными глазами. — Вот почему я пошла к Колтону. Ради тебя. Я обещала тебе помочь.

— Это было слишком рискованно, — ворчу я.

Если бы Колтон причинил ей вред, в мире не нашлось бы столько денег на залог, чтобы вытащить меня из тюрьмы.

— Я не против рискнуть. — Она лучезарно улыбается, и еще один зазубренный осколок моего сердца возвращается на место. — Самый большой риск, на который я когда-либо шла, — это провести лето здесь, с тобой.

Ее искренность поражает меня. Я сажусь рядом с ней и прижимаю руку к груди, чувствуя ее сердцебиение своей ладонью.

— Я никогда не встречал никого, похожего на тебя, — говорю я ей. — Ты так полна жизни и света. В твоей груди стучит настоящее сердце, Руби.

От моих слов ее глаза распахиваются.

— Тебе нравится биение моего сердца? — спрашивает она с надеждой в голосе.

Взяв ее руку в свою, я подношу ее запястье к губам и целую то место, где бьется пульс. Он быстрый. Почти трепетный.

— Я люблю этот прекрасный ритм. Это лучшее, что я когда-либо слышал.

Я словно подарил ей луну с неба.

Слезы появляются в ее прекрасных голубых глазах.

— О, Чарли, — говорит она, задышавшись, и ее припухшие красные губы приоткрываются навстречу моим. Я чувствую это. Мою капитуляцию. И мне, блядь, все равно. Я теряюсь в ее сладком солнечном поцелуе. Потом ее руки обвиваются вокруг моей шеи, и я снова притягиваю ее к себе, накрывая одеялом.

Проходят минуты, мы лежим рядом, наши сердцебиения приходят в норму.

— Я могла бы умереть, — яростно шепчет Руби, и в ее голосе звучит странное удовлетворение. — Я могла бы умереть вот так.

— Эй. — Нахмурившись, я наклоняюсь, чтобы посмотреть на нее. — Не смей так говорить.

У меня чувство, будто меня сейчас выпотрошат.

То, как она это говорит...

Я не могу этого вынести.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, она вытягивает руки вверх и в стороны, обнажая грудь. Я бросаю взгляд на дверь, не желая, чтобы мои братья вошли и увидели лучшее зрелище во всем штате Монтана.

— Почему бы и нет? Это правда. — Она прижимается ко мне, целуя мою шею и отвлекая от мрачных мыслей. — Ты замечательный, Чарли.

Ее нежность, ее уязвимость заставляют меня стиснуть зубы. Я крепко обнимаю ее, прижимая ее голову к своему подбородку.

Боль в груди усиливается.

И я сдаюсь. Сдаюсь всему, что отрицал все это лето, и смотрю в лицо гребаным фактам.

Руби моя.

Это неизбежно.

И она значит все для меня.

Чарли

— Это яблоко идеальной формы, — объявляет Руби, когда я, хлопнув входной дверью, вхожу в дом, вытирая пот со лба. Она сидит за кухонной стойкой, босая, в белом сарафане, перед ней открытый ноутбук.

Я сначала целую ее, а потом бросаю на столешницу пачку документов, захваченных из «Дерьмового ящика». Когда она с довольным стоном вгрызается в красное яблоко, я наливаю себе чашку кофе и усмехаюсь.

— Статус подсолнуха? — говорю я, прислонившись спиной к шкафчику и наблюдая за ней. Мне нравится, что ее радуют самые незначительные вещи.

— О, совершенно точно, — отвечает она, слизывая яблочный сок с запястья.

Мой взгляд останавливается на ее пухлых губах, и мой член оживает.

— Ты пытаешься меня завести?

Она смеется, покачивая босыми ногами.

— Я пытаюсь съесть яблоко, ковбой. — Никогда в жизни мне так сильно не хотелось стать яблоком.

— Попробуй, — приказывает она. Она протягивает мне яблоко с кокетливой улыбкой на лице. — Попробуй, какое оно вкусное, Чарли.

Выгнув бровь, я сокращаю расстояние между нами.

— Лучше я попробую тебя, — рычу я, проводя ладонями по ее гладким голым бедрам.

— Попробуй, — снова приказывает она, серьезно глядя на меня.

Усмехнувшись, я подчиняюсь, заставляя свой член утихнуть, пока я откусываю яблоко. Сладкое. Хрустящее. Оно заставляет меня думать о Руби и мой член напрягается еще сильнее.

— Вкусно? — спрашивает она, глядя на меня из-под длинных ресниц.

— Вкусно. — Я наклоняю голову, притягивая ее ближе. — Но так лучше.

И затем мои губы касаются ее губ. Грудь Руби прижимается к моей груди, а ее тонкие руки обвивают мою шею. Я вдыхаю, чувствуя себя ближе к небесам каждый раз, когда чувствую ее запах. В моей крови бурлит потребность, яростная и отчаянная, прокладывающая себе путь в моих венах.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, мы оба задыхаемся.

Лицо у нее ошеломленное, с губ срывается тихий сексуальный стон.

— Лучше, — повторяет она, ее глаза подернуты дымкой желания.

Я прижимаюсь губами к ее лбу.

— Ты сегодня хорошо себя чувствуешь? — спрашиваю я, осматривая ее красивое лицо. Она бледная, под глазами темные круги. Последние несколько ночей я просыпался и находил ее внизу, свернувшуюся калачиком на диване.

— Просто отлично, — говорит она с тихим вздохом, но ее взгляд устремлен в окно. — Как прошел день?

— Боролся с сорняками на северной стороне ранчо. Из-за них наш скот болеет. — Я пододвигаю к себе стопку документов. — Теперь бумажная работа.

— Тебе больше нравится сидеть за столом или работать на ранчо?

У меня вырывается смешок. В последнее время я начинаю к этому привыкать.

— Дорогая, я лучше буду таскать навоз каждый день, чем возиться с бумагами.

Она наклоняется и нюхает мою грудь.

— Ну, для меня ты приятно пахнешь. — Ее пальцы впиваются в мою футболку, и она тянет меня к себе для поцелуя. — Может быть, это мой подсолнух дня. Твоя футболка еще теплая от солнца.

Я заключаю ее в объятия, чтобы напомнить себе, какой я счастливчик.

Есть что-то особенное в долгом, тяжелом дне на ранчо и возвращении домой к Руби. Она целует меня, как только я переступаю порог. После тяжелой работы мы вместе пьем холодное пиво на веранде. Сколько света, тепла и энергии она привнесла в мою жизнь.

Двери и окна дома открыты, и с гор дует легкий ветерок. Ее цветочные горшки занимают все свободное пространство. Три маленьких горшка с фиалками на стойке и два раскидистых папоротника на холодильнике. Подсолнухи, которые я ей подарил, она поставила на кухне, чтобы на них падал солнечный свет из окна. Я никогда не видел свой дом таким жизнерадостным.

За последние две недели у нас появилась собственная рутина.

Мне это чертовски нравится.

У нее нет ни единого шанса вернуться в свой коттедж. Даже если мы знаем, что за нападением стоит DVL и их цели, я не собираюсь рисковать. Мы усилили охрану, предупредили соседей и шерифа. Если они придут снова, мы будем готовы. И со мной Руби в безопасности. Ее присутствие здесь избавляет меня от чувства вины за то, что она пострадала.

Никакие действия не будут избыточными, чтобы защитить ее.

— А как насчет тебя? — Я киваю на ее открытый ноутбук. — Чем ты занималась?

— О, я много чем занималась. — Она спрыгивает с барного стула, прижимаясь ко мне. С гордостью она протягивает мне папку с бумагами. — Вот. Еще бумаги.

Я обхватываю ее за талию.

— Что это?

— Твой календарь социальных сетей до конца года.

Я пролистываю календарь, который она составила. Он впечатляет. Никакого маркетингового бреда. Руби рассказывает нашу историю самым достоверным способом. Наши местные поставщики. Наши сотрудники. Что мы — семья, и это ранчо что-то значит.

Внезапно у меня в горле встает ком, и я не могу с этим справиться.

Эта умная женщина приложила много усилий, чтобы понять ранчо «Беглец», и это видно. Она дала голос нашему ранчо, нашим работникам, нашему городу. Она не какая-то незнакомка из другого города, сидящая за компьютером и создающая иллюзии. Она вместе с нами в этом дерьме. Я никогда не испытывал такой гордости.

— Это распечатка, но я пришлю тебе файл для того, кто будет дальше этим заниматься, — щебечет Руби, вырывая меня из размышлений.

— Дальше заниматься? — Из меня словно вышибли весь воздух.

— Когда я уеду, тебе понадобится кто-то, кто будет выкладывать посты. — Она улыбается. — Не думаю, что это будет Уайетт. — Ее пальцы летают по клавиатуре. — Я знаю, что ты ковбой, не разбирающийся в технике, но я завела аккаунт в Dropbox и загрузила туда кучу фотографий, чтобы ты мог их использовать. Думаю, тебе хватит на ближайшие два года...

Она продолжает щебетать на своем солнечном наречии, но единственная фраза, которую я услышал, — она уедет.

Это словно нож в сердце.

Мне нужно обезболивающее, а лучше анестезия, чтобы унять эту боль.

Лето заканчивается через четыре недели.

Еще один удар ножом. Еще одно осознание.

Как изменится моя жизнь без Руби.

Она идеально подходит этому дому. Ее сливки в моем холодильнике. Ее шампунь с запахом клубники в моей ванной. Ее смех на моей кухне. Ее прекрасное тело в моей постели.

Она — сердцебиение этого ранчо. Мое сердцебиение. Как будто мой пульс начал биться в ту секунду, когда я встретил ее. Я жив благодаря ей.

И тут я осознаю свою ошибку.

Я решил, что она моя, но не сказал ей об этом.

Не так, чтобы это что-то значило.

Она скоро уедет. Она найдет кого-то другого, будет шептать по ночам имя чужого мужчины. Ее голубые глаза загорятся, когда она наконец-то увидит свой калифорнийский

закат, поставив последнюю галочку в своем списке, и меня не будет рядом, чтобы любоваться тем, как она счастлива. У нее будут дети от кого-то другого, семья, вечность.

Ее солнечный свет, ее доброе сердце и ее улыбки достанутся другому мужчине, и, черт возьми, это буду не я.

Эта мысль почти убивает меня.

— Чарли? Ты в порядке? — Мягкий голос Руби отвлекает меня от моих мыслей. Она мило хмурит брови. — Тебе не нравится календарь?

— Календарь замечательный. — Обхватив ее руками за талию, я поднимаю ее на стойку. Перемещаюсь между ее ног, чтобы она не могла вырваться. — Послушай, малышка...

Во рту пересыхает, я не могу вымолвить ни слова.

И именно здесь, на моей залитой солнцем кухне, когда я смотрю в ярко-голубые глаза улыбающейся Руби, меня осеняет — я никогда никого так сильно не любил за всю свою жизнь.

Она хихикает и наклоняет голову, почти удивленно.

— Ковбой, ты, кажется, нервничаешь.

Попроси ее остаться. Скажи, что любишь. И никогда не отпускай.

Если я не скажу ей о своих чувствах, она уедет. Больше никогда не смогу увидеть ее, обнять ночью — это как пуля в сердце. Я ни за что не позволю этому произойти.

Руби — такая же часть меня, как и земля, на которой я живу.

Я опускаю голову, из меня вырывается прерывистый вздох.

— Подсолнух.

Игривая улыбка исчезает с ее лица, и она становится серьезной. Ее маленькие ладошки гладят мою колючую щеку.

— Что? В чем дело?

Скажи это. Скажи ей.

Когда я поднимаю лицо, мы встречаемся взглядами, и она как будто слышит каждое невысказанное слово.

Она задерживает дыхание, и ее глаза становятся огромными, как блюдца. Она протягивает ладонь, как будто хочет остановить меня.

— Чарли.

Мои руки скользят по ее бедрам и обхватывают ее за талию. Сердце бьется о ребра, я прочищаю горло.

— Руби, малышка, я...

Дверь с грохотом распахивается.

Внутри врывается Уайетт, его лицо пылает. Кина несется рядом с ним.

— Чарли, у нас тут коровы летают, чувак!

— Что? — рывкаю я через плечо, прежде чем перевести взгляд обратно на Руби. Она смотрит мне в глаза, ее губы приоткрыты, на красивом лице растерянность.

— Те коровы с луга перебрались через ограждение. Одна упала в овраг.

— Черт. — Это не то, что мне сегодня нужно.

Я провожу рукой по волосам, не желая покидать ее сейчас, но я не могу оставить животное мучаться.

— Мне нужно идти.

Ее пальцы крепче сжимают мои.

— Я знаю.

— Чарли, — взрывается Уайетт, и я рычу на него. — Попрощайся, поцелуй свою девушку и пошли спасать гребаных коров.

Я выбегаю вслед за братом, оставляя Руби смотреть мне вслед, чувствуя, что я упустил свой шанс сказать что-то важное.

Глава 34

Руби

Мой пульс дико и безрассудно бьется в шее, когда я опускаюсь обратно на барный стул.

В голове крутятся слова Чарли, странное выражение его лица...

Чарли хотел мне что-то сказать. Но что? Это не может быть тем, о чем я думаю, ведь так?

Нет. Наши отношения временные, и он это знает.

Не так ли?

Но что, если?

Что, если он любит меня?

О боже.

Я ни за что не должна этого хотеть, но я хочу.

Я хочу быть любимой, даже если это плохая идея.

Нежная улыбка появляется на моих губах, когда я думаю о том, как изменилась моя жизнь с появлением Чарли.

Мне нравится просыпаться в утренних сумерках, когда Чарли крепко прижимает меня к себе. Первая поездка верхом, когда ветер развеивал мои волосы, а Чарли скакал рядом со мной с гордостью в глазах. То, как он наклоняется, чтобы поцеловать меня, когда возвращается домой с ранчо, превращая меня в расплавленную лужицу. И лучше всего то, как я расслабляюсь после ночи потрясающего секса, а Чарли шепчет мне на ухо, что я самая красивая девушка, которую он когда-либо видел.

Я никогда раньше не испытывала ничего подобного. Глупая, опасная надежда.

Дрожащими пальцами я достаю свою аптечку. Открываю баночку и проглатываю таблетку, не запивая.

На ноутбуке раздается звук уведомления. Я кладу лекарство на стойку.

Я хмурюсь, читая электронное письмо от Макса со ссылкой на исследование в Стэнфорде. Последние две недели мой старший брат добивался включения меня в программу. Я не рассказывала ему ни о чем, что произошло на ранчо. Он и мой отец знают, что я в безопасности. Если я поделюсь тем, что происходит на самом деле, они будут волноваться.

Кому: Руби

От: Макс

Привет, убийца.

Я посылаю ссылку на исследование.

Я знаю, что ты не хочешь об этом слышать. И я знаю, что ты сейчас хмуришься, но это не всерьез, потому что ты никогда не можешь ни на кого по-настоящему злиться, поэтому смирись и прочти это. Это будет просто остановка в твоём путешествии. А твоя надоедливая семья придет и позаботится о тебе.

Они говорят, что эта новая программа эффективная. Что она может изменить твою жизнь. Так что читай, Рубс.

Макс

Но, думаю, моя жизнь уже изменилась.

И все же я перехожу по ссылке. Морщю нос от холодных слов о клинических испытаниях. Абляция. Катетеры. Пребывание в больнице. Скрепи сердце и надейся на лучшее.

Я не знаю, что для меня лучше.

Я больше не знаю, чего хочу.

Я должна пройти исследование. Это в Калифорнии, и Макс прав. Это идеально вписывается в мой список дел.

Правда в том, что последнюю неделю мне нехорошо. С тех пор как Колтон напал на меня в моем коттедже, мое сердце сбоит. У меня такие сильные скачки сердечного ритма, что я просыпалась по ночам. Я думаю, что поступаю умно, сбегая вниз, чтобы сердцебиение пришло в норму, но Чарли всегда находит меня и относит обратно в постель.

Это пугает меня.

Впервые с тех пор, как я отправилась в путешествие, мое сердце отказывается сотрудничать.

Я сжимаю в руках полотенце для посуды.

К черту сомнения. Это лучше оставить отцу и брату. Я здорова. И счастлива. Моему сердцу никогда не было так хорошо. Благодаря этому лету.

Благодаря Чарли.

Мои глаза закрываются. Его нежные слова, сказанные в тот день в конюшне — *я люблю этот прекрасный ритм* — разожгли во мне огонь. Они не должны были ничего значить, но оказались очень важны. Очень, очень важны. Они дали мне надежду, что, возможно, он сможет понять мою СВТ, если я расскажу. Что он простит меня за то, что я скрывала от него правду о своем здоровье.

Но мы договорились. История о ранчо «Беглец» за правду о том, почему я путешествую.

Но он не рассказывает, так почему же я должна?

Вздохнув, я закрываю ноутбук и сползаю с табурета. И все же я ненавижу лгать ему. Чувство вины, захлестывающее меня, такое же сильное, как и биение моего сердца.

Я осматриваю кухню, решив навести порядок. Я ставлю кружку Чарли в медную раковину и выключаю кофеварку. Я убираю сливочник обратно в холодильник и выбрасываю огрызок яблока. Обычные дела, которые успокаивают мое сердцебиение.

Хотя я скучаю по своему очаровательному коттеджу, я полюбила бревенчатый дом Чарли. В нем есть личность, такая же большая и мощная, как и сам человек. Дерево, бревна и камень — святая троица Страны Большого Неба²⁵ — сохраняет верность своим корням Дикого Запада.

Мой взгляд останавливается на календаре, прикрепленном к холодильнику. Завтра уже август. Приближается срок моего отъезда.

Четыре недели.

Должна ли я покинуть Воскрешение? Этот вопрос очень нуждается в ответе.

Если я не уеду, что это будет означать для нас с Чарли? И хочет ли он, чтобы я осталась?

Кажется, что это возможно. Его руки сжимали мою талию, обжигая сквозь платье. Такое странное выражение лица. Призрачное. Нервное.

Мой крутой ковбой нервничал.

На моем лице расцветает улыбка. Что, если он чувствует то же самое?

Я люблю тебя.

Я представляю, как он произносит это с глубоким южным акцентом, который словно ласкает все мое тело.

О Боже, я никогда в жизни ничего так сильно не хотела. Быть любимой в ответ было бы прекрасно. Не опасно и не глупо.

Я выбрала этого мужчину, и, возможно, он выбрал меня.

Может, у нас все получится.

Схватив стопку салфеток, я громко смеюсь посреди кухни.

— А что, если? — бормочу я, и сердце трепещет в знак согласия.

Я открываю ящик, где хранятся салфетки и пакетики с кетчупом, и кладу их туда. При этом мой палец натывается на листок бумаги. Охваченная любопытством, я разгребаю хлам и нахожу фотографию. Я поднимаю ее на уровень глаз.

Девушка в голубых джинсах и простой белой майке сидит на лошади цвета шампанского. Она смеется, отворачиваясь от камеры, в ее руках поводья. Ее длинные огненно-рыжие волосы развеваются за спиной. Она красива, но в ее глазах есть свирепость, от которой у меня перехватывает дыхание.

Покашливание заставляет меня подпрыгнуть.

²⁵ неофициальное название штата Монтана

Я скидываю голову и краснею.

— Прости, — говорю я, роняя фотографию на стойку. Форд стоит у острова. Он более стройную версию Дэвиса, только волосы у него более лохматые, а улыбка Мне становится стыдно, что он застукал меня. — Я убиралась и...

— Тебе не нужно объяснять. — На его челюсти подергивается мускул, когда он кивает на фотографию. — Это Мэгги.

— Мэгги?

Я снова смотрю на фотографию. Она была спрятана глубоко в ящике, но не настолько глубоко, чтобы ее нельзя было найти. Уголки помяты, как будто ее часто доставали. Наступает момент осознания. Она похожа на потрепанную фотографию моей матери, которую мой отец...

О боже.

О боже.

Меня пронзает мысль, от которой сжимается сердце.

Самая ужасная мысль.

Худшая возможность.

Я задыхаюсь.

В одно мгновение кусочки головоломки встают на свои места. Причина, по которой Чарли так неохотно рассказывает о своем прошлом. То, как он смотрит на меня, когда я еду верхом на Стреле, его глаза тщательно следят за каждым моим движением. Его хмурый взгляд, его защитный характер, его грубое рычание. Все это потому, что он вечно скорбящий ковбой, который живет один на своем ранчо и ни с кем не общается.

Мои глаза начинают щипать. Я поднимаю взгляд на Форда.

— Она умерла? — шепчу я.

Он снова кивает.

— Умерла. Ее нет уже десять лет. — На его лице проступает нерешительность, и затем он говорит: — Они с Чарли были помолвлены.

Мои глаза расширяются. Мое сердце замирает.

— Я не знала. Он мне не говорил.

— Я так и понял. — Проведя рукой по лицу, Форд качает головой. — Чарли не очень любит говорить о своем прошлом.

— Тебе не нужно объяснять. — По моей щеке скатывается слеза. — Он сам расскажет мне, когда будет готов.

В последний раз взглянув на фотографию, я аккуратно кладу ее на место. Важно уважать личную жизнь Чарли, как он уважает мою.

В этот момент карие глаза Форда устремляются к стойке. Он смотрит на мои таблетки.

Кислород покидает мои легкие, и кровь отливает от лица.

На несколько долгих секунд наступает тишина.

Я спешно пересекаю комнату, хватаю их и запикиваю обратно в аптечку.

— Послушай, Руби, — говорит Форд, тщательно подбирая слова. — Я знаю, что у вас есть какие-то границы, и мой брат, возможно, слишком глуп, чтобы сказать это, но ты ему нравишься. Очень. Именно благодаря тебе он сегодня с улыбкой сидит в седле.

От его слов мне не становится легче. От этого я чувствую себя еще хуже.

— Мы вернули его благодаря тебе. — Его челюсть сжимается, и я в ужасе слышу, как срывается его голос. Как будто внутри него разбиваются миллионы осколков прошлого. — Я прошу тебя, милая, не становись его новой сердечной болью. Мы не можем потерять его снова.

Мое сердце бьется быстрее. Вина накатывает на меня, как штормовая волна.

— Я понимаю, — шепчу я.

Я жду, пока Форд уйдет, а потом опускаю руки на прохладную столешницу. Я стараюсь дышать ровно, но у меня не получается. Дыхание вырывается неровными толчками, вызывая учащение сердцебиения.

Сердцеедка.

Вот кто я.

Самый худший тип людей.

Потому что я ясно и четко услышала, о чем сказал мне Форд.

Он любит тебя. Не играй с его сердцем.

У меня вырывается сдавленный вздох, и я зажимаю глаза. Горячие слезы текут по моим щекам.

То, что я делаю с Чарли, слишком опасно. Безрассудно.

Все было иначе, когда никто не произносил значимых слов. Когда мы могли притворяться, что все это временно, что все это ради хорошего секса.

Но сейчас...

Чарли уже любил и терял. Если бы я знала это, то никогда бы не ввязалась в эти отношения. Я думала, что использую свое сердце, чтобы изменить свою жизнь. А оказалось, что разрушаю чужую.

Мое сердцебиение замирает. Я шатаюсь, хватаясь за стойку, чтобы не упасть.

Я не могу так поступить с ним. Я не могу причинить ему боль. Он уже пережил потерю, и все, что я делаю, — это веду к новой, потому что в конце концов мое сердце откажет, как сердце моей матери.

Я не позволю Чарли пройти через это.

Только не снова.

Из меня вырывается рыдание, глубокое, как будто моя душа разрывается на мелкие куски.

Я должна положить этому конец.

Я должна покончить со всем этим.

Чарли

— Ты собираешься сегодня в город? — спрашивает Руби, лежа на кровати.

— Да. — Я сажусь на стул и натягиваю сапоги. Солнечный свет проникает через открытые двери балкона. — Мы с Фордом навестим Стида. Потом мы поедем в Дир-Лодж, чтобы передать жеребенка покупателю с выставки скота.

— О. — Ее взгляд опускается на одеяло. — Передай ему от меня прощальный привет.

— Ты хочешь попрощаться? — Я ненавижу себя за то, что продаю жеребенка, которого она полюбила, но за него уже заплатили. Черт, я хочу оставить его и пусть она назовет его, как хочет.

Она качает головой.

— Нет. Это слишком сложно.

Почесав рукой бороду, я зеваю, сожалея, что кофе еще не готов.

Хотел бы я провести еще два часа в постели с Руби.

Вчера, когда я вернулся домой из оврага грязный как черт, меня ждало самое лучшее приветствие в моей жизни. Руби бросилась в мои объятия, осыпая меня поцелуями, и я не успел вымолвить даже слова, как мы рухнули в постель.

И снова мы пропустили восход солнца. И я так и не смог сказать ей, что люблю ее.

Но я готов. Руби заслуживает того, чтобы все было сделано правильно, а значит, нужно придумать, как сказать это сегодня.

Свидание. Танцы. Цветы. Никаких больше проволочек.

Я поднимаю на нее свой взгляд. Она смотрит в ответ серьезными голубыми глазами, подтянув стройные ноги к груди. Ее волосы растрепаны, длинные розово-золотистые пряди обрамляют лицо, делая ее еще более великолепной, чем обычно.

Я встаю со стула и сажусь рядом с ней, проводя рукой по изящному изгибу ее плеча.

— Подсолнух, ты в порядке?

Она на секунду встречает мой взгляд, затем отворачивается к балкону, нахмутив лоб.

— Я в порядке, Чарли. Не беспокойся обо мне.

Я хмурюсь. Под ее глазами все еще лежат тени, оставшиеся с прошлой ночи, а солнечного сияния в них нет. Мне не нравится, когда она грустит. Это убивает меня.

— Эй. — Я целую ее сладкие губы и притягиваю к себе. — Сегодня мы постараемся встретить рассвет.

Ее глаза наполняются слезами.

— Малышка, что я такого сказал? — Мой большой палец смахивает одинокую слезинку, которая скатывается по щеке.

— Ничего. — Вдохнув, она выдавливает из себя слабую улыбку. — Тебя не будет весь день?

Я провожу рукой по ее волосам.

— Если Форд добьется своего, то да.

Затем я ругаюсь, увидев время на часах на прикроватной тумбочке. Я опаздываю. Встав, я хватаю бумажник и ключи и направляюсь к двери. Голос Руби останавливает меня.

— Чарли?

— В чем дело, дорогая? — говорю я.

— Я буду скучать по тебе. — Она улыбается сквозь слезы.

Усмехаясь, я возвращаюсь к кровати.

— Возьми выходной, — говорю я ей, проводя пальцем по изгибу ее покрасневшей скулы. — Я хочу, чтобы ты лежала в постели, когда я вернусь домой.

Опустив длинные ресницы, она рисует сердечко на покрывале.

— Да. Может быть.

Я целую ее в последний раз, затем беру шляпу и иду на встречу с Фордом.

Мы провели в городе пять часов. Отдали жеребенка Руби, загрузили грузовик припасами, поболтали со Стидом в онкологическом центре. Наконец, около четырех часов дня, мы отправились в обратный путь на ранчо.

Позже, чем мне хотелось бы.

Узел в моей груди не ослабевает с тех пор, как я расстался с Руби. Мне не по себе, когда она остается одна, и все, чего я хочу, — это вернуться к ней. Наш разговор не выходит у меня из головы весь день. Мне не понравилось то, что я увидел на ее лице, хотя прочитать это было чертовски трудно.

Форд зевает, сидя на пассажирском сиденье, и ищет бейсбольный матч по радио.

— Слушай, я просто говорю, что если «Уайт Сокс» не нужна драма, то им следовало бы обменять Хэма Джеффриса. Этот ублюдок не смог бы попасть в мяч, даже если бы я его подал мягко.

Я фыркаю. Хотя Форд ушел из высшей лиги, это не мешает ему отпускать свои красочные комментарии по поводу всего, что имеет отношение к бейсболу.

Я провожу рукой по волосам.

— Что ты думаешь о Стиде?

Форд пожимает плечами.

— Думаю, он как всегда раздражительный.

— Он принимает хорошие лекарства. Он нас еще переживет.

— Кстати, о лекарствах... — Форд поворачивается и смотрит на меня. — Что с Руби? Она рассказала тебе что с ней?

Я перевожу взгляд на него.

— Что с ней?

Форд бросает на меня взгляд «не будь идиотом».

— Таблетки, которые она принимает. Только не говори, что ты их не видел.

— У нее анемия.

— Она так сказала?

— Я ей верю.

— Тогда почему она их прячет?

— Она этого не делает.

— Ты когда-нибудь видел, как она их принимает? Видел этикетку? — требует он.

Я хмурюсь.

— К чему ты клонишь?

Он издает звук разочарования.

— Я не считал тебя идиотом, Чарли.

Я напрягаюсь, костяшки моих пальцев на руле белеют. Мне не нравится то, на что намекает мой брат. Мне не нравится, что мое сердце пропускает несколько сотен ударов при мысли о том, что с Руби что-то не так.

— Ты пытаешься вывести меня из себя, Форд? — Я рычу.

— Я пытаюсь защитить тебя. — Грузовик подпрыгивает, когда мы проезжаем мимо ржавого ограждения для скота Вулфингтонов. — Что ты знаешь об этой девушке?

Мой взгляд жесткий, непреклонный.

— Я знаю достаточно.

Я знаю, что она любит цветы и то, как моя рука ложится на ее поясницу. Ее любимый цвет — сиреневый, а не фиолетовый, ее второе имя — Джейн, и каждое утро она ест овсянку и поет в душе. Она пахнет солнцем и землей, и это мой самый любимый запах на свете. Я знаю, что она вздыхает, когда счастлива и когда ей грустно, и я люблю все ее вздохи.

Я знаю, что она моя.

Я знаю, что она единственная.

И все же, когда недоверчивый взгляд Форда пронзает меня насквозь, трудно назвать это исчерпывающим. Половина меня хочет сказать моему циничному, не признающему любви брату, чтобы он отвалил, но другая половина знает, что он прав.

Я понятия не имею, почему она здесь.

— Она принимает таблетки. У нее есть список желаний. — Форд вскидывает бровь.
— Списки — это конечная вещь, Чарли.

Я чуть не съезжаю с дороги.

— Форд. Не заставляй меня съезжать на обочину и бить тебя по гребаной морде.

Мне не хотелось ударить его так сильно с тех пор, как он выпустил два полных баллончика спрея для тела «Ахе» в мою палатку, когда мы были в походе.

— Тогда новая тема. — Он тычет в меня своим кривым указательным пальцем — тем самым, который он сломал, отправив фастбол в страйк-аут, завершивший мировую серию, — Ты.

Я тихо ругаюсь. Форд и его большой, мерзкий рот.

— А что я?

— Что ты к ней чувствуешь? Потому что она тебе подходит. У нее есть задор. Она заставляет тебя улыбаться. Черт, да она всех нас заставляет улыбаться. Мне она очень нравится. Но ты до сих пор не рассказал ей о Мэгги, а через четыре недели она уедет.

— Да. Я знаю, черт возьми, — выдавливаю я из себя срывающимся голосом.

— Ты любишь ее? — Форд выглядит обеспокоенным.

— Да, — огрызаюсь я. Мой брат давит на меня, и это работает. Ком в моем горле проходит. — Я люблю ее.

Слова даются легко.

Я знал это с той ночи, когда она появилась в «Пустом месте» в желтом сарафане.

Что эта женщина изменит мою жизнь.

Теперь она повсюду. В моей голове, в моем сердце, под моей кожей. А я был чертовым идиотом, который боролся с этим. Боролся с ней. Наказывал себя. Я боялся этой невероятной девушки, которая показала мне, насколько я был одинок, пока не встретил ее.

Ухмыльнувшись, Форд скрещивает руки и откидывается на спинку кресла.

— И что же ты собираешься с этим делать, придурок?

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что собираюсь выбить все дерьмо из его самодовольной задницы, когда мы вернемся на ранчо, а затем сказать Руби, что люблю ее, но жужжание моего телефона прерывает наш обмен напряженными взглядами.

Свирепо посмотрев на Форда, я включаю громкую связь.

— Что? — рявкаю я.

— Эй, Чарли? — Голос Уайетта потрескивает. — Ты почти дома?

— Да, а что?

Долгая пауза. Потом он говорит:

— Я думаю, Руби уезжает.

Я жму на газ.

— Что?

— Она убирается в своем коттедже. Относит вещи в машину.

— Черт, — говорит Форд.

У меня в груди все сжимается.

— Ты должен ее задержать. Не отпускай ее, — говорю я, сжимая руками руль.

В моей голове пустеет.

Предупреждения Форда. Границы, которые я установил. Секреты Руби. Все, о чем я могу думать, — это то, что я опоздал.

Я так застрял в прошлом, что не смог собраться с мыслями и увидеть будущее, которое у меня прямо перед носом.

Я увеличиваю скорость, и старый грузовик несется по проселочной дороге.

Я удержу эту женщину. Ни за что не отпущу.

И будь я проклят, что не дал ей того, чего она заслуживает.

Руби

Пронзительный визг шин рассекает вечерний воздух, и я резко поднимаю голову от багажника.

Черт. Вот дерьмо.

Разъяренный ковбой шагает в мою сторону. Я никогда в жизни не видела, чтобы человек двигался так быстро; из-под его сапог могут вылетать искры. Я запихиваю чемодан в багажник и отступаю назад, широко раскрыв глаза.

Это не то, чего я хотела. Я планировала уехать тихо. Без разборок.

На крыльце хижины Уайетт наблюдает за нами, скрестив руки.

— Если ты пыталась сбежать, принцесса, нужно было действовать быстрее, — кричит он. Я бросаю на него взгляд.

Потому что он прав. Мне следовало действовать быстрее, но я провела весь день, собирая вещи, прощаясь с лошадьми, плача в бархатную шерсть Стрелы и говоря ему, как сильно я люблю его и Чарли.

— Убирайтесь отсюда, — кричит Чарли своим братьям.

Уайетт тут же отправляется на пастбище, а Форд бросает на меня долгий обеспокоенный взгляд, прежде чем отправиться в лодж.

И тут прямо передо мной вырастает Чарли, расставив ноги, словно готовый к бою.

— Ты уезжаешь, — выдавливая он из себя.

Я смотрю на его напряженную позу, на его сжатую челюсть, и понимаю, что я никогда не видела своего ковбоя таким чертовски сексуальным. Таким взбешенным.

Я вызывающе вздергиваю подбородок.

— Лето почти закончилось.

— Впереди еще четыре недели, — тихо говорит он.

— Это достаточно скоро. — Я направляюсь к багажнику.

Он бормочет несколько проклятий, прежде чем схватить меня за руку и притянуть к себе.

— Недостаточно, Руби. — Его пристальный взгляд изучает мое лицо. Горячий. Сердитый.

— Ты собиралась уйти, не попрощавшись.

Обвинение ранит.

— Слишком тяжело прощаться. — Я опускаю взгляд на землю. — Кроме того... я сделала то, зачем приехала. — Я тяжело сглатываю. — Ранчо в безопасности. Все будет хорошо. Ты даже не будешь скучать по мне.

Из него вырывается какой-то жалкий звук.

— Не буду скучать по тебе? Как ты можешь думать, что я не буду по тебе скучать? Я скучаю по тебе уже сейчас. — Он проводит ладонью по моей обнаженной руке, сжимает в кулаке ткань моего платья. Я чувствую, как мое предательское тело, мое сердце жаждет прижаться к нему. — Каждый день, когда я не рядом с тобой, я скучаю по тебе. Каждый день, когда ты не в моей постели, когда я не целую тебя, я чертовски скучаю по тебе, Руби.

Каждое слово — как кол в сердце. Прекрасно. Разрушительно.

— Чарли, не делай этого.

Отшатнувшись от него, я пытаюсь закрыть багажник, но его массивная рука перехватывает крышку прежде, чем я успеваю ее захлопнуть. Потянувшись внутрь, он берет сумку и ставит ее на землю.

Я смотрю на него, потом ругаюсь, потому что оставила ноутбук в доме.

Я тычу пальцем в его железную грудь.

— Я ухожу, ковбой, и ты не сможешь меня остановить.

Его глаза вспыхивают.

— Черта с два я не смогу.

Не обращая на него внимания, я поворачиваюсь и иду к дому.

— Ранчо «Беглец».

Глубокий, рокошущий голос позади меня заставляет меня замереть на месте.

— Не надо. — Я зажимаю глаза, пытаюсь игнорировать его слова. Если он продолжит, я брошусь в его объятия и никогда не отпущу.

Я слышу хруст гравия, прежде чем передо мной появляется широкоплечий Чарли.\

— Ты хотела знать. — В его тоне звучит отчаяние, настойчивость, которой я никогда раньше не слышала.

— Больше нет. Слишком поздно.

Он вздрагивает, словно я вонзила нож ему в грудь.

С бешено бьющимся сердцем я взбегаю по ступенькам крыльца и захожу в дом. Я не могу позволить ему сделать это, особенно теперь, когда я знаю о Мэгги.

Слишком глубоко.

Мы оба увязли по уши.

Доски пола скрипят, когда Чарли мчится за мной.

Внутри воздух насыщен солнечным светом и горным воздухом. Я хватаю ноутбук со стойки и прижимаю его к груди, как щит.

— Я не хочу знать, Чарли.

Он стоит в дверном проеме, уперев руки в бока. На его лице разворачивается битва, эмоции сражаются друг с другом.

— Черт, но я все равно тебе скажу. — Он задерживает дыхание, а затем произносит: — Ранчо называется «Беглец», потому что я любил женщину, и она умерла.

— Нет. Нет. — Я качаю головой и отступаю от него. От его признания, от ужасного выражения его лица и особенно от бешеного биения моего сердца. — Чарли, не делай этого...

— Я любил ее, она умерла, и я потерял рассудок. Я приехал сюда. Я хотел забыть, поэтому убежал от всего и всех. — У него перехватывает горло. — И ты — первая, к кому я захотел бежать за последние десять лет.

О боже.

Меня трясет. Я опускаю ноутбук обратно на стойку, чтобы не уронить его.

Чарли с грозным выражением лица направляется ко мне. Грубые руки хватают меня за плечи. — Я спросил тебя, чего ты хочешь после нашей первой ночи вместе. И ты сказала — лето.

— Именно так. И мы это сделали. — Мои глаза наполняются слезами, к горлу подступает комок. За все, что этот мужчина сделал для меня, я никогда не смогу отплатить ему. — Ты подарил мне прекрасное лето, Чарли, и я навсегда сохраню это воспоминание.

Его глаза не отрываются от моего лица.

— Теперь моя очередь сказать тебе, чего я хочу.

— Мне все равно, чего ты хочешь.

Боль отражается на его лице.

— Ты лгуныя.

Я пытаюсь вырваться из его крепкой хватки.

— Отпусти меня. — Мое тело гудит, воздуха в легких не хватает.

Его глаза на мгновение закрываются, грудь вздымается.

— Я хочу тебя, Руби.

— Я не нужна тебе, — шепчу я, заливаясь слезами. Отчаяние, головокружение от неверия. — Чарли, я не подхожу тебе, понимаешь? Наши отношения должны были быть временными.

— Это не так. — Он прерывисто вздыхает, его широкая грудь вздымается. — Больше нет. Не для меня.

— Чарли...

— Я не самый умный мужчина, дорогая, — хрипло говорит он, обнимая меня за плечи своими теплыми руками. — Я ковбой. Но я знаю, чего хочу. Я умею держаться за вещи. И я знаю, что для меня хорошо, когда вижу это. Как это ранчо. Как ты, Руби. И я буду чертовым дураком, если позволю тебе уйти.

Губы дрожат, я поднимаю лицо, чтобы встретиться с ним взглядом.

— И кем я буду для тебя, если останусь?

Он встречается мой взгляд. Стальной, непоколебимый.

Уверенный.

— Ты будешь моей.

Моей.

От этого слова я вздрагиваю.

Он победил.

Я всхлипываю и почти падаю, но Чарли подхватывает меня. Он заключает меня в свои сильные объятия и притягивает к себе. От его тела исходит тепло, пронизывающее меня до самого естества.

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь, Руби, — хрипит он. — На ранчо, со мной. В моих объятиях. В моей постели и ни в чьей больше.

Мое тело прижимается к нему, как будто знает, как сильно я нуждаюсь в нем.

— Ты не можешь, — всхлипываю я. — Ты не можешь в меня влюбиться.

Он замирает, на его лице появляется странное выражение.

Затем он улыбается прекрасной улыбкой, от которой мое сердце трепещет, и говорит:

— Руби, малышка, я уже влюбился.

Я задыхаюсь, прижимаясь к его груди.

— Нет. Ты меня не любишь.

Он усмехается.

— Если ты думаешь, что я не люблю тебя, то тебе нужно проверить свои прекрасные глаза. Потому что я вижу только тебя. Я вижу только тебя с тех пор, как ты вошла в «Пустое место» и в мое сердце. — Он приподнимает мой подбородок. — Я чертовски люблю тебя, подсолнух, так что смирись с этим.

Любовь, шепчет мое сердце. Я хочу ее. Она мне нужна.

Даже если это не продлится долго.

Потому что я не буду жить долго.

Потому что я не заслуживаю его.

Его ухмылка сменяется серьезностью.

— Я знаю, что это слишком быстро. Скажи мне, что я сошел с ума. Скажи, что полюбишь меня через год. Но останься. Я хочу, чтобы ты была здесь. Ты нужна мне здесь. Я не отпущу тебя. Я ждал тебя десять лет и не собираюсь терять сейчас. — Его рука обхватывает мое лицо, и он целует меня крепко и отчаянно. — Позволь мне любить тебя, Руби. Потому что я люблю.

От такой несправедливости мои глаза наполняются слезами, а сердце учащенно бьется. Как он может думать, что я его не люблю?

— Ты — глупый ковбой! — восклицаю я. Чарли замирает, и я дрожащими руками обхватываю его ошеломленное лицо. Темная борода, которую я так люблю, щекочет кончики моих пальцев. — Какой же ты глупый. Конечно, я люблю тебя. Я люблю тебя всем сердцем, Чарли.

— Скажи это еще раз. — Голос срывается, его лоб опускается к моему.

— Я люблю тебя, — всхлипывая, говорю я. Горячая слеза скатывается по моей щеке. Мне кажется, что я сплю, застряв на седьмом небе от счастья, с которого никогда не захочу спуститься.

На лице Чарли отражается облегчение. Радость тоже. Дыхание вырывается из него, как будто он сдерживал его все это время.

А потом он смеется. От этого прекрасного звука я наконец сдаюсь и падаю в его объятия. Он ловит меня, как я и предполагала, поднимает на руки и прижимает к себе. Я обхватываю его ногами за талию, а затем его рот накрывает мой.

Горячий, неистовый, всепоглощающий.

— Останься, — рычит он мне в губы. — Останься, и я дам тебе все. — Мозолистые руки обхватывают мое лицо, и наши взгляды встречаются. Соединяются, горят. — Ранчо. Каждый восход солнца. Мое сердце. Последнее — ложь, потому что оно уже у тебя. Я принадлежу тебе, подсолнух.

Слезы текут по моему лицу.

— Ты разобьешь мне сердце, Ковбой, — шепчу я, обвивая его шею руками. Я прижимаюсь к нему так, будто наступил конец света.

Он ухмыляется. Красивый. Сокрушительный.

— Никогда, дорогая. Ты просто должна мне позволить любить его.

Новая волна тепла обрушивается на меня.

Любовь.

— Останься, — говорит он, его губы касаются моего горла.

— Да, — шепчу я, ошеломленная тем, как сильно я люблю этого мужчину. Насколько он открылся мне. Он выложил все свои карты на стол, чтобы убедить меня. — Я останусь.

Если что-то и разобьет мое дикое, безрассудное сердце, то это может быть только ковбой.

Мой ковбой.

А потом он снова завладевает моими губами, крепко прижимая к своей твердой груди. Руки Чарли путаются в моих волосах, мое сердце принадлежит ему, и он несет меня по коридору и лестнице в спальню. Наши сердца бьются в такт.

Я никогда не была так счастлива.

Я никогда так не боялась.

Чарли

Слышны раскаты грома. Вершины гор заволокли темные тучи. Руби сидит за столиком на маленьком балкончике возле спальни. Она завернута в простыню, ноги подтянуты к телу, щеки покраснелись, ослепительно-голубые глаза смотрят на меня, когда я иду к ней.

Несколько часов назад она хотела уехать.

А теперь ее — *я люблю тебя* — уничтожило меня. Я покорен, но я бы не хотел, чтобы было иначе.

— Надвигается буря, — бормочет она, не сводя глаз с моей обнаженной груди.

— Каждое лето, — говорю я. — Они приходят с гор и длятся до конца августа.

Поставив бутылку виски на стол, я оглядываюсь через плечо на смятые простыни на кровати. В воздухе витает запах секса. Я целую растрепанные волосы на макушке Руби, и она улыбается так лучезарно, что у меня сжимается сердце.

Все, что имеет значение, находится здесь, передо мной. Моя девочка-подсолнух, моя спасительная благодать, солнце на моем небе, когда так долго я видел только черные тучи.

Но сначала я должен рассказать ей свою историю. Я в долгу перед ней. Особенно если она останется.

Я выдвигаю стул и сажусь напротив нее.

— Я хочу рассказать тебе о Мэгги.

Она вздрагивает.

— Ты не обязан.

— Позволь мне сделать это, Руби, — хрипло говорю я.

Кивнув, она садится прямо.

— Хорошо, ковбой. — Затем она протягивает руку через стол и касается меня. И я успокаиваюсь. Это магия Руби. Ее любовь приносит что-то настолько безмятежное, что я не могу это описать. Все мои сомнения, все мои нервы улетучиваются от небольшого проявления любви.

— Мы были лучшими друзьями детства. Она была моей школьной возлюбленной. Я сделал ей предложение, когда мы закончили школу. — Я провожу рукой по лицу. Мне кажется, что это неправильно — рассказывать в двух словах о том, какими мы были с Мэгги, но, глядя на Руби, я хочу, чтобы все это осталось в прошлом, и я мог двигаться дальше. Жить прошлым больше нельзя.

— Это было последнее соревнование в сезоне. Она участвовала в забеге с бочками. — Я медленно выдыхаю, воспоминания обжигают. — Я был там, когда это случилось. Ее лошадь испугалась и упала на нее. Она погибла у меня на глазах.

Руби задыхается, поднося руку ко рту.

— Вот почему ты так вел себя. — Ее голубые глаза блестят от непролитых слез. — Почему ты не хотел, чтобы я ездил верхом. Когда я подошла слишком близко к той лошади. Ты закричал. И выглядел печальным.

Я должен был догадаться, что не смогу все скрыть от Руби. Моя девочка умная.

Она слушает, пока я рассказываю ей, как моя жизнь перевернулась после смерти Мэгги и как я не знал, как справиться с этим. Как я оказался на ранчо «Беглец» и как мои братья последовали за мной.

— Это долгая история. — Я протягиваю руку и переплетаю наши пальцы. — Короткая история такова — я оказался здесь, чтобы встретить тебя.

Руби молчит долгую минуту.

— Мне так жаль, Чарли. — Она грустно улыбается мне. — Потерять того, кого любишь... это ужасно.

Она смотрит вдаль, потом вздыхает.

— Я нашла ее фотографию. — В ее голосе слышится чувство вины, когда ее взгляд встречается с моим. — Она была прекрасна.

Я проклинаю себя за то, что позволил ей думать Бог знает о чем.

— Я должен был сказать тебе.

— Нет. Это твое дело. — Она опускает глаза. — У всех нас есть секреты.

Я больше не могу сдерживаться.

Больше никакой дистанции.

Я встаю и меняюсь с ней местами, притягивая Руби к себе на колени. Я обнимаю ее и прижимаю ее голову к своему плечу. Я все еще не оправился от того, что она чуть не сбежала.

— Ты можешь рассказать о ней, Чарли, — говорит она, улыбаясь мне. — Тебе не нужно скрывать ее. Тебе больше не нужно убегать.

Ее рука лежит на моей груди, и мое сердце бьется где-то в горле.

Вот почему я люблю ее.

Я понимаю, что все эти годы спустя я все еще наказываю себя, все еще расплачиваюсь за смерть Мэгги. За то, что притащил сюда своих братьев.

Кажется важным и правильным поделиться этим с кем-то.

Я уже не тот мужчина, каким был в начале лета. Когда возил Руби на гору, рычал на нее, не представляя, как сильно она изменит мое сердце.

Как она вернет меня к жизни.

— Спасибо, — шепчет она. — За то, что рассказал мне.

Есть еще кое-что, что нам нужно прояснить.

Я немного поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

— Ты тоже бежишь, — говорю я ей.

Сидя, Руби выпрямляет свои стройные плечи. Ее подбородок дрожит, а в глазах появляется страх, от которого у меня перехватывает дыхание.

— Да.

От ее дрожи ярость вспыхивает во мне. Мои руки сжимаются в кулаки. Но я заставляю себя сосредоточиться на Руби. Она — вот что важно.

После долгого молчания она говорит.

— Ты прав. Я бегу. — Ее голос срывается, ломая меня. Она смотрит в сторону балкона, словно ищет ответ в небе. — Я... Чарли, я...

Я заглушаю ее признание поцелуем.

К черту это. Сделка, которую мы заключили, не имеет значения. Я не буду выпытывать у Руби правду. Что бы она мне ни сказала, я не стану любить ее меньше.

— Когда будешь готова. — Моя рука поднимается, чтобы коснуться ее щеки. Мое сердце колотится от страха. От ярости. — Просто скажи мне одну вещь.

— Что? — шепчет она, смагивая слезы.

— Это мужчина? — Я готовлюсь к этому, думаю об Эмми Лу, о местах, где можно спрятать тело, о яростной потребности защитить, которая не ослабнет, пока она на моем ранчо, в моих объятиях. — Руби, если кто-то причинил тебе боль...

— Нет, — задыхаясь, говорит она. Слезы текут по ее лицу, когда она качает головой. — Это не мужчина, Чарли.

Я рычу от облегчения и прижимаю ее к груди.

— Расскажи мне поскорее, подсолнух.

Кивнув, она расслабляется, прижимаясь ко мне.

— Обязательно.

Так много еще нужно сказать. Запланировать. Но все это может подождать. А кое-что не может.

Я целую ее.

Мой рот пожирает ее язык, ее пухлые розовые губы. Ее тело выгибается навстречу мне, она садится на меня верхом. Сжав ее бедра, я притягиваю ее ближе. Ее сердце бьется о мою грудь — мою душу — так быстро, что мне становится больно.

Она стонет мне в рот, ее руки треплют мои волосы.

— Чарли, — говорит она, ее глаза подернуты дымкой желания. — Я люблю тебя.

— Малышка, я тоже люблю тебя. — Я провожу пальцем по ее щеке. Я должен сказать это снова, чтобы это стало реальным. — И ты остаешься.

У меня было все, чего я когда-либо хотел в своей жизни, но ничто, блядь, ничто не сравнится с Руби.

— Я остаюсь. — Она улыбается, в ее глазах блестят слезы. Затем их свет тускнеет. — Но... ты уверен, что хочешь этого? Что бы это ни было. Кем бы мы ни были.

Я бросаю на нее строгий взгляд.

— Руби, не говори глупости. Я проделал долгий путь ради тебя, дорогая, и я не отступлю сейчас. Особенно от того, что между нами.

Клянусь Богом, ее улыбка — яркая как солнце.

— И что же это? — спрашивает она, положив свою маленькую ладонь на мое сердце.

— Я и ты, — говорю я ей. — Навсегда.

Руби

— Гид? — Чарли смеется, когда я провожу щеткой по черной, как смоль, гриве Стрелы.

Я показываю ему язык.

— Я могу это сделать. Буду ходить за Фордом по пятам и учиться у него. Водить гостей к пруду для рыбалки.

— Малышка, Форд будет бегать вокруг тебя кругами.

— Я хочу помогать на ранчо, Чарли. — Убирая прядь волос с лица, я изо всех сил стараюсь нахмуриться.

Он поднимает бровь. В его пронзительных голубых глазах пляшут смешинки.

— Помогать, да?

Улыбаясь, я бегу по траве и падаю в его объятия.

Я люблю своего молчаливого и задумчивого ковбоя, но и этого счастливого тоже.

Я провожу пальцами по его темной щетине.

— Ты разве не слышал? Ковбой, я должна заслужить свою еду.

— Только не на моем ранчо. — Низкое рычание раздается из глубины его груди. — Не на твоём ранчо.

Я краснею.

Я люблю этого мужчину. Всем своим существом.

Он лениво ухмыляется и наклоняется ко мне, чтобы поцеловать. Пока Стрела не сует свой нос между нами, вызывая у Чарли недовольный рык.

— Ублюдок, — говорит он, нежно похлопывая жеребца.

Мое сердце переворачивается в груди.

Этот мужчина влюблен. И я тоже.

Это безрассудно.

Это разрушительно.

Это именно то, чего я хочу.

Я решаю, и я выбрала любовь. Ранчо. Чарли.

Но мое сердце борется с совестью. Я не права. Очень неправа. Я эгоистично вступаю в отношения с Чарли. Теперь это серьезно. Это навсегда. Если я умру, если заболею, это уничтожит его.

Я должна сказать ему.

Скоро.

Он не торопит меня, но я должна рассказать ему правду.

У меня был шанс на прошлой неделе, когда он рассказал мне о Мэгги. Он остановил меня, но я должна была продолжать. Вместо этого я струсил.

Приемы у врачей, новые лекарства... Я не могу скрывать это вечно. Моя болезнь не пройдет сама собой.

Я откладываю это, потому что боюсь.

Если он увидит меня иначе, хрупкой или больной...

Если я потеряю его...

— Если бы ты могла делать все, что угодно, выбрать любую работу в мире, что бы это было?

Бархатный голос Чарли вырывает меня из размышлений.

— Открыла бы цветочный магазин.

Он моргает.

— В Воскрешении?

— Да, в Воскрешении. — Я слегка поворачиваюсь, беру щетку и принимаюсь за Стрелу. Жеребец одобительно фыркает, победно ударяя копытом о землю. — Букеты Блум. Версия два. — Я вздергиваю бровь. — Всем нужны цветы. Даже сварливым ковбоям.

Он усмехается.

— Я бы открыла его на Главной улице, в одном из тех пустующих помещений возле «Магазина на углу». Белые ставни. Полевые цветы. — Я бросаю взгляд на Чарли. Выражение его лица из веселого становится задумчивым. — Могу поспорить, что романтика в городе возросла бы в десять раз. Даже Шина Вулфингтон нашла бы кого-нибудь, кого можно полюбить.

Услышав шум грузовика, он оглядывается через плечо, нахмутив брови. Он занимается этим весь день. Наблюдает. Всегда в состоянии боевой готовности. Как будто ждет кого-то.

Но это всего лишь Сэм, отправляющий группу гостей в аэропорт Биллингса.

— Все уезжают, — бормочу я, поднимая руку, чтобы помахать маленькой девочке.

— Да, — говорит он мне. — Мы помашем им в последний раз, прежде чем они уберутся отсюда навсегда.

— Конец лета?

— Конец лета.

— А потом вечеринка?

Чарли удивленно выгибает бровь.

— Малышка, мы всегда устраиваем вечеринки.

Я слышала об этом грандиозном событии от Уайетта. Праздник в стиле хонки-тонк в честь завершения сезона с пивом и кострами.

— Я собираюсь снять видео, — говорю я, вешая щетку на крючок. — Мы можем использовать его в качестве рекламы на следующий год.

Он ворчит, но не отвергает эту идею, отчего мое сердце совершает медленные кульбиты в груди. Хотя я знаю, что Чарли навсегда останется ковбоем, недолголюбивающим социальные сети, он доверяет мне, и это так много значит.

Я подхожу к вальтрапу, наброшенному на перекладину забора. Чарли следует за мной, его глаза следят за моими движениями. Я поднимаю его и с усилием перекидываю через спину Стрелы.

— Правильно?

— Почти. — Чарли помогает мне поправить одеяло. — Теперь седло. — На его суровом лице появляются морщинки, уголки губ приподнимаются. — Филонишь, подсолнух.

Я притворно вздыхаю и целую его, прежде чем направиться к седлу. Мы ездим верхом уже несколько недель, и он выполняет большую часть работы. Но сегодня я попросила его показать мне, как седлать лошадь для прогулки верхом.

Когда я наклоняюсь, чтобы поднять седло, мое сердце замирает. Как двигатель, который сначала заводится, а потом глохнет.

Мир кружится. В глазах пляшут черные точки. Звуки исчезают. Я качаюсь и падаю на четвереньки на зеленую траву.

— Эй, эй, эй. — Сильная рука обхватывает меня за талию. В ухе звучит грубый голос Чарли. — Руби? Малышка?

Из моего горла вырывается всхлипывание. От беспорядочного биения в груди меня охватывает паника. Я зажмуриваю глаза, пока моя грудь поднимается и опускается в неровном ритме.

Чарли крепче прижимает меня к себе.

— Что такое? Что случилось?

Мое сердце. Оно остановилось.

Но я не говорю этого.

Когда я открываю глаза, на лице Чарли написано беспокойство.

— У меня это плохо получается, — шепчу я.

— Нет. — Он мило ухмыляется. — Седло слишком тяжелое для тебя, вот и все.

Но оно не было слишком тяжелым. Дело в моем сердце.

Он помогает мне встать, и я смотрю, как он седлает Стрелу. Я не упускаю из виду его взгляд, устремленный на меня. Вопрошающий, обеспокоенный.

Прикусив губу, я сжимаю грудь, стараясь, чтобы руки не дрожали, чтобы сердце продолжало биться.

Он не дурак. Он все поймет. И если он это сделает прежде, чем я признаюсь...

Я следую за Чарли, направляющимся к Стреле, и в моей груди нарастает чувство ужаса.

Но оно быстро сменяется ощущением силы. Откуда-то из глубины моего сознания доносятся слова моей матери.

Чти свое сердце, пока не станешь им.

С ним все будет хорошо.

Мы справимся.

Я делаю вдох.

Подойдя ближе, я обхватываю его массивное предплечье и крепко прижимаюсь к нему, словно он может стать моей опорой. Глядя в его голубые глаза, я говорю:

— Чарли, я...

Лязгающий звук нарушает спокойную тишину ранчо. Мы с Чарли оба слегка отстраняемся от громкого металлического скрежета.

На гравийной подъездной дорожке стоит трейлер для перевозки лошадей. Чарли ничего не говорит, но его пристальный взгляд прикован к моему лицу.

Затем из кабины грузовика с громким криком выскакивает Уайетт. Он открывает заднюю дверь трейлера, и после нескольких попыток потянуть за поводья из него выходит прекрасный жеребенок изабелловой масти, которого я полюбила с тех пор, как приехала сюда. Тот самый, которого Чарли отвез покупателю в Дир-Лодж.

У меня открывается рот, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Чарли.

Он ухмыляется.

— Чарли... что? — Я замолкаю. — Я думала, ты его отдал.

— Я его вернул. Позвонил покупателям в тот день, когда ты сказала, что останешься. Я знаю, как сильно ты его любишь.

Слезы наполняют мои глаза.

— Почему? Зачем ты это делаешь?

Он усмехается, как будто я задала ему самый очевидный вопрос в мире.

— Чтобы сделать тебя счастливой.

Он подходит ко мне и смотрит в глаза.

— Он твой, малышка. Если хочешь.

— Конечно, я хочу его. Я просто... — Калейдоскоп радости вспыхивает внутри меня, когда я смотрю на него.

Мой.

Этот прекрасный жеребенок, которого я полюбила с того самого дня, как ступила на ранчо, — *мой*.

То, что сделал Чарли, говорит о многом. Это не временно. Это навсегда.

Мой ковбой готов на все ради меня.

Горячие слезы жгут мне глаза.

А потом я прыгаю в его объятия и целую, ощущая каждый вздох в своем теле. Целую его с отчаянной потребностью ощутить его прикосновения, его губы в самой глубине моей души. У него вырывается хриплое рычание, когда я обхватываю его ногами за талию, и он прижимает меня к себе.

— Да. — Я задыхаюсь и отстраняюсь, чтобы обнять ладонями его прекрасное лицо. — Спасибо. Я люблю его. И я так сильно люблю тебя, Чарли.

У него перехватывает дыхание, как будто он еще не привык к тому, что я произношу эти слова.

— Все, что ему нужно, — это имя, дорогая.

— Уинслоу. Его зовут Уинслоу. — Мне даже не нужно думать об этом. Мысленно я возвращаюсь в тот жаркий аризонский городок, место, где я крутила бутылку, в тот день, когда я сделала выбор и определила свое будущее, даже если в тот момент я этого не знала.

День, когда я запустила свое сердце.

Чарли

Мой грузовик катит по гравийной дороге от русла ручья к дому. Я обвожу взглядом свое ранчо, оценивая окружающую красоту. Зеленое пастбище. Ярко-голубое небо. Зубчатые вершины Луговой горы. Долгие жаркие летние дни вот-вот сменятся летними грозами. Большую часть дня я провел, добавляя гравий в места, где дождь вымыл большие ямы, и устанавливая автоматические баки для воды в загонах для скота.

Каждая клеточка моего тела кричит о том, чтобы быть дома с Руби. Хотя, скорее всего, она в конюшне. Я не могу оторвать ее от Уинслоу. Выражение ее лица, когда я подарил ей жеребенка, — такое благоговение и радость. Я хочу, чтобы она выглядела так каждый день до конца своей жизни.

Потому что она перевернула весь мой мир.

Она — неоновый свет, который я так долго искал.

Я останавливаюсь на обочине, пропуская скот. Их глубокое мычание наполняет воздух. С приближением конца лета коровы становятся беспокойными и стремятся перебраться поближе к ранчо.

Через две недели ранчо «Беглец» завершит сезон. С приходом свежего воздуха и более коротких дней появится новая работа. Проверка запасов кормов на зиму. Отправка лошадей Уайетта на аукцион. Приведение ранчо в порядок к следующему году. Даже когда на улице сто градусов²⁶ тепла, я не могу не строить планы на осень.

Я не могу не строить планы в отношении Руби. Я так многого хочу от нее.

Потому что она осталась. Она дома. Теперь это ее ранчо, и здесь начнется наша совместная жизнь. Скоро я надену ей на палец кольцо. Посажу ей сад. Завершу список ее желаний. Отвезу ее в Дикое сердце и познакомлю с моей семьей. Заведу детей.

И пошлю к черту всех, кто скажет, что это слишком быстро. Последние десять лет я жил как в замедленной съемке.

Она показала мне миллион способов, как я могу прожить свою жизнь, но все, что я хочу, — это любить ее.

Несмотря на то, что этим летом она вернула меня к жизни, я помню, что она не рассказала мне о своем прошлом. Пока я рассказывал ей о Мэгги, она смотрела на меня с выражением, которого я никогда раньше не видел.

Ужас.

Мои руки сжимают руль.

Либо она о чем-то лжет, либо я лгу себе. Неужели я был слеп все это гребаное лето, а ответ был прямо передо мной? Слова Форда не дают мне покоя. Неужели он прав? С ней что-то не так? От одного только предположения у меня сводит живот.

Черт, но я не хочу давить на нее. Если бы что-то было не так, она бы мне сказала, не так ли? Она заверила меня, что никто не причинит ей вреда, и я ей верю.

Мышцы напрягаются, я выдыхаю и выезжаю обратно на дорогу.

Она подарила мне лето, она вернула мне ранчо, но больше того, она подарила мне свое доверие. Ее сердце.

Я не могу это испортить.

Она скажет мне, когда будет готова.

Через пять минут я паркую грузовик у «Дерьмового ящика». Когда я захожу внутрь, все мои братья уже здесь.

— Привет, Чарли. — Уайетт машет рукой. — Как раз вовремя для бумажной работы.

Дэвис и Форд поднимают глаза от своей игры в покер.

— Мы работаем или валяем дурака? — Я опускаюсь в кресло.

²⁶ +38 градусов Цельсия

— Почти закончил надирать задницу Дэвису. — Ухмыляясь, Форд показывает мне свою руку. Флеш-рояль²⁷.

— У нас все готово к вечеринке?

Дэвис кивает.

— Поговорил с Сайласом. Он закапывает свинью и чертовски надеется, что никто не позвонит в РЕТА.

Я усмехаюсь, проводя рукой по лицу.

Я обвожу взглядом «Дерьмовый ящик». Здесь чисто. Организованно. На шкафу для бумаг — настоящие ярлыки. Стопка оплаченных счетов. Обогревателя больше нет. Наша новая система безопасности подключена к нескольким экранам, показывающим разные ракурсы ранчо. Я смотрю, как Сэм ведет группу детей в «Дом воинского сердца». На другом экране Тина приветствует новую группу — последнюю группу в этом году — холодными бутылками пива PBR.

Гордость переполняет меня.

Может быть, мы действительно сможем заработать деньги. Может быть, в следующем году мы начнем сезон не с минуса.

Это та надежда, которую я искал. Все, что мне нужно, чтобы двигаться вперед с моим ранчо.

Это толчок в моем нутре, решение набраться смелости и рассказать братьям правду. Оправдать их ожидания за последние десять лет.

— Итак, слушайте, — говорю я, наклоняясь вперед в своем кресле и сцепляя пальцы под подбородком. — Я давно собирался поговорить с вами кое о чем.

— Флеш-рояль, — с ухмылкой говорит Форд, показывая карты.

Дэвис хмурится.

— Член.

Я закатываю глаза.

— Речь идет о ранчо «Беглец», — говорю я, и все прекращают свои занятия. — Уже несколько месяцев у нас все хорошо. С тех пор как...

— Появилась принцесса, — вмешивается Уайетт.

Я киваю.

— С тех пор как Руби нам помогла. — Глубоко вздохнув, я сжимаю пальцы в кулак и продолжаю. — Вы бросили все, чтобы помочь мне. И я хочу, чтобы вы знали, что теперь со мной все будет в порядке. И с ранчо все будет хорошо. Так что, если вы хотите уйти, я вас не держу. Сейчас самое время. Живите своими собственными жизнями.

Дэвис и Форд обмениваются удивленными взглядами. Уайетт уставился в окно.

Узел в моей груди ослабевает.

— У вас была жизнь до этого. Я ценю то, что вы сделали, приехали сюда и собрали меня обратно, но пришло время, — ворчу я. — Вы заслуживаете того, чтобы выбраться из Воскрешения. — Я оглядываю своих братьев, стараясь, чтобы у меня не перехватило горло. — Дэвис, ты злишься с тех пор, как приехал сюда. Уай, ты можешь заниматься родео на полную катушку, если тебе хочется. Сломай еще несколько чертовых костей. Форд, я понятия не имею, что, черт возьми, ты будешь делать, но ты можешь сам решить.

После долгого молчания Дэвис некоторое время изучает меня. Затем он усмешается и говорит:

— Ты мудак.

— Чувства взаимны, — заверяю я его.

Форд с сомнением хмыкает.

— Я больше не могу играть в бейсбол. Слишком стар, черт возьми. — Он кивает мне. — Кроме того, я бы никуда не уехал, даже если бы мог, Чарли. Рыбалка и верховая езда каждый день — это то, что мне нужно.

— Я хочу остаться здесь, — добавляет Уайетт, и мой взгляд устремляется к нему. У него на сжатой челюсти пульсирует мускул. Он обижен, что я не поговорил с ним об этом.

²⁷ Последовательность из пяти одномастных карт, начинающаяся с туза

— Это мой город. Мы, блядь, семья, чувак. Ты не избавишься от нас теперь, когда завел себе девчонку.

Я слышу уверенность в голосе брата, и меня охватывает облегчение.

Мои братья хотят остаться здесь.

Чувство вины, засевшее у меня в животе, наконец-то исчезло.

Черт возьми, как приятно вернуться.

— Я был в бешенстве, — медленно признает Дэвис, качая головой. — Но это не из-за тебя, Чарли. — Он замолкает, и мне кажется, будто он хочет забрать свои слова обратно. — Но Уай прав, а ты ошибаешься. Как обычно.

Уайетт и Форд поворачивают головы в мою сторону и смеются.

— Да пошли вы все, — говорю я, показывая средний палец, но в этом нет никакой злости.

Форд тянется через стол, чтобы взъерошить мои волосы.

— Да, да, мы тоже тебя любим, идиот.

Редкая ухмылка кривит губы Дэвиса.

— Мы хотим остаться здесь. И я чертовски рад, что эта девочка помогла тебе вытащить голову из упрямой задницы.

Я фыркаю.

— Она останется? — спрашивает Дэвис, все еще ухмыляясь.

— Да, — говорю я. — Да.

— И надолго?

— Думаю, да, — говорю я. — Когда ты знаешь, ты знаешь.

— Да. — Одобрительно кивнув, Дэвис опускает глаза на мои сапоги, где на подошве я нацарапал имя Руби. Он поднимает на меня глаза. — Не отпускай ее, слышишь? — Дэвис прочищает горло и роется в ящиках стола, делая вид, что ищет там что-то.

Странно. Мы с Фордом обмениваемся взглядами. Если Форд выглядит слегка озадаченным заявлением своего близнеца, то я — более чем. В голосе Дэвиса прозвучала какая-то застарелая боль. Только направлено это не на нас. Как бы мы ни были близки, кирпичная стена скажет нам больше, чем Дэвис.

— Итак, что дальше? — Уайетт хлопает ладонями по столу. — Отвезем ее домой к маме?

Я фыркаю.

— Если я отвезу ее домой, мы сначала обсудим правила.

Я ни за что на свете не отдам самую милую девочку на растерзание острой на язык маме.

Уайетт улыбается.

— Не знаю, что за чары наложила на тебя эта девушка, Чарли, но, черт возьми... — Мышцы на его челюсти и шее напрягаются. — Я рад это видеть.

— Рад, что ты заметил, — ворчливо отвечаю я.

Ничто и никогда не было таким правильным. Руби. Мои братья. Мое ранчо.

— Черт, — рычит Дэвис, нажимая на клавиатуру. В его руках появляется рация.

Я вскидываю голову и бросаюсь к первому монитору системы безопасности. Длинный черный кадиллак ползет к моему домику.

Холод сковывает мое сердце.

Руби.

Я вскакиваю с кресла, руки сжимаются в кулаки.

— Встретимся у дома, — говорю я и бросаюсь бежать.

К тому времени, как я добираюсь до дома, Руби стоит у входной двери, уперев руки в бока, и вежливо улыбается мужчине в черном костюме, стоящему перед ней.

Я... я не настолько мил.

Моя рука сжимается в кулак.

— Ты нарушаешь границы, — рявкаю я. Поднявшись по ступенькам крыльца, я делаю шаг навстречу ублюдку и загораживаю Руби своим телом. — Садись в свою машину и уезжай.

Мужчина не реагирует. Он смотрит на меня с невозмутимым выражением лица.

— В свое время, — говорит он. — Я как раз разговаривал с твоей симпатичной подружкой... — Его взгляд переходит с меня на Руби.

— Руби, — щебечет она, и я делаю мысленную заметку, чтобы позже сказать ей, что не стоит быть такой милой со всеми. Это одна из черт, которую я люблю в ней — ее невинная доброжелательность, но это также пугает меня до смерти.

— Руби, — повторяет мужчина, устремляя на нее пристальный взгляд, как на мишень.

Расправив плечи, я заслоняю ее от него.

— Мистер Монтгомери. Нам давно пора встретиться. — Он протягивает руку в мою сторону. — Деклан Валиант.

У Руби вырывается вздох.

Черт. Это он. Человек с этих предвыборных плакатов. Я узнаю серебристые волосы и его жесткое, безэмоциональное лицо. Глаза с золотыми крапинками, как у рептилии.

Я отказываюсь пожать ему руку.

— У тебя здесь нет никаких дел.

— О, но у меня есть. — Он поправляет рукав своего костюма. — Как я понимаю, ты знаком с моей женой. И с моим сыном, Колтоном.

Руби бледнеет.

— Да, — говорю я ему, придвигаясь ближе к Руби. — И они создали достаточно неприятностей нашему ранчо. — Я усмехаюсь. — Теперь прибыл босс. Должно быть, дела идут плохо.

Лицо Деклана остается спокойным.

— Я признаю, что был неправ, — говорит он. — Я должен был предложить тебе столько, сколько стоит эта земля. Я должен был попробовать другую тактику ведения переговоров. Я пришел, чтобы загладить свою вину. У вас лояльное сообщество. У вас честный город, что заставляет меня... скажем так, быть щедрым.

— Переговоры? — Я делаю шаг вперед. Руби кладет руку мне на плечо, ее прикосновение спокойное и ободряющее. — Наверное, ты имеешь в виду саботаж? Я знаю, что ты пытался сделать.

— Называй это как хочешь, но ударить моего сына было не самым разумным решением, мистер Монтгомери.

Я стискиваю зубы так сильно, что у меня болит челюсть.

— Я сделаю это с любым, кто тронет мою семью. Твоему сыну повезло.

Долгий вздох, затем маска сползает с лица Валианта.

— Я был вежлив, мистер Монтгомери. Я послал своих людей поговорить. Я предлагал деньги. Я настаивал. Но теперь... — Деклан расстегивает пиджак, демонстрируя пистолет в кобуре на поясе.

Волна ярости прокатывается по мне.

Этот ублюдок действительно угрожает мне?

— Руби, — говорю я, медленно прижимая ее к себе. — Иди в дом. Сейчас же.

Она не двигается.

Я смотрю на нее сверху вниз. Она уставилась на Деклана прищуренными глазами.

— Иди, малышка. — Я похлопываю ее по заднице, и она хмурится, но позволяет мне проводить ее внутрь. Меня охватывает облегчение.

Я хочу, чтобы она была подальше от этой конфронтации, потому что Деклан в двух секундах от того, чтобы ему оторвали голову.

— Это не обсуждается, — резко говорю я. — Мы ничего не продаем, так что убирайся с моей территории.

Его губы презрительно изгибаются.

— Тебе стоит пересмотреть свое решение. Отказывая DVL, отказывая мне, ты играешь с огнем, мистер Монтгомери. Я знаю людей в Чикаго, которые могут превратить твою жизнь в ад.

Я фыркаю, пока он застегивает пиджак. Этот кусок дерьма — сплошная показуха. Никогда и ни за что на свете он не воспользуется своим оружием. Он найдет кого-нибудь другого, кто сделает за него грязную работу.

В этот момент я вижу, как Деклан смотрит на Руби. Направление его взгляда, напряженного и изучающего, взрывает во мне атомную бомбу.

Больше никакого спокойствия. Больше никаких размышлений. Я действую. Я обнажаю зубы и наступаю, хватаю его за воротник рубашки, чтобы спихнуть его с крыльца, закрывая собой Руби.

А затем я наношу ему сокрушительный удар, как в автомобильной аварии, прижав его к стенке моего дома.

Деклан что-то невнятно протестует, но я быстро останавливаю его, усиливая хватку.

— Не смотри на нее, — рычу я, и его испуганный взгляд встречается с моим. — Смотри на меня и слушай, что я тебе говорю. Я скажу это один раз. Ты думаешь, что знаешь людей? Я и есть люди. Держись подальше от моей земли. Держись подальше от моей семьи. Еще раз появишься на моей территории, и я не стану вызывать полицию. Я разберусь с тобой сам. Думаешь, у меня десять тысяч акров только для скота, ты, никчемный кусок дерьма?

С этими словами я оставляю мужчину плестись по гравийной дороге в сторону машины и врываюсь внутрь, захлопывая за собой дверь.

Несколько секунд спустя раздается звук мотора.

Руби на острове, ее глаза прикованы к телефону. Она дрожит, ее лицо бледное, но выражение лица решительное.

— Малышка. — Я подхожу к ней, обнимаю ее. — Ты в порядке?

— Он плохой человек, Чарли, — шепчет она, прижимаясь к моей груди. — Это он причинил боль Уайетту.

Я поднимаю ее подбородок и заставляю посмотреть на меня.

— Что он тебе сказал?

— Он ничего не сказал.

Я выдыхаю и крепко прижимаю ее к себе, наслаждаясь ощущением ее тела, мягкого и безопасного в моих объятиях.

Через окно я вижу, как вишнево-красный F-350 Дэвиса с грохотом проносится по дороге.

Черт возьми, это заняло у них достаточно много времени.

— Чарли, — говорит Руби голосом, от которого у меня по спине бегут мурашки. Она стоит прямо и смотрит на меня. Ее телефон прижат к сердцу. — Мне нужно тебе кое-что показать.

Гостиная залита светом. На журнальном столике стоят бутылки из-под виски. Форд и Уайетт раскинулись на диване. Снаружи гремит гром.

Дэвис прохаживается за диваном, его взгляд устремлен на телефон Руби, на фотографию Деклана Валианта.

Руби застенчиво стоит в сторонке, спиной к камину, пока я не шепчу ей в волосы:

— Сядь, подсолнух.

Она качает головой.

— Это семейное дело.

— Ты — часть нашей семьи, — твердо говорю я, глядя в ее ярко-голубые глаза. — Нравится тебе это или нет.

На ее губах появляется лучик улыбки.

Дэвис поднимает руку.

— Чарли, ты это видел?

Я потираю челюсть.

— Видел. — Я смотрю на Руби, на ее прекрасном лице неуверенность. — Расскажи им, малышка.

Присев на край дивана, следующие десять минут Руби объясняет моим братьям, как она сделала фотографию. Она и Фэллон в подворотне наблюдали за сценой в борделе, не зная, что мужчина в главной роли, — Деклан Валиант.

Я стою позади Руби, скрестив руки на груди.

Когда она заканчивает, то убирает прядь волос с лица.

— Я не знала, кто он, — говорит она. — Я просто сделала фото. — Она морщит нос.
— Вините Фэллон.

— Черт, — выдыхает Форд, забирая телефон у Дэвиса.

Изображение достаточно четкое. Оно золотое.

Деклан Валиант с женщиной в борделе, брюки на щиколотках. Невозможно отрицать ни его фирменную копну серебристых волос, ни пряжку ремня с фамильным гербом.

Та самая пряжка, которая связывает его с женой и сыном.

Она связывает их с их грязными летними делами.

Форд передает телефон Уайетту.

— Черт, — говорит Уайетт. — Руби в самом деле крутая.

Я ухмыляюсь.

Это моя девочка.

Она откидывается на спинку дивана, подогнув под себя ноги.

— Я не хочу, чтобы это вызвало проблемы.

— Нет. — Дэвис улыбается Руби. — Не вызовет. Ты нам очень помогла. Чертовски сильно.

Уайетт ухмыляется, наклоня свой виски в мою сторону.

— Теперь у нас есть чем отстреливаться.

Руби выглядит встревоженной.

— Валиант говорил что-нибудь еще, когда был здесь? — спрашивает Форд, не сводя с меня глаз.

— Типичное дерьмо, — ворчу я. — Сказал, что мы играем с огнем. Что у него есть знакомые в Чикаго, которые могут превратить нашу жизнь в ад.

Уайетт усмехается.

Моя свободная рука сжимается в кулак. Я обвожу холодным взглядом Руби, моих братьев.

— Они не превратят Воскрешение в какой-то цементный город. Это наш дом, и мы его защитим.

Все в комнате становятся серьезными.

— Они использовали социальные сети, чтобы добраться до нас. Мы тоже используем их, когда потребуется, — раздается громкий голос Дэвиса. Звучит как удар молотка в суде.

Форд отпивает виски.

— Сезон предвыборной кампании.

— Чертовски верно, — соглашаюсь я.

Публикация фотографии взорвет весь мир Валианта. Это разрушит бизнес его жены, шансы его сына на поступление в колледж, уничтожит его карьеру политика. У него появятся более важные дела, чем ранчо в Воскрешении.

— У Стида есть контакт в газете в Миссуле, — напоминает нам Уайетт. — Мы можем отдать фото ему. Пусть разместят во всех этих социальных сетях, которые так любит Руби.

Руби впивается зубами в нижнюю губу.

— Это разумно? Стоит ли нам это делать? — Она с волнением оглядывает комнату, потом поднимает глаза на меня.

Я глубоко вздыхаю и кладу руку ей на плечо, притягивая ее ближе, нуждаясь в ней.

Она все еще выглядит обеспокоенной.

Дэвис, встретившись со мной взглядом, смеется и вздыхает одновременно.

— Они объявили войну первыми. Мы просто ее закончим.

Уайетт поднимает свой стакан с виски.

— Выпьем за социальные сети.

Форд потирает виски.

— Будем надеяться, что мы выберемся из нее целыми и невредимыми.

Руби

Открытые двери, ледяное пиво, конец лета. Закрытие сезона ранчо «Беглец».

Все, что связано с прощальным ужином у костра, хаотично и волшебное, и кажется совершенно идеальным.

Когда Дэвис поднимает холодильник, я проскакиваю под его руками и разворачиваюсь, чтобы поймать его естественный кадр. Я хихикаю, когда рассматриваю снимок. Он хмурится, его жетоны сверкают в лучах заходящего солнца. Не думаю, что эти Монтгомери смогли бы улыбнуться, даже если бы от этого зависела их жизнь.

Опустив телефон, я изучаю суровый пейзаж и ранчо.

Братья Монтгомери — гордость Монтаны.

У каждого гостя в руке пиво. Шеф-повар Сайлас откапывает лопатой в земле поросенка, которого он закопал вчера²⁸. Из колонок древней стереосистемы звучит музыка. В центре поля гордо горит небольшой костер. За нами до самого неба простираются горы, а закат окрашен в яркие сиреневые тона.

Форд, Дэвис и Чарли стоят рядом, как широкоплечие вышибалы, готовые броситься туда, где возникнут проблемы. От Монтгомери исходит энергия. Они собранные. Гордые. Они так любят это ранчо, что это отражается на их лицах.

Гости сидят на длинных бревнах, смеются, едят с бумажных тарелок. Они делают селфи и общаются с работниками ранчо и персоналом. Скоро они вернутся к своей жизни, но я надеюсь, что они увезут с собой частичку ранчо «Беглец».

И со мной произошло именно это.

Теперь я принадлежу этому месту.

Сказать моему брату и отцу, что я остаюсь, будет нелегко, но и сложно тоже не будет.

Мое счастье, мое сердце — здесь, с Чарли.

Несмотря на то, что ранчо «Беглец» будет закрыто до следующего лета, я планирую продолжать публиковать посты о нем в социальных сетях. Чем больше я смогу раскрутить их аккаунт, тем лучше. А работая с моим туристическим агентством над предварительным бронированием инфлюенсеров и распространением информации через социальные сети, я не сомневаюсь, что в следующем году они откроются с шумом.

Следующим летом и каждый следующий год.

И я буду здесь.

Улыбаясь, я смотрю на чистое голубое небо, а на голове у меня красуется новая ковбойская шляпа, которую мне купил Чарли. Ветер дует мне в спину, солнечные лучи бьют в лицо. Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю.

Наконец-то я чувствую себя полноценной.

Этим летом я поняла, что могу сделать очень многое.

Я выбираю направление своей жизни. Никто другой.

Я сильна благодаря своему сердцу, а не вопреки ему.

У меня есть ковбой, который любит меня.

У меня есть друзья, и я обрела еще одну семью.

Остаться с Чарли, жить в Воскрешении — это то, что я должна сделать.

Оглянувшись, я замечаю, что Чарли смотрит на меня с гордостью в глазах. Он подмигивает мне, и у меня внутри становится теплее, как всегда, когда я смотрю на него.

От жизни.

От любви.

Мое внимание привлекает громкий смех, и я вижу группу гостей, танцующих на пастбище.

²⁸ Способ приготовления поросенка в земляной яме на раскаленных камнях

Я отступаю к краю деревьев, желая сделать групповой снимок для видео, которое я готовлю к концу года. Как только я делаю снимок и опускаю телефон, мой мир начинает вращаться.

— О нет, — бормочу я. *Трепетание*. Перед глазами появляются черные точки.

Желая уединиться, я ухожу в лес и прижимаю два пальца к пульсу на шее, прислушиваясь к учащенному сердцебиению. Сегодня, когда я таскала дрова для прощального ужина и бегала в лодж за припасами, я слишком сильно нагрузила себя.

— Прости, — шепчу я, прижимая руку к сердцу. — Ты в порядке. С тобой все будет хорошо.

Я должна быть в порядке.

Шорох в лесу пугает меня, и я оборачиваюсь.

В десяти ярдах от меня на поляне стоят Фэллон и Уайетт, в нескольких дюймах друг от друга. Их тихие голоса звучат возбужденно.

Я прикусываю губу. Я свидетель того, чего не должна видеть, но не в силах отвернуться.

С тихим рычанием Уайетт вынимает сигарету изо рта и тушит ее о кору дерева.

Фэллон бросает на него яростный взгляд, но Уайетт тянется к ее руке. Сначала она упрямо пытается отстраниться, отказываясь от его прикосновений, но потом сдается. Я наблюдаю, как их указательные пальцы переплетаются, словно виноградные лозы. Уайетт притягивает ее к себе, что-то говорит, но она отказывается сдвинуться с места. Тогда Уайетт отпускает ее руку и направляется к своему трейлеру.

Затаив дыхание, я отступаю назад, прижимаясь к дереву.

Фэллон оглядывается по сторонам. Свет, падающий сквозь ветви деревьев, танцует на серебристом шраме ее изящной челюсти. Ее прищуренные карие глаза осматривают окрестности, и после секундного колебания она следует за Уайеттом.

Я улыбаюсь.

Когда я выхожу из леса, к кругу присоединяется еще один грузовик. Пожилой мужчина в ковбойской шляпе и с длинными седыми усами стоит и разговаривает с Чарли.

Когда я подхожу, мужчина смотрит в мою сторону, засунув большие пальцы в петли ремня.

— Это, должно быть, она.

— Так и есть, — говорит Чарли, опуская руку мне на плечо. — Это моя девочка, Руби.

Моя девочка. Мои губы растягиваются, потому что я вижу, что он горд и немного взволнован. Это читается в его глазах и в пространстве между нами. Любовь.

Чарли продолжает знакомить нас.

— Руби, это Сид. Отец Фэллон и самый крутой старый ублюдок в Воскрешении.

Сид заливисто смеется и энергично пожимает мне руку. Его длинные усы напоминают мне какого-то мудрого ковбоя из вестерна.

— Приятно познакомиться с сердцем ранчо Чарли.

— Привет, Сид. Приятно познакомиться. — Я краснею от комплимента и улыбаюсь Чарли игривой улыбкой. — Это огромная честь. Не уверена, что заслужила ее, поскольку я не местная.

Брови Стида взлетают вверх.

Чарли рычит на меня.

— Я понял, о чем речь, подсолнух. — Его выражение лица становится серьезным, когда он снова смотрит на Стида. — Она такая же местная, как и мы с тобой.

Сид усмехается.

— Я верю тебе на слово, сынок.

— Вы все можете вести светские беседы на хребте, — рявкает Форд, подходя к нам. В руках у него длинная зажигалка и портативная колонка.

Появляется Дэвис с холодильником. У него топор и бумажные фонарики.

— Поехали, — говорит он, направляясь к своему старенькому Шевроле. — Сегодня у нас семейный сбор.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Чарли.

— Что такое семейный сбор?

Форд обнимает нас с Чарли и просовывает между нами свое ухмыляющееся лицо.

— Это место, где мы собираемся все вместе и сплетничаем о Чарли.

Я хихикаю над братским подшучиванием и улыбаюсь, когда Форд взъерошивает волосы Чарли. Смеясь, Форд уворачивается, прежде чем Чарли успеет схватить его за рубашку и дать сдачи.

Чарли хмурится вслед брату, но я слышу улыбку в его голосе.

— Это единственный день в месяце, который мы никогда не пропускаем. Даже если общаться с Уайеттом — все равно что зубы выдергивать.

Форд бросает взгляд на костер.

— Где он вообще?

Кончики моих ушей становятся розовыми, когда я вспоминаю сцену, которую видела в лесу.

— Думаю, он пошел в дом за пивом, — вру я, желая выиграть им время.

Пока все собираются и готовятся, начинается суматоха.

— Нам не нужно оставаться здесь на вечеринку? — спрашиваю я Чарли.

— Нет, — отвечает он. — Все улажено. Мы провели здесь достаточно времени. Теперь мы позволим нашим гостям повеселиться, а сами пойдем праздновать. Это традиция ранчо.

— Не могу дождаться, когда увижу это, — говорю я, прижимаясь к нему. Его глаза темнеют, и он целует меня в губы.

Форд ухмыляется.

— Да, черт возьми. Когда летнее солнце начинает опускаться, самое время отправиться на хребет.

— Ух ты, — хмыкает Уайетт, внезапно появившись из ниоткуда. — Похоже, у нас есть пара раздолбаев, готовых зажечь сегодня вечером.

Чарли вскидывает темную бровь.

— А где пиво? — спрашивает он.

Уайетт выглядит озадаченным.

— Его не было в доме? — спрашиваю я, бросая взгляд на Уайетта и надеясь, что он поймет, что я хочу сказать.

Его внимание переключается на меня, и он кивает.

— Конечно, не было, Руби. Должно быть, Дэвис захватил его.

Дэвис проницательно смотрит на своего младшего брата.

— Рубашка надета наизнанку.

— Новая тенденция, — заявляет Уайетт. Но кончики его ушей, едва прикрытые лохматой копной волос, ярко-красные.

Несколько минут спустя появляется Фэллон с непроницаемым выражением лица. Она подходит к Стиду и берет его под руку.

Убедившись, что все собрались, Дэвис поднимает руку и дает команду отправляться.

— Вперед.

— Ты готова, подсолнух? — спрашивает Чарли. А затем он переплетает свои пальцы с моими и тянет меня к своему грузовику.

Мое сердце подскакивает.

Я так чертовски готова.

Чарли

Мы поднимаемся на Луговую гору и распаковываем вещи. Кулеры с пивом. Бумажные фонарики. Пока горит костер, из маленькой колонки звучит музыка Стерджилла Симпсона. Форд и Уайетт стоят на краю уступа из песчаника, глядя на юг, на бескрайний пейзаж каньона, зажигают небесные фонарики и выпускают их в воздух.

Руби наблюдает за происходящим широко раскрытыми глазами, прижав руки к груди.

— О, — выдыхает она, проводя пальцем по светящемуся фонарю. — Они улетают. — Она поднимает на меня глаза. — А что с ним будет?

Я бережно держу руку на ее спине, вспоминая о том, как водил ее сюда. Последнее, что мне нужно, это чтобы она подошла слишком близко к краю.

— Он полетит вниз, — говорю я ей, указывая на склон скалы. Ранчо «Беглец» микроскопическое, но мы видим дым от костра. — Он сгорает в воздухе, но это длится достаточно долго, чтобы гости могли увидеть его в конце вечера.

Ее рот приоткрывается от восторга.

Она выглядит неземной в лучах заходящего солнца, ее длинные золотисто-розовые волосы падают на лицо. Монтана величественна в своей красоте, но и Руби тоже.

— Загадай желание, — говорит Форд, запуская в небо еще один фонарь.

— Загадать желание? — переспрашивает Руби.

— Надежды. Мечты. Желания. — Опустив руку на ее талию, я наклоняюсь и объясняю Руби нашу ежегодную традицию. — На следующий сезон.

Форд подбадривает нас.

— За победу «Брейвз».

Дэвис закатывает глаза.

— Он имеет в виду ранчо, придурок.

— До следующего года, — ворчу я, бросая взгляд в сторону Форда. — Больше никаких чертовых видео.

Фэллон разводит руками.

— За Пэппи Старра, — говорит она, свешивая ноги с выступа скалы.

Уайетт корчит гримасу отвращения.

— Что тебе нужно от этого придурка?

Фэллон пожимает плечами.

— У меня с ним встреча.

Уайетт смеется.

— Он не уважает девушек.

— Думаю, ты хочешь сказать, что он не уважает тебя.

— Мне это и не нужно, — ворчит Уайетт, разламывая веточку и бросая ее с обрыва.

Выражение отвращения на его лице повторяет мое собственное. Пэппи Старр — сомнительный родео-агент, который больше беспокоится о том, что его клиенты могут сделать для него, чем о том, что он сам может сделать для своих клиентов. Он относится к родео как к игре, а не как к спорту, которым оно является.

— Кроме того, — продолжает Фэллон. — Он будет меня уважать, если я сделаю что-то достаточно безумное. — На ее лице появляется лукавая ухмылка, когда она перекидывает ногу через выступ скалы. — Жизнь номер четыре, вот и я.

Уайетт смеется, но его взгляд прикован к ее шаткому равновесию.

— Похоже, тебе нужен психотерапевт.

Фэллон поворачивается к нему с таким видом, словно готова сразить моего брата наповал своим яростным взглядом.

— Похоже, тебе нужен намордник, — огрызается она.

Руби, сосредоточенно наблюдающая за происходящим, подходит ко мне ближе.

— Что он сделал? — тихо спрашивает она.

— Кто?

— Уайетт. — Она вскидывает бровь и проводит пальцем между Уайеттом и Фэллоном. От их взглядов может расплавиться сталь. — Чтобы Фэллон так на него злилась?

Я рассматриваю своего брата. Руби права.

Это чертовски хороший вопрос.

Я не могу понять, хочет ли Уайетт трахнуть Фэллон или подраться с ней. Может, и то, и другое. Это странно, потому что Уайетт обычно рассказывает мне обо всем, но он никогда не говорил мне, что он сделал, чтобы разозлить ее.

— Если хочешь почувствовать себя живой, — говорит Форд, прерывая спор озорной ухмылкой. — Давай заберемся на эти скалы, ковбойша.

Принимая вызов, Фэллон приподнимает брови и хватается за рюкзак Форда.

— У тебя есть с собой мел?

— Господи, — стону я. Рядом со мной Руби издает панический писк. Последнее, что нам нужно, — это чтобы эти два идиота разбились насмерть.

— Вам всем нужно остыть, мать вашу, — рычит Дэвис, шагая вперед. Одним быстрым движением он продевает палец в петлю ремня Фэллона, поднимает ее в воздух и ставит на твердую землю. Я наблюдаю, как напряжение покидает худощавую фигуру Уайетта.

Показав Дэвису язык, Фэллон достает пиво из холодильника.

— Я собираюсь сделать кое-что, что взорвет вам всем мозг, а потом убраться из этого города.

Форд поднимает последний фонарь.

— Все идите сюда.

Посмеиваясь, Сид неторопливо подходит к Форду и берет у него фонарь. В его улыбке мелькает серебристый отблеск.

— У меня была неплохая жизнь, но мне бы хотелось еще.

Тихий вздох рядом со мной заставляет меня взглянуть на Руби. Она смотрит куда-то вдаль, свет в ее глазах потускнел.

Фэллон подходит к отцу.

— Это прекрасно, папочка, — говорит она, и я давно не видел на ее лице такой нежности.

Когда Сид отпускает фонарь, я протягиваю руку и сжимаю ягодицу Руби. Мы смотрим, как светящийся фонарь плывет в сумрачном небе.

— Твоя очередь, подсолнух, — говорю я ей.

Она качает головой, напрягаясь от моих слов.

— Мне не нужно желание, — говорит она. Затем поднимает глаза, на ее лице расцветает великолепная улыбка. Грозовая туча в ее глазах исчезает, и она вновь сияет солнечным светом. — У меня есть ты.

Как сильно я люблю эту девушку.

Это вибрирует во мне, как электрический разряд.

Оседает в моих костях. Сжигает мое сердце. Заполняет пустоту в моей груди.

— Черт возьми, малышка. — Я притягиваю ее ближе к своим объятиям.

Этот рот принадлежит мне. Я заявляю об этом перед всеми, впиваясь в нее.

Когда я отпускаю Руби, все глаза устремлены на нас.

— Сделай чертову фотографию, — рычу я.

Руби краснеет и прижимается головой к моей груди.

Все смеются, а ночь продолжается. На небе появляются звезды. Холодильник опустел. Мы разводим костер. Форд начинает рассказывать о рыбе, которую он поймал этим летом, и о медведе, который, как он клянется, преследовал его целую милю, прежде чем он предложил ему форель в обмен на свою жизнь.

Рядом со мной появляется Сид. Он выглядит чертовски здоровым.

— Чарли, Дэвис, как думаете, я могу вас на секунду отвлечь?

Мы с Дэвисом переглядываемся и ускользаем от группы. Сид садится на один из принесенных нами стульев, а мы с братом садимся напротив него на деревянную скамью, которую Форд смастерил более пяти лет назад.

— Что происходит, Сид? — спрашивает Дэвис.

— Послушай, сынок, я старый человек и часто сую свой нос туда, куда, возможно, не стоит. — Он поднимает руку, когда я открываю рот. — Я старше, а ты должен уважать чертовых старших, слышишь меня?

Я усмехаюсь.

— Я тебя слышу.

Сид наклоняется вперед.

— Чарли, сынок, боюсь тебе сказать, но на твоей территории завелись желтобрюхие ворчуны.

Я потираю челюсть и перевожу взгляд на Дэвиса.

— Что за хреновы ворчуны?

Сид хрипло смеется.

— Черт, если бы я знал. — На его обветренном лице появляется озорная ухмылка. — Я пытался найти решение твоей проблемы и, кажется, преуспел. Вы знаете, что у меня есть друг в Службе охраны рыб и диких животных. Так вот, я отправился туда пару недель назад. Это заняло некоторое время, и мне пришлось оказать кое-какие услуги, но ранчо «Беглец» официально объявлено заповедником.

Мы с Дэвисом в ошеломленном молчании смотрим друг на друга, затем на Сиде.

Эмоции душат меня, и мне приходится прочищать горло, чтобы произнести следующие слова.

— Господи, — выдавливаю я.

Теперь никто не сможет отнять у нас ранчо.

Дэвис все еще выглядит ошеломленным.

— Должно быть, это было чертовски много одолжений.

Сид ворчит.

— Не спрашивай.

Медленно выдохнув, я качаю головой.

— Зачем ты это сделал? У нас все под контролем. У нас есть компромат на DVL.

— А что будет в следующий раз? Когда кто-нибудь еще нанесет визит? С этим статусом, даже если вы продадите землю, она будет защищена. — Он поднимает свой «Стетсон» и проводит рукой по лысой голове. — У меня есть деньги, сынок, немного власти, немного уважения. Позволь мне найти этому достойное применение. Я тот чертов дурак, который не додумался до этого раньше.

Дэвис закрывает лицо ладонями и разражается недоверчивым смехом.

— Чарли, если ты согласен, то завтра ты должен прийти в муниципалитет и подписать бумаги, — говорит Сид. — Все готово. Теперь никто не сможет тронуть твое ранчо.

Я провожу рукой по своей бороде, ошеломленный.

— Сид. Это слишком.

— Нет. — Он выпрямляется, его серые глаза устремляются к Фэллон. — Признаю, это было не по доброте душевной. Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— О чем ты?

— Я хочу, чтобы ты защитил моих дочерей.

Снова тишина. Дэвис садится ровнее.

— Считайте меня старомодным, но мои дочери — это мое все. Меня не будет рядом вечно. И когда меня не станет, я хочу, чтобы ты позаботился о них.

Дэвис резко выдыхает.

— Тебе не нужно просить об этом. Мы защитим Дакоту и Фэллон, несмотря ни на что. Но не сочти за неуважение, я не уверен, что твоим дочерям нужна наша помощь. — Он оглядывается через плечо на Фэллон, которая сейчас воет в небо.

— Фэллон нельзя приручить, — говорит Сид с гордостью в глазах. — Наверное, это моя вина. Эта девчонка дикая, как ветер. С тех пор как ее мать... — Сид замолкает, его рука сжимается в кулак. Он делает паузу, прочищает горло и говорит: — А Дакота... ну... она для всех нас загадка.

Дэвис вздрагивает.

Где-то за хребтом койот присоединяется к Фэллон.

Стид поднимает руку, пресекая дальнейшее обсуждение.

— Вы все для меня как сыновья. Я доверяю вам. Землю. Моих дочерей.

— Мы будем рады помочь, сэр. Сделаем все, что понадобится. — Дэвис опускает взгляд, он так сильно сжимает банку из-под пива, что костяшки его пальцев белеют. В его выражении лица, в его тоне, есть что-то мягкое. Трудно разобрать.

Стид роется в карманах. Он достает леденец и отправляет его в рот.

— Мне нравится быть живым, парень. Теперь я знаю, что сделал что-то хорошее за то время, что у меня осталось.

У меня перехватывает горло.

— У тебя еще много времени.

— Время — это единственное, что нам не гарантировано. — Голос Стида ровный.

— Мы должны использовать отведенное нам время с пользой. Мы должны дорожить каждой секундой. Ты не можешь упустить свою жизнь, сомневаясь в каждом шаге.

Я замираю от его слов.

Стид смотрит на хребет, жестом указывая на разворачивающийся вид.

— Вот, что важно. — Мы с Дэвисом поворачиваемся туда, куда устремлен его взгляд.

Вдалеке слышен плеск и грохот Плачущего водопада. Пики и обрывы Луговой горы. Темнота, сгущающаяся над деревьями.

Он прав.

Земля. Семья. Девушка передо мной, танцующая в свете костра.

Я буду чертовым дураком, если не сделаю ее своей навсегда.

— Черт. — Я разжимаю руки. Выдыхаю. Как будто с плеч свалился груз. — Спасибо, Стид.

Стид встает и, не оглядываясь, вытягивает руку в сторону Воскрешения.

— Здесь все зависит от людей, которых ты знаешь, — отвечает он. — Ты знаешь меня, и этого достаточно.

Дэвис кивает, но его взгляд отрешен, мысли витают где-то далеко.

Я оставляю Дэвиса размышлять над тем, что его гложет, а сам возвращаюсь к остальным. Раздается смех. А вот и Руби, сияющая в свете костра как бриллиант.

Слишком красива, чтобы описать словами.

И она, черт возьми, моя.

Я должен рассказать ей о ранчо, но сначала я должен сделать кое-что еще. Я подхожу и беру ее за руку, оттаскивая от остальных.

— Как дела, ковбой? — весело спрашивает она, поднимая на меня свои великолепные голубые глаза.

Я прикасаюсь к краю ее ковбойской шляпы. На ее щеках россыпь звездочек.

— Обдумываю кое-что.

Руби встает на носочки и прижимается ко мне губами.

— Что?

— Восход солнца.

Она наклоняет голову.

— Попробуем сегодня?

— Да, черт возьми, попробуем. — Мои ладони скользят по ее плечам. Ее тело выгибается навстречу моему, биение ее сердца отдается в моей груди. — Я думаю о нас с тобой и о том, что будет дальше.

Она игриво шевелит бровями.

— И что же?

— Думаю о том, что я хочу на тебе жениться.

Она задыхается. Ее глаза расширяются, и у нее вырывается прерывистый вздох.

— О, Чарли.

— Скоро, подсолнух, — предупреждаю я, обнимая ее лицо ладонями. — Я надену кольцо на твой палец и буду молить, чтобы ты взяла мою фамилию. Потому что я принадлежу тебе. На всю оставшуюся жизнь, Руби, я — твой.

Дни, когда я задавался вопросом, чего я хочу, когда я жил как тень человека, прошли.

Я построю будущее с Руби. Семью. Сад. Она будет спать в моей постели. Нашу жизнь наполнят кресла-качалки, виски, цветы и солнце.

До конца проклятых времен.

— Ты станешь моей женой, Руби? Я буду крепко любить тебя, подсолнух. Я сделаю тебя счастливой.

Она плачет, уткнувшись мне в грудь. Слезы текут по ее щекам, пропитывая переднюю часть моей рубашки.

— Тише, малышка. Не плачь. — Я целую ее макушку, вдыхая ее клубничный аромат. Затем, приподняв ее лицо, я смахиваю слезы большим пальцем. — Счастливые или грустные слезы?

— Счастливые. — Она улыбается так ярко, что мои губы сами растягиваются в ответной улыбке. — Это, без сомнения, самый лучший подсолнечный день.

— Подсолнечных дней тебе хватит на всю оставшуюся жизнь, — клянусь я. — Я подарю тебе их все, малышка.

— Я согласна, — всхлипывает она, и моя грудь расслабляется от облегчения. — Мое сердце бьется для тебя, ковбой.

Я наклоняюсь и целую ее. И последняя темная часть меня, скрытая в тени, наконец-то выходит на солнце.

Руби

Взмокшая, словно после ночного кошмара, я подскакиваю в постели, хватая ртом воздух. Яркий золотой свет вспыхивает над горизонтом.

Восход.

Мы его пропустили.

Но я не пропускаю стук своего сердца.

Оно колотится, словно безумный, яростный кулак стучит изнутри в мою грудь.

Чарли спит рядом со мной, его широкая грудь вздымается и опускается в ровном ритме. Темные волосы растрепанные, красивое лицо умиротворенное, простыни спутаны вокруг его ног. Его вечно напряженные мышцы расслабляются во сне.

Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до него, и вся комната приходит в движение.

О нет.

Начинается паника. Я вскакиваю с кровати и мчусь в ванную. Я захлопываю дверь и запираю ее.

Ухватившись за раковину, я задыхаюсь, глядя на свое отражение в зеркале. Лицо бледное, под глазами темные круги. Призрак. Я выгляжу как призрак.

Дрожащими пальцами я массирую грудь, пытаюсь хоть немного успокоить свое бедное сердце.

Не сейчас. Не здесь.

Не тогда, когда прошлая ночь была такой идеальной.

Чарли хочет жениться на мне.

Его появление в моей жизни — это чудо.

Он стоит каждого секрета, каждого приступа трепетания, каждого риска, каждого безумного момента, от которого замирало мое сердце этим летом.

Я хочу любви. Я хочу Чарли. Меня пронзает боль, и глаза застилают горячие слезы. Потому что я не могу получить ничего из этого.

Мое сердце не позволит мне.

Реальность того, что я делаю, окутывает меня, как одеяло обреченности. Мои приступы происходят все чаще и чаще. Моему сердцу становится хуже. Этим летом я требовала слишком многого от своего лоскутного тела.

Я довела себя до предела.

Я была так одержима идеей начать новую жизнь, но на самом деле мне нужно новое тело.

Новое сердце.

Я всхлипываю, а потом закрываю рот рукой, чтобы заглушить звук.

Мне трудно дышать. Слезы заливают глаза, и я быстро моргаю, чтобы прогнать их.

Зачем я обманываю его?

Я тянусь за таблетками, случайно сбрасывая мыло и бритву Чарли с раковины на пол. Я вытряхиваю таблетку и глотаю ее, хотя знаю, что это не поможет.

Это больше не имеет значения.

Я никого не смогу обмануть.

И уж тем более Чарли.

Он узнает.

Скоро он поймет, что я обманывала его.

Боже. Вся эта глупая ложь, за которой я пряталась.

Это все моя вина. Я отправилась в это путешествие, установив границы, установив правила, и нарушила все до единого. Я выбрала эту жизнь с Чарли. Я сделала ее нашей, потому что хотела этого до боли.

Если бы я сбежала несколько недель назад, если бы оставила его, я бы не оказалась в этой ситуации.

Но я этого не сделала. И теперь я в ловушке собственного сердца.

Может быть, он поймет.

Может быть, он простит меня.

А потом я вспоминаю Мэгги и разражаюсь слезами.

Нет. Я не могу так поступить с ним.

Я не могу продолжать в том же духе. Я больна, и мое сердце слабое.

Это пугает меня.

Я могу умереть.

Я могу потерять жизнь, которую полюбила.

— Идиотка, — говорю я с тяжелым вздохом. Мое сердце словно разрывается по швам.

Слезы катятся из уголков глаз, и я слишком устала, чтобы бороться с ними. — Идиотка.

Я касаюсь своего сердца, и его учащенное биение лишает меня сил.

Мир кружится. В глазах пляшут черные точки.

Стук в дверь.

— Руби? — раздается обеспокоенный голос Чарли. — Подсолнух?

— Чарли. — Мой голос дрожит.

Я пытаюсь ответить ему, открыть дверь, выдать из себя слова, но не могу.

— Чарли, — шепчу я, прислоняясь горячей щекой к прохладному дереву двери ванной.

Дверная ручка дергается.

— Руби. Открой дверь. — Теперь его голос звучит обеспокоено, строго.

Подняв подбородок, я встречаюсь со своим бледным отражением в зеркале.

— Не смей, — умоляю я свое тело. Еще одна слеза скатывается по моей щеке. —

Пожалуйста. Не надо.

Но мое сердце больше не слушает моих просьб.

Оно не позволит мне скрывать дальше.

Мое сердце замирает.

Останавливается.

Возобновляет свой ритм.

Комната качается, и я падаю.

Чарли

— Руби! — Я дергаю за дверную ручку, пытаюсь открыть дверь, но она заперта. Я не могу добраться до нее.

Я не могу добраться до своей девочки.

Глухой стук по ту сторону двери заставляет меня окончательно потерять рассудок.

— Руби! — Я врезаюсь плечом в дерево. В два счета я выбиваю дверь.

Мой взгляд мгновенно находит ее, лежащую на полу лицом вниз.

Воздух покидает мои легкие.

Я бросаюсь вперед и падаю на колени рядом с ней.

— Руби? — Я осторожно переворачиваю ее, укладывая к себе на колени.

Ее ресницы трепещут.

— Чарли? — Она пытается подняться, но не может. Ее лицо утыкается мне в грудь, прячась.

— Что случилось? — Автоматически мои пальцы нащупывают ее пульс. Ее сердце бьется как бешеное, и моя паника усиливается.

— Ничего. — Она тихонько стонет. — Я в порядке.

— Чушь. Ты не в порядке. Малышка, поговори со мной.

— Мне нехорошо. — Ее шепот заканчивается захлебывающимся рыданием.

— Ш-ш-ш. Все хорошо, — говорю я, прижимая ее к своей груди. — Иди сюда. Мы тебя вылечим.

— Ты не сможешь, — хрипит она. По ее щекам текут горькие слезы. — Ты не сможешь мне помочь.

Я поднимаю ее крошечное тело на руки и встаю. Несу ее в спальню, кладу на кровать и снимаю с нее пропитанную потом футболку. Она дрожит, когда я накрываю ее простыней. Приношу ей стакан воды, сажусь рядом и вытираю пот с ее лба мягкой тканью.

— Ты потеряла сознание?

Она кивает.

— Прости меня. — Ее голос мягкий, печальный.

— За что? — Я глажу ее спутанные влажные волосы цвета розового золота.

— За все. — Ее глаза подергиваются дымкой. — Я не подхожу тебе, Чарли. Правда.

Я снова и снова качаю головой.

— Это не так. Ты моя.

— Я не должна быть твоей, — говорит она задыхаясь, слезы все еще катятся по ее щекам. — Я — терновый шип. Я причиняю людям боль.

— Ш-ш-ш. — Я хватаю ее за руку, переплетая ее пальцы со своими, как будто могу вернуть ее с того мрачного края, на котором она оказалась. — Не говори так.

Я жду, что она скажет что-нибудь еще, но она молчит.

Ее глаза закрываются, и вскоре она засыпает.

Тревожный сигнал раздается в моей голове.

Я встаю с кровати и наклоняюсь над ней.

Я никогда не обращал внимания, как бьется сердце. Но сегодня ночью, в моей спальне, пока Руби спит обнаженная на простынях, я замечаю. Протянув руку, я провожу пальцами по ее быстро вздымающейся груди.

Ее сердце бьется быстро. Неестественно быстро.

Господи.

Во мне вспыхивает беспокойство, когда я прижимаю два пальца к ее тонкой белой шее. Наблюдаю, как кровь стучит в ее венах, как бешено бьется ее пульс.

Затем я подношу их к себе, поражаясь разнице.

Я холодею.

Восход солнца за окном тускнеет, и у меня перед глазами все расплывается.

— Руби, — шепчу я, не сводя глаз с ее бледного лица. — Что, черт возьми, с тобой не так?

Руби

Хуже. Мне становится хуже.

Мои руки сжимают руль в смертельной хватке, пока я еду из города обратно на ранчо «Беглец».

Слова доктора прокручиваются у меня в голове.

Вернитесь к своему кардиологу.

Сбавьте скорость. Не перегружайте себя.

Если вы не будете осторожны, вы можете умереть. Существует определенная вероятность резкой остановки сердца.

Я проснулась рано утром, едва ли через час после приступа, и выскользнула из дома. Я оставила Чарли спать дальше одного. Сегодня он отправился в Бозман, чтобы окончательно оформить статус заповедника, но это не мешает ему оставлять мне многочисленные голосовые сообщения и слать смс. Я провела пять часов на приеме у врача в Воскрешении, с моим кардиологом в Zoom, рассказывая им о своем сердце и слушая их советы. И все говорят одно и то же.

Отправляйся домой, чтобы поправиться.

Но как? Как я поеду домой после этого лета?

Грусть захлестывает меня.

Я люблю эту жизнь. Я не хочу возвращаться к прежней, но какой ценой?

Неужели это тот риск, на который мне придется пойти?

Жить, смирившись с судьбой?

Или вернуться к спокойной жизни, зная, что у меня есть ковбой, который любит меня, и этого достаточно?

Что такое достаточно?

Я никогда не боялась умереть. Я боялась не жить, но теперь, когда я поняла, что это такое, мысль о том, что я могу все это потерять, мысль о жизни без Чарли, слишком болезненна.

Впустую. Все кажется потраченным впустую. Все это лето, все мили на этом старом Скайларке, все вычеркнутые строчки в списке моих желаний, вся любовь, которую я испытываю к Чарли, — все впустую.

По дороге я представляю себе его будущее. Он встретит кого-то еще. Гостью, туристку, местную жительницу. Кого-то живого и здорового. У них будут дети, семья, долгая совместная жизнь — все то, что я не могу ему дать. Он забудет меня.

Так и должно быть.

Я издаю сдавленный крик. От одной мысли о жизни без Чарли мне становится плохо.

Я смотрю на грозовые тучи, которые спускаются с Луговой горы и надвигаются на Воскрешение. Я нажимаю на педаль газа, управляя машиной едва сдерживая слезы.

Это кажется зловещим. Знак того, что мне нужно принять решение, пока не стало слишком поздно.

Я делаю решительный вдох.

Как я могу уехать? Как я могу вернуться к чему-то другому, кроме этой разбивающей сердце, дикой жизни?

На долю секунды я снова оказываюсь на заправке в Уинслоу, с бутылкой кока-колы в руке и картой, разложенной передо мной. Изменила бы я свой выбор, если бы могла? Направила бы свое сердце по другому пути?

Нет.

Ответ — нет.

Я бы не стала ничего менять. Даже ради своей жизни.

После этого лета я больше никогда не вернусь к жизни в полусне. К тому, чтобы смотреть на мир через окно спальни или экран компьютера.

Все эти мили, все эти годы мое сердце вело меня к Чарли.

Я должна дать ему выбор — принять это, простить меня или нет. Любить меня... или нет. Если он этого не сделает, я пойму. Я буду жить дальше.

Это моя ошибка.

Я должна признать ее.

Я должна открыться.

Сказать Чарли правду.

Укротить свое сердце.

Мой телефон звонит, и я вздыхаю, увидев имя Макса.

Почему он выбрал именно этот момент? С тех пор как я решила остаться в Воскрешении, я избегала его звонков. Но больше не могу его игнорировать.

Дрожащими руками я паркую машину на обочине, потому что не думаю, что смогу вести этот разговор и безопасно управлять автомобилем.

Я подношу телефон к уху.

— Привет.

Макс выдыхает с облегчением.

— Значит, ты жива.

— Едва ли, — шепчу я, снова глядя на грозовые тучи. Мое сердце бешено колотится, эхом отдаваясь в голове.

— И что это значит?

— Ничего.

Макс ругается.

— У тебя был приступ.

Я чуть не роняю телефон.

— Что? Нет.

— Я знаю, Руби.

Он прав. Он может. Мой брат был частью моего сердца с тех пор, как оно у меня появилось.

— Сколько? Сколько ударов, Руби? — Испуганный голос Макса прорывается сквозь мой затуманенный разум.

— Слишком много, — говорю я категорично.

— Черт. Я еду за тобой.

Я качаю головой, снова и снова.

— Не надо. Не стоит.

Я чувствую, что моя жизнь ускользает у меня из рук.

Я хочу выйти замуж за Чарли.

Я хочу жить на ранчо.

Я хочу так многого, но мне кажется, что мое время вышло.

— Я знаю, где ты.

Мои глаза распахиваются и становятся огромными, как блюдца. Ужас сковывает мою грудь.

— Что?

— Ты в Воскрешении, штат Монтана. Я позвонил Молли. Я нашел страницу в Инстаграме, которую ты ведешь.

Я издаю горький смешок.

— Поздравляю, Макс. Старший брат-детектив одержал победу.

— Я еду за тобой.

Кислород покидает мои легкие.

— Нет, — выпаливаю я. — Ты не можешь.

— Почему нет? — Тяжелое молчание, затем: — Только не говори мне, что ты решила остаться.

— Хорошо. Не буду.

— А он знает?

— Кто знает?

— Ковбой, который любит тебя?

Я зажимаю глаза. Они снова на мокром месте.

— Он меня не любит.

Мимо проносится большой грузовик, сотрясая мою машину.

Макс издает сухой истерический смешок.

— Ты видела ту фотографию, где вы вдвоем у ручья? Потому что я видел. Он любит тебя, идиотка. — Его голос срывается. — Что будет с парнем, Рубс?

Из меня вырывается дрожащий вздох.

— Я собираюсь рассказать ему.

— А это вообще имеет значение? — спрашивает Макс, и я гадаю, кого он имеет в виду — меня или Чарли. В любом случае, он прав.

— Ты мудака, Макс.

— А ты лгунья, Руби.

Такое чувство, что мне дали пощечину. Пока я сижу здесь, собираясь с духом, и пытаюсь быть сильной, я слышу это. Самый ужасный звук.

Макс плачет.

— Ты перегружаешь себя.

Я сглатываю горький комок в горле. По моей щеке скатывается слеза.

— Макс. Пожалуйста. Перестань.

Последнее, что мне нужно, это услышать от старшего брата о том, как я облажалась. Я и так чувствую себя дерьмом.

Я чувствую себя сломанной. Увядающей. Как цветок без лепестков.

— Ты *больна*, Руби! — кричит он, заставляя меня подпрыгнуть. — Жизнь — это не гребаная сказка. Начни заботиться о себе. И перестань влюбляться, черт возьми.

Я смотрю на телефон, широко раскрыв глаза и чувствую себя так, словно мне нанесли удар ножом.

Это жестоко.

Но я заслуживаю этого. Заслуживаю за то, что обманула Чарли. За то, что заставила моего брата, отца и мое сердце пройти через ад.

— Может, ты и прав, Макс. Может, я не заслуживаю любви. — Я закрываю глаза, и из меня вырывается рыдание. Слезы льются непрерывным потоком. — Я не заслуживаю ничего. Никого. Потому что ты хочешь, чтобы я жила в клетке.

Макс резко вдыхает.

— Это не то, что я...

— Пошел ты, Макс.

Я сбрасываю звонок. Сердце колотится так сильно, что становится больно.

Оцепенев, я наблюдаю, как стая птиц плывет по небу.

Свободные.

Они все летят, летят и летят.

Если сердце перестает биться, существовало ли оно вообще?

Если я влюбилась, имеет ли это значение?

Если все говорят «нет», почему я слышу только «да»?

Я глубоко вздыхаю.

Затем отключаю телефон, зажимаю глаза и кричу.

Мне нужно почувствовать себя живой. Последний всплеск жизни, который успокоит мою душу. Последнее «ура» перед тем, как я расскажу Чарли правду.

Я паркую машину на подъездной дорожке у дома Чарли и иду к конюшне. Яркий солнечный свет, хотя он и борется с облаками, наполняет меня энергией, электричеством. Макс, кричащий на меня, словно чужеродная тьма, поселился в моем сердце. Я не знаю, как с этим справиться. Я зла и расстроена, и я сама себе не нравлюсь.

Я хочу вернуть свое подсолнечное настроение. Мне нужно солнце.

Мне нужно спокойствие. Мне нужно прокатиться верхом.

Форд, меняющий седло в конюшне, удивленно моргает, когда я врываюсь в конюшню.

Чарли, должно быть, рассказал ему, что случилось утром, потому что он выпрямляется и говорит:

— Ты должна отдыхать. — Его светло-карие глаза изучают мое лицо, на его обычно спокойном лице читается беспокойство.

Я знаю, что он видит. Слезы. Гнев. Безрассудство.

— К черту отдых, — говорю я, задыхаясь.

Форд смотрит, потянувшись к радио на бедре.

— Руби...

Я игнорирую его.

— Оставь меня в покое, Форд.

После Макса я не в том настроении, чтобы мне указывали, что делать.

Я подхожу к стойлу Стрелы и выпускаю его. Он спокойно идет ко мне, потому что уже знает меня. Я вижу, как Форд исчезает, когда я седлаю Стрелу по-западному. В голове прокручиваются инструкции, которые дал мне Чарли. Сначала вальтрап, потом седло, закрепить ремни, затем уздечка.

В груди что-то сжимается. Сердце предупреждает меня, что нужно сбавить темп.

Никогда.

Я слишком многое могу потерять.

Мой дом. Мое ранчо. Моего ковбоя.

Когда я заканчиваю, я поднимаю руку, и мои пальцы касаются морды Стрелы.

— Эй, — шепчу я, и на моих губах появляется неуверенная улыбка. — Мы сделаем это, хорошо? Потом я поговорю с Чарли. Что ты думаешь об этом, милый, красивый мальчик?

Серьезные черные глаза смотрят на меня в ответ. Я прижимаюсь лицом к его щеке, вдыхая запах сена и лошади.

Затем я взбираюсь на громадную черную спину Стрелы. В голове мелькает лицо моей матери, и я прикасаюсь к браслету на запястье.

Чти свое сердце, пока не станешь им.

Это дикое сердце знает ответ.

Последняя поездка.

Чарли

Когда я добираюсь домой из Бозмана, уже пять часов вечера.

Утром, когда я проснулся, Руби уже не было. Она написала записку, хотя должна была остаться в чертовой постели. Весь день я был на взводе. Даже подписание бумаг о том, что ранчо «Беглец» теперь является заповедником, не ослабило боль в моем нутре. Весь день мои мысли были заняты ею, и это не изменилось, когда я ворвался в парадную дверь и бросил ключи и бумажник на стойку, рыча на пустой дом.

Ранчо без Руби — как небо без солнца.

Неестественно.

— Руби! — зову я, и мой пульс учащается. Мне кажется, что вена на моей шее вот-вот лопнет.

Я осматриваю кухню, гостиную, ванную, прежде чем броситься наверх.

Ее здесь нет.

— Черт. — Я провожу рукой по волосам, возвращаясь на кухню.

Она избегает меня из-за того, что произошло сегодня утром.

Я меряю шагами кухню, проводя рукой по своей бороде. Если не считать сообщения, в котором говорилось, что она уехала в город, все мои звонки переадресовывались на голосовую почту. Ее ноутбук стоит на кухонном столе, ее машина на подъездной дорожке, но меня все равно гложет беспокойство, что она уедет. Где она, черт возьми?

Я смотрю на список ее желаний на холодильнике. Когда-то я списал это на мечты взбалмошной девчонки, но теперь...

Все лето прокручивается в моей голове. Ее отказ сказать мне, почему она убегает. Рука на сердце. Таблетки в полночь. Обморок в моей постели. Слова Форда — *что ты знаешь об этой девушке?*

И ее список.

Этот чертов список.

— Черт, — вырывается у меня. Я упираюсь руками в кухонный остров и склоняю голову.

Руби больна.

С ней что-то не так.

Мое нутро словно утыкано осколками стекла. Она хорошо хранила свой секрет, каким бы он ни был, но сегодня этому придет конец. Я должен найти ее, а когда найду, то усажу ее красивую, упрямую задницу и заставлю рассказать мне правду. Я был снисходителен к ней, но больше нет.

Если это анемия, я планирую показать ее всем врачам штата Монтана.

Я оборачиваюсь на стук двери.

Форд стоит там с безумными глазами.

— Чарли, Руби оседлала Стрелу.

Я холодею, а потом начинаю злиться. Он знает не хуже меня, что она не должна ездить одна.

— Черт. — Я запускаю руку в волосы. — Когда?

— Десять минут назад. Она на пастбище. — Он колеблется, потом говорит: — Она неважно выглядит, чувак.

— Черт, — ругаюсь я, прежде чем выбежать из дома. Форд бежит за мной и догоняет, когда в пределах видимости появляется Руби, сидящая на спине Стрелы.

С другой стороны к ней подъезжает Уайетт на Пепите.

Слава Богу, что у меня есть брат.

Я бросаюсь к ней, но, когда Руби смотрит на меня сверху, все мое тело сжимается. Мое сердце уходит в пятки.

Она выглядит опустошенной. Другого слова не подберешь. Ее лицо бледное, золотисто-розовые волосы растрепаны, а вокруг потухших голубых глаз красные круги.

Но именно ее дух, подавленный, сломленный, пугает меня до смерти.

— Привет, ковбой. — Она произносит это так непринужденно, как будто не избегала меня и моих звонков последние восемь часов.

— Руби, — говорю я, борясь с желанием зарычать на нее и вместо этого излучая мягкое спокойствие, которого сейчас не чувствую. — Слезай оттуда. — Я хватаюсь за удила, успокаивая ее и Стрелу, но он фыркает, топает ногами и пятится назад.

Она пристально смотрит на меня.

— Ты будешь кричать. — Ее нижняя губа дрожит.

— Я не буду кричать. — Я разочарованно выдыхаю. — Малышка, я волнуюсь.

В ее глазах появляются слезы, и она качает головой.

— Не стоит.

Я берусь за рог седла.

— Дай мне свою руку. Я помогу тебе спуститься.

— Нет. Пока нет.

Я придвигаюсь ближе, моя рука обхватывает ее бедро.

— Нам нужно поговорить. Прямо сейчас, черт возьми. — Мой голос звучит грубее, чем я когда-либо говорил с Руби, но мне нужно, чтобы она меня поняла. Чтобы выслушала.

Она вздрагивает.

— Я знаю, мы поговорим. Только сначала мне нужно прокатиться. Пожалуйста. Позволь мне сделать это, Чарли. — Дрожь в ее голосе почти выводит меня из равновесия.

Легким толчком она пускает Стрелу медленной рысью.

Я быстро шагаю рядом с ней, чтобы не отстать.

— Твой список. Для чего он на самом деле, Руби?

В ее глазах мелькает страх, а голос опускается до шепота.

— Чарли, это просто список.

— Чушь собачья, — рычу я, а потом у меня внутри все переворачивается, когда я вижу это.

Вместо того, чтобы позволить поводьям свободно лежать в ладони, она обмотала их вокруг левой руки. Это действие говорит мне о том, что она отвлечена, ее мысли где-то в другом месте.

Она не должна сейчас сидеть на лошади.

Беспокойство пронзает меня насквозь.

— Руби...

Я хватаюсь за заднюю луку седла и пытаюсь подтянуться, чтобы сесть за ней, но она проворна. Изящным движением она бьет ногами, пуская Стрелу бодрой рысью через пастбище и прочь от меня.

Она быстро схватывает, а я — чертов идиот, который научил ее ездить верхом.

Мы с Уайеттом встречаемся встревоженными взглядами, и оба следуем за ней.

Плечи Руби напряжены, она закрывает глаза и откидывает голову назад, позволяя солнечному свету согреть ее лицо. Как будто она пытается зарядиться бодростью.

Эта мысль поражает меня, как удар под дых.

Все это время в ней торчал шип, а я был слишком слеп, чтобы заметить это.

Я был прав.

Все это время Руби убегала, но не от меня.

Больше нет.

Руби и Стрела резко останавливаются посреди пастбища.

Мое тело холодеет.

Мышцы напрягаются, и я бегу к ней.

— Руби?

Несколько секунд она сидит неподвижно, слегка покачиваясь. Потом ее мутный взгляд встречается с моим.

Она тяжело дышит.

— Что-то должно произойти, — говорит она мне.

Мой вопрос превращается в паническое рычание.

— Что? — Я протягиваю руку и хватаюсь за заднюю луку седла. — Что произойдет, подсолнух?

— Ковбой, — шепчет она, ее длинные ресницы трепещут. — Поймай меня.

Прежде чем я успеваю осмыслить ее слова, я с ужасом наблюдаю, как ее глаза закатываются, и она обмякает, ее крошечное тело заваливается набок. Но она не падает.

Потеряв сознание, она висит в подвешенном состоянии.

— Руби! — Мой желудок сжимается от паники, сердце подскакивает к горлу. Я протягиваю руку, чтобы поймать ее, прижать к себе, но не могу.

Она держится крепко, я не могу ее снять.

И тут Уайетт кричит:

— Чарли, ее запястье! Ее чертово запястье!

Нет. Боже, нет.

Ее тонкое запястье запуталось в поводьях.

Напуганный криком, Стрела бьет копытами. От резкого движения крошечная фигурка Руби дергается, как у тряпичной куклы. Ее голова на мгновение откидывается назад, а затем снова падает.

— Нет! Уайетт! — кричу я, вцепившись в Стрелу, но испуганный жеребец дергается, пытаюсь стряхнуть нас с себя и убежать в конюшню.

Каким-то чудом мне удастся сдвинуть Руби так, что она падает вперед на его шею.

Земля под ним сотрясается, Уайетт подводит Пепиту к Стреле. Он тянется к запястью Руби, трясущейся рукой проводит по длине поводьев, пытаюсь освободить ее.

— У меня не получается, — выдыхает Уайетт. — Черт. Черт.

Форд уже тоже здесь.

На своем коне Ифусе он прижимает Руби с другой стороны, блокируя Стрелу, чтобы тот не смог вырваться.

— Держи крепче, — кричит Форд Уайетту. — Не отпускай ее.

Господи. У меня подкашиваются ноги.

Это мой худший кошмар, происходящий словно в замедленной съемке.

Если Стрела встанет на дыбы, Руби упадет.

Он потащит ее, растопчет.

Мое сердце подскакивает к горлу. Я не могу ни дышать, ни мыслить логически, когда она в опасности.

Этого не должно случиться.

Только не снова.

Только не с ней.

Ноздри Стрелы раздуваются, он отступает назад, борясь с моей хваткой на его уздечке, готовясь бежать.

Руби дергается, соскальзывает, опускается ниже к примятой траве.

Форд ругается.

— *Нет!* — Моя левая рука обхватывает ее свободное запястье, я прижимаю ее еще крепче.

Раздается мягкое шипение кожи.

Внезапно в руках Уайетта оказывается охотничий нож. С безумными от паники глазами он яростно режет кожаный ремешок поводьев. Стальное лезвие блестит в солнечном свете.

— Освободи ее! — кричу я Уайетту, кровь бурлит в моих венах. — *Сейчас же!*

— Я пытаюсь!

Уайетт продолжает пилить ремень. Он злобно ругается, когда тот отказывается рваться, а затем, спустя несколько ужасающих секунд, он лопається.

Руби свободна.

Я подхватываю ее обмякшее тело на руки.

И потом со всех ног бегу к дому.

Руби

Я моргаю, перед глазами все расплывается, когда я пытаюсь сориентироваться. Я в постели. В комнате темно и прохладно. Боль пронзает мое левое запястье. Гремит гром, небо за окном темное и грозное. Откинув голову на подушку, я вижу пыльный «Стетсон» Чарли на стуле, придвинутом вплотную к моей кровати. На прикроватной тумбочке стоит стакан с виски.

Когда я приподнимаюсь на локтях, из тени выходит фигура и встает надо мной.

— Чарли, — шепчу я.

Кровать прогибается, когда он садится рядом со мной.

— Подсолнух. — Его голос — глубокий, сильный, звучит, как знакомая песня. Он убирает прядь волос и обхватывает мое лицо большой мозолистой ладонью. Я тянусь к его прекрасным прикосновениям.

— Ты помнишь, что случилось? — спрашивает он.

— Я потеряла сознание на Стреле, — шепчу я.

Он качает головой, выражение его лица мрачное, страдальческое.

— Я не должен был пускать тебя на эту чертову лошадь.

Смахнув слезы, я смотрю на изможденное лицо Чарли.

— Это не твоя вина. Это моя.

Меньше всего мне хочется, чтобы он винил себя.

Слезы текут по моим щекам.

— Прости меня, Чарли. Мне так жаль.

— Не извиняйся, — говорит он строгим голосом, приподнимая мой подбородок, чтобы я посмотрела в его яростные голубые глаза. — Малышка, если я должен что-то знать, расскажи мне сейчас. Пока я не сошел с ума. — Его голос срывается. — Не заставляй меня гадать.

— Хорошо, — говорю я. — Я расскажу тебе.

В горле у меня пересыхает, но я не отрываю взгляда от его лица, собираясь с духом.

Я касаюсь своей груди, отслеживая сердцебиение.

Мы почти закончили.

Больше не нужно бежать.

Я не хочу быть циничной, злой или ненавидеть свое сердце.

Или себя.

Я должна сказать ему правду.

Даже если я его потеряю.

Глубоко вздохнув, я сажусь ровнее и говорю:

— У меня проблемы с сердцем.

Чарли закрывает глаза, словно ожидал этого.

— Какие именно проблемы с сердцем?

Я сглатываю и продолжаю.

— Это называется суправентрикулярная тахикардия, или сокращенно СВТ, — говорю я. А потом я выпускаю все это на свободу. Как брат и отец защищали меня. Весь медицинский жаргон. Мои триггеры.

— Стресс — штука коварная, — объясняю я Чарли. — Как будто электрический заряд в моем сердце отключается, и когда это происходит, я теряю сознание. Я называю это трепетанием.

Чарли смотрит на меня так, будто все наши отношения этим летом прокручиваются перед его мысленным взором. Его широкая грудь вздымается и опускается.

— А твои таблетки? — Слова срываются с его губ. — Это и есть лечение?

Я киваю.

— У меня есть лекарства и методы, как предотвратить приступ, если я чувствую его приближение, но... мне становится хуже. — Я прерывисто вздыхаю. — Сегодня я была у врача. Он говорит, что я должна поехать домой и обратиться к кардиологу. Таблетки больше не помогают.

— А что тогда поможет?

Я качаю головой, желая, чтобы он понял.

— Это не то, что ты можешь исправить, Чарли. Мне никогда не станет лучше. Однажды мое сердце остановится и больше никогда не забьется, я умру.

Чарли издает какой-то мучительный звук.

Я продолжаю.

— Может пройти два года, а может и двадцать. У моей матери случился сердечный приступ. Моя тетя умерла в двадцать восемь лет. Продолжительность жизни с таким диагнозом невелика. — Я прикусываю губу и смотрю на свои руки, признавая горькую правду. — Мне не следовало быть здесь этим летом. Я сделала только хуже. Я была безрассудна со своим сердцем. — Я встречаюсь с его глазами. — С твоим.

Отвернувшись от меня, он обхватывает голову руками и глубоко дышит.

— Чарли... — Я кладу ладонь на его мускулистую спину, но он срывается с кровати и пересекает комнату.

Когда он отстраняется от меня, я разражаюсь слезами.

— Ты злишься. Я понимаю.

Он сжимает кулак, упирается им в стену, замуривает глаза и прижимается к нему лбом.

— Я не злюсь, Руби. Черт, я...

Опустошен. Разбит.

Я вижу это на его лице, ощущение, что я выбила землю у него из-под ног.

Его сердце разбито.

Я сделала это с ним.

— Почему ты мне не сказала? — спрашивает он, отталкиваясь от стены и расхаживая по комнате, как зверь в клетке. На его красивом лице появляется растерянность.

Я потираю уставшие глаза.

— Я никогда не думала, что увижу тебя снова, не говоря уже о том, чтобы работать на тебя. А потом мы заключили сделку по поводу ранчо «Беглец». — Слабый, полный слез смех сотрясает мое тело. — Предполагалось, что это временно. И я не хотела, чтобы ты относился ко мне как к сломанной или хрупкой. Я хотела хоть раз пожить без ограничений. Если бы ты знал... ты бы смотрел на меня по-другому.

Взгляд Чарли смягчается.

Я всхлипываю, сдерживая слезы.

— Я не думала, что это имеет значение. Что в конце лета я уеду. Но потом я влюбилась в тебя, Чарли, узнала о Мэгги, и Форд сказал... — Чарли ругается. — Я пыталась уехать. Я не хотела причинить тебе еще больше боли. Но я... я не смогла. — Я задыхаюсь от рыданий. — Я слишком сильно тебя люблю.

Чарли стоит у двери, его массивная фигура напряжена и неподвижна, он осмысливает то, что я ему только что сказала.

— Ты должна была сказать мне, — рычит он, его грубый голос пронизан болью.

Я киваю.

— Я знаю. Я пыталась. Каждый день я говорила себе, что расскажу тебе, и каждый день я трусила. Я была эгоисткой. Я боялась причинить тебе боль или потерять тебя.

Его челюсть сжимается, и он решительно направляется ко мне.

— Ты прошла через все это в одиночку. Все это время тебе было больно, ты страдала и болела, а я ни черта об этом не знал.

Горячая слеза скатывается по моей щеке. Сердце разрывается от боли. Я заслужила его гнев и разочарование. Мне нет оправдания, мне нечего возразить.

Чарли вздыхает, нахмутив темные брови, и закрывает глаза.

— Ты заставила меня пройти через ад, Руби.

Моя нижняя губа дрожит.

— Я знаю. Мне очень жаль. Я не могу передать словами, как мне жаль.

Тишина. Ужасная, чудовищная тишина.

Слабая, я сажусь на край кровати. Мои босые ступни касаются прохладной твердой древесины, ища опору.

— Я хочу сказать тебе, что люблю тебя. Я хочу сказать тебе, что никогда еще не жила так, как этим летом, благодаря тебе. Я хочу сказать тебе, что мое сердце всегда будет с тобой, даже когда оно перестанет биться.

Его крупная фигура оседает, а лицо морщится.

— Руби, не надо.

Я касаюсь своей груди, биение моего сердца успокаивается, и я заставляю себя продолжать.

Мы почти закончили.

Всхлипывая, я качаю головой, вытирая слезы со щек.

— Я не жалею об этом лете, Чарли. Я бы повторила все сначала, даже если все закончится вот так.

Чарли поворачивает голову, и суровое выражение его лица сменяется шоком.

— Закончится?

— Это должно закончиться.

Я принимаю решение.

Боже, это будет больно, но я должна отпустить его.

— Мне становится хуже, Чарли. Я думала, что смогу это сделать, но я не хочу, чтобы ты проходил через это.

Он замирает, перестает дышать.

Слезы переполняют меня.

Я поднимаюсь на шаткие ноги и оглядываю комнату в поисках своих вещей.

Прищурившись, он поворачивается ко мне, проводя рукой по своей темной бороде.

— Что ты делаешь?

— Облегчаю тебе жизнь. — Я всхлипываю. — Я солгала тебе и твоей семье. Я могу умереть, Чарли. Я не могу подарить тебе детей. Я уйду, хорошо? Я...

Внезапно Чарли уже не стоит у двери. Одним быстрым движением он прижимает меня к своей мускулистой груди.

— Уйдешь? — с недоверием спрашивает он, его голос срывается. — Я уже останавливал тебя однажды. С какой стати, черт возьми, я должен позволить тебе сбежать сейчас?

— Я солгала тебе, — выдыхаю я. От внезапного ощущения, что я снова в его объятиях, у меня подкашиваются ноги. Ухватившись за его рубашку, чтобы не упасть, я прижимаюсь лицом к его груди и плачу. — Ты должен меня ненавидеть.

Он усмехается. Вибрация прокатывается по его телу и проникает в мое.

Затем он обнимает мое лицо своими большими ладонями и смотрит мне в глаза.

— Я злюсь? Волнуюсь? Я не буду тебе врать. Да, и то, и другое. Но Руби, малышка, пока твоя любовь наполняет мои легкие, я твой, а ты моя. Ты все еще мой подсолнух.

Я так сильно плачу, слезы бесконечным потоком катятся по моим щекам. Я так рада, что все закончилось. Чарли знает правду, знает каждую частичку моего сердца. И все равно...

Он не хочет меня отпускать.

Как я могла сомневаться в этом мужчине?

Чарли утирает мои слезы большими пальцами.

— Нет никаких сомнений в том, что я люблю тебя, нет никаких сомнений в том, что мы будем вместе, — шепчет он, прижимаясь теплыми губами к моему лбу. Его голос дрожит от волнения. — Я не уйду. Я не могу. Так что больше никогда не говори об этом.

— Хорошо, ковбой. — Я широко улыбаюсь. Слезы блещут на моих ресницах. — Не буду.

В ответ Чарли целует меня с такой силой, что я задыхаюсь. Мои пальцы зарываются в его густые темные волосы. Его губы полные, мягкие, они впиваются в меня, убеждая, что все будет хорошо. Я прижимаюсь к нему всем телом. А потом он отрывает меня от пола, и я снова оказываюсь в его объятиях.

Там, где мне всегда было самое место.

Чарли

Ее сердце может перестать биться.

Ее прекрасное, чистое, храброе сердце.

Как, черт возьми, я мог пропустить это?

Обычно я ничего не упускаю. На ранчо, если ты теряешь концентрацию, болеют лошади. Люди получают травмы. Урожай гибнет. Ты теряешь целый рабочий день из-за того, что облажался.

Я планирую быстро исправить это.

Сидя за кухонным столом с ноутбуком Руби, я изучаю СBT, чтобы заполнить пробелы. Всего, что я узнал о ее сердце за последнюю неделю, недостаточно. Я должен сделать больше. Обеспечить ранчо полезными для сердца продуктами. Заказать первоклассный кардиомонитор. Найти ей лучшего врача, чтобы она могла пройти полное обследование. Если кто-то будет курить рядом с ней, он покойник. И самое главное — никаких гребаных стрессов.

Я не был бы тем мужчиной, которого она заслуживает, если бы не сделал все возможное, чтобы узнать о ее состоянии. Не для того, чтобы вылечить ее. Чтобы быть рядом, когда ей это понадобится. Чтобы беречь ее.

Я нажимаю на ссылку и читаю.

Читаю следующую.

Сердце внезапно начинает биться чаще, затем перестает или резко замедляется. Приступы могут длиться секунды, минуты, часы.

На моей челюсти пульсирует мышца. Это многое объясняет из произошедшего этим летом. Учащенное сердцебиение. Ее потери сознания. Ее крошечные глотки кофе, алкоголя. Все это приводит меня в ужас. Меня поражает мысль, что каждый удар ее сердца неуверенный.

Но как бы я ни волновался, я буду рядом. Я никогда не уйду от этой милой, доброй, бесстрашной женщины.

Даже сейчас воспоминания причиняют боль. Мне неприятно, что она думала, будто я отвергну ее. Что я откажусь от нее. Что я могу не любить ее, когда она — единственное, чего я когда-либо хотел.

Она постоянно сбивает меня с ног.

Десять лет я бродил по этому миру как призрак, дыша одним и тем же затхлым воздухом, когда Руби пыталась просто дышать. И что я делал со своей жизнью? Пропивал ее, предаваясь воспоминаниям, пока Руби боролась за свою.

Моя девочка чертовски сильная. Настоящий боец. Несмотря на то, что я взволнован и зол, я также испытываю благоговейный трепет. Руби не позволила страху помешать ей жить.

Я перевожу взгляд на дверь. Небо затянуто тучами, что свидетельствует о приближении грозы. На пустом ранчо тихо, если не считать далеких раскатов грома.

Я проверяю время на кухонных часах. Скоро наступит вечер.

Руби ушла час назад кормить Уинслоу, и ее отсутствие заставляет меня отчаянно желать ее увидеть. Беспокойство пронзает меня насквозь. Я боюсь, что она потеряла сознание. Что меня нет рядом.

Я провожу рукой по своей щетине, отгоняя мрачные мысли, которые поселились в моей голове.

Я должен держать их под контролем.

Прежде чем я успеваю справиться с этим, дверь с грохотом распахивается, и в дверном проеме появляется Руби с приоткрытыми губами и цветочной короной на голове.

Я выпрямляюсь в кресле, и мои плечи моментально расслабляются.

— Привет, ковбой, — выдыхает она.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Привет, подсолнух.

Она сбрасывает туфли, волосы, подхваченные ветром, рассыпаются по плечам. Подол ее розового сарафана взмывает вверх, развеваясь вокруг бедер и подчеркивая ее длинные худые ноги.

— Я думала, ты на ранчо, — говорит она. От нее исходит запах солнца и хвои.

— Взял выходной, — хмыкаю я, потянувшись к ней.

— Еще один выходной? — Она смеется и вздергивает бровь. — Твои братья подумают, что я плохо на тебя влияю.

С рычанием я обхватываю ее за талию и усаживаю к себе на колени. Впиваюсь в ее губы.

— Лучшее дурное влияние в мире.

Я рассказал братьям о состоянии Руби. Вместо того чтобы высказать свои сомнения или попытаться переубедить меня, они все поняли. Как всегда, они меня поддержали.

Руби и я — мы вместе. Мы. Весь этот гребанный мир лежит перед нами. Я проживу свою жизнь с этой женщиной. Я люблю ее сердце, ее душу и ее дикие мечты.

Я люблю ее.

Она моя, и я не отдам ее никому и ни за что.

Руби подставляет губы для поцелуя, затем поворачивается лицом к столу.

— Это что-то новенькое. Чарли Монтгомери за компьютером. — В ее глазах читается любопытство, ее маленькая ручка скользит по моему плечу. — Что ты делаешь?

— Кое-что изучаю. — Я заправляю прядь волос ей за ухо. — Выясняю, какие продукты тебе следует есть. Нашел несколько кардиологов в Вашингтоне. Мы можем отправиться туда, если понадобится.

Ярко-голубые глаза Руби расширяются.

— Чарли, ты все это сделал?

Я усмехаюсь. Даже не пытаюсь это скрыть.

— Чертовски верно. Моя девочка заслуживает всего самого лучшего.

Ее дыхание сбивается. Она молча соскальзывает с моих колен и направляется к кухонному острову.

Я хмурюсь. От легкой тени грусти на ее лице у меня внутри все переворачивается.

Она стоит там, положив ладони на стойку и опустив голову. Через секунду она закрывает глаза.

— Мне нравится, что ты все это делаешь, — тихо говорит она. — Но ты не можешь меня исправить, Чарли. Я не хочу, чтобы ты питал ложные надежды или пытался изменить то, что не в твоих силах. Это мое сердце. Это я.

Ни хрена подобного.

Я срываюсь со стула и подхожу к ней, прижимая к своей груди.

— Прости меня. — Я обнимаю ее лицо. — Я люблю тебя. Очень. И ты права. Я не буду пытаться тебя исправить, но я буду беречь. Пока я жив, я всегда буду защищать тебя, черт возьми.

— Я знаю, что так и будет. — Слабая улыбка мелькает на ее лице, а затем исчезает. Румянец заливает ее щеки. — Ты просто... не должен относиться ко мне иначе. Я не хочу, чтобы ты считал меня слабой, постоянно беспокоился или мешал мне делать то, что я хочу.

Вот он. Ее страх. Почему она не поделилась со мной своим секретом, когда я рассказал ей о ранчо «Беглец».

Ее так оберегали всю жизнь, что она привыкла к постоянным ограничениям.

Я хочу, чтобы она увидела себя такой, какой вижу ее я.

Идеальной.

— Руби, — с нажимом произношу я ее имя, чтобы она посмотрела на меня. — Этим летом я не видел никого слабого. Я встретил сильную девушку, которая заставила меня стать лучше. Которая заставила меня жить, черт возьми. Которая помогала людям, когда в этом не было необходимости. Это ты. Золотая, как и твое сердце, и в тебе никогда не было ничего плохого или сломанного.

— Правда? — шепчет она, в ее голосе звучит надежда.

— Правда. А это сердце? — Я прижимаю ладонь к ее груди. — Я собираюсь узнать о нем все, потому что теперь оно мое, слышишь? Твой ритм — это мой ритм.

Ее глаза блестят.

— Ты будешь продолжать жить, малышка. А я просто буду тебя беречь.

Кровь приливает к ее щекам. Она вздергивает подбородок, дразнящая улыбка на ее лице моментально заводит меня.

— Думаешь, ты справишься, ковбой?

Притянув ее ближе, я рычу ей в губы.

— Подсолнух, я уверен, что справлюсь. — Я провожу рукой по округлости ее груди и обхватываю тонкую шею. Ее пульс учащается под моими пальцами. Я отслеживаю его, как она учила меня всю последнюю неделю.

Это сердцебиение — мое.

Мое, чтобы знать.

Мое, чтобы любить.

Каждый удар — драгоценный.

Мощный.

— Это сколько? — Моя рука задерживается на ее пульсе. — Около 150?

Ее длинные ресницы опускаются, и она касается своего запястья.

— 130.

Беспокойство скручивает меня изнутри.

— Как это ощущается? Тебе больно?

— Нет, — говорит она. — Я чувствую трепет.словно там бабочка. Когда она бьется быстрее... это похоже на давление. — Она смеется, ее смех — как мелодичный звон, который воспламеняет мою душу. — Вот. Я покажу тебе.

Приподнявшись на цыпочки, она целует меня, проникая языком в мой рот. Ее ногти впиваются в мое плечо, и из меня вырывается мучительный стон.

Под кончиками моих пальцев ее пульс учащается.

С рычанием я отстраняюсь от нее.

— Руби, — предупреждаю я, не желая причинять ей боль.

Улыбка растягивает ее губы. Она делает шаг ко мне, просовывая стройную ногу между моими.

— Вот так можно завести сердце, — говорит она, ее великолепные голубые глаза темнеют от желания. — Просто поцелуй меня, ковбой.

К черту.

Я целую.

Мои губы поглощают ее. Руби прижимается ко мне, учащенное дыхание синхронизируется с ударами ее сердца. Каждый из них я чувствую. Мое сокровище. Я подхватываю ее и поднимаю с пола. Она целует меня глубже, обнимая ногами талию. Я крепче прижимаю ее к себе и несу в гостиную.

— Медленно, — шепчет она, задыхаясь.

— Медленно, — хрипло вторю я ей в губы.

Ее тонкие руки поднимаются к потолку, чтобы я мог раздеть ее. Я бросаю ее платье и трусики на пол, пока мы направляемся к дивану.

Отчаянная, животная потребность овладевает мной. Обнять ее. Трахнуть ее. Почувствовать, как ее сердце бьется рядом с моим, и знать, что она здесь.

Я расстегиваю молнию на джинсах и сажусь на диван, а Руби устраивается сверху. Когда она опускается на мой член, я стою, погружаясь в ее сладкий жар. Она гладкая и тугая, и я рычу в знак одобрения. Я поднимаю и опускаю ее бедра, входя в нее так глубоко, что мы оба вскрикиваем.

— Не знаю, как я, черт возьми, выживал без тебя, Руби, — бормочу я, зарываясь в ее дикие волосы, в которых запутались цветы. — Не знаю. И не хочу знать.

Воздух вокруг нас наэлектризован и искрится, и только Руби может заставить меня почувствовать это. Живой и вибрирующий. Это все для нее. То, что нужно моей девочке, чтобы чувствовать себя хорошо. Мои толчки медленные и контролируемые,

уничтожающие все мои темные стороны, оставляющие только мужчину, которого она любит. Мужчину, которого она заслуживает.

Я хочу еще Руби, как можно больше.

Ее никогда не будет достаточно.

— Чарли... — Руби выдыхает, выгнув спину. Ее длинные ресницы отбрасывают тень на гладкой коже. Ее рот складывается в идеальную букву — О.

Я зарываюсь лицом в ее шею.

— Я чертовски люблю тебя.

Она стонет, целуя мою челюсть. Тепло ее губ согревает мою щеку. Ее тонкие руки обвиваются вокруг моей шеи. — Я люблю тебя, ковбой.

Моя грудь учащенно вздымается, когда я подстраиваюсь под ритм ее бедер, ее сердца. Медленно, быстро. Медленно, быстро. Медленно, быстро, пока она не выкрикивает мое имя, ее тонкая фигурка дрожит в моих руках, сотрясаясь от волн оргазма.

Мой прерывистый стон наполняет дом, когда освобождение обрушивается на меня, как удар кувалды. Я кончаю в нее, покрывая нежными поцелуями ее шею, щеки, губы.

Когда наши тела перестают дрожать, я укладываю ее на диван, не выпуская из объятий. Я беру одеяло и укрываю ее.

Снаружи гром раскалывает небо.

— Попробуем встретить рассвет? — Я провожу костяшками пальцев по ее покрасневшей щеке.

Она смеется и закатывает глаза.

— У нас ничего не получится, ковбой. Давай признаем это.

Я усмехаюсь.

Вздохнув, Руби прижимается ко мне и кладет голову мне на грудь.

Я смотрю, как она сворачивается калачиком в моих объятиях.

Иногда я не могу поверить, что она настоящая. Что она моя.

— Было исследование, — говорит она тихим голосом.

Я поднимаю голову, чтобы лучше ее расслышать.

— Что?

— Клиническое испытание для больных СВТ. Какие-то новые препараты. Операции. — Прикусив губу, она смотрит на меня. — Я пропустила это.

— Малышка, — говорю я, и у меня перехватывает дыхание. — Где?

— В Калифорнии. — Ее милое лицо становится решительным. — Для этого нужно было покинуть ранчо. Застыть в больнице на месяц. А я не могла. — Она проводит рукой по моей груди. — Я не могла оставить тебя, Чарли.

— А будет еще? Исследование? — Если мне придется ломиться в их дверь, я это сделаю.

— Чарли. — Ее великолепные голубые глаза закрываются. — Мне придется уехать.

— Я поеду с тобой.

— Что?

— Я отвезу тебя в Калифорнию. Может быть, мы не успеем на восход, но можем увидеть закат.

Я вознагражден улыбкой, настолько яркой, что затмевает солнце.

— О, Чарли, — шепчет она.

У меня нет никаких сомнений.

Ничто не заставит меня любить ее меньше.

Я уже открываю рот, чтобы сказать ей об этом, как вдруг снаружи раздается громкий крик. Напрягшись, я выпрямляюсь, первобытный защитный инстинкт заставляет мою кровь застыть.

Широко раскрытые голубые глаза Руби устремляются на меня.

На ступеньках крыльца раздаются шаги.

Я подаюсь вперед, закрывая собой ее тело.

— Малышка, останься...

И тут входная дверь распахивается.

Я натягиваю одеяло, чтобы прикрыть Руби.

— Какого черта? — рычу я.

Уайетт появляется в гостиной, его лицо абсолютно белое.

— Чарли. Конюшня горит.

Руби

— Лошади? — кричит Чарли, когда они с Уайеттом выбегают из дома. Они несутся по траве и грязи, и я бегу прямо за ними, стараясь не отстать от них босиком. Ноги подгибаются и дрожат, но я бегу быстро.

— Форд и Дэвис уже там, пытаются их вывести. — В панике Уайетт спотыкается, и Чарли хватается брата за руку, чтобы тот не упал лицом вниз. — Пожарные уже в пути.

— Молния? — спрашивает Чарли.

— Не молния. Это поджог. Дверь заколочена. Лошади в ловушке.

От слов Уайетта у меня кровь стынет в жилах.

Из рта Чарли вырывается мрачное проклятие.

Все мое тело дрожит, когда я мчусь за Чарли. Дым проникает в легкие и затягивает сумрачное небо.

Лошади. Пожалуйста, пусть с ними все будет хорошо.

В ужасе мы останавливаемся перед конюшней. Пожар небольшой, слабый дождь гасит большую часть пламени, но оно медленно разрастается. Пламя лижет древесину и перекидывается на входную дверь.

Мои руки летят ко рту.

— Нет, о, нет.

Некоторые из лошадей уже вырвались, выбив двери стойл, чтобы спастись от пламени и дыма. С дикими глазами, раздувая ноздри, они мчатся по пастбищу. Форд и Дэвис, размахивая топорами, пытаются прорубить проем в стене, чтобы освободить остальных лошадей, оказавшихся в ловушке.

Ужас затапливает мое тело.

Чарли хватается меня за руки, оттаскивая назад, подальше от пламени.

— Оставайся здесь, — кричит он со страхом на лице.

Я сопротивляюсь.

— Нет. Я могу помочь. Это наши лошади. Это наше ранчо, Чарли.

Он крепко целует меня. Его глаза пылают.

— Возьми веревку. Отведи их на пастбище. Привяжи их, чтобы они не убежали обратно в конюшню. — Тяжело дыша, он наставляет на меня палец. — Это твоя гребаная работа, Руби. И больше ничего.

А потом они с Уайеттом бросаются помогать своим братьям.

Я начинаю действовать.

Сердце колотится в груди, я хватаю моток веревки с ограды пастбища. Я работаю быстро, как учил меня Чарли, накидываю веревку на шеи свободных лошадей и спокойно веду их к столбу ограды, где привязываю. Я нахожу Стрелу, Пепиту и Ифуса. Я не вижу ни Уинслоу, ни коня-демона, которого Уайетт обездолал летом.

Я насчитала семь лошадей, значит, восемь еще в конюшне.

Тугой узел в моем животе превращается в зияющую дыру. Мои руки трясутся. Я чувствую себя такой беспомощной. Все вокруг в смятении, в вечернем воздухе слышен треск огня. Дэвис, Форд и Уайетт работают вместе, снося переднюю часть конюшни.

Я быстро осматриваю ранчо в поисках Чарли. Я не нахожу его. У меня кровь стынет в жилах.

О боже. Где же он? Я зажмуриваю глаза, молясь, чтобы он не пошел в конюшню.

В этот момент я слышу знакомое испуганное ржание.

Поворачиваю голову.

Это Уинслоу.

Он пытается пробиться через заднюю часть конюшни — участок коридора, еще не охваченный пламенем.

Ярость толкает меня вперед.

Я могу помочь. Я могу что-то сделать.

Заметив в куче дров один из маленьких топориков, которыми мы пользовались во время ужина у костра, я хватаю его. Я подбегаю ближе к горящему сараю. Пламя обжигает, и я с шипением выдыхаю. Но я беру себя в руки и бью топориком по небольшой дыре, которую Уинслоу уже пробил сам.

Небольшое отверстие становится больше.

Еще больше.

Мышцы горят, и я кашляю, задыхаясь от дыма, наполняющего мои легкие, нос и глаза.

Я бросаю топор.

На этот раз я использую свои руки, чтобы оторвать уже сломанные части досок конюшни. Пульс бьется в ушах, а в глазах рябит. Я не обращаю внимания на боль в кончиках пальцев. В груди.

Мое тело говорит мне остановиться. Сердце говорит мне продолжать.

По пастбищу разносятся крики — может, Уайетта, может, Форда, — но я не отвлекаюсь от того, что делаю.

Кончики моих пальцев кровоточат, но все, о чем я могу думать, — это спасти лошадей. Я хватаю руками огромный кусок дерева и, упираясь одной ногой в стену конюшни, тяну.

Доска поддается.

Я отрываю ее, и образовавшегося проема достаточно для Уинслоу.

У меня вырывается победный крик, когда Уинслоу выбирается из конюшни.

— Хороший мальчик, — всхлипываю я, поглаживая его по холке.

Голова кружится, но мне удастся довести его до пастбища. Я привязываю его к другим лошадям и прислушиваюсь, не завоют ли сирены, но их нет.

И тут я сгибаюсь пополам в сильном приступе кашля. Дым проник глубоко в мои легкие, словно скрюченные пальцы, которые пустили корни. В панике я пытаюсь вдохнуть поглубже. Такое чувство, что мне не хватает кислорода, как будто мое сердце умирает от голода.

Раздается раскат грома, и небеса разверзаются. Дождь обрушивается на землю.

Дождь.

Он спасет нас.

Задыхаясь, я выпрямляюсь и стою в темноте, дрожа, дым клубится вокруг меня, я смотрю на ранчо, которое спасло мою душу этим летом. Ранчо, которое любят Чарли и его братья. Земля, которая позволила мне жить.

Уайетт с широко раскрытыми глазами, обхватив голову руками, наблюдает, как горит остальная часть конюшни. Меня охватывает безумное облегчение, когда я замечаю Чарли, грязного, но невредимого, выбегающего из-за горящего сарая.

Сдерживая слезы, я делаю шаг к нему, но мир вокруг кружится.

— О, — шепчу я, облизывая пересохшие губы. — О, нет.

Все мое тело дрожит. Пульс учащается. Грудь. Виски.

Низкочастотный пульс заполняет мои уши. По краям моего зрения ползет чернота.

И тут я вижу свою мать, стоящую на пастбище.

Мама.

Она тянется ко мне, протягивая изящную руку к моему сердцу. Я слышу, как она шепчет мне. *Пойдем, пойдем со мной.* Я хочу убежать. Я хочу закричать — нет. Но все, что я могу сделать, — это чувствовать, как бешено колотится мое сердце.

Это не просто трепетание.

Это ощущается иначе.

Внезапно мне становится очень страшно.

Я качаю головой и отворачиваюсь, стараясь дышать ровнее, собраться с мыслями, найти способ скрыться от маминого взгляда. Я хватаюсь за высокий столб ограды, чтобы сохранить равновесие, и хватаю ртом воздух.

Помогите. Я должна кому-то сказать, что мне нужна помощь.

И снова у меня перед глазами все расплывается, когда я ищу Чарли в дыму.

Моего ковбоя.

В ту минуту, когда мой взгляд падает на него, мою душу наполняет чувство спокойствия.

Бьется оно или нет, мое сердце принадлежит Чарли.

Я смотрю на звезды и делаю последний вдох.

Чарли

Мы все смотрим, как горит конюшня.

— Нет! — кричит Уайетт, бросаясь к огню.

Я добегаю до него первым и оттаскиваю его, потому что он так близок к тому, чтобы потерять рассудок. Мне знакомо это чувство.

Все пропало. Все наше оборудование. Наш инвентарь. Медикаменты.

Все сгорело.

Но лошади...

Грязная рука сжимает мое плечо, и я оглядываюсь.

— Ты в порядке? — Дэвис хрипит, его лицо покрыто сажей. Он опускает взгляд, проверяя, нет ли у меня травм.

Я киваю.

— Сколько? — Я осматриваю пастбище и провожу рукой по своим влажным от пота волосам. Меня волнуют только лошади. — Сколько мы потеряли?

— Ни одной. — Голос моего старшего брата звучит ошеломленно. — Мы спасли их всех.

— Слава Богу, — выдыхает Уайетт, прикрывая глаза.

Я чуть не падаю от облегчения.

Слава богу, конюшня построена недавно. Если бы она была старой, у нас не было бы ни единого шанса спасти лошадей. Придется вызвать ветеринара, чтобы он их осмотрел, но это чудо, что они все выжили.

— DVL, — вырывается у Дэвиса.

На моем виске пульсирует вена, а ярость застилает глаза. Кто-то заплатит за это.

Но позже.

Сначала я должен найти Руби.

Тяжело дыша, я осматриваю ранчо. Дождь заливает все вокруг, и огонь постепенно затухает. Форд разговаривает по телефону, расхаживая взад-вперед по гравийной дорожке, пытаясь поймать сигнал.

И тут я вижу ее.

Ее тело лежит на траве без движения, в глубоком обмороке.

Весь мой мир рушится вокруг меня, и я устремляюсь к ней. Добежав, я падаю на колени. Страх сжимает мне горло, когда я смотрю на ее бледное лицо. Она без сознания, губы приоткрыты, сажа покрывает ее лицо и одежду.

Она потеряла сознание. Она не должна была оказаться здесь. Она сделала для ранчо больше, чем следовало.

— Руби. — Мой голос звучит резче, чем я хотел бы, жестче, чем я когда-либо говорил с ней, но внутри у меня все дрожит. Я обнимаю ладонями ее застывшее лицо, пытаюсь привести в чувство. — Малышка, очнись.

Никакого ответа.

Мои дрожащие пальцы перемещаются к ее горлу. Я проверяю пульс, ожидая почувствовать его бешеное биение.

Но его нет.

— Это, блядь, не смешно, — хрипло выкрикиваю я. — Руби. Давай, малышка, очнись. Очнись!

Я не чувствую биения ее сердца. Я вообще ничего не чувствую.

Паника превращается во всепоглощающий ужас, когда я смотрю на ее неподвижное тело. Голова наполняется жужжанием, и кровь стынет в жилах.

Я подношу ладонь к ее губам. Прижимаю голову к ее груди и прислушиваюсь.

К жизни.

К ее прекрасному биению.

Ничего.

Ее грудь не двигается.

Она не дышит.

Тот маленький огонек, который сиял внутри нее с тех пор, как я ее встретил, — он исчез. Я его не чувствую. Ее солнца. Ее сияния. Моего подсолнуха.

Той связи, что соединила нас.

Я не могу дотянуться до нее.

Эта мысль отправляет меня в чертову могилу.

Из меня вырывается пронзительный крик.

— Нет. Нет! — Я трясусь ее. — Руби!

Я поднимаю ее миниатюрную фигурку на руки, прижимаюсь к ней, зарываясь лицом в ее шею. Ее голова запрокидывается назад на мой локоть. Она кажется сломанной, хрупкой и такой безжизненной, что я теряю свой чертов рассудок.

— Не делай этого, — шепчу я, прижимая ее к себе. — Не оставляй меня. — Я глажу ее влажные волосы, потемневшие от дождя. — Малышка, пожалуйста. Вернись ко мне. Очнись. Очнись, черт возьми!

— Чарли. — Дэвис хватается меня за плечо. Он опускается на колени рядом со мной. В глазах Дэвиса печаль и страх, и это пугает меня. Он всегда спокоен.

Когда он не спокоен, это значит...

— Она не дышит, — кричу я.

Форд прижимает телефон к уху, его лицо серьезное.

— Нам нужна скорая! — кричит он. — Сейчас же! Немедленно!

— Положи ее, — приказывает Дэвис. — Положи ее, Чарли!

Моя кожа покрывается льдом. Мир отключился. Слезы жгут мне веки. Мое чертово сердце перестает биться.

Как запустить сердце?

Ты просто поцелуй меня, ковбой.

Слова, сказанные целую жизнь назад.

Слова, которые заставляют меня действовать.

Я опускаю ее тело на траву и начинаю делать компрессию грудной клетки.

Откинув ее голову назад, я накрываю ее губы своими.

Она может забрать весь мой воздух, всю мою жизнь.

— Дыши, дыши, — требую я, прижимаясь к ее уже холодным губам. — Не делай этого со мной. Не оставляй меня. Пожалуйста, Руби. *Пожалуйста!*

Время замедляется.

Останавливается.

Но я не могу остановиться. Не могу.

Не тогда, когда она нуждается во мне.

Ее прекрасное сердце — я не позволю ему уйти.

Пот стекает по моему лбу, заливая глаза. Я не замечаю ни треска ее ребер, ни криков Форда в телефон, ни дождя, пропитывающего мою рубашку, ни боли в руках, ни жжения в груди.

Все, что я вижу, — это Руби. Ее бледное лицо, обращенное к небу, золотисто-розовые волосы, разлетающиеся по траве. Голубой свет луны на ее лице.

Руби на моем кухонном острове, босая, смеющаяся. Ее милое, улыбающееся лицо ярко вспыхивает в моей памяти. Мой подсолнух. Мое сердце и душа.

Женщина, которую я люблю.

Женщина, которая мне нужна.

Прекратив компрессию, я проверяю пульс на ее запястье.

Ничего.

— Нет, — задыхаюсь я.

Горе захлестывает меня. Я падаю на нее, обнимая ее крошечную фигурку. Мое сердце, моя драгоценная девочка.

— Возьми все, — хрипло говорю я ей. — Мое дыхание, мою душу. Возьми. — Рыдание вырывается из меня. — Дыши, малышка. Просто дыши, черт возьми.

Я жду, когда ее грудь поднимется. Ее губы втянут воздух.

Но вместо этого — ничего.

— Подсолнух. — Мой голос срывается.

Я зарываюсь лицом в ее шею и плачу.

— Я умоляю тебя, вернись ко мне. Ты нужна мне. Ты мне так чертовски нужна.

Я рыдаю и умоляю. Я сделаю все. Что угодно, лишь бы она вернулась ко мне.

— Чарли. — Голос Дэвиса напряжен. — Остановись.

Звуки искажаются. Сильные руки братьев сжимают мои плечи, оттаскивая от Руби.

— Нет! — отчаянно кричу я, замахиваясь кулаком, когда меня волокут назад, но попадаю в воздух. Никто не отнимет ее у меня. — Не трогай ее, мать твою!

Уайетт обхватывает мою грудь руками и крепко прижимает к себе.

— Успокойся, — шипит он.

— Прошло уже десять минут, — мрачно отвечает Дэвис. Его взгляд напряжен, он склоняется над Руби и запрокидывает ее голову назад. — Тебе нужно отдохнуть, парень. Я сменю тебя.

Мне требуется секунда, чтобы понять, что Дэвис не пытается отнять ее у меня. Он пытается помочь.

Тяжело дыша, я киваю.

Дэвис окидывает меня свирепым взглядом.

— Мы не остановимся, пока она не начнет дышать.

Онемев, я смотрю, как мой брат начинает делать искусственное дыхание.

Дыши.

Дыши, Руби. Вернись ко мне.

Чарли

Мой худший гребаный кошмар — я смотрю на закрытую дверь больничной палаты. За ней женщина, которую я люблю, борется за свою жизнь.

Сжав кулаки, я смотрю на свои руки, разодранные, покрытые сажей. Я все еще чувствую пульс Руби под своими пальцами. Мы заставили ее сердце биться за несколько минут до приезда скорой помощи. Я рассказал им все, что мог, о ее состоянии, а потом они забрали ее у меня.

Я выкрикнул все, что у меня осталось, в небо.

Оцепенение сменяется горем, яростью, когда я прохожу по ковровому покрытию комнаты ожидания кардиологического отделения интенсивной терапии в Бозмане, проводя рукой по волосам. Интересно, мои глаза выглядят такими же безумными, как у моих братьев?

Мы находимся здесь уже шесть часов. У меня такое чувство, что мою душу пропустили через измельчитель.

Врачи ничего нам не говорят. Мертв ли ее мозг, очнется ли она. Должно ли мое сердце продолжать биться или просто отказать следом за Руби.

Тридцатью минутами ранее приехали отец и брат Руби. Они едва взглянули на меня, прежде чем бросились в ее палату. Они, должно быть, ненавидят меня. Я сам ненавижу себя.

Не в силах больше терпеть, я бью кулаком по стене.

— Почему они ничего нам не говорят? — рычу я.

Дэвис поворачивает ко мне голову, с его губ срывается предупреждающее рычание.

Я и так на тонком льду.

Я потерял самообладание, когда мы приехали в больницу. Когда медсестры отказались пустить меня к ней, я начал кричать. Появилась охрана. Потом кто-то вколол мне в задницу успокоительное, братья усадили меня, и теперь мы ждем.

В коридоре появляется охранник — тот самый, которому я несколько часов назад пытался заехать кулаком за то, что он не пустил меня в палату Руби.

Я свирепо смотрю на парня. Им придется переломать мне все кости и разрубить меня на куски, если они думают, что заставят меня покинуть эту больницу.

Растянувшись на двух стульях, Уайетт вздыхает.

— Чарли. Заткнись.

В два тяжелых шага Дэвис оказывается передо мной.

— Если тебя вышвырнут отсюда, как это поможет Руби, а? — Брат прижимает меня к стене, свирепо глядя мне в глаза. Он работал так же упорно, как и я, чтобы вдохнуть жизнь в Руби. — Сядь, черт возьми, на место.

— Если вы будете драться в этой чертовой больнице, — говорит Форд, закрывая глаза и сжимая переносицу. Пустая кофейная чашка балансирует на бедре его синих джинсов. — Я вас расчленю, ублюдки.

Слишком измученный, чтобы спорить, я падаю на стул рядом с Фордом. Я закрываю лицо руками и не опускаю их.

Мои глаза и горло горят. Сожаление терзает меня изнутри. Я не защитил ее. Я заставил ее остаться на ранчо. Я подверг ее опасности. Если бы я отпустил ее, она не оказалась бы в центре этой войны с DVL. Руби была бы в Калифорнии и любовалась своим закатом.

Вместо этого женщина, которую я люблю, которая мне нужна, причина, по которой я продолжаю дышать, страдает из-за того, что я ее подвел.

Слеза скатывается по моей щеке.

Она не может умереть. Что-то настолько чистое, настолько хорошее не может погаснуть.

Такое чувство, будто солнце исчезло с неба. Из моего сердца. Весь мой гребаный мир исчез.

Без нее я пропаду.

Я поднимаю голову, мои глаза снова горят, когда я смотрю на закрытую дверь Руби. Все, что имеет для меня значение, находится там. Ничто не успокоит меня, пока я не увижу ее. Чем дольше я нахожусь вдали от нее, тем больше чувствую себя отчаявшимся, ненормальным

человеком. Мне нужно услышать ее голос, держать ее за руку, увидеть ее милую улыбку. Господи. Если она очнется, а меня не будет рядом...

Если она очнется.

Мой взгляд падает на белую ленту, повязанную на запястье.

Если.

Образ Руби, лежащей на земле холодной и безжизненной, проносится в моем мозгу. Но это не все. Яркие воспоминания об этом лете. Руби. Мой подсолнух. Ее тихий смех по ночам, ее маленькие руки на моей бороде, ее шепот «я люблю тебя», похожий на самую тихую молитву. Ее широко раскрытые глаза, удивляющиеся самым простым вещам. Тихие вздохи, которые она издавала ночью, прямо перед тем, как я впивался в ее губы и держал ее, маленькую и теплую, в своих объятиях.

Живую.

Я чувствую, как дыра внутри меня, которую Руби заполняла своим смехом, улыбками и сердцем, снова пустеет.

Я не знаю, кем буду без нее. Счастье превратится в гребаное воспоминание.

Я могу потерять ее.

Паника охватывает меня.

Руби умерла. Она *умерла*.

Господи.

Я не могу сделать это снова. Не могу.

У меня внутри все сжимается.

Должно быть, я издаю какой-то звук, потому что Уайетт поднимает на меня глаза.

— Чарли, ты в порядке?

— Нет, — выдавливаю я из себя.

В моей груди зияет дыра.

— Черт. — Я провожу рукой по волосам и не отпускаю их. Мой голос ломается. — Черт.

— Дыши, Чарли, — резко говорит Дэвис. Его рука ложится мне на плечо.

Но я не могу.

Я не могу дышать. Не могу думать.

Потребность в ней почти душит меня.

— Это не твоя вина, Чарли, — говорит Форд, словно читая мои мысли.

— Мне нужен гребаный воздух, — задыхаясь я и вскакиваю со стула. Я бегу по коридору, не останавливаясь, пока не достигаю автоматических дверей, ведущих из больницы.

Я делаю именно то, что обещал Руби не делать.

Я бегу.

Я добегаю до парковки, прежде чем вспоминаю, что ключи от моего грузовика остались у Дэвиса.

Я запрокидываю голову к утреннему небу.

— Черт.

За спиной раздается знакомый резкий голос.

— Я знаю, что ты не уйдешь.

— Отвали, Уайетт.

— Тащи свою задницу обратно в больницу. Сейчас же.

Я наклоняюсь, упираясь руками в бедра, и хватаю ртом воздух.

— Я не могу.

Я ковбой. Я мужчина, я крутой сукин сын, но, черт побери, эта маленькая девочка способна вырвать мою душу и сердце.

Уайетт шагает ко мне с убийственным видом.

— Ты мой брат и лучший друг, Чарли, но ты ведешь себя как идиот. Что, если она очнется, а тебя не будет рядом?

Я зажимаю глаза.

— Прекрати.

Еще один шаг. Его голос словно сверло в моем мозгу.

— Что, если ты ей нужен, а тебя нет, потому что ты тут устраиваешь вечеринку жалости к себе?

Я выпрямляюсь. Моя челюсть сжимается. Мышцы напрягаются.

— Я ей не нужен, — кричу я, разворачиваясь. — Это из-за меня она пострадала. Я втянул ее в самую гущу событий этого лета. Ей будет лучше без меня.

— Ты трус, — говорит Уайетт, указывая на меня пальцем. В его голубых глазах вспыхивает гнев, и он пихает меня в спину. — Придурок.

— Пошел ты, — рычу я, сжимая кулак.

Автоматическая дверь открывается, и Форд проходит через нее. Он стоит, скрестив руки, и смотрит на нас. Из его уст вырывается многострадальный вздох.

— Господи, — жалуется он. — Вы этого не делаете.

Но мы делаем.

— Хочешь ударить меня — попробуй, — усмехается Уайетт, сжимая кулаки. — Это будет не первый раз, когда я надеру тебе задницу.

— Это была тренировка, — огрызаюсь я.

И тут я взрываюсь.

Ноздри раздуваются, красный цвет затуманивает зрение, и я бросаюсь на брата, хватая его за футболку. Я крепко держу его, отведя кулак назад для удара. Печаль и ярость требуют, чтобы я выбил из него всю дурь.

Но я не могу. Я злюсь не на него.

Я злюсь на себя, на DVL, на все, что произошло.

Мой кулак замирает в воздухе.

Прежде чем я успеваю отпустить его, Уайетт бьет меня кулаком в живот. Без колебаний.

Воздух покидает мои легкие. Я спотыкаюсь, сгибаюсь пополам, затем восстанавливаю дыхание.

— Дешевый прием, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Уайетт усмехается.

— Если мне придется надрать твою ворчливую задницу, чтобы ты пришел в себя, пусть так и будет. — Мы смотрим друг на друга, напряжение между нами спадает.

Уайетт отходит от меня, делая неглубокие вдохи, затем поворачивается и говорит:

— Мэгги мертва, но ты — нет. И Руби тоже.

Я вздрагиваю, его слова — словно нож в яремную вену.

Форд шипит.

— Ты ведешь себя как придурок, Уайетт.

— Кто-то должен это сказать, — огрызается он в ответ.

Я запускаю руки в волосы, провожу ими по бороде.

— Она заслуживает кого-то другого. — Признание этого вслух разрывает мое сердце пополам. Горячие слезы застилают мне глаза. — Я никогда не должен был...

— Что, любить ее? — Перебивает Уайетт. — Чарли, эта девушка вернула тебя. — Глаза у Уайетта красные, он качает головой. На его лице отражаются неподдельные эмоции. — Она заслуживает тебя. Ты боролся за нее, чувак. Ты откачивал ее больше двадцати минут. У нее есть пульс, она дышит благодаря тебе.

Я застываю на месте. Не в силах дышать. Не в состоянии думать. Во мне борются надежда и безнадежность. Я так боялся снова полюбить, что не решался рискнуть, признаться в своих чувствах к Руби. Однажды я чуть не потерял ее. Я могу потерять ее сейчас. Но если бы мне пришлось выбирать заново, я бы снова сделал это.

Без сомнений.

Я смотрю на солнце, встающее на востоке, и у меня на мгновение перехватывает дыхание. Яркое, сверкающее, золотое. Переливы пурпурного и розового. Такое же яркое, как моя девочка-подсолнух.

Руби бы это понравилось.

Мне нужно вернуться туда. Я должен оставаться сильным ради нее. Я не помогу ей, если сломаюсь.

Я выдыхаю и поворачиваюсь к Уайетту.

— Ты прав.

— Я всегда, черт возьми, прав. — Он одаривает меня дерзкой улыбкой. Потому что это Уайетт. Мой младший брат никогда не спускает меня с крючка, следит за моей задницей через полмира, не давая сойти с ума, и за это я ему чертовски благодарен.

— Уайетт, заткнись, — приказывает Форд. — Чарли, держи себя в руках. — Затем низким голосом он говорит: — Доктор здесь.

Чарли

Доктор стоит в комнате ожидания с отцом и братом Руби, которые разговаривают вполголоса. Я замечаю сходство. У отца и брата Руби такие же ярко-голубые глаза. У них такая же яростная, упрямая линия подбородка.

С Фордом и Уайеттом за спиной я иду прямо к ним, и когда доктор смотрит на меня, узел напряжения в моей груди ослабевает.

Черт возьми, он смотрит на меня.

— Вы муж? — спрашивает он.

Я останавливаюсь возле них и скрещиваю руки.

— Пока нет.

Брат Руби, Макс, переводит на меня взгляд. Его руки сжаты в кулаки, словно он собирается выбить из меня все дерьмо.

Пусть.

У меня есть кое-что поважнее, о чем нужно беспокоиться.

Сердце подскакивает к горлу, и я хриплю:

— Как она?

Доктор вопросительно смотрит на отца Руби. Получив от него быстрый утвердительный кивок, он отвечает:

— Руби дышит самостоятельно, и это уже хорошо. В настоящее время она в критическом состоянии и находится под действием успокоительных. У нее учащенное сердцебиение и сломано ребро.

Я вздрагиваю.

Это моя вина. Ненавижу себя за то, что причинил ей боль.

Словно прочитав мои мысли, доктор говорит:

— Сломанное ребро заживет. Вы все сделали правильно. Самое главное — обеспечить ей надлежащее лечение.

Я сглатываю, выдыхая воздух.

— Как... что с ней случилось?

— Остановка сердца. Из-за ее заболевания в сочетании с адреналином, эмоциональным стрессом и вдыханием дыма ее сердце не выдержало. — Его глаза осматривают мою грязную одежду, а лицо выражает сочувствие. — Как я понимаю, у вас была непростая ночь, мистер Монтгомери.

На короткую секунду я закрываю глаза, ярость и боль захлестывают меня.

С DVL, блядь, покончено.

— С ней все будет в порядке? — спрашиваю я, мой голос срыгается.

— Если она переживет ночь, мы позаботимся об остальном. Сейчас мы завершаем все тесты на мозговую активность, пока она без сознания. Но мы не можем делать прогнозы о ее неврологической функции, пока она не очнется. — Доктор сочувственно улыбается. — Полное выздоровление... это будет чудом, мистер Монтгомери.

Я напряженно киваю.

— Хорошо, что у вас там девушка, которая именно им и является.

Доктор обдумывает мои слова.

— Мы будем держать вас в курсе.

— Спасибо. — Я пожимаю ему руку.

Доктор уходит по коридору, оставляя нас с отцом и братом Руби. В комнате ожидания воцаряется неловкое напряжение.

Отец Руби поворачивается ко мне.

— Ты.

У Уайетта за моей спиной перехватывает дыхание.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Сэр?

Я замираю, опасаясь, что они обвинят меня, хотя я уже сам виню себя. Страшно, что они не позволят мне быть рядом с ней. Но я буду бороться с ними. Я бы посмотрел, как кто-нибудь попытается остановить меня или хотя бы намекнуть, что мне не следует быть рядом с ней.

В его глазах блестят слезы.

— Ты Чарли? Ковбой, которого любит моя Руби.

— Да. — Я киваю головой в сторону палаты Руби. — Она — вся моя жизнь, — говорю я ее отцу. — Пожалуйста. Не разлучайте меня с ней.

Проходит целая вечность, прежде чем он кивает.

Я уже двигаюсь, но прежде, чем я успеваю войти в комнату Руби, Макс преграждает мне путь.

Мои руки сжимаются в кулаки.

Я так близко.

Так близко к тому, чтобы выломать эту чертову дверь и добраться до моей девочки.

Я понижаю голос, чтобы меня слышал только Макс.

— Говори, что хочешь сказать, а потом убирайся с дороги.

— Ты знаешь о ее состоянии? — спрашивает Макс, его челюсть подрагивает.

— Она мне рассказала.

— И ты готов взять это на себя? — Его голубые глаза, такие же цепкие, как у Руби, приковывают меня к месту. — Ты готов быть рядом с моей сестрой? Заботиться о ней, когда она будет болеть? Никогда не иметь детей? Смотреть, как она снова умирает у тебя на руках, если до этого дойдет?

Мне хочется ударить этого ублюдка. Но потом я вспоминаю Эмми Лу. Я бы сделал то же самое. Черт, я уже сделал. Если для того, чтобы добраться до Руби, мне придется выслушать все дерьмо от ее брата, я сделаю это.

Я иду к тебе, малышка.

Я подхожу к нему вплотную. В моем уверенном взгляде нет никаких сомнений.

— Я выбираю ее. Я люблю ее. Что бы с ней не случилось, я буду рядом. Буду с ней, если она заболеет. Подхвачу ее, когда она потеряет сознание. И я никогда не оставлю ее.

Внезапно на глаза Макса наворачиваются слезы.

— Ты серьезно?

— Клянусь своей жизнью.

Макс смотрит на отца, и между ними происходит молчаливый диалог. Затем он кивает и отходит в сторону.

— Иди, — говорит он, его тон — смирившийся.

После этих слов я вхожу в комнату Руби.

Вот она.

Моя девочка.

С замирающим сердцем я стою как вкопанный, лихорадочно оглядывая ее. Руби выглядит хрупкой, слабой, такой чертовски маленькой на больничной койке. Ее лицо и губы бледные, под глазами темные круги. Ее окутывают трубки и провода. Аппараты выдают ровный ритм.

Наконец я заставляю себя двигаться. В два больших шага я занимаю место рядом с ее кроватью. В успокаивающем присутствии Руби мне уже легче дышать.

Я беру ее вялую руку и сжимаю ее маленькую, нежную ладонь в своей.

У нее слишком большое сердце для этого мира, но будь я проклят, если не удержу ее здесь.

Она мне нужна.

— Малышка, я сделал это. — Мои губы касаются костяшек ее пальцев. — Я здесь.

Ее пульс бьется под моей ладонью.

Биение слабое, но оно есть.

Она уже почти вернулась ко мне.

Теперь она должна держаться.

Должна бороться.

— Очнись, Руби, — шепчу я, прижимая ее руку к своей щеке. — Ты должна вернуться ко мне. Открой эти прекрасные голубые глаза. — Я наклоняюсь и обхватываю ладонями ее бледное лицо. — Пожалуйста, подсолнух. Ты не можешь оставить меня.

Тишина.

Кардиомонитор пищит.

Я закрываю глаза и кладу руку ей на грудь, позволяя прекрасному биению ее сердца убедить меня, что она все еще здесь.

И я буду ждать.

Столько, сколько потребуется.

Чарли

Пять дней.

Пять дней, а Руби все еще не очнулась.

Каждая клеточка ее маленького тела борется. Ее дыхание выровнялось, а жизненные показатели в норме. Но она не просыпается.

Я умоляю, я молюсь, я даже кричу, потому что если от моих криков она откроет свои великолепные голубые глаза, я буду извиняться перед ней до конца своей жизни.

— Упрямая, — рычу я, но глаза Руби остаются закрытыми для этого мира. Я убираю золотисто-розовые волосы с ее бледного лица и крепко сжимаю ее руку. — Если ты хочешь устроить мне ад, малышка, то это плохой способ.

Я смотрю на мониторы, которые отслеживают ее жизненные показатели. Частота сердечных сокращений остается стабильной на уровне восьмидесяти. Она продолжает бороться.

Солнечный свет льется через окно. Ее больничная палата переполнена вазами с розами, горшками с подсолнухами, белыми ромашками в вазах. Каждый день я приношу ей цветы. И буду приносить до тех пор, пока она не очнется.

Ей место на свету, а не во тьме.

— Сегодня я принес тебе фиалки. Они напоминают мне о тебе — маленькой, хорошенькой, дерзкой. — Я провожу рукой по лицу, затем кладу ее на сердце Руби. Я не доверяю аппаратам. Я доверяю ей. Я стану профессионалом в том, что касается сердцебиения моей девочки.

Когда она не отвечает, я вздыхаю и опускаю голову. Я не отхожу от нее ни на шаг. Стул рядом с ее кроватью — мой. К черту всех остальных.

Ее рука маленькая и холодная. Я растираю ее ладонями, отдавая ей свое тепло.

— Уинслоу скучает по тебе. Мы разместили лошадей у Вулфингтонов, если ты можешь в это поверить. — Я закрываю глаза и вздыхаю, надеясь, что она слышит меня, даже если не подает никаких признаков. — Мне так много нужно тебе сказать, малышка. Так много нам еще нужно сделать. Мы так и не встретили восход солнца. Не поехали в Калифорнию. Но ты должна очнуться, Руби. Ты должна вернуться ко мне.

Выпрямляясь, я прижимаюсь губами к прохладному лбу Руби. Слезы жгут глаза.

— Я не смогу оставаться здесь без тебя, — шепчу я ей в лоб. — Я буду жить дальше, если придется. Проживу какую-нибудь жалкую жизнь, которая не сделает никого счастливым. Но Руби, дорогая, я не создан для жизни без тебя.

Снова тишина.

Это агония.

— Чарли.

Я оглядываюсь через плечо. Дэвис стоит на пороге больничной палаты Руби, держась на почтительном расстоянии.

— Мне нужно с тобой поговорить.

Махнув ему рукой, я поворачиваюсь на стуле, держа руку Руби в своей. Я не хочу ее отпускать. Я привязан к ней, как провода и трубки, идущие к ее телу. Каждая секунда, проведенная вдали от нее, без ее прикосновений, заставляет меня чувствовать себя на грани.

Дэвис останавливается у изножья кровати и смотрит на Руби.

— Как она? — спрашивает он тихим голосом.

— Все так же. — Я смотрю на Руби, ее длинные ресницы веером лежат на бледных щеках, и в груди у меня все сжимается. — Сильная. Упрямая.

Он издает хриплый смехок.

— Она же влюбилась в тебя. Она и должна быть такой.

Я провожу рукой по бороде, с подозрением глядя на старшего брата.

— Зачем ты пришел, Дэвис?

Он единственный, кто остался рядом. Уайетт и Форд вернулись на ранчо, чтобы разобраться с лошадьми и конюшней. Дела в полном беспорядке, но я благодарен, что у меня есть братья, которые могут с этим справиться.

— Если ты пришел сказать, что мне пора уйти, то побереги дыхание.

— Разве ты послушаешь? — спрашивает он, приподнимая бровь.

Я хмыкаю.

— Так я и думал. — Он протягивает мне кофе. — Я здесь, чтобы не дать тебе уснуть.

С благодарностью я беру его и пью теплую жидкость одним длинным глотком.

— И футболку свежую принес. — Дэвис бросает пакет на стул. — Мама и папа волнуются.

— Я знаю. — На моем телефоне пятьдесят сообщений, на которые я не ответил. — Я вернусь в страну живых вместе с ней.

— Чарли. — В холодном голосе Дэвиса звучит предупреждение. Он переводит взгляд с меня на Руби. — Я возвращаюсь в Воскрешение. Займусь ранчо. Валиантом.

Я пытаюсь сдержать свой гнев, не желая, чтобы хоть капля моей ярости коснулась Руби.

Мышцы моей челюсти пульсируют. К черту фотографию. Я хочу убить этого ублюдка. Обхватить руками горло Валианта и сжать. Потому что это его вина. Из-за него Руби лежит безжизненная на больничной койке.

— Это моя работа, — рычу я. — Оставь его мне.

— И что ты будешь делать, Чарли? — спокойно спрашивает Дэвис. — Поедешь к нему домой и убьешь парня?

— Эта мысль приходила мне в голову, — говорю я.

— Оставишь Руби?

Я свирепо смотрю на него. Чертов ублюдок разыгрывает эту карту.

Дэвис подходит ближе и сжимает мое плечо.

— Нет. Сосредоточься на своей девочке. Я решу это.

В голове проносится давнее воспоминание о нас с Дэвисом. Мы охотились, и Дэвис шел впереди меня, показывая дорогу. Я споткнулся в густом подлеске. Ружье выстрелило — ужасная ошибка, но я помню тот страшный момент, когда на пути пули оказался мой старший брат. Он поднял меня, стряхнул с моих рук ветки и траву.

— Это останется между нами, — сказал он. — Маме и папе не нужно знать. — Его голос был тихим и серьезным для десятилетнего ребенка. — Я рядом, Чарли.

— Я чуть не застрелил тебя, — выдохнул я. Я упал на колени, и слезы потекли по моему лицу. Я был еще ребенком, но понял, что чуть не убил своего брата.

Это был несчастный случай.

Но он простил меня.

Он защитил меня.

И он до сих пор это делает.

Я делаю глубокий вдох, принимая все как есть, благодарный за то, что брат меня прикрывает.

— Фотография у тебя?

— Да, — говорит Дэвис. — Но если мы выложим ее... может последовать возмездие. Мы не знаем.

— Мне плевать, — огрызаюсь я. — Выложи ее, надо наказать Валианта. Пусть все увидят, какое дерьмо он устроил. Пусть узнают, что он сделал с Руби.

Лицо Дэвиса смягчается, он пристально смотрит на Руби.

— Это ради нее.

Я киваю.

— Спасибо тебе, — говорю я брату. — За то, что не сдался. За то, что помог вернуть ее.

Взгляд карих глаз Дэвиса встречается с моим.

— Я должен был. Я знаю, что бы это значило, Чарли.

У меня сжимается горло, когда я смотрю, как Дэвис идет к двери. Он останавливается в проеме, его широкая спина напряжена, рука тянется, чтобы потереть плечо.

— Твой шрам болит? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит он, и в его низком голосе звучит стальная решимость. — Просто напоминаю себе, кто я такой.

Я хмурюсь.

— Дэвис...

— Не беспокойся обо мне. С Валиантом я разберусь.

Я выдерживаю суровый взгляд своего старшего брата.

— Разрушь его гребаную жизнь, — говорю я ему, а затем возвращаюсь к своей девочке.

Руби

От тени к свету. Все смешалось, как будто я плыву через болото, чтобы вынырнуть на поверхность океана.

Но как бы я ни была дезориентирована, моим ногам тепло. Меня укрывает тонкое одеяло, накинутое на мое тело.

Я испытываю усталость. В ушах звучат далекие звуки аппаратов, а в груди я чувствую странное стеснение. Я чувствую себя так, словно меня сбил грузовик. Или очень, очень сильный удар кулаком.

Моргнув, я поворачиваю голову на подушке. При виде Чарли в моей груди разливается радость. Мой ковбой придвинул стул вплотную к моей кровати, его сапоги стоят на металлической подножке. Он укрыт слишком маленьким одеялом.

— Чарли. — Хрипло шепчу я. Слова застревают в моем пересохшем горле, но каким-то образом он слышит меня и шевелится.

А затем вскакивает со стула так быстро, что сотрясает мою больничную койку.

— Руби, — хрипло произносит он. Дикие и затравленные голубые глаза встречаются с моими, но он не подходит ко мне, чего мне бы очень хотелось.

Он стоит там, тяжело дыша, его грудь вздымается. Он не сводит с меня пристального взгляда, и в нем столько горя. Столько страха, боли и отчаяния, что я чувствую все это.

И я помню.

Все.

Пожар, Уинслоу, адреналин, боль, дождь, падающий с неба.

Мою маму.

Как я умирала с именем Чарли на губах.

Я умерла.

Я прижимаю дрожащую руку к груди. Сердцебиение нормальное.

Я выжила.

Я жива.

Я смотрю на Чарли. Его окружает печаль. Та самая печаль, которую я почувствовала на ранчо в самом начале. Он так не похож на того мужчину, которого я знаю сейчас, на задумчивого владельца ранчо, с которым я впервые встретила в том баре. У него измученный взгляд, растрепанная борода, напряженные мышцы. Мой ковбой не в себе. Похоже, что он не спал несколько дней.

С трубками и проводами, обмотанными вокруг запястья, я протягиваю дрожащую руку, словно успокаивая медведя.

Он вздрагивает.

— Чарли? — тихо, обеспокоенно говорю я. — Иди сюда, ковбой.

Его глаза вспыхивают от моих слов, а затем его лицо искажается, отражая тысячу эмоций, которым я не могу дать названия. С диким ревом он бросается ко мне, возвышаясь над больничной койкой.

Он садится на край моей кровати, рядом с моими бедрами, и нежно прижимает меня к своему огромному телу. Его руки окружают меня, как дом, которым они всегда были.

— Ты вернулась ко мне, — отчаянно бормочет он. Его глубокий, рокошующий голос звучит как рай для моих ушей. — Руби. Слава Богу, слава Богу. Ты жива. — Он целует меня в щеку, в шею, крепко прижимая к себе, словно мы связаны сердцами.

Облегчение в его глазах, его неистовые прикосновения разрушают мой контроль.

Я разражаюсь слезами.

— Да, — шепчу я. Я плачу, прижимаясь к его теплой, твердой груди, обнимая его дрожащие плечи. Я благодарна ему за то, что он рядом, за то, что я жива.

Из уст Чарли вырывается всхлип.

— Я люблю тебя, — отрывисто произносит он мне на ухо. — Я чертовски люблю тебя, подсолнух.

С этими словами он целует меня. Нежно, медленно. Я наслаждаюсь ощущением его грубой бороды на своих губах. Он сжимает мое запястье, и мое сердце разрывается. Он не в порядке.

— Почувствуй, — шепчу я ему в губы. — Почувствуй меня. Я в порядке, ковбой. Я жива.

Его тело сотрясает дрожь.

— Руби, — хрипит он, зарываясь лицом в мои волосы и цепляясь за них изо всех сил. Долгое время он не отпускает меня. Он держит меня, убеждаясь, что я здесь, жива и в его объятиях.

Когда мы наконец отстраняемся, Чарли осторожно опускает меня обратно на подушку. Кровать скрипит, когда он нажимает на пульт, чтобы привести ее в сидячее положение.

— Ты помнишь, что произошло? — спрашивает он. Он не сводит с меня обеспокоенных глаз.

— Я умерла, — шепчу я.

Его лицо искажается. Дыхание превращается в резкий выдох.

— Руби.

Мои глаза расширяются.

— Лошади...

— Все в порядке. — Он сжимает мое запястье, его пальцы отслеживают мой пульс.

— Все они, малышка. Они в безопасности. Мы их всех спасли.

Я слабо улыбаюсь, испытывая облегчение.

— Супергерои.

Чарли целует мои руки.

— Они в безопасности благодаря тебе. Из-за того, что ты сделала.

— Как долго я здесь нахожусь? — Я смотрю на кардиомонитор, который выдает ровный ритм.

— Девять дней.

Я ахаю.

Его кадык дергается.

— Я с ума сходил, пока ждал, когда ты очнешься.

А потом я снова задыхаюсь.

Потому что в этот момент я вижу их.

Цветы.

Повсюду.

Вазы и вазочки с яркими цветами, стеблями и трепещущими лепестками. Астры, гортензии, пионы. Все свободное пространство уставлено цветами. И самое прекрасное зрелище — подсолнухи. Сюда привезли мои подсолнухи из домика Чарли.

Мое сердце словно парит в небесах от счастья.

— Чарли, — вздыхаю я, мой голос дрожит. — Ты сделал это?

— Я обещал, что теперь у тебя будут только подсолнечные дни, — ворчит он, протягивая руку и касаясь моей щеки.

От его слов у меня перехватывает дыхание. Честный, грубоватый и искренний. Мой. Чистая радость захлестывает меня, и я тянусь к нему, но это движение заставляет меня вскрикнуть от боли.

— Осторожно, — рычит он, тут же останавливая меня, положив любящие руки мне на плечи. — Хватит, малышка. — Он укладывает меня на мягкую подушку.

Я прижимаю руку, нащупывая повязку, и откидываю голову назад. Выдыхаю через боль.

— Больно.

Чарли сжимает челюсти. С затравленным взглядом он говорит:

— Я сломал тебе ребро.

Приходит осознание. Я замираю, забыв, как дышать. Мои глаза становятся огромными, как блюдца, когда я поднимаю на него взгляд.

— Ты спас меня, — шепчу я.

Его глаза вспыхивают от моих слов, и он тяжело вздыхает.

— Ты меня спасла, подсолнух. Черт, я собирался последовать за тобой, если бы не смог вернуть тебя.

Я качаю головой, эта мысль слишком ужасна, чтобы даже думать о ней.

— Не говори так, Чарли.

— Это правда, — хрипло отвечает он.

Я прикрываю рот рукой, не в силах вымолвить ни слова. Я ошеломлена тем, что он сделал. Как получилось, что этот человек никогда не отказывался от меня? Как он снова и снова завладевает моим сердцем, словно в первый раз? От нахлынувших эмоций на глаза наворачиваются слезы.

— Поцелуй меня, ковбой.

Он делает это, мягко, нежно. Его грубая рука скользит вверх и обхватывает мое горло. От его прикосновения мое сердцебиение учащается, а мониторы дико пищат.

Он перестает меня целовать и замирает.

— Все в порядке, Чарли. — Шепчу я, касаясь губами его бороды. — Еще раз. Поцелуй меня еще раз.

Он обхватывает мое лицо ладонями, не сводя с меня горящего взгляда. Его язык ласкает мой, и все внутри меня согревается от солнечного света, а его мозолистые пальцы нащупывают пульс на моей шее.

— Я люблю тебя, Руби, — говорит он, отстраняясь. Затем он прижимает мою руку к своему сердцу, и его пронзительные голубые глаза смотрят в мои. — С этого удара сердца и до последнего я твой.

Серьезность на его красивом лице заставляет меня снова и снова терять самообладание. Я всхлипываю и закрываю лицо руками. Чарли заключает меня в объятия.

Мы сидим в тишине. И эта тишина говорит обо всем. Я слышу это в гулком дыхании Чарли. Чувствую в его поцелуе. О наших страхах. Нашем прошлом. Нашем будущем.

Я снова начинаю плакать, но улыбаюсь сквозь слезы, потому что я знаю, что у нас есть, и я знаю, кто мы такие.

Нам повезло. У нас самые счастливые сердца на свете.

Руби

— Ты в порядке? — спрашивает Чарли, помогая мне выбраться из своего грузовика.

— Я в порядке. — Я одариваю его яркой улыбкой. — Я готова.

Так готова.

Долгую секунду я стою на его гравийной дорожке, прижав руки к груди. От вида ранчо, его дома у меня на глаза наворачиваются слезы. Солнечный свет заливает пастбище, но воздух прохладнее, чем в июне, когда я только приехала сюда. Закрыв глаза, я вдыхаю. Я впитываю его. Я позволяю солнечному свету омыть мою кожу. После столь долгого пребывания в больнице даже просто стоять на своих ногах — это рай.

Я чувствую себя заново рожденной.

Воскресшей.

Дома.

Я дома.

— Подсолнух?

Я поднимаю глаза на Чарли. Его пристальный взгляд не отрывается от моего лица.

— Да, ковбой?

— Давай, малышка. Зайдем внутрь.

Он протягивает мне руку, и я беру ее. Медленно, бок о бок, мы поднимаемся по крыльцу к входной двери его дома. Как только мы заходим на кухню, раздаются радостные возгласы. У меня перехватывает дыхание.

— Вон отсюда, — ругается Чарли.

— Ш-ш-ш, — хихикаю я, шлепая его по бицепсу.

Все в сборе. Фэллон и Сид с пирогами из «Магазина на углу» и пивом из «Пустого места». Мой отец и брат, их чемоданы собраны и готовы к отправлению в аэропорт. Тина и шеф-повар Сайлас. И, конечно, братья Чарли. Они разливают виски и кофе в пластиковые стаканчики.

Мои цветы из больницы все здесь. Они стоят на кухонной стойке, на холодильнике, в прихожей. Маргаритки, подсолнухи, пионы, фиалки.

На душе у меня так воздушно, так легко.

Моя семья.

Мои любимые стороны жизни, ладящие друг с другом.

Чарли смотрит на неожиданных незваных гостей с таким видом, будто хочет дать им пинка под зад. Он не спускает с меня глаз с тех пор, как я очнулась.

— Добро пожаловать домой, — говорит Фэллон, обнимая меня. Когда она отстраняется, то хмурится на Чарли. — Расслабься, здоровяк.

Дэвис целует меня в щеку.

— Добро пожаловать домой.

Я краснею.

Уайетт обнимает меня за плечи.

— Ты же знаешь, что теперь ты как призрак, Принцесса.

— Уайетт, — рычит Чарли.

Я кладу ладонь на его рельефную грудь.

— Ты кричишь.

Чарли разочарованно выдыхает и хмурится.

— Я же сказал, никаких вечеринок.

— Это не вечеринка. Это возвращение домой, — возражает Форд, подмигивая мне.

— Ты ведь вернулась, не так ли? Чтобы остаться?

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Да. — Я бросаю взгляд на отца. — Прости, папа.

Гордость в его глазах наполняет мою душу.

— Не стоит. — Он хлопает Чарли по спине. — Я бы сказал тебе позаботиться о ней, но ты уже это делаешь.

На лице Чарли отражаются глубокие эмоции, но он ничего не говорит, только прочищает горло и пожимает руку моему отцу. От этого зрелища мое сердце едва не разрывается. После того как я очнулась, я провела в больнице целую неделю. Мой отец и Чарли провели некоторое время вместе. Отец понял, как сильно Чарли меня любит и оберегает, поэтому ему стало легче меня отпустить.

Отец обращается ко мне.

— Похоже, у тебя здесь по-настоящему бурная жизнь, Руби Джейн.

Я сияю.

— Да, папочка.

От кухонного острова доносится хриплый голоса Стида.

— Принеси Чарли виски. Парню не помешает выпить.

Я смотрю на своего ковбоя. Лицо страдальческое, плечи опущены, Чарли выглядит так, будто присутствие всех желающих в его доме испытывает его терпение.

Погладив меня по спине, Чарли подводит меня к табурету.

— Тебе стоит присесть.

— Я в порядке, — говорю я ему. — Я достаточно насиделась в больнице.

Он не настаивает, но недовольно ворчит и снова становится рядом со мной, скрестив руки на груди и нахмутив брови.

Он злится. *Он* не в порядке.

Я беспокоюсь за него.

Переступив с ноги на ногу, он проводит рукой по волосам.

— Я принесу твои сумки. — Он целует меня в висок, затем разворачивается и выходит из кухни, захлопывая дверь.

Уайетт бросает обеспокоенный взгляд на Дэвиса и идет за ним.

Я прикусываю губу. В больнице всегда царил хаос, поэтому у нас не было возможности поговорить о том, что случилось. А Чарли нужно выговориться. Я вижу, как его разъедает ярость, вижу боль на его лице, когда он смотрит на меня. Я не хочу, чтобы ему было больно. Мне нужна его ворчливая улыбка. Я скучаю по нему.

Брат протягивает мне бутылку воды.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Хорошо.

В течение следующих трех недель мне было предписано соблюдать осторожность. Никаких стрессов. Никаких физических упражнений. Но с каждым днем я становлюсь сильнее. У меня есть лучшие лекарства. Аппараты для контроля работы моего сердца. Все врачи пришли к выводу, что никогда не видели ничего подобного.

Как и я.

Я — чудо.

Я обвожу взглядом хижину, своих друзей и семью и улыбаюсь брату.

— Я выжила, Макс.

В его глазах стоят непролитые слезы.

— Я знаю, что ты выжила. — Он убирает прядь волос с лица и берет меня за руку. — Прости меня за то, что я сказал тебе в тот день по телефону, Рубс. Я слишком старался защитить тебя.

— Ты просто любишь меня, — говорю я с широкой улыбкой.

— Люблю. И он тоже.

Я смотрю куда указал Макс, и мой взгляд падает на массивную фигуру Чарли в дверном проеме, разговаривающего со Стидом.

Макс усмехается.

— Я все еще не считаю, что жизнь — это сказка, но ты, черт возьми, действительно чудо.

Улыбаясь, я встречаюсь взглядом с Чарли. Я делаю движение, чтобы подойти к нему, но поворачиваюсь слишком быстро, и это резкое движение тревожит мое заживающее ребро. Я

пытаюсь сохранить нейтральное выражение лица, но Чарли быстро соображает. Заметив, как я поморщилась, он немедленно прерывает разговор и направляется в мою сторону.

Он подходит ко мне и берет за руку.

— Ты сядешь, — говорит он строгим голосом. — Сейчас.

Макс машет своим пивом.

— Он прав. Давай, Рубс.

Я закатываю глаза, но позволяю им увести меня в гостиную. Два часа спустя, после обеда, состоявшего из яблочного пирога и виски, дом пустеет. Сид и Фэллон уходят, крепко обнявшись со всеми. Тина отвозит моего отца и брата в аэропорт. Остаемся я, Чарли и его братья, сидящие в гостиной.

Я сворачиваюсь калачиком рядом с Чарли и улыбаюсь солнечному свету, проникающему в окна.

— Сегодня был самый лучший день.

Медленно скользя пальцем по моему обнаженному бедру, Чарли целует меня в висок.

— Статус подсолнуха?

— Определенно. — Я обвожу глазами комнату, внутри меня расцветает счастье. — Все, кого я люблю, находятся в одном невозможно маленьком пространстве. Совершенство.

— Будет еще лучше, — ухмыляется Уайетт, закидывая сапог на колено. — Подожди, пока ты не увидишь, что у меня тут. — Он размахивает телефоном и наклоняется над Чарли, чтобы передать его мне.

Я ахаю и резко сажусь.

— Боже мой. Ты использовал фотографию.

На первой странице «Биллингс газетт» фотография Деклана Валианта, которую я сделала, и заголовок: СКАНДАЛ С ЗАСТРОЙЩИКОМ! САБОТАЖ НА РАНЧО! ВАЛИАНТ ПОЙМАН С ПОЛИЧНЫМ!

Широко раскрыв глаза, я смотрю на Чарли.

— Когда ты это сделал?

В комнате повисает неловкое молчание. Я вижу, как Форд и Дэвис молча переглядываются.

Наконец Дэвис подает голос со своего места в кресле.

— Мы выложили его после того, как ты пострадала, — объясняет он. — После этого у Валианта не будет шансов на выборах.

— Что я говорил? — злится Чарли, хватая телефон Уайетта так, будто собирается его раздавить. Гнев ожесточает линию его челюсти. — Никакого стресса.

Уайетт бледнеет.

— Черт. Прости.

— Чарли. — Я кладу руку на его напряженное предплечье. Гнев исходит от него волнами. — Давай прогуляемся.

Его пронзительные голубые глаза смотрят на меня.

— Тебе нужно отдохнуть, — говорит он тяжело выдыхая.

Не обращая внимания на его слова, я встаю. Чарли тут же поднимается на ноги.

— Десять минут, — говорю я ему, и Дэвис кивает в знак согласия.

— Руби.

— Пожалуйста.

Он смотрит на меня, потом кивает, надевая на голову свой «Стетсон».

Мы не говорим о том, куда направляемся, просто идем.

По наитию.

Мы с Чарли останавливаемся на пастбище и смотрим на обугленные останки конюшни. На почерневшей земле пастбища разбросаны обломки, и все еще чувствуется запах дыма. При воспоминании о событиях той ночи и виде пустого поля, где раньше паслись лошади, на глаза наворачиваются горячие слезы.

— Мне очень жаль, что так получилось с конюшней, — шепчу я.

— Мы все восстановим, — хрипло говорит Чарли. — Все можно заменить, Руби. Но тебя — нет.

Я переплетаю свои пальцы с пальцами Чарли. Он тихо рычит и притягивает меня ближе.

— Чарли, — говорю я. — Ты в порядке?

— Я просто... — Плечи напрягаются, потом опускаются, он качает головой.

— Где ты? — Шепчу я ему. Моя рука скользит по его мускулистой спине. — Не отстраняйся от меня. Пожалуйста.

Вздвогнув, он поворачивается, бережно заключая меня в свои объятия.

— Никогда.

Я поднимаю голову и смотрю на него.

— Тогда поговори со мной.

Он вздыхает.

— Я все время вижу это, Руби. — Его грудь опускается, он сдается. Позволяя мне вытянуть из него правду, даже если это причиняет боль. Он указывает на место на пастбище. — Я вижу тебя там. — Его лицо искажается. — Ты была мертва, малышка. Это разрушило меня, я никогда не смогу этого забыть.

— Я знаю, — шепчу я ему. — Я тоже это чувствую.

Станные слова, но Чарли кивает, словно понимает.

Это моя судьба и сердечная боль Чарли.

Жить с этим. Помнить.

Мое воскрешение. Иногда мне кажется, что я все еще помню, как это было. Умереть. Вернуться. Губы Чарли, его пальцы, запутавшиеся в моих волосах, его слезы на моей щеке.

На самом деле это невозможно. Но кажется именно так.

Я бессмертна, потому что Чарли никогда не отпустит меня.

Мой ковбой заново запустил мое сердце и вернул меня к жизни.

Я — человек, которым я хотела быть, сердце, которое я должна была найти в этом огромном мире, голос моей матери. Та ночь — часть меня, и она никогда не отпустит ни одного из нас.

А это значит, что теперь я должна жить. Каждая секунда, проведенная нами с Чарли вместе, бесценна. И мы планируем прожить каждую из этих секунд так, будто она последняя.

— Я в порядке, — говорю я ему. — Я здесь. Жива. Я все еще твоя, Чарли. — Я тянусь к его щеке и провожу рукой по его бороде. Его голубые глаза встречаются с моими. В них светится безграничная любовь. Так много любви. — Просто почувствуй мое сердце, а я почувствую твое, и мы будем знать, что происходит между нами.

Чарли ничего не говорит. Он просто целует меня, его дыхание наполняет мое тело, его губы согревают каждый дюйм моей кожи. Наши сердца бьются в ровном ритме, набирая силу.

Мои губы растягиваются в улыбке, и губы Чарли делают то же самое.

Подстраиваясь под меня.

Я отрываюсь от его поцелуя. Я все еще улыбаюсь.

— Вот, — я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы поймать его хмурую улыбку, — мой ковбой. Мужчина, которого я люблю.

Чарли берет мои пальцы, подносит их к губам и целует каждый. Затем мое запястье. Пульс.

Слезы застилают мне глаза.

Этот мужчина. От него у меня перехватывает дыхание.

— Там, — произносит он и указывает на место, где я умерла. — Мы разобьем сад. Прямо там, малышка. И первое, что мы посадим...

— Что?

Он ухмыляется.

— Подсолнухи.

Эпилог

Чарли ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

— Я иду в воду, Чарли, — говорит мне Руби, танцуя в прибое. Она шевелит бровями.
— Голая.

— Не смей, — рычу я. Я иду по пляжу и останавливаюсь, мои сапоги касаются кромки воды. Ноябрьское солнце опускается за горизонт, золотое сияние поднимается от волн. — Малышка, эта вода чертовски холодная.

— Слишком поздно, ковбой, — игриво поддразнивает она, ее лицо озаряет великолепная улыбка. А потом она с визгом и смехом плюхается в воду.

— Посмотри на меня! — кричит она, воздевая руки к розовому небу. — Я жива!

— Посмотри на себя, — тихо восхищаюсь я. — Жива.

Она жива.

Эта мысль потрясает меня до глубины души.

Мой напев. Мой припев.

Моя чудесная жена.

Все причины, по которым я сейчас, черт возьми, жив, стоят в этом океане.

— Давай, ковбой! — кричит Руби, снимая свой сарафан.

Я успеваю заметить ее грудь, прежде чем она исчезает в очередной волне.

Слава Богу, пляж уединенный.

Я собираюсь стянуть сапоги, но замираю, когда раздается звонок моего телефона.

— Черт побери, — стону я, увидев имя Дэвиса. Меньше всего мне хочется отвечать, но мне нужно с ним поговорить. Последние три дня он не отвечал на мои звонки.

— Как там Калифорния? — спрашивает Дэвис, когда я беру трубку. — Авокадо изменило твой мир?

Я закатываю глаза.

— Придурок, — бормочу я.

Все мои братья безжалостно издевались надо мной за то, что я отправился в Калифорнию, но они понимают, что я должен был это сделать.

Куда бы ни отправилась Руби, я рядом.

Дэвис хихикает.

— Держу пари, пляжная версия Чарли — это нечто особенное.

— Я не смогу долго продержаться без сапог.

— Кстати, поздравляю. — Дэвис продолжает. — Мама говорит об этом так, будто настал конец времен. Ты сбежал и все такое.

— Спасибо. — Я опускаю взгляд на золотое кольцо на левой руке. На прошлой неделе мы с Руби поженились. Это была скромная церемония в здании суда Воскрешения. Уайетт был моим шафером. Мы устроили небольшой банкет в «Неоновом гризли», а на следующий день сели в мой грузовик и уехали в Калифорнию.

Не хотелось терять ни минуты.

Подсолнечные дни до конца наших дней.

Медовый месяц мы проводим в небольшом пляжном домике на калифорнийском побережье. Через две недели Руби пройдет обследование в Стэнфорде. Это задержит нас в Калифорнии до рождества, и в начале следующего года мы вернемся на ранчо, но если есть хоть что-то, что может помочь ее сердцу стать сильнее, я сделаю это.

— Послушай, — говорю я брату тихим голосом. — Я должен сделать это быстро. Я на пляже с Руби, и она вот-вот прыгнет в Тихий океан. — Я не свожу глаз со стройного силуэта Руби, опасаясь, чтобы волны унесут ее от меня. — Валиант. Где он, Дэвис?

Долгое молчание.

— Я не знаю, о чем, черт возьми, ты говоришь.

— Чушь собачья, — рычу я.

Он обнародовал фотографию несколько месяцев назад, вызвав бурю негодования в адрес Валианта. Его кампания, его брак, его карьера были уничтожены. Но на прошлой неделе Валиант не вернулся домой из деловой поездки за город.

Пропал без вести, объявили в новостях.

Я провожу пальцами по волосам.

— Какое у нас правило? Если ты в деле, то и я в деле. Несмотря ни на что.

— Не в этот раз, — ровно говорит Дэвис. — Тебе не нужно знать, брат. Начни свою жизнь с Руби. Забудь об этом. Я тебя прикрою.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь понять, что он мне говорит.

— Наслаждайся отпуском, Чарли, — говорит Дэвис, а у меня в горле стоит ком. — А потом возвращай свою задницу сюда. Прошлый год будет трудно превзойти. Но мы чертовски уверены, что попытаемся.

Я облегченно смеюсь.

— Да.

Мы заканчиваем разговор.

Я бросаю взгляд на воду и замечаю голую задницу моей жены, когда она барахтается в волнах, а затем, отплеываясь, встает, скидывая руки к небу.

А потом я снимаю сапоги, джинсы, рубашку и бросаю их на песок рядом с нашими вещами.

Я иду за ней.

И, черт возьми, всегда буду это делать.

Она улыбается, когда замечает, что я приближаюсь.

— Чертовски холодно, — выдавливаю я.

Руби врзается в меня, и я обхватываю ее за талию.

— Надо же было как-то тебя затащить, — говорит она, ее голубые глаза блестят озорством.

Мои губы встречаются с ее мягкими губами, я вдыхаю ее аромат морской воды и клубники, эти тихие вздохи, которые я чертовски обожаю. Затем моя рука скользит по ее подбородку, позволяя пальцам нащупать пульс на ее шее.

Моя дурная привычка.

Моя зависимость.

Ее сердцебиение.

Я знаю ее сердцебиение так же хорошо, как свое собственное.

Потому что ее сердце бьется для меня так же, как и для нее.

На ранчо я всегда знал, что нельзя приручить дикую природу. Теперь я знаю, что не могу приручить сердце Руби. Все, что я могу сделать, — это любить ее.

— Давай, подсолнух, — говорю я, глядя в ее ярко-голубые глаза. — Мы пропустим закат.

Она наклоняет голову.

— Ты залез в воду, чтобы сказать мне это?

— Я пришел, чтобы поцеловать тебя. А теперь я вытащу тебя, пока ты не замерзла.

Я несу ее на пляж, голую и мокрую. Я поднимаю с песка полотенце и набрасываю ей на плечи, мой взгляд скользит по ее тонкой шее, загорелой груди. Красивая до невозможности.

— Как все прошло? — спрашиваю я.

— Х-холодно, — говорит она, вытирая мокрые волосы и тяжело дыша.

Я убеждаюсь, что она согрелась, вытираюсь и одеваюсь сам, а потом мы устраиваемся на одеяле как раз к заходу солнца. Она сидит у меня на коленях, прислонившись спиной к моей груди.

Я целую ее в висок.

— Вот и все. Последнее, что нужно отметить в твоем списке.

Мы встретили рассвет в Тахо сразу после свадьбы.

На ее лице расцветает яркая улыбка.

— Да. — Она указывает рукой на горизонт. — Это мой калифорнийский закат. И у нас самые лучшие места в мире.

— Шоу специально для тебя, дорогая.

Несколько долгих минут Руби молчит. Затем она выдыхает.

— Это прекрасно.

— Да, — говорю я, устремив свой взгляд на нее.

Солнце скрывается за горизонтом в ярком всплеске пурпурных, оранжевых и розовых цветов, с которыми может соперничать только она.

Ее улыбка гаснет, взгляд устремлен вдаль, на заходящее солнце.

Я хмурюсь, поглаживая рукой ее шелковистые волосы.

— Что случилось? — Вчера вечером она сказала мне, что нервничает из-за клинических испытаний. Несмотря на то, что это не серьезная операция, я в ужасе. Но я отказываюсь волноваться и предаваться печали. Мне хватило этого в прошлой жизни.

Руби закрывает глаза и делает глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Мне кажется, что все кончено, Чарли. — Ее глаза открываются от моего рычания. — Но не в плохом смысле. Я чувствую, что теперь я знаю, кто я. Я решила сделать то, что хотела, и сделала это. — Она гладит меня по щеке, и я замечаю вспышку желтого бриллианта на ее пальце. Я перестарался, но ничего не мог с собой поделать. Он такой же яркий и дерзкий, как сама Руби.

— Я нашла тебя. — Она улыбается, в ее глазах блестят слезы. — Мой ковбой, который кричит.

У меня вырывается громкий смешок. Затем я откашливаюсь и крепко целую ее. Она издает тихий стон, выгибаясь в моих объятиях. Ее губы горячие, сладкие, мягкие.

Когда мы отстраняемся друг от друга, я прижимаю жену к себе, так крепко, что чувствую, как ее сердце бьется рядом с моим, и зарываюсь лицом в ее волосы.

— Господи, я так люблю тебя, — выдыхаю я ей в шею. — Я люблю тебя, подсолнух.

Я никогда не смогу выразить это словами. Они не передают глубину моих чувств. То, что эта дикая, великолепная женщина принесла в мой мир, каждую частичку моего разбитого сердца, которую она собрала воедино своим солнечным сиянием и смехом. Я чертовски благодарен, что в моей жизни есть Руби. И я никогда не отпущу ее.

Мой подсолнух, который всегда будет цвести.

— Я тоже тебя люблю. — Красивые голубые глаза стекленеют от слез, и она прижимается ко мне лбом. — Давай начнем новый список, Чарли. Наш список. Для нашего нового начала. Для нашей жизни и нашего ранчо.

Мои глаза на мгновение закрываются. Проклятье.

Не проходит и дня, чтобы я не был поражен силой моей жены.

— Я хочу все, — говорю я. Я провожу шершавой ладонью по ее руке, наслаждаясь биением ее пульса под кончиками пальцев. Она моя, и она *жива*. — Все причины, по которым я люблю тебя, будут в этом списке. И мы сделаем это вместе, малышка. Мы будем заполнять его, вычеркивать и пополнять до конца наших чертовых дней.

— Да, — говорит она, задыхаясь. Она кивает, кивает и кивает. Ее улыбка озаряет все вокруг. — Да.

Руби

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ

В магазине «Букеты Блум» кипит работа.

На больших встроенных холодильниках мерцают лампочки. Длинный деревянный стол в центре зала уставлен вазами с гортензиями и пурпурными розами. Весеннее солнце освещает выбеленную стену из речного камня. Ковбойские сапоги скрипят по деревянному полу. Я задерживаюсь на секунду, чтобы полюбоваться Чарли, который стоит у прилавка, его пальцы обвязывают шпагатом концы сделанного на заказ букета подсолнухов.

Лучшее зрелище в мире. Мой ковбой.

Среди этого хаоса пронзительные голубые глаза моего мужа находят меня. Он подмигивает мне, и у меня в животе разливается тепло.

Сегодня день открытия магазина «Букеты Блум». Мой маленький цветочный магазин с белыми ставнями стал реальностью. Расположенный в очаровательном здании

бывшей аптеки 1920 года, этот наполненный светом магазин похож на тайный сад на Главной улице.

Чтобы исцелить свое сердце и вернуть ранчо «Беглец» в прежнее состояние после пожара, нам пришлось пройти долгий путь. Потребовалось много восходов и закатов, но мы сделали это. Каким-то образом мы сделали это.

А теперь вся наша семья и друзья помогают мне открыть цветочный магазин и начать работу.

Меня никогда так не любили.

Уайетт поднимает круглую вазу с пионами. Кончики его пальцев окрасились в ярко-розовый цвет от флористической краски.

— Куда их поставить, принцесса?

Я указываю на другой конец помещения.

— В холодильник.

Жена Дэвиса высовывает свою темноволосую головку из-за стола и берет стеклянную банку, наполненную полевыми цветами.

— Мы принимаем предварительные заказы на это?

Я убираю прядь волос с глаз и прищуриваюсь.

— Теперь да.

Сестра Чарли, Эмми Лу, бежит через весь зал, за ней следует ее муж Джейс. Ее милое личико взволнованно, когда она оглядывает магазин в поисках своих дочерей.

— Боже, куда подевались эти малышки?

— Они у меня, — растягивая слова, произносит Дэвис, перекидывая одну хихикающую девочку через плечо, а другую держа под мышкой, как багет.

День пролетел как один миг. Я подрезаю кончики букета маргариток, одновременно принимая по телефону заказ на тридцать центральных букетов для праздничного ужина в честь Национального финала родео.

Туристы с Главной улицы заходят посмотреть, что за ажиотаж. Мужья покупают розы для своих жен. Местные жители заходят и делают заказы. Я распаковываю коробку с вазами ручной работы местных мастеров. Мой отец и Макс связываются со мной по FaceTime, и я провожу для них виртуальную экскурсию по магазину. Фэллон раздает цветочные короны каждому новому покупателю. Мы распродаем сначала ранункулюсы, потом лилии.

Наконец, около шести часов, магазин пустеет. Чарли запирает дверь и переворачивает табличку с надписью «закррито». Он хлопает в ладоши, звук громкий и победный, и зал взрывается радостными возгласами.

— Все, закрылись, — объявляет он, но улыбается.

— Ты проделала потрясающую работу, — говорит Фэллон, подходя ко мне. Она прижимает меня к себе, и я крепко обнимаю ее в ответ. Когда я отпускаю ее, она кладет руку мне на плечо, чтобы не упасть. Она все еще не может держать равновесие из-за своей хромоты. Уайетт наблюдает за нами горящим взглядом со своего места в другом конце комнаты.

— Спасибо, — шепчу я, улыбаясь ее словам.

Фэллон ругается.

— Черт. Руби, богом клянусь, если ты заплачешь...

Смеясь сквозь слезы, я осматриваю цветочный магазин.

— Спасибо всем. — Мой голос дрожит, когда я борюсь с эмоциями и прижимаю руки к груди. — Без вас я бы не справилась.

В этой большой, суровой семье часто ворчат и пожимают плечами. К настоящему времени я к этому уже привыкла.

Моя семья.

— Черт возьми, мы еще не закончили. — Услышав низкий рокочущий голос Чарли, я поворачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом. — Я все еще ищу самый яркий цветок в округе.

Мой пульс учащается, а в животе разливается тепло. До сих пор не укладывается в голове, как сильно я его люблю. Какой он красивый, со своей темной бородой и в поношенных синих джинсах. Эти пыльные сапоги, яркая пряжка на ремне и черная футболка только дополняют фантазию.

Мой вечный ковбой.

Влюбиться в него было самым лучшим риском, на который когда-либо шло мое сердце.

Я лучезарно улыбаюсь.

— Я думаю, у нас есть георгины в холодильнике.

— Нет, — отвечает он, опуская свои большие руки мне на плечи и целуя в губы. — Ты, подсолнух, это ты.

— Видишь? Я была права. Цветы нужны всем. — Я хихикаю, наслаждаясь гордостью и любовью в его глазах. — Я думаю, это вычеркивает счастливое число тринадцать из нашего списка дел.

Он запрокидывает мою голову назад, завладевая моими губами. Я прижимаюсь к его мускулистому телу, и он проводит рукой по изгибу моего бедра, чтобы сжать ягодицы. Его взгляд темнеет в той первобытной манере, которую я так люблю.

— Мы еще не закончили праздновать. Еще нет.

— Сначала нам нужно прибраться, — шепчу я, больше всего на свете желая раздеться догола с Чарли в подсобке.

Форд победоносно поднимает метлу.

— Давайте закажем пиццу.

— Пиццу? — Жена Форда внезапно приподнимается на диване. Ее сонные глаза распахиваются. В ее светлых волосах запуталась гипсофила. Я настояла, чтобы у всех, кто сегодня работает, были венки из цветов. — Пожалуйста, давайте закажем пиццу.

Чарли усмехается.

— Накорми свою женщину, Форд.

— Пошел ты, ублюдок, — рычит на него Форд, прежде чем наклониться, чтобы поцеловать жену.

Дэвис достает из холодильника упаковку «Миллер Хай Лайф». Эмми Лу следует за ним с двумя бутылками шампанского в руках, близнецы идут за ней по пятам.

Хлопают пробки. Разливаются напитки. Цветы убирают. Раздается смех. Откуда ни возьмись, возвращаются Форд и Джейс с пиццей. Фэллон бьет Уайетта гвоздикой по лицу, и сразу же начинается перепалка.

Со слезами на глазах я прижимаю руки к своему колотящемуся сердцу. На душе у меня так светло, так воздушно, что я могла бы воспарить в космос.

Это то, что я должна дарить своему сердцу.

Радость, солнечный свет и цветы. Я никогда не надеялась на такое счастье.

Но как я могла сомневаться, что с Чарли у меня будет бы что-то меньшее? Он превратил каждый день нашей совместной жизни в день подсолнуха. Благодаря ему сбываются мои самые смелые мечты.

Взяв меня за руку, мой муж уводит меня от толпы. Не говоря ни слова, я следую за ним, пока он ведет меня по коридору в наш офис. На его лице читается смесь гордости и удивления, когда он смотрит на меня. Я наклоняю голову.

— Что?

— Ты потрясающая. — Он притягивает меня к себе, и я растворяюсь в нем. — Это. Все это. Ты сделала это, малышка.

— Без тебя я бы не справилась. — Я провожу рукой по его теплой широкой груди. — Ничего из этого не стало бы реальностью, если бы не ты, Чарли.

Он сжимает мое запястье своими огрубевшими пальцами. На долгое мгновение воцаряется тишина.

— 120, — недовольно бурчит он.

Я поджимаю губы.

— Ковбой.

Я люблю его за заботу обо мне, за то, что он беспокоится о моем сердце. Когда я просыпаюсь посреди ночи, уютно устроившись рядом с Чарли, его рука всегда лежит на моем сердце. Оберегает меня.

После участия в программе, после катетерной абляции, которая восстановила ритм моего сердца, мои приступы стали редкими. Обычно я теряю сознание всего два раза в год, в слишком стрессовых ситуациях. Все еще есть вероятность, что учащенное сердцебиение вернется, но я проживаю каждый день с благодарностью. Это не значит, что я ничего не боюсь, но я проживаю свою жизнь без страха с тем сердцем, которое у меня есть. Все, что я могу сделать, — это следить за его биением.

Чарли хмурит брови.

— Сегодня было много всего, дорогая.

Встав на цыпочки, я целую его.

— Разве ты не знаешь? Скоро будет еще больше. У нас впереди еще много всего.

Суровое выражение на лице Чарли смягчается.

— Да, — говорит он.

Мы беременны. Только не в традиционном смысле.

Жена брата Чарли предложила стать для нас суррогатной матерью. Подвергать мое тело и сердце родам — это тот риск, на который мы с Чарли не готовы пойти. Это величайший акт бескорыстной любви, величайший подарок, который семья Чарли когда-либо могла нам сделать.

Ухмыляясь, Чарли усаживает меня на край стола. Он целует меня в губы, его колючая борода щекошет мне лицо.

— Мы чертовски заняты, но мы со всем справимся.

Сердце бьется в груди. Я хватаю Чарли за руку и крепко держусь, пока все это не укладывается в голове. Нервы, волнение и предвкушение. Будущее.

Прошрое.

Даже сейчас мои мысли все еще возвращаются туда.

— Ковбой?

— Да, подсолнух?

— Ты все еще думаешь об этом? — шепчу я. — О том дне, когда я умерла?

Он смотрит на меня, его красивое лицо омрачается болью.

— Каждый день, каждую секунду своей жизни я буду помнить этот момент. Я никогда не забуду его, Руби, — говорит он, его голос полон эмоций. Подойдя ближе, он берет мое лицо в ладони. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что было время, когда мне было все равно, что со мной случится. Я просто хотела жить. А теперь... у нас так много всего. — Горячие слезы застилают мне глаза. — Иногда я так боюсь потерять все это.

Он выдыхает, дрожь сотрясает его массивную фигуру.

— Не бойся. Мы нашли путь назад. И теперь ничто не отнимет его у нас. — Зачесав прядь волос с моего лица, он целует меня, а затем говорит: — Это нормально — грустить в счастливые дни, подсолнух.

— Ты прав, — говорю я с мягкой улыбкой. Его слова заставляют меня чувствовать себя так, будто я плыву по течению, но он всегда остается моим якорем. Мое сердце всегда бьется ровно.

В его суровом лице я вижу дом. Уют. Надежду. Бесконечные возможности. По одному удару сердца за раз.

— Тебе страшно? — мягко спрашиваю я, проводя пальцем по его предплечью. — За ребенка?

— Нет, — хрипит он. — Никогда. — Мышцы в его челюсти сжимаются. — Когда родится наша дочь, она озарит мою жизнь точно так же, как ты. Счастьем, о котором я даже не подозревал. — Он наклоняется и смотрит мне в глаза с такой неистовой любовью, что у меня перехватывает дыхание. — Мой подсолнух.

На этот раз слезы льются безжалостно.

И я думаю о том, что расскажу нашей дочери о ее отце. О нашей любви.

Давным-давно жила-была девочка, этой девочкой была я, и у девочки было совершенно несовершенное сердце, и она следила за его биением. А биение было громким, смелым и дерзким, но и она тоже. Потом она встретила ковбоя, который был честным, добрым и красивым. Он

подарил ей подсолнухи, предназначенные только для нее. Он запомнил биение ее сердца, дал ей почувствовать, что она не является чем-то второсортным, и когда он сказал — останься, она ответила — да.

Иногда любовь — это так просто.

Всхлипнув, я обнимаю руками шею Чарли и прижимаю его к себе.

— Спасибо. Благодаря тебе сегодняшний день стал одним из лучших в моей жизни. Ты дал мне все, о чем я когда-либо мечтала.

— И я буду продолжать в том же духе, — говорит он с бесшабашной, обожающей улыбкой, которую я так люблю. Его руки сжимают мою поясницу, покачивая нас из стороны в сторону. — У нас с тобой впереди еще много подсолнечных дней, и они не прекратятся.

Я целую кончик его носа.

— Я люблю нас.

Его темно-синие глаза становятся мягкими, а голос — глубоким рокотом из груди.

— Я люблю тебя, Руби.

Я широко улыбаюсь.

— И я люблю тебя, ковбой. Всем сердцем.